

ЛЕГЕНДА О ДЗИРТЕ

КРАЙ ЛЕДНИКА

КНИГА 2 ПУТЬ ДРОУ

Автор бестселлеров по версии *New York Times*

Р.Э. САЛЬВАТОРЕ

DUNGEONS & DRAGONS®

Есть много вещей, которые Джарлак не знает – удастся ли ему, единственному выжившему в рейде на крепость слаадов, найти путь обратно? Получится ли у него, вопреки всем обстоятельствам, избежать гибели в ледяных пещерах и помочь своим товарищам?

В одном он точно уверен – даже если он вернется, для того, чтобы у Кэтти-Бри, Энтрери и Закнафейна появился хоть один шанс на спасение, нужно найти могучее войско. Едва ли он сможет привести за собой армию эвендроу, поэтому после возвращения ему предстоит собрать отряд воинов, обладающих исключительными навыками и невероятной силой.

Удастся ли ему вернуться домой? Успеет ли он собрать под своим знаменем множество могучих воинов и искусных магов? И, даже если у него это получится, окажется ли этого достаточно? Ведь Джарлак воочию узрел силу слаадов и их ужасающего божества.

Мир пылает огнем. Оказавшись в ледяной ловушке, Джарлак вынужден спешить, чтобы обогнать само время, неся на душе тяжкий груз магической тайны. Он пойдет на всё, чтобы не обрушить мирный город в пучину войны и спасти своих соратников.

И уловок у него в запасе почти не осталось ...

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Перевод: **Аюна Сынгеева**

Редактура: **Алинка Назарова**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Спонсоры:

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через нашу группу Вконтакте (https://vk.com/abeir_toril). Если Вам понравился перевод, просто присоединяйтесь к сообществу и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Присоединяйтесь к нашему сообществу Вконтакте https://vk.com/abeir_toril и регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru – новые книги вас будут ждать только там.

РОБЕРТ САЛЬВАТОРЕ

«КРАЙ ЛЕДНИКА»

Это для всех тех, кто прошел этот долгий и чудесный путь вместе со мной, особенно (конечно) для моей жены Дианы, которая была рядом с самого начала, предоставляя мне поддержку, время и пространство для погони за мечтой. Это путешествие всей моей жизни, и всем, кто разделяет этот путь – семье, друзьям, издателям и, конечно же, читателям – спасибо.

Пролог

Джарлак сидел в темноте, тишине и холоде. Несмотря на защиту от холода из Сапог Зимних Земель, он все равно испытывал дискомфорт. Холод просачивался сквозь защиту, пробирая до костей.

И дело было не в слабеющей магии Плетения, как на вершине ледника Кадижа – здесь просто было слишком холодно.

Он сидел на дне переносной ямы, в десяти футах от замерзшего пола большой комнаты наверху. Ледяной торнадо помешал закрыть дыру и создать настоящее внепространственное измерение. В результате он создал простую яму, едва защищенную и заваленную вращающимися ледяными осколками, – такими же, что поглотили его друзей наверху. Ледяные ловушки направились словно стрелы на тех, кто осмелился войти в покои Повелителя слаадов. Джарлак был совершенно уверен, что выступивший против них монстр, действительно был именно им. Значимость, абсолютная сила существа были неоспоримы. С Кэтти-бри, Закнафейном и Артемисом Энтрери Джарлак собрал внушительный боевой отряд, который, как он ожидал, мог справиться практически с любой ситуацией.

Но этот огромный темный слаад, выглядевший как дым только с плотью и костями, лишь позабавился с ними.

Благодаря яме и волшебной шляпе, которая трансформировалась в гигантский и прочный зонт, Джарлак спасся от заключения или раздавливания.

Все бы хорошо, вот только переносная яма и волшебная шляпа не помогли его друзьям.

Находчивый дроу сделал долгий, глубокий вдох и попытался снова набраться терпения. В пещере сверху было тихо, но он не торопился узнать, ушел ли чудовищный слаад. Прошли долгие часы, прежде чем Джарлак осмелился создать искру света. После того, как зрение приспособилось к внезапной яркости, он выглянул из-под зонта. Он дотронулся рукой глыбы льда, упавшую в яму и прижавшую его. Он предположил, что она не была твердой или, по крайней мере, заполняла не всю дыру, потому что воздух не стал затхлым. Время от времени он даже слышал легкий свист, когда сквозняк проносился по комнате наверху.

Терпение.

Он никуда не спешил.

«Этого не может быть», - повторял он неоднократно, но сердце всякий раз возражало. Его друзья были там, все они, как он полагал, были заключены в лед.

Он надеялся, что они выжили, поскольку видел ранее, как другие жертвы выбирались из замерзших гробниц. Но не мог знать наверняка.

«Терпение», - снова напомнил он, и попытался не представлять Закнафейна, Кэтти-бри и Энтрери в гробницах из сверкающего льда.

Он достал немного еды из поясной сумки.

Хурма.

Хурма с кусочком сыра курит мускусного быка.

Сердце Джарлакса разбилось, когда он подумал о Каллиде – городе, который он оставил позади всего несколько дней назад. Секретное общество было всем, что он надеялся найти, и даже больше. Как ни странно, Каллида избавила его от страха, что поскольку он был дроу, то с ним было что-то не так, что внутри него находится нечто, чему даже он не мог по-настоящему доверять. Вопреки теориям правящих матрон или не-дроу с предубеждениями, Дзирт не был отступником или уникальным явлением среди народа дроу. И Каллида служила тому доказательством.

Причина заключалась в Ллос, а не в дроу. Только в Ллос. Теперь он знал это наверняка. Обманщица, развратительница, тиран, она держала Мензоберранзан в рабстве благодаря карающему фанатизму своих матрон.

И теперь, так скоро покинувший этот величайший и самый славный из городов – Каллиду, – он был здесь, в ледяной ловушке, а три его самых дорогих друга, возможно, лежали мертвыми всего в нескольких ярдах.

Хурма.

Джарлакс снова полез в волшебную сумку за бутылкой Скеллобелльского вина. Он достал кинжал и откупорил пробку, затем отрезал сыр.

Он поднял тост за Каллиду.

А также за Закнафейна, Энтрери и Кэтти-бри.

Он позволил надежде заполнить мысли. Насытившись деликатесами Каллиды, он укрепился в решимости, что это не закончится, не может закончиться так.

Не сейчас.

Терпение.

Дзирт сидел в кресле позади Монастыря Желтой Розы, завернувшись в тяжелое одеяло. Холодный ветер раздувал снежинки и отправлял их в дикий танец.

Он наблюдал за удаляющейся фигурой гроссмейстера Кейна и улыбнулся краем своей трубки, когда старик начал ловить крупные снежинки языком, двигаясь в некотором сочетании танца и погони.

Дзирт понял, что Кейн делал это для него – учитывая дискуссию, которую они только что вели по поводу необычайно ароматной травы в трубке, которую Кейн принес для Дзирта.

Кейн рассказывал о различных способах, которыми люди загоняют себя в ловушку собственного узкого видения, позволяя беспокойству о том, что может или не может случиться, лишать их маленьких радостей жизни.

Например, танца ловли снежинок, учил гроссмейстер.

Он всегда учил.

– Где ты, любовь моя? – спросил Дзирт у ветра. Он сидел в кресле лицом к северу, и его мысленный взор унес его за пределы видения, перенес в места вечного снега и холода. Он почти смог наяву увидеть образ Кэтти-бри, Джарлакса, Энтрери и Закнафейна, которые сидели у пылающего костра, делились историями и смеялись над великим приключением дня.

Вскоре буря в монастыре утихла, скопление облаков на севере расступилась ровно настолько, чтобы Дзирт мог заметить несколько любимых созвездий. Достигнув полной медитации, он позволил своему существу полностью погрузиться в это далекое скопление мерцающих огней.

Он погрузился в медитацию с улыбкой, думая о многочисленных ночах на Пирамиде Кельвина в Долине Ледяного Ветра. Сколько раз он думал, что друг потерян, или его друзья думали, что он потерян? Несомненно, однажды эти опасения подтвердятся.

Несомненно.

Это была реальность, которую все Компаньоны Халла приняли много лет назад, десятилетия назад, целую жизнь назад – в буквальном смысле для остальных четырех членов группы.

Что если теперь она потеряна для него навсегда? Что, если его любимая Кэтти-бри не вернется?

– Тогда я позабочусь о том, чтобы Бри знала свою мать так же хорошо, как если бы Кэтти-бри была с ней каждый день, – поклялся он, и, несмотря на мрачные мысли, от которых он не мог убежать, Дзирт обнаружил, что улыбается, что он доволен и принимает.

– Но она вернется, моя Маленькая Бри, – добавил он, переводя взгляд на огромный монастырь, где крепко спала его маленькая девочка.

Он затаился трубкой, затем вытащил ее изо рта и попытался укусить особенно крупную снежинку, которая зигзагом проплыла перед лицом.

Он не поймал ее.

Дзирт рассмеялся и посмотрел на трубку, которую принес магистр Кейн. У него было мало опыта обращения с подобными предметами, и он не испытывал к ним особой тяги, но эта оказалась довольно успокаивающей – возможно, даже слишком.

«А может быть я и вправду слишком сильно беспокоюсь?» – задался он вопросом. В последнее время, с тех пор как Киммуриэль отбыл домой на запад, он должен был признать, что все сильнее боялся за свою жену.

– Что бы ты сделал, магистр? – спросил он ветер, который снова не ответил.

А может и ответил, потому что Дзирт погрузился в печальную песню и причудливый танец пушистых снежинок. Он был здесь и сейчас, в настоящем моменте, и даже когда он попытался снова сосредоточиться на жене и друзьях, которые ушли на холодный север, он продолжал возвращаться к этому времени и месту.

Именно так, по словам Кейна, и должно быть.

Он будет верить в своих друзей и Кэтти-бри. Он не позволит беспомощному беспокойству помешать насладиться моментом в этих прекрасных горах Галена со своей драгоценной малышкой Бри.

Он не позволит своим страхам отвлечь его от настоящего. Не сейчас.

Терпение.

Несколько младших жриц и волшебников Дома Бэнр собрались на галерее за хоровой ширмой в главной часовне и пели серию тихих и задумчивых медитативных песнопений, и гармоний, которые Ивоннель предоставила Миринеил, дочери верховной матери Квентл и недавно помазанной первой жрице Дома Бэнр.

В темном дальнем углу большого зала Ивоннель позволила звукам унести мысли в место удовлетворения и покоя, место личной свободы от бури забот, бушующей уже несколько месяцев и даже больше, с тех пор как вместе с Квентл она сотворила великую ересь против Паучьей Королевы.

Ивоннель не испытывала сомнений в правильности этого поступка. Паутина, которую она помогла создать, была в высшей степени мощным заклинанием. Более того, творение было хорошим поступком. Тысяча драуков закончили свои мучения, пройдя сквозь магические нити богохульной паутины, снимающие чары и проклятия.

Как Квентл, Зирит и многих других могущественных игроков в игре Мензоберранзана ее беспокоило будущее, а не прошлое. Какие действия они должны предпринять? Был ли это их ход или матроны Жиндии? На стороне какой фракции, ллосской или еретической, было время?

В дарованных иллитидом воспоминаниях Ивоннель Вечной не нашлось подобных прецедентов, в которых ее внучка и тезка могла бы найти руководство. Издалека город казался тихим, но вблизи – в каждом доме, в каждом переулке, в каждой тени – он был на взводе. Очень немногие из могущественных семей собрались здесь. Хотя Ивоннель и многие другие имели представление о том, на какую сторону может перейти матрона Вадалма Тлаббар или Миз'ри Миззрим, никто из них не собирался ставить свое существование под удар потенциального палача, будь то Ллос или Дом Бэнр.

Ивоннель знала, что дома Фей-Бранч и До'Урден были на их стороне, хотя опасалась, что матрона Зирит Ксорларрин До'Урден может оказаться не таким надежным союзником, как предполагалось. С другой стороны, так всегда обстояло с дроу, не так ли?

И разве не это она пыталась изменить?

Дома Баррисон Дель'Армго, Ханцрин, Миззрим и Вандри, вероятно, находились при дворе матроны Жиндии, хотя Жиндия должна сильно опасаться измены Матери Мез'Баррис Армго, потому что, если этот непредсказуемый лидер могущественного дома, второго в городе после Бэнр, откажется от своей преданности в пользу Дома Бэнр, надежды и союзы Жиндии рухнут, и она окажется совсем одна.

Но и это было лишь предположением. Армии дроу поспешно вернулись в Мензоберранзан и забились в свои норы. События на поверхности – великое и

открытое богохульство со стороны самого могущественного дома в городе по отношению к Ллос – вывели всех из равновесия, сбили с толку и напугали.

Все это, конечно же, было на руку Ллос. Ллос привела власть в хаос. Она использовала страх и неуверенность, чтобы потуже затянуть узел на своем народе.

Песня хора успокаивала Ивоннель, напоминая, что Дом Бэнр не сидит сложа руки, что оборона укрепляется, а новоиспеченная сила бывших драуков, Богохульства, уже почти полностью экипирована для войны.

Ивоннель и Квентл сорвали паутину на поверхности. Не было причин еще больше провоцировать зверя, которым была Ллос.

Не сейчас. *Ещё* нет.

Терпение.

Часть 1

Богохульство

Занимаясь самоанализом, я обнаружил, что меня часто волнует понятие восприятия. Будь то политика, религия или взаимоотношения различных культур и существ Фазруна, всегда есть вопрос основных истин, но еще важнее вопрос восприятия этих истин и того, куда они приведут и куда должны привести. Мы - существа, руководствующиеся разумом, фактами и логикой, но мы также являемся существами, руководствующимися эмоциями.

Это бесспорно, но отделить эмоциональное от логического - непростая задача для большинства, в том числе и для меня.

Поэтому я думаю о таких моментах, которые бросают нам вызов. Насколько хуже цена битвы, если в ней погибает тот, кого вы любите? И насколько меньше боль, если все жертвы эмоционально далеки от вас?

Личная цена - не то же самое, что большая цена, ведь если в двух вышеописанных сценариях была убита дюжина, значит, была убита дюжина, и поэтому цену издали следует считать одинаковой. Но мы знаем, что для разных людей это не одно и то же. Когда армия возвращается с залитых кровью полей, новости о битве будут восприняты гораздо более остро и пронзительно в деревне, где погибло много людей, чем в той, где их не было. И это будет ощущаться иначе в большом городе, где погибли солдаты, чем в тех маленьких деревнях.

Хотя, опять же, это зависит от того, какой город и какие люди. Если бы клан Боевого Молота вступил в войну и в победоносном походе погибла дюжина гномов, они бы радовались такому исходу. Да, они отдали бы честь павшим, но с торжественно поднятыми кружками в море ликования. Но если бы одним из павших был король Бренор или одна из королев Мифрил Халла, кружки были бы торжественно подняты в море мрачного одобрения.

Для меня это безумная правда, но это также и неоспоримая истина.

Смешение этих двух часто противоречащих друг другу реальностей - логической и эмоциональной - лежит глубже, чем простое восприятие окружающего мира. Я

пришел к убеждению, что это в значительной степени определяет тип человека. Я неизбежно прихожу к убеждению, что уровень, до которого человек может сопереживать, глядя поверх личного на боль и потери более широкой ситуации, является мерилом его сердца и доброты.

Возможно, единственным.

Я встречал очень много людей, которые не считают что-то тревожным, или угрожающим, или ужасным, и никакие уговоры, объяснения или убедительные доказательства не заставят их отказаться от этой беспристрастной позиции - пока этот человек или кто-то очень близкий ему лично не пострадает от инцидента, нападающего или болезни.

Наблюдая за ростом Артемиса Энтрери, например, я вижу, что он значительно расширил свой круг заботы. Он принял друзей в свою личную группу, и расширение этого круга привело к тому, что он стал видеть боль других людей, даже если эта боль не является для него острой.

Эмпатия.

Так часто я видел отсутствие таковой как у эгоистичных и закрытых сердцем людей, так и, что еще более удивительно, у тех, кто считает себя твердо опирающимся на разум и проверяемые факты. Ведь как легко потеряться в мыслях, в буквальном смысле слова! И в этих потоках сортировки, расчетов и надежд так легко потерять из виду окружающую действительность.

Мы все подвержены этому размыванию реальности, этому затуманиванию физических истин о нас в поисках ясности наших философских глаз.

Точно так же все мы в той или иной степени являемся жертвами своего эгоизма. Временами мы слишком сужаем наше восприятие и забываем истину: если человек находится в другом месте, насколько ясно мы осознаем, что мир в этом другом месте продолжается, даже когда нас там нет? Жизнь продолжается во всех ее сложностях и личных трудностях, боли и радости.

Это существование, ограниченное нашими чувствами, мыслями и физическими слабостями, не является нашим сном, разве что коллективным, что трудно принять, потому что наш собственный опыт настолько уникально личный, и в то же время он универсален.

Бренор часто укоряет меня за то, что я слишком много думаю, и вот я снова виноват. Так легко заблудиться в философии, в тайнах, в вопросах, на которые невозможно ответить, которые всегда где-то там, в мыслях, готовые вырваться наружу всякий раз, когда какое-то событие - смерть любимого человека, близкое столкновение с самим собой - резко напечет о себе. Таков был мой неровный и запутанный путь в течение некоторого времени, особенно с тех пор, как я вернулся после выхода за пределы своего смертного и физического "я" и увидел... возможности.

Ибо там я был потерян.

Потребовался псионик-дроу, человек, которого я едва ли считал другом и никогда не считал более чем союзником, в отношении которого я остаюсь подозрительным и осторожным, чтобы перенастроить мои чувства, вывести меня из оцепенения, вызванного размышлениями о картине моего личного будущего, и напомнить мне, что мир вокруг меня продолжает вращаться.

Воспринимать не только себя. Дальше воспринимать тех, кто находится в моей непосредственной сфере.

Сопереживать более широкому миру.

Дорога, по которой я шел в те годы в Мензоберранзане и из Мензоберранзана, проложила путь для других. Как я освободился от хватки Ллос, как я стал недосыгаем для нее - независимо от того, что она сделала с моим физическим существом, - так и мои сестры и братья дроу могут найти свой путь. И я призван помочь им. Чего бы я ни желал лично - моей любви к Кэтти-бри и нашей дорогой дочери; моей радости, когда я нахожусь с моими друзьями в этих землях, которые мы приручили, и добра, которое мы сделали для окружающих нас людей; простых удовольствий, когда я сижу на задней лужайке монастыря Желтой Розы и позволяю звездам поднять мое настроение до широкой вселенной - мой долг теперь ясен для меня, и ставки не могут быть выше.

Я не могу игнорировать вращающиеся колеса, которые катятся и крутятся вокруг меня. Какими бы ни были мои личные чувства - чувство завершенности, которое я не хочу нарушать, - я должен встряхнуть их и понять, что это особое путешествие в немалой степени начал я, раздул и потянул за собой многих.

Мензоберранзан идет на войну.

Дзирт До'Урден идет на войну.

– Дзирт До'Урден

Глава 1

Твое имя

– Ты каждый раз будешь заикаться, когда собираешься произнести мое имя? – спросила высокая и широкоплечая женщина-дроу у маленького мужчины рядом с ней.

– Это не совсем обычное имя, – ответил тот, кого звали Дайниннэ. – Мал'а'а'восель...

Женщина-воин рассмеялась и покачала головой.

– Что? Я просто с трудом выговариваю символы в имени, – драматично объяснил Дайниннэ. – В те времена язык был другим, да? В прошлом, когда Мензоберранзан и Мал'а'а'а... были молоды?

– Мал'а'восель, – поправила она. – И да, язык был другим, но не настолько. Я считаю, что ты просто глуп, или, что хуже для тебя, ты смеешься надо мной.

– Если мы не найдем повод для смеха после столетий мучений...

– Тысячелетий, – напомнила ему Мал'а'восель. – Я потеряла счет столетиям много веков назад.

Дайниннэ вздрогнул от ее слов. Он служил рабом-драуком в Бездне очень короткое время по сравнению с этой воительницей древности, шагающей вместе с

ним по Браэрину и Улицам Вони в Мензоберранзане. За долгие годы Дайниннэ так и не привык к мучениям драука – постоянной боли, постоянному унижению, постоянному напоминанию каждым встречным демоном, что он урод, низший. Отказ терпеть оскорбления или пытки, приводили к еще большим мучениям, а в Бездне ужасный колодец боли, как эмоциональной, так и физической, был бездонным.

Нет, последний день, когда Дайниннэ служил драуком, был не более терпимым, чем первый, ничуть не лучше.

Раны, полученные от пребывания в таком ужасном состоянии, не могли зажить со временем, потому что им никогда не давали возможности затянуться.

Обдумывая эту горькую правду, Дайниннэ посмотрел на гордую воительницу с еще большим уважением. Столетие сломило его, но она пережила по крайней мере двадцать из них – возможно, тридцать или сорок!

– Ты уверен, что ты не просто глуп? – спросила дроу из другой эпохи.

– Когда я оглядываюсь на свою жизнь, то совсем не уверен в этом, – признался он.

Мал'а'восель остановилась. Через несколько шагов Дайниннэ обернулся и обнаружил, что она пристально смотрит на него.

– Кто ты?

Дайниннэ беспомощно поднял руки, словно на этот вопрос не было другого ответа, кроме того, который он уже дал.

– Дайниннэ? – спросила она.

– Да.

– Какой Дайниннэ? Дроу обычно гордятся своими фамилиями. Я – Мал'а'восель Амвас Тол. Несмотря на то, что мой Дом разрушен, несмотря на то, что выбор моей Матери стоил мне... всего, я остаюсь Мал'а'восель Амвас Тол.

– А я остаюсь Дайниннэ.

– Каким Дайниннэ?

– Дайниннэ с улиц Вони, полагаю.

– Я тебе не верю. Знаешь, почему я попросила тебя сопровождать меня сегодня из Дома Бэнр?

– Полагаю, из-за моей привлекательной внешности.

В ответ Мал'а'восель фыркнула.

– Среди богохульников имя «Дайниннэ» произносится с уважением, – призналась она. – Не совсем почтительно, но с настоящим уважением.

Дайниннэ поклонился.

– Полагаю, из-за моей привлекательной внешности.

– Из-за твоей скорости и умения обращаться с клинками.

– Сомневаюсь, что я долго продержусь в бою с Мал'а'восель Амвас Тол.

– Ты умрешь раньше, чем поймешь, что бой начался.

– Значит те, кто высоко меня оценивают, сильно ошибаются.

– Нет, Дайниннэ, – Мал'а'восель, качая головой, произнесла его имя растягивая по слогам, словно продолжала подозревать, что это не его истинная личность – или, по крайней мере, не вся. – Дроу изменились, как и боевые приемы. В мое время женщины, обычно более крупные и сильные, чем мужчины, являлись величайшими воинами дроу. Мы были быстры с клинками, но что важнее, достаточно сильны,

чтобы пробивать доспехи врагов. Теперь мужчины преобладают в рядах воинов, в то время как женщины порхают вокруг паучьей ведьмы в трепетном почтении. Техника боя воинов-дроу изменилась, это очевидно из нашего обучения у Бэнров.

– Я был в Бездне Ллос не так долго, как ты и те, кому ты больше всего доверяешь, – напомнил ей Дайниннэ. – Я сражаюсь в стиле, который больше соответствует желаниям инструкторов Бэнр. В Мили-Матгире обучают именно этой технике, я наблюдал за боевыми приемами и научился подражать.

– То же самое можно сказать и о других богохульниках, и действительно, большинство из них обучались в Мили-Матгире. Однако среди них всех Дайниннэ выделяется как самый грозный. Вот почему я попросила тебя сопровождать меня сегодня и, вероятно попрошу во многие следующие дни.

– Я польщен, – сказал он очередным поклоном. – И я все еще не хочу сражаться с тобой.

– Ах да, но, возможно, ты будешь со мной тренироваться. Боюсь, враги, с которыми я столкнусь, найдут лазейки, и, хотя доспехи Бэнр, которые мне предоставили, действительно хороши, я не хочу испытывать их против меча Меларнов.

– Для меня это будет честью. – Он говорил это не только для того, чтобы польстить дроу, которая видела рождение Мензоберранзана. Мал'а'восель была сильной – она напоминала ему легендарного Утегенталя Армго, и уже начали шептаться, что если Второй Дом встанет на сторону врагов Бэнр, то однажды ей предстоит выйти на кровавый поединок против нынешнего Мастера Оружия Дома Барризон Дель'Армго, Малагдорла, который был обучен технике боя Утегенталя (и действительно носил вооружение этого легендарного воина). Мал'а'восель поступила мудро, придя к такому воину, как Дайнин, чтобы научиться приспособливаться к новым техникам боя.

– Достаточно польщен, чтобы назвать свое имя?

Это не застало его врасплох.

– Дайниннэ, – сказал он без колебаний.

– Какой Дайниннэ? Дайниннэ из какого Дома?

– Никакого.

– Дайниннэ, который учился сражаться на отбросах с улиц Вони? – с сомнением ответила она. – Ты самоучка, и все же искуснее тех богохульников, которые тоже умерли не больше века или двух? К тому же те молодые драуки, почти все были благородного происхождения. С самого основания Мензоберранзана редко встречались драуки родившиеся бездомными дроу, ибо почему Ллос или Мать Дома так озаботились мучить простолюдина?

– Это мне неизвестно.

– Ах да, но еще реже случается, что простолюдин более искусно обращается с клинком, чем воин, прошедший обучение в Мили-Матгире и наверняка продолживший обучение у искусного Мастера Оружия.

– Все же не такая редкость, как женщина по имени Мал'а'восель, – съязвил Дайнин. – И все же ты здесь.

Высокая женщина широко улыбнулась.

– Воселли, – сказала она.

– Что это значит?

– Это значит, что ты можешь называть меня Воселли. Так меня называли в те давние дни, до того, как я навлекла на себя гнев Матери.

– Я думал, твое прозвище Малфуш.

Крупная женщина напряглась, и на мгновение Дайнин показалось, что она ударит его.

– Это прозвище меня в обличье драука, – сказала она, успокаиваясь. – Демоны Бездны придумали его, чтобы поиздеваться надо мной. Ты же не хочешь поиздеваться надо мной, Дайниннэ?

– Конечно, нет, – быстро ответил Дайниннэ. – Мал'а'а'а? – поддразнил он Воселли.

Дайниннэ затаил дыхание, но женщина от души рассмеялась.

– Это было дружеская шутка, я не хотел издеваться... – заикаясь, произнес мужчина.

– Если бы я подумала, что издеваешься, то убила бы тебя. Я принимаю твою шутку. Но никогда не называй меня Малфуш. Я больше не чудовище. Я разрешаю называть себя Воселли своим друзьям.

– Значит, мы друзья.

– Друзья, пока я не узнаю, что ты мне лжешь.

Дайнин ответил усмешкой и покачал головой, и мог только надеяться, что достаточно хорошо отвел подозрения.

Къернилл Кенафин-Меларн глубоко вздохнула и попыталась успокоиться, когда занавески в личных покоях затрепетали от легкого ветерка. Когда они вернулись на место, она не удивилась, увидев полупрозрачный дух молодой и чрезвычайно красивой жрицы с лавандовыми глазами.

– *Что ты узнала?* – услышала она в сознании.

Къернилл знала, что ей не нужно отвечать вслух. Она могла чувствовать незваного гостя в своих мыслях.

– *Три ночи... Дом До'Урден... небольшая, но грозная сила, чтобы проверить оборону.*

– *Что, если они обнаружат слабость?* – потребовал незванный гость.

– *Мать Зирит падет.*

– *Три ночи?*

– *Когда свет Нарбондель угаснет в третий раз.*

Дух кивнул и одарил Къернилл улыбкой, которая показалась ей тревожной, поскольку исходила от существа, больше похожего на призрака, чем на жрицу-дроу.

– *Ты будешь там?*

Къернилл покачала головой, но выражение лица выдавало неуверенность.

– *Если да, то поспеши спрятаться,* – предупредил призрак.

Занавески снова затрепетали. Факел на стене неподалеку замерцал и чуть не погас.

Призрачный незванный гость исчез из комнаты и ее разума.

Къернилл выдохнула и села на край кровати. Ей никогда не нравились игры в интриги, потому что знала, что не очень хороша в них. Обычно она выбирала более пассивный путь, предоставляя другим участвовать в часто фатальной игре. Как тогда, когда ее Дом, Дом Кенафин, объединился с Домом Хорлбар, образовав Дом Меларн. Къернилл могла бы побороться за титул Матери Меларн и, скорее всего, получила бы его. Но она уступила его Жиндии Хорлбар, ожидая, что Жиндия будет убита в последующем хаосе.

Этого не произошло, и по мере того, как годы сменялись десятилетиями, десятилетия столетиями, надежды Къернилл когда-нибудь снова стать Матерью Дома также таяли. Она все еще была Первой Жрицей, формально считавшейся второй после Матери.

Но она знала лучше. Мать Жиндия не позволит ей возвыситься, особенно сейчас. Возможно, то была трусость, или простой просчет, но Къернилл яснее, чем когда-либо прежде, осознала, что упустила свою самую лучшую и, несомненно, самую безопасную возможность.

Они вошли в широкий переулок. Некоторые таверны и бордели были отдельно стоящими зданиями, другие вырезаны в сталагмитах, а третьи представляли собой не более чем занавески из ткани, едва скрывающие движения внутри.

Дайниннэ знал это место с тех времен, когда его звали Дайнином, вторым сыном Дома До'Урден.

Он часто приходил сюда играть, рисковать, сражаться – что угодно, лишь бы нарушить монотонность своего существования в качестве младшего аристократа при дворе Матери Мэлис. Сейчас Браэрин показался ему намного спокойнее. Сначала он решил, что это связано с недавними событиями – походом на поверхность, назревающими неприятностями и войной с ордами демонов, которая велась в Мензоберранзане всего несколько лет назад, – но по мере того, как он и Воселли продолжали прогулку, он понял, что дело совсем не в этом.

Полки были забиты, в конце каждой стойки громоздились горы грязных стаканов.

Это означало, что кризиса не было. Нет, в *этот* день, в *этот* момент проспект был странно пуст.

Он действительно видел нескольких посетителей и потенциальных клиентов. Некоторые облокотились на стойку бара, некоторые стояли с проститутками, словно заключали сделку, парочка бросала кости в маленьком закоулке между двумя сталагмитами, которые составляли единственную таверну. Но все они были настолько неестественны, что он не посчитал их типичными обитатели Вонючих улиц. Он поискал знаки отличия и по едва заметным признакам их доспехов и оружия понял, что они вовсе не были угнетенными жителями Мензоберранзана.

Он также не увидел ни опознавательных знаков Домов, ни эмблем, ни гербов. И от этого становилось только хуже.

– Готова? – прошептал он своей спутнице.

– Конечно. Ты тоже это видишь?

– Я насчитал шесть.

– По крайней мере, восемь.
– Ах да, мое любимое число, по крайней мере, так мне сказали, когда я родился, – ответил Дайниннэ.

– Не падай духом, у нас есть друзья, – сказал ему Воселли. – Нам нужно продержаться совсем недолго.

– Если только у них тоже нет друзей поблизости.

Воселли остановилась и, слегка обернувшись, с ухмылкой посмотрела на него. Когда она собиралась что-то сказать, Дайниннэ собирался что-то крикнуть. Но она внезапно развернулась, заноса свой трезубец и опуская вниз с большой силой, и отбила направленный ей в спину меч. Нападавший потерял равновесие и упал вперед ровно настолько, чтобы Воселли смогла развернуть плечи и нанести сокрушительный удар правой, который попал мужчине в лицо и с силой откинул его голову назад.

Он потерял сознание еще до того, как упал на землю.

Дайниннэ следил за каждым движением, за замахом и за тем, как красиво Воселли откинула левое плечо назад, по сути, «выбросив» правую руку левым плечом, в результате чего получился такой длинный и поистине сокрушительный удар.

Он молча напомнил себе никогда не злить эту женщину, но это было все время, которое у него было, поскольку драка теперь стремительно надвигалась к нему в виде пары молодых людей или, что более важно, в виде сомкнутого шквала из четырех размахивающих и колющих мечей.

Он выхватил оружие настолько быстро, что мечи Дайниннэ, казалось, просто появились у него в руках. Он достал оружие и нанес удар одним движением, как учил Закнафейн. Его противник справа развернулся и ударил мечом поперек, чтобы отразить удар, но другой не ожидал внезапной атаки и поймал левый клинок Дайниннэ. Острие попало прямо в краешек нагрудника, где скользнуло вверх и вонзилось в горло.

Дайниннэ обезглавил бы его, но второй нападавший уже наносил следующий удар блокирующим мечом, вынуждая Дайниннэ отступить и быстро развернуться, чтобы перехватить его левым клинком.

По крайней мере, он временно выбил из боя одного, который задыхаясь, споткнулся и упал в сторону. Впрочем, на его месте появился следующий враг и яростно бросился в атаку, заставляя Дайниннэ снова встать в оборону, бешено работая двумя мечами, чтобы удержать на расстоянии четыре колющих лезвия.

«Работай в ритме», – мысленно сказал он себе.

Литания Закнафейна.

Работай в ритме, попади в поток битвы, изучи склонности своих противников. Так Дайниннэ и поступил, и был вполне доволен собой, поскольку удерживал позицию, предвосхищая атаки, отклоняя или парируя. Иногда он даже делал ответный выпад или уклонялся простым поворотом. После всех этих лет в качестве драука он все еще соответствовал тренировкам Закнафейна и тем комплиментам, которые недавно сделала ему Воселли.

Он вышел из этого ритма и уверенности, когда почувствовал, как что-то тяжелое приближается к голове сзади.

Рефлекторно он просто подогнул ноги и опустился на колени, также втягивая подбородок для подстраховки.

Но снаряд – еще один вражеский воин-дроу – пронесся над ним, налетев на двух нападавших, которые изо всех сил старались не поранить своего бедного размахивающего руками товарища при столкновении.

Бросив быстрый оценивающий взгляд на смеющуюся Воселли, Дайниннэ вскочил и бросился вперед. Он нанес удар поверженному дроу первым, прямо в почку, и когда тот скорчился от боли, Дайниннэ перехватил инициативу. Он перескочил через поверженного и ловкой серией ударов левой рукой изнутри наружу оттеснил двух оставшихся нападавших. Он перемещал руку ближе к правому бедру и начиная атаки оттуда, чтобы заставить спотыкающегося, потерявшего равновесие противника двигаться шире.

Последний удар заставил дроу справа отскочить на три шага назад, и Дайниннэ полностью повернулся к нему и вскинул клинки, словно желая просто разрубить противника.

Вот только нет, Дайниннэ сразу рванулся назад, быстро уходя влево, туда, где другой дроу атаковал, очевидно, полагая, что Дайниннэ полностью переключился на правого. Нападавший принял атаковую стойку – один клинок высоко поднят, другой слишком далеко выдвинут вперед.

Дайниннэ легко обошел кончик этого клинка и высоко поднял левую руку, чтобы перехватить удар поднятого меча дроу.

Они не были бездомными бродягами. Они носили прекрасные доспехи. Но Дайниннэ владел мечами Бэнр, и поскольку оба бойца стремительно сближались, прекрасный нагрудник едва остановил удар правого клинка Дайниннэ.

Он резко остановился, странно изогнувшись.

Дайниннэ отступил назад, опустил левое плечо, чтобы свободным мечом сильно рубануть позади себя, чтобы сдержать натиск оставшегося бойца. Одновременно правой ногой он уперся в грудь пронзенного дроу и сильно оттолкнулся, сделал кувырок и отбросил смертельно раненного нападавшего назад и опрокинул первого поверженного воина.

Вспышка справа заставила Дайниннэ вскинуть меч, и как раз вовремя, чтобы отразить стрелу из ручного арбалета.

Оглядевшись по сторонам, он увидел, что дроу наводняют улицу, и сначала подумал, что против него и Воселли выступила целая армия.

Но нет, большинство из них были воинами богохульства, бывшими драуками, понял он. Он взглянул на улыбающуюся Воселли.

– Они следили за нами? – спросил он.

– Я говорила тебе, что у нас есть друзья, – ответила она.

– Ты не говорила, что они будут следить за нами.

Воительница пожала плечами.

– Возможно, я хотела проверить то, что ты мне сказал. И, как я надеялась, оно оказалось правдой.

– Что я могу сражаться?

– Да, и, возможно, ты скоро обрешь доверие ко мне, чтобы рассказать правду о Дайниннэ. Ты не простолюдин. Ты не самоучка в боевых искусствах. Ты обучался в Академии и проходил обучение у Мастера Оружия.

Она замолчала, когда подошла другая крупная женщина-дроу, соратница воительницы Богохульства, которая провела тысячелетия в Бездне Ллос с ее демонами.

– Что ты узнала, Алеандра? – спросила Воселли.

– Засада убегает.

– Отпусти их.

Она кивнула.

– Да, я уже отдала приказ. Но есть еще кое-что. Жрица Дома Ханцрин хочет забрать павших и позаботиться о них, чтобы они не умерли.

– Почему ее это волнует? Разве эти убийцы из Дома Ханцрин?

– Нет.

– Тогда?

– Она не сказала, но я предполагаю, что, конечно же, из Дома Меларн.

– Значит, Дом Ханцрин пытается сыграть здесь роль посредника и избежать войны, – рассудила Воселли. Она оглядела пятерых павших из засады, из которых только один, пронзенный Дайниннэ, оказывался в смертельной опасности.

– Пусть она придет и вылечит этого, – решила Воселли. – И пусть делает с ним все, что захочет. Остальные идут с нами обратно в Дом Бэнр. Я бы не стала превышать здесь наши полномочия. Пусть Верховная Мать Квентл Бэнр решит их судьбу.

Алеандра бросилась прочь и начала раздавать приказы, в то время как Воселли повела Дайниннэ обратно тем же путем, которым они пришли.

– Это была моя жертва, – обратился он к ней, когда они тронулись в путь. – Ты не подумала, что судьбу павшего воина должен решить я?

– Нет, – просто ответила она. – Когда-то я была Мастером Оружия Первого Дома Мензоберранзана. Ты всего лишь простолюдин, как ты говоришь. Почему меня должно волновать твое мнение?

Дайниннэ остановился и пропустил ее на несколько шагов вперед, и стоял, уперев руки в бока, пока она не обернулась.

– Ты хочешь поиграть в те же игры, которые в прошлом решали наши судьбы? – спросил он.

– Твои слова имеют последствия. Когда я смогу доверять тебе, я буду уважать твое мнение.

– Потому что ты думаешь, что я аристократ?

– Потому что ты не будешь лгать мне. Не пойми меня неправильно, воин. Я так же, как и ты, боюсь за нашу позицию в этой борьбе и за наше будущее, если оно у нас вообще есть. Мы богохульники, так они решили. Мы – ударные солдаты верховной Матери Бэнр, ее пушечное мясо. Она, без сомнения, бросит нас против своих врагов и не прольет ни слезинки, если нас разорвут на части.

– Или Ллос раскроет свою шутку и вернет нас в состояние чудовищ, – ответил Дайниннэ, признав свой глубочайший страх.

– Я думала об этом. И именно поэтому я намерена объединить богохульников под своим началом. Здесь или в Бездне, мы стоим вместе или нас ждут муки – или, если повезет, настоящая смерть. Но мне нравятся люди, которые говорят правду, Дайниннэ.

Она практически выплюнула его прозвище.

Он не хотел обманывать Воселли. Он действительно не хотел переходить дорогу Верховной Матери Бэнр. И больше всего он не хотел становиться пешкой в грандиозных интригах демонической Паучьей Королевы.

Но, в конце концов, он был из дома До'Урден, старшим сыном Дайнином До'Урденем, и в это самое запутанное и опасное время он просто не мог понять, какую роль сыграет эта правда.

Чувства Ивоннель вернулись в ее тело в тихой комнате для медитации Дома Бэнр. Снова став целой, телом и духом, первым делом она инстинктивно смахнула похожие на кальмаров щупальца, которые обвились вокруг головы, затем откинула свои длинные белые волосы с лица и несколько раз потерла его, как будто пытаясь еще больше избавиться от жуткого прикосновения иллитида, который сидел перед ней.

– Я должен быть оскорблен, жрица? – сказала существо булькающим, водянистым голосом.

– Я удивлена, что ты распознал мои движения.

– Нет. Я почувствовал твое отвращение ко мне.

– Ты должен признать, что вызываешь такое... – сказала Ивоннель, подняв руку и широко улыбнувшись – два жеста, которые, как она знала, будут совершенно непонятны Метилу Эль-Видденвельпу, тому самому пожирателю разума, который внедрил воспоминания Верховной Матери Ивоннель Вечной в ее разум, когда она еще находилась в утробе Минолин Фей.

– Полагаю, ты почувствовал контакт, – сказала Ивоннель.

– Я почувствовал, что ты доверяешь Къернилл Меларн, – ответил иллитид.

– Къернилл Кенафин, – поправила Ивоннель. – Она Меларн только потому, что у нее не было выбора, когда Домам пришлось объединиться в один. Она так и не смирилась с этим, особенно когда Мать Жиндия стала более... ревностной. И особенно сейчас, если то, что мы узнали о рождении этого города, правда.

Ивоннель на мгновение задумалась и почти почувствовала себя виноватой за то, что изначально обратилась к Къернилл днями ранее.

Но лишь на мгновение, поскольку информация о нападении Жиндии будет иметь большое значение для подавления аппетита тех домов, которые думали встать на сторону планируемого Жиндией переворота.

– Низшие существа в гневе часто проявляют храбрость.

От Ивоннель не ускользнуло, что Метил и ее включил в эту группу. Конечно, она пропустила это мимо ушей, поскольку Метил был иллитидом и не мог понять, что оскорбляет, когда, по его мнению, просто говорил правду.

– Къернилл идет по опасному пути. Мать Жиндия не славится милосердием.

Действительно, Мать Жиндия имела заслуженную репутацию изобретательницы самых изысканных пыток, когда-либо виденных по эту сторону Бездны. Она убила Аш'алу – дочь Къернилл Кенафин. Говорили, что ее поместили в ванну с собственными испражнениями и молоком рофов, а личинки поедали ее заживо в медленной смерти,

От одной мысли об этом Ивоннель затошнило. И заставило еще больше возненавидеть ужасную дьяволицу Ллос.

Глава 2

Беспокойная Сестра

– Они сражались около Паучьих Клыков в южной части Браэрина, – неожиданный посетитель Дома Бэнр отчиталась перед своей сестрой, Верховной Матерью Квентл.

Квентл едва слышала жрицу Сос'Амπτу, поскольку пыталась оправиться от шока, вызванного тем, что ее обожающая Ллос сестра осмелилась вернуться в Дом Бэнр после их жаркой ссоры на Поверхности. Ссоры, которая содержала более чем несколько прямых угроз.

– Ллос отвернется от тебя, – медленно и обдуманно напомнила ей Квентл.

Поняв, что ее собственные слова обернулись против нее, Сос'Амπτу изо всех сил постаралась подавить страх и гнев.

– Именно это ты мне обещала, не так ли? – спросила Квентл.

Рядом с ней жрица Минолин Фей Бэнр выглядела как зверь, загнавший в угол гигантскую крысу.

– Я считаю, что ты ясно выразила свое желание, чтобы Ллос использовала твое собственное тело в качестве сосуда, чтобы уничтожить наш Дом. Твой Дом. Дом Бэнр.

– У Дома Бэнр еще есть время исправить наши ошибки, – сказала Сос'Амπτу.

– Наши ошибки? Или твои ошибки?

Сос'Амπτу вздернула подбородок и сделала быстрый реверанс.

– Продолжай свой рассказ об этой стычке, – велела ей Квентл. – Они дрались? Кто?

– Ваши солдаты, Богохульники и их предводитель, Мал'а'восель Амвас Тол.

– Я их предводитель, – поправила Верховная Мать Квентл.

– Я имею в виду полевого командира, – уточнила Сос'Амπτу. – Я не хотела проявить неуважение.

– Разве?

Она проигнорировала это.

– Воительница Амвас Тол попала в засаду в переулке, но как мне сообщили, ловко перебила предполагаемых нападавших.

– Кто тебе это сообщил?

Сос'Амπτу с трудом сглотнула.

– Мать Жиндия Меларн?

– Нет, первая жрица Чарри из Дома Ханцрин, – призналась Сос'Ампту.

– Воины Ханцрин устроили засаду на моих Богохульников?

– Кто действительно может знать? Жрица Чарри подросла к месту боя, когда нападавшие...

– Меларны, – перебила Квентл.

– Нападавшие бежали, и несколько из них убиты силами Бэнр. Один оказался смертельно ранен другим Богохульником, но, к счастью, Верховной жрице Чарри удалось спасти его.

– Итак, она и ее Дом приняли сторону.

– Нет, – категорично заявила Сос'Ампту. – Верховная жрица Чарри, как и многие, пытается предотвратить войну. Раненый был аристократом, выпускником Мили-Матгир.

– Из какого Дома тот аристократ? – потребовала Квентл.

Сос'Ампту колебалась.

– Если Чарри Ханцрин знала, что он аристократ, то разумеется, знала из какого Дома, и, конечно же, Сос'Ампту подумала бы спросить. Дом Меларн?

– Нет, – призналась Сос'Ампту.

– Говори кто!

– Дом Миззрим, – сказала Сос'Ампту.

На лице Квентл отразилось удивление. Стоящая рядом Минолин Фей ахнула.

– Не может быть, – сказала Минолин Фей, но резко замолчала, когда Верховная Мать бросила на нее свирепый взгляд.

– Почему ты так удивлена? – спросила Сос'Ампту. – Именно о таких последствиях я пыталась предупредить тебя на Поверхности. Твои новые воины, Богохульники, открыто ходят по улицам Мензоберранзана. Они были драками, Верховная Мать! Чудовища, отданные Ллос в наказание за их преступления, только для того, чтобы быть отнятыми у Ллос...

– Нами, да, – сказала еще одна, и все повернулись, чтобы увидеть, как Ивоннель Бэнр входит в зал для аудиенций. Рядом с ней шел Велкрис, некогда грозный волшебник могущественного Дома Ксорларрин, но теперь супруг Квентл здесь, в Доме Бэнр.

Сос'Ампту пристально посмотрела на эту странную молодую женщину, Ивоннель Бэнр, дочь Громфа Бэнр и Минолин Фей, чей статус и власть не были понижены порядком ее рождения в семейном древе Бэнр. Она была особенной, могущественной в магии, как божественной, так и тайной, и все же ее высокий ранг здесь – достаточно высокий, чтобы войти в зал для аудиенций Верховной Матери без приглашения – был основан на чём-то большем. Как и Квентл, Ивоннель получила воспоминания Ивоннель Вечной, великой и старой Верховной Матери Бэнр, правившей Мензоберранзаном на протяжении двух тысячелетий.

Сос'Ампту попыталась скрыть свою ненависть к молодой женщине, которую считала воплощением отступницы. Ходили слухи, что когда Ивоннель была воплощением Ллос в Мензоберранзане, она предала Паучью Королеву, предала Дом Бэнр, предала их всех в величайшем акте ереси, который только можно вообразить. И все же она находилась здесь, при дворе Верховной Матери Бэнр, в Первом Доме

города, входила открыто и говорила вне очереди, как будто была равной самой Верховной Матери Квентл!

И, следовательно, косвенно, превосходила Сос'Ампу.

– Один из детей Матери Миз'ри напал на Богохульников? – спросила Ивоннель.

– Племянник, я полагаю, – ответила Сос'Ампу.

– Без сомнения, пытается сделать себе имя и снискать расположение Ллос, – сказала Ивоннель.

– Почему бы и нет? – спросила Сос'Ампу, переводя взгляд обратно на Квентл. – Почему кому-нибудь этого не сделать? Даже если они не желают становиться на сторону Матери Жиндии в назревающей войне, даже если они боятся гнева Дома Бэнр, разве другие Дома не будут рассматривать Богохульников, открыто разгуливающих по улицам, как вызов богине и, следовательно, как способ завоевать благосклонность Ллос?

– Племянник Матери Миз'ри не был убит? – спросила Квентл. – Чарри Ханцрин спасла его, я уверена. Сколько человек убито на той улице?

– Нисколько, Верховная Мать, – ответила Сос'Ампу. – Но Мал'а'восель и ее солдаты скоро вернутся с несколькими пленными.

– Еще Миззримы?

Сос'Ампу подняла руки:

– Я не знаю. Но меня не удивит, если в этом окажутся замешаны члены и других правящих Домов. Дом Вандри, может быть. Барризон Дель'Армго...

– Не Дом Барризон Дель'Армго, – сказала Ивоннель, подходя и занимая место рядом с Квентл. Она повернулась с кошачьей улыбкой к Сос'Ампу, которая в ответ прищурилась.

Сос'Ампу изо всех сил старалась подавить гнев на молодую женщину – нет, не женщину, напомнила она себе. Ивоннель было всего несколько лет, или, точнее, несколько лет этой жизни. Она использовала магию, чтобы состарить свое физическое тело до состояния молодой женщины-дроу. Так много в ней было волшебным образом создано или улучшено, даже цвет глаз. Лавандовые глаза, такие редкие и так связанные с величайшим еретиком из всех – Дзиртом До'Урденем.

– Что ты знаешь? – спросила Квентл, опередив Сос'Ампу, которая собиралась спросить то же самое.

– Я знаю, что Мать Мез'Баррис Армго не глупа. Она не будет раскрывать свои карты, выступая на той или другой стороне, пока не соберет гораздо больше информации. Ей не нужно благословение Ллос. В ее распоряжении армия, уступающая только нашей – и уступающая только потому, что мы завербовали восемьсот Богохульников в качестве новобранцев Бэнр.

– Ты недооцениваешь силу благословения Паучьей Королевы, – настаивала Сос'Ампу.

– А ты переоцениваешь ее, – парировала Ивоннель. – И если ты так веришь в нее, то ты дура, раз пришла сюда. Дом Бэнр плюнул в лицо Ллос на Поверхности у всех на виду. Мы забрали драуков из избранной армии Меларн, по твоему мнению. Мы забрали драуков из самого состояния драуков. Неужели ты тешишь себя глупыми надеждами, что есть способ избавиться от этой последней ереси в глазах Паучьей Королевы?

Сос'Ампу ничего не ответила, а лишь уставилась на нее и облизнула губы. Она отвела взгляд, как только осознала, что Ивоннель может заметить ее глубочайший ужас.

– Почему ты здесь? – спросила Ивоннель.

– Я присматриваю за часовней. Это мой...

– Ты возглавляешь Храм Куарвелшаресс на Западной стене, – поправила Ивоннель. – И все.

– Жрица Миринеил теперь присматривает за часовней Бэнр, – сказала Квентл. – После твоих угроз на Поверхности в мой адрес и адрес моего Дома, я возвела ее в ранг Первой жрицы Дома Бэнр.

– Присматривать за часовней Ллос?

– Нет.

– Нет? Не Ллос? – недоверчиво спросила Сос'Ампу. – Тогда какого бога? Эльфийского Кореллона? Или одного из дворфийских богов твоего нового друга, короля Бренора, который убил нашу мать? Неужели мы все должны отрастить бороды?

– Часовня не для Ллос, – ответила Ивоннель, явно вмешиваясь до того, как Квентл взорвется на Сос'Ампу. – Мы посмотрим, заслужит ли богиня или бог право на нашу часовню.

– Тогда для кого?

– Для всего Мензоберранзана, – ответила Квентл. – Это место для медитаций и молитв надеждам города во времена его основания.

– Сказка, – ответила Сос'Ампу, едва сумев выплюнуть слова. – Уловка иллитидов!

– Предупреждаю тебя, сестра, – очень серьезно заявила Квентл. – Однажды я позволила тебе говорить со мной в таком тоне и уйти невредимой. Я сделала это из уважения к твоей работе в Доме Бэнр на протяжении многих десятилетий. Один раз, но не снова.

– Разве положение Верховной Матери позволяет...

– Я команду в этом Доме, – оборвала ее Квентл. – И, если ты так решительно настроена угрожать Дому, я обязана отреагировать. Ты пришла сюда с новостями о том, что война разгорается. Ты хочешь уйти по собственной воле или как жертва войны?

Сос'Ампу перевела взгляд с Квентл на Ивоннель и посмотрела в лавандовые глаза женщины – так похожие на глаза Дзирта До'Урдена! – и поняла, что, если в следующий момент она, Верховная жрица Ллос, хозяйка Арах-Тинилит, бывшая и давняя Первая Жрица Дома Бэнр, предводитель и Первая Жрица Храма Куарвелшаресс начнет спорить, Ивоннель убьет ее.

И Сос'Ампу не сомневалась, что Ивоннель сможет это сделать.

– Ты получила Храм Куарвелшаресс благодаря щедрости Дома Бэнр, – заявила Верховная Мать Квентл. – Тебе предоставили место в Правящем Совете, девятое место добавлено специально для тебя, по моей собственной милости. Я не отберу у тебя ни того, ни другого – по крайней мере, пока. Я ожидаю, что Правящий Совет будет созван в ближайшем будущем, до начала полномасштабной войны, если

такова наша судьба, и хорошо знаю, что услышу каждое твое слово по этому важному поводу, дорогая сестра.

– Это не угроза, – добавила Ивоннель, удивив Сос'Ампту, и, совершенно очевидно, Квентл. – Похоже, нам всем придется выбрать сторону. Ты либо союзник, либо враг.

– Но мне же не нужно выбирать прямо сейчас? – спросила Сос'Ампту, более чем немного сбита с толку.

– Мы не попросим тебя об этом, – сказала Квентл. – И мы не приняли близко к сердцу твое возмущение на Поверхности. Действительно, это было разумное возмущение, учитывая, что ты, в отличие от нас двоих, не удостоена чести иметь настоящие воспоминания Верховной Матери Ивоннель Вечной. А также учитывая нашу деятельность в прошлом. Поверь мне, поверь нам, когда мы говорим, что это был нелегкий выбор для тех, кто возвысился благодаря Паучьей Королеве. Я Верховная Мать, потому что Верховная Мать Бэнр веками накапливала силу в рамках замыслов леди Ллос. Ты думаешь, я этого не понимаю?

– Ты могла бы просто присоединиться к Матери Жиндии там, на Поверхности. – сказала Сос'Ампту спокойным и тихим голосом. – Ты могла бы взять на себя командование всеми силами демонов, дроу и драуков и отплатить этому жалкому королю Бренору за весь вред, который он причинил нам, и за то, что он отнял у нас нашу великую Верховную Мать Бэнр.

Верховная Мать вздохнула из-за кажущегося непонимания Сос'Ампту.

– Нет, не могла, – ответила Квентл. – Не после того, как я изучила воспоминания Ивоннель Вечной. Не после того, как я так глубоко и ясно осознала, что все это было ложью.

– А теперь ты ввергнешь город в войну, и половина дроу или больше могут заплатить собственной кровью, – сказала Сос'Ампту. – Я говорю, что другой путь был легче и в равной степени справедлив.

– Нет. И Мать... – Квентл сделала паузу и покачала головой. – И Жиндия, – поправила она, – не приняла бы предложенный тобою союз. Ни там, ни здесь.

– Мать Жиндия горда, но она не глупа.

– Я считаю ее довольно глупой, – вмешалась Ивоннель. – Но дело не в этом. Мать Жиндия – фанатичка, набожная до всех вытекающих недостатков, и Ллос не приняла бы нас сейчас, потому что мы не можем принять ее.

Что больше всего беспокоило Сос'Ампту в этот момент откровенного святотатства, так это ухмылка, появившаяся на лице Минолин Фей, ничтожества, незначительной жрицы из умирающего дома, которой посчастливилось забеременеть от Архимага Громфа. И еще больше повезло, когда Ллос благословила ее беременность и дала неблагодарному ребенку, Ивоннель, такой огромный дар, как память и мудрость ее тезки.

– Ты можешь посетить часовню перед уходом, – сказала ей Квентл. – Первая жрица Миринеил провела с ним прекрасную работу.

– Нет, не может, – поправила Ивоннель, и они с Квентл переглянулись. – Сос'Ампту не готова открыть глаза и сердце нашему делу. Она просто мысленно отметит изменения и использует изображения против тебя на следующем заседании Правящего Совета.

Сос'Ампту сдержала свое намерение возразить. Она хотела спросить об истинной причине своего смещения с поста Первой Жрицы Дома Бэнр, но поняла, что не может произнести свои доводы. Миринеил была дочерью Квентл, но даже если родство было настоящей причиной, как могли эти еретички ожидать, что такая набожная жрица Ллос, как Сос'Ампту, продолжит служить им?

– Независимо от того, посетит она часовню или нет, на следующем Правящем совете Сос'Ампту постарается больше слушать, чем говорить, не так ли?

Сос'Ампту не ответила.

– Ты веришь, что все происходящее в Мензоберранзан совершается под благосклонностью Ллос, – напомнила ей Квентл. – Итак, если мы победим, то, очевидно, это часть плана Ллос. В конце концов, она Леди Хаоса, и что может радовать ее больше, чем тайные интриги фанатиков, сражающихся за возвращение ей почетного места в Мензоберранзане?

– Это та же дилемма, что и с Дзиртом До'Урденем, – добавила Ивоннель. – Ллос благоволила ему. Она любила его и весь тот хаос, который он устроил. Он когда-нибудь преклонял перед ней колени?

– Я не верю, что он это сделал, – ответила Квентл. – И все же, он все еще жив! И ты, Сос'Ампту, была среди нас, когда мы позволили Дзирту свободно уйти из Мензоберранзана. Как ты можешь примириться с этим выбором?

– Это был не мой выбор.

– Нет, он был моим и Ивоннель. Ты слышала какие-нибудь аргументы от служанок? Во время молитв, Ллос ругала тебя за наше решение отпустить его?

Сос'Ампту сдержала свои слова. Она поняла, что эти двое получили преимущество перед ней здесь, создавая противоречия и неожиданные точки зрения, чтобы вывести ее из равновесия. Им это удалось, но она не собиралась показывать им это.

– Посети новую часовню Дома Бэнр, – решила Квентл. Она многозначительно посмотрела на Ивоннель, которая не должна была возражать Верховной Матери, и Ивоннель кивнула в знак согласия. – Но не забывай, чего от тебя ждут, когда Правящий совет соберется. Поскольку ты Бэнр – именно потому, что ты Бэнр – я даю тебе время поразмышлять об этих быстро меняющихся событиях и помолиться. Мы были соперниками по рождению, но никогда на самом деле. Я всегда уважала тебя и ценила твои советы. И в очередной раз я признаю, что ты не можешь понять это так же ясно, как мы двое, сидящие здесь перед тобой. Воспоминания матери принадлежат мне и Ивоннель, как если бы они были нашими собственными. На самом деле, они принадлежат нам благодаря магии иллитидов, а не Ллос.

– Или обману иллитидов? – осмелилась возразить Сос'Ампту.

– Посмотрим, – сказала Квентл. – Ты можешь идти, в часовню или обратно в Храм Куарвелшаресс, или куда угодно, что сочтешь нужным. И ты можешь вернуться. У тебя есть мое ухо. Я надеюсь, что у меня есть твое.

Сос'Ампту слегка поклонилась и, развернувшись на каблуках, быстро покинула зал для аудиенций.

Когда она проходила мимо часовни Бэнр, то бросила на нее лишь беглый взгляд, потому что Миринеил была там. С этого беглого взгляда она смогла только увидеть,

что многие украшения, которые она с такой любовью создавала здесь на протяжении десятилетий, были убраны, особенно фрески и рельефы с пауками.

Сос'Ампу подавила свой гнев и поборолла желание войти и напасть на дочь Верховной Матери Квентл.

О чем ты думаешь? – спросила Ивоннель Минолин Фей, которая закусив губу, стояла рядом со своей могущественной дочерью и Верховной Матерью Квентл.

– Ты доверишь ей?

– Конечно, нет, – ответила Квентл. – Моя сестра верна Ллос и только Ллос. С самых юных лет она была известна как самая набожная Бэнр из всех, даже более усердная в исполнении своих обязанностей перед Паучьей Королевой, чем наша мать. Она никогда не была такой жестокой, как Вендес и Бладен Керст, но я верю, что Ллос предпочла Сос'Ампу им... всем нам. Ни разу за все ее годы жизни я не видела, чтобы она предпринимала какие-либо действия, которые противоречили бы желаниям Ллос.

– Моя мать часто говорила о вашем... нашем Доме. Погибшие жрицы Вендес и Бладен Керст из Дома Бэнр, – сказала Минолин Фей, с трудом сохраняя ясность мыслей и явно нервничая в этот момент. – Они были одними из самых жестоких дочерей Верховной Матери Бэнр. – Она затаила дыхание, когда закончила мысль, ее глаза расширились и уставились на Верховную Мать Квентл, явно опасаясь расправы за это последнее заявление, которое вполне могло быть расценено как оскорбление.

– Я никогда не имела удовольствия встречаться с ними, – сказала Ивоннель.

Квентл от души рассмеялась.

– Уверяю тебя, ты не упустила удовольствия. Сомневаюсь, что кто-либо из них одобрил бы наши действия, и, скорее всего, они бы сразились с нами на Поверхности. Конечно, если бы Бладен Керст была жива, то она сменила бы Триль на этом самом троне и стала Верховной Матерью. И ей, а не мне, были бы переданы воспоминания нашей матери. И тогда ничего этого не случилось бы.

– Как ты думаешь, эти воспоминания изменили бы ее сердце так же, как они изменили твое? – спросила Ивоннель.

Волшебник Велкрисст рассмеялся над этим вопросом, и когда все повернулись к нему, он объяснил.

– Я помню день, когда никто не осмелился бы задать подобный вопрос Верховной Матери Дома Бэнр. Я, конечно, не с любовью оглядываюсь на то время, но я его помню.

– Верно, – согласилась Квентл. – В таком случае, если бы Бладен Керст сидела здесь, а Минолин Фей назвала Вендес самой жестокой из всех, миссия Бладен Керст в последующие сто лет заключалась бы в том, чтобы доказать, что Минолин Фей ошибается.

Минолин Фей снова затаила дыхание.

– Будь спокойна, сестра, – заверила ее Квентл. – Ты не оскорбила меня, отнюдь. И, отвечая тебе, – сказала она, поворачиваясь к Ивоннель, – Нет, я не вижу возможности изменения Бладен Керст или Вендес. Возможно, если бы Триль все еще

занимала это место, она бы пришла к нашему образу мыслей, хотя я сомневаюсь, что у нее хватило бы смелости так отвергнуть Ллос. Но Бладен Керст? Нет. Она зашла слишком далеко, совершила слишком много гнусных преступлений. Она не была предана Ллос так же глубоко, как Сос'Ампу, но было ясно, что и она, и Вендес действительно наслаждались властью, которую дала им Ллос, особенно властью пытаться других. Они упивались ею.

– Тогда я надеюсь, что таких, как они, не слишком много по всему городу, – тихо встала Минолин Фей.

Ивоннель не упустила ни застенчивость Минолин Фей, ни тот обнадеживающий факт, что Квентл назвала ее «сестрой». Несмотря на то, что она была Бэнр только из-за своего союза с Громфом, Ивоннель впервые увидела, как кто-либо из урожденных Бэнр обращается к Минолин Фей по-родственному.

И это, решила она, было хорошим и важным моментом.

Квентл фыркнула на замечание Минолин Фей, но Ивоннель поспешила вмешаться.

– Это тонкий и важнейший вопрос, стоящий перед нами. Есть ли в обществе – замкнутом и закрытом обществе с небольшим опытом за пределами уединенной пещеры – которое на протяжении многих поколений, многих веков обучалось пути Ллос, пути хаоса и жестокости и почти полного отсутствия милосердия, достаточно дроу, желающих отойти от этой тьмы и забыть почти все, что было вбито в них коллективно, как это было вбито в их родителей, бабушек и дедушек до них? Была ли жестокость, даже порочность Бладен Керст и Вендес вопросом их сердец или вопросом смирения, чтобы просто не заботиться, просто максимально использовать мерзкие и неизбежные обстоятельства, окружающие их? Я думаю, что это важный вопрос, о котором нам следует помнить, когда мы будем пытаться убеждать наших собратьев-дроу в лучших возможностях.

В этот момент Ивоннель подумала о женщине, сидящей рядом с ней, Верховной Матери, которая помогла ей создать Великую Ересь и начать отход от Ллос. Была ли это искренняя и искупительная перемена в сердце Квентл, или просто ее самый легкий способ выбраться из ловушки, которую Мать Жиндия Меларн соорудила вокруг Верховной Матери?

Ивоннель напомнила себе, что всего несколько лет назад Верховная Мать Квентл заплонила Мензоберранзан ордами демонов, чтобы стабилизировать свое правление в беспокойное время. Квентл только что заявила, что ее сестры Бладен Керст и Вендес зашли слишком далеко по пути зла Ллос, но причинила ли кто-нибудь из них больше страданий, чем вызывающая демонов Квентл?

Ивоннель не сбрасывала со счетов силу ошеломляющих откровений от общих воспоминаниях между ней, Квентл и Ивоннель Вечной, или эффект, который исследование этих воспоминаний оказало на нее и, как она надеялась, на Квентл.

Но Ивоннель не верила, что она когда-либо была способна заполнить улицы Мензоберранзана ордами демонов, как это сделала Квентл.

«Хаос порождает порядок», – подумала она, но не осмелилась сказать, ибо как позже узнала Ивоннель, именно такими словами Квентл оправдывала свои многочисленные приказы вызвать орды демонов.

Да, Минолин Фей, без сомнения нечаянно, задала самый глубокий и важный вопрос, когда битва за сердце и душу Мензоберранзана начала обретать форму: могут ли дроу, может ли любое общество, выросшее в паутине Ллос, действительно найти и принять новый и лучший способ существования? Могла ли женщина, сидящая рядом с ней, ее сообщница в заговоре против Ллос, Верховная Мать Мензоберранзана, которая недавно заполнила улицы города ордами демонов, чтобы удержать свою власть, по-настоящему обратиться?

– Я полагаю, что мужчин, готовых принять перемены будет больше, чем женщин, – сказал Велкрис, отвлекая Ивоннель от личных забот. – В конце концов, чаще всего именно мы находились на обратной стороне от ваших вдохновленных Ллос змееголовых хлыстов.

Она заметила хмурый взгляд Квентл, но женщина быстро сгладила недовольство, превратив его в непринужденную усмешку. Этот волшебник Велкрис оказался умнее, чем думала Ивоннель, поняла она в этот момент. Здесь он нащупывал границу своих отношений с Квентл. Большую часть жизни он прожил в Доме Ксорларрин, могущественном клане, который был гораздо более щедр к мужчинам в отношении ранга и положения, чем любые другие Дома. Не Велкрис решил прийти и присоединиться к Дому Бэнр и служить покровителем Квентл. Нет, как и в большинстве подобных маневров более могущественных Домов, это соглашение было заключено между Квентл и Матерью Зирит Ксорларрин. И хотя Велкрис, несомненно, выиграл от этого шага, у него не было права голоса. Он должен был жить в Дом Бэнр, исполнять все желания Квентл перед сном, и стремиться зачать ей детей, чтобы укрепить связь между Третьим Домом Ксорларрин-До'Урден и Первым Домом Бэнр.

Находил ли он Квентл привлекательной, задумалась Ивоннель. Желал ли он ее каким-либо образом? Если нет, то стоило ли идти на компромисс ради всего этого? В конце концов, он, вероятно, произвел на свет будущую Верховную Мать Мензоберранзана – Миринеил.

Или он просто смирился, ибо такова была жизнь в городе дроу? Был ли он когда-нибудь влюблен? Познал ли кто-нибудь в Мензоберранзане когда-нибудь по-настоящему это самое прекрасное и сильное чувство?

Ивоннель пришлось обратиться к самым ранним воспоминаниям своей бабушки и тетки, чтобы почувствовать какие-либо намеки на подобные эмоции в Ивоннель Вечной. И даже тогда, ни одно из этих воспоминаний не соответствовало той интенсивности, которую она чувствовала, когда смотрела на Дзирта До'Урдена.

– Они не превратят мою жизнь в ложь, – сказала Сос'Ампу Бэнр Матери Шакти Ханцрин. После ухода из Дома Бэнр, она не пошла к Дому Ханцрин, который находился в районе Мензоберранзана, известном как Истмир. Это было слишком опасно, поскольку все знали, что Меларны часто бывают там, включая саму Мать Жиндию. Вместо этого Сос'Ампу пересекла Браэрин и миновала грибную ферму на самом восточном конце великой пещеры, а затем вышла к острову рофов на маленьком озере Донигартен. Ханцрины контролировали эту часть

Мензоберранзана, что давало им гораздо больше власти, чем указывал им ранг Одиннадцатого Дома.

Встреча была назначена заранее.

– Зачем им это? – ответила Мать Шакти, удивив Сос'Ампу.

Бэнр откинулась на спинку кресла и несколько мгновений рассматривала Мать. Ближайшим союзником Шакти была Мать Мез'Баррис из могущественного Второго Дома, крупнейшего соперника Дома Бэнр, и она также была частым гостем Матери Жиндии Меларн.

– Почему ты попросила этой аудиенции? – спросила Шакти. – Когда Первая жрица Чарри вернулась после своих усилий в Браэрин и рассказала мне о твоей просьбе, я признаю, была застигнута врасплох. Не часто встречаются Бэнры и Ханцрины. Значит, Бреган Д'эрт окончательно подвел Дом Бэнр?

Сос'Ампу удержалась от желания резко возразить. Ханцрины были для других Домов, и конечно, для Мез'Баррис Армго, тем же, что и банда наемников Джарлакса для Дома Бэнр, служа торговцами за пределами Мензоберранзана. Вопрос Шакти, конечно, был абсурдным, и Мать знала это, потому что Бреган Д'эрт никогда не был сильнее, а их связь с Дом Бэнр никогда не была глубже.

Действительно, Бреган Д'эрт отвоевал Лускан у шайки торговцев Ханцрин.

– Речь идет не о торговле, Мать, – спокойно ответила она. – Речь идет о сохранении Мензоберранзана.

– Города пауков, – многозначительно ответила Шакти. – Города Ллос. Похоже, только одна семья пытается изменить это.

– Вот тут ты ошибаешься, – осмелилась указать Сос'Ампу.

– Ах, да, Дом Ксорларрин, или теперь мы должны называть его До'Урден? Если Дом Бэнр рассчитывает на Мать Зирит Ксорларрин, то им... вам следует подготовиться к разочарованию. При первых признаках поражения она сохранит себя и свой Дом, какими бы дарами Верховная Мать Квентл ни одарила ее за последние годы. Мать Зирит всегда была известна как флюгер.

Сос'Ампу взглянула на Чарри, которая стояла в стороне. Чарри вскинула брови и пожала плечами, и даже слегка покачала головой, когда обычно сдержанная Сос'Ампу ответила сердитым взглядом.

– Может прекратим эти бессмысленные расспросы? – прямо спросила Сос'Ампу. – Мать Зирит – флюгер? Кто же тогда Мать Шакти Ханцрин?

– Осторожнее, Верховная жрица, – предупредила Шакти.

– Я заседаю в Правящем совете, ты забыла? – возразила Сос'Ампу. Она знала, что здесь у нее есть преимущество и правда, ведь собственная история Шакти Ханцрин была историей двулчия, даже против Ллос. – Я Бэнр – да, до сих пор, даже после ссоры с Верховной Матерью Квентл на Поверхности. Я пришла к тебе с добрыми намерениями.

– Чтобы предать свой Дом.

– Нет, начать процесс переговоров, который, как мы оба знаем, является единственным способом спасти Мензоберранзан от катастрофы.

– То есть предать свою сестру, чтобы ты могла занять трон Дома Бэнр.

– И снова нет, – возразила она. – Я никогда этого не хотела. Я Верховная Жрица Храма Куарвелшаресс, девятое место в Правящем Совете. Мой долг перед Ллос

превыше всего – превыше семьи, превыше моего Дома, превыше самой моей жизни. У меня есть уши Дома Бэнр, как у тебя есть уши Дома Барризон Дель'Армго, и, что самое главное, Дома Меларн.

– Мать Жиндия Меларн не из тех, кто ищет совет или принимает его.

– Верно, но Мать Мез'Баррис – да. Без сил Дома Барризон Дель'Армго Мать Жиндия не сможет победить. Мы оба можем согласиться с тем, что Дом Бэнр сбился с пути, но прежде всего ты знаешь, что такие преступления против Паучьей Королевы могут быть прощены, и даже вознаграждены, если конечный результат будет угоден Ллос.

– Итак, ты намереваешься вернуть Дом Бэнр в расположение Ллос. Зачем тогда эта встреча? Зачем тебе нужна я?

– У нас мало времени, чтобы предотвратить гражданскую войну.

– Тогда скажи мне, жрица, – спросила Шакти, – Кого нужно убедить? Мать Квентл или то странное существо Ивоннель, которое шепчет ей на ухо?

– Ивоннель, я бы предположила. Но прежде чем у тебя возникнут какие-либо мысли убедить с помощью крайних средств, позволь напомнить тебе, что Ивоннель была благословлена в утробе матери аватарой Ллос.

– Убедить крайними средствами?

– Нужно ли мне это говорить?

– Убийство, – ответила Шакти, сказав это за нее. – Ты действительно веришь, что сможешь достичь своих целей, не прибегая к таким мерам?

– Она была благословлена в утробе матери аватарой Ллос, – повторила Сос'Амπτу.

– Если ты настаиваешь, – ответила Шакти, ее голос прозвучал как мурлыканье кошки, загнавшей мышь в угол. – Итак, ты не хочешь войны, ты не хочешь обезглавливать Дом Бэнр, и ты хочешь сохранить верность Леди Ллос. Теперь ты понимаешь, почему я все еще не уверена, чего ты хочешь добиться?

– Я хочу заключить перемирие, – ответила Сос'Амπτу. – При котором Дом Бэнр и Дом Барризон Дель'Армго сохранятся в их текущем положении и поднимет Дом Меларн на третью позицию. После ее поражения на Поверхности, неудачи с еретиками и общего разгрома, которому подвергся ее Дом во время недавних конфликтов, Мать Жиндия была бы душой, если бы отказалась.

– Она – наименьшая из твоих проблем с такой идеей, – сказала Шакти. – Все видели Ересь. Каждый Дом в городе теперь знает, что Дом Бэнр уязвим, что после кражи дракунов у Паучьей Королевы, они в настоящее время конечно же не в милости Ллос. А Мать Мез'Баррис Армго никогда не была другом Дома Бэнр. Неужели ты ожидаешь, что она просто примет твои предложения, учитывая вполне реальную возможность того, что она может стать Верховной Матерью Мензоберранзана, а Барризон Дель'Армго – Первым Домом?

– А что насчет нынешней Верховной Матери? – Шакти продолжала. – Неужели ты действительно веришь, что она согласится на возвышение Дома Меларн? Ты видишь все с точки зрения Ллос – или думаешь, что видишь, – но твоя сестра лучше понимает рычаги практической власти. Мать Жиндия в Третьем Доме возмутит Мать Зирит и, вероятно, лишит Дом Бэнр ценного союзника. Мать Жиндия из Третьего Дома будет рассматриваться как победительница в этом расколе, а Дом

Бэнр будет показан боящимся Дома Меларн. Это тоже довольно скоро приведет к войне, и менее благоприятной для Дома Бэнр.

– Нет, если Дом Бэнр будет искуплен от своих деяний.

– Ты имеешь в виду, искуплен от их Богохульства. Или, возможно, нам лучше назвать это Осквернением, раз уж драуки Ллос подверглись такому насилию и вандализму.

Сос'Ампту начала отвечать, но в итоге просто выдохнула и опустила плечи.

– Позволь мне внести ясность, Верховная жрица Куарвелшаресс, – сказала Мать Шакти тихим и ровным тоном, – Дом Ханцрин хочет этой войны не больше, чем ты. Вот почему я отправила Чарри к Браэрину, когда мы узнали о готовящейся засаде. Вот почему она спасла жизнь аристократу Миззримов. Война вредна для торговли.

– Но ты хочешь, чтобы Дом Барризон Дель'Армго стал Первым Домом.

– Мне все равно. Дом Ханцрин не враг Дому Бэнр. В недалеком прошлом я тесно сотрудничала с Верховной Матерью Триль и Архимагом Громфом над важными вопросами. Я не питаю никаких дурных чувств к Верховной Матери Квентл или к этому странному созданию Ивоннель. И то, что произошло на Поверхности, хотя и шокирует, происходит только между двумя Домами и леди Ллос. Ни одна служанка Паучьей Королевы, ни ответы на молитвы Ллос не велели мне идти на войну с Домом Бэнр.

– Но Бреган Д'эрт победил твоих союзников на Поверхности, твоих торговых партнеров, – напомнила Сос'Ампту.

Шакти рассмеялась в ответ.

– Посмотри на это с моей точки зрения, – сказала она. – Джарлакс и его шайка бесполезных людей в данный момент может справиться со всем в беспокойном Лускане. Но многие люди, дворфы и другие, внимательно следят за каждым его движением. Весь Бреган Д'эрт там, на Поверхности – и ты ожидаешь, что кто-нибудь из них вернется сюда в ближайшее время? К кому Дом Бэнр теперь обратится для торговли за пределами города, даже для торговли с Поверхностью, которая контролируется Джарлаксом и его друзьями?

Сос'Ампту была так озабочена вопросами послушания Ллос, что оказалась застигнутой врасплох практической реальностью – и все обстояло именно так. В некотором смысле война на Поверхности идеально прошла для Дома Ханцрин, даже несмотря на то, что их торговые партнеры среди жителей поверхности были жестоко разгромлены, а Мать Жиндия изгнана с поражением.

– Как нам избежать войны? – спросила она Мать.

– Ее почти не избежать, – призналась Шакти.

– В таком случае, когда дело дойдет до вас, на чью сторону встанет Дом Ханцрин?

– Каждого.

– Вне зависимости от того, на чьей стороне будет благосклонность Ллос?

Шакти снова рассмеялась.

– Это, я полагаю, должно больше заботить Верховную жрицу Куарвелшаресс. Но как персона, которая находилась по обе стороны благосклонности Паучьей Королевы, о чем ты упоминала ранее, позволь мне высказать одну мысль: Ллос не очень заботят все эти маленькие ритуалы, акты верности и мольбы, над которыми

жрицы вроде тебя бьются каждый день. И скорее всего Ллос еще меньше волнует, кто победит в этой войне: Бэнр, Барризон Дель'Армго или Меларн. Больше всего ее волнует не вершина горы, а хаос карабкающихся существ, пытающихся туда добраться.

«Как с Дзиртом До'Урденом», – подумала Сос'Ампу. Она смотрела на Шакти Ханцрин с добродушным выражением на лице, намеренно подавляя рычание.

Так много еретиков...

– Ты встречалась с нашим союзником? – спросила Квентл Ивоннель, когда они остались одни.

– Да.

– Ты же не знала об этом нападении на Богохульство? Как ты думаешь, его совершили ради выгоды?

– Я ничего о нем не знала, – сказала Ивоннель. – Скорее всего на Богохульников напали, чтобы просто снискать благосклонность Ллос.

– Бывшие драуки нашего Богохульства грозны, – сказала Квентл.

– И закалены, – согласилась Ивоннель. – Многие провели столетия в Бездне. Я уверена, что они не боятся ничего, что может с ними случиться в этом мире. И они ищут битвы. Большая женщина, Мал'а'восель, была их предводителем, когда они были драуками на службе у Матери Жиндии. Похоже, теперь она не меньше рвется в бой. Полагаю, даже больше, потому что теперь она может обратить свой гнев против сил своего вечного мучителя.

– Что мы сделали? – спросила Квентл, качая головой, вопрос, который и она, и Ивоннель задавали много раз с тех пор, как они создали магическую паутину, чтобы рассеять проклятие.

– То, что мы должны были сделать. И это хорошо, потому что они нам понадобятся, и очень скоро, – объяснила Ивоннель. – Похоже, что Мать Жиндия готова начать войну.

– Дом До'Урден? – сказала Квентл, предполагая цель. – Это то, что Къернилл открыла тебе?

– У нас есть три ночи.

Глава 3

Что такое любовь?

Ивоннель Бэнр, лежа на кровати, пыталась разобраться в окружающем мире и соотнести опыт своей уникальной жизни с опытом окружающих. Она жила в физической форме женщины-дроу всего шесть лет, но в ее голове хранился опыт двухтысячелетней. С помощью магии она состарила физическое тело, сделав его взрослым. А также изменила внешность на ту, которую желала, вплоть до

лавандовых глаз, сделанных в честь храброго следопыта, который так сильно заинтриговал ее: Дзирта До'Урдена.

Но что же она упустила? Даже с воспоминаниями Ивоннель Вечной, месяцами ментальных тренировок под руководством этого ужасного иллитида, чего она не понимала? Чего она не знала о дроу, которые сейчас окружали ее?

Уже долгое время она пыталась найти ответы в воспоминаниях, данных ей иллитидом, но откровения, которые она находила, неожиданно показали ей больше невежества, чем знаний. Киммуриэль провел ее и Квентл сквозь их воспоминания способом, который развеял накопившуюся нечувствительность к преступлениям и грехам, которые вели Ивоннель Вечную по ужасному пути. Так он случайно раскрыл Ивоннель ловушку, в которую попадает память без учета перспективы и надлежащего контраста окружающего мира.

Как она могла по-настоящему понять силы, которые держали ее собратьев-дроу из Мензоберранзана в рабстве, если она не могла по-настоящему понять или оценить обучение, особенно их воспитание, которое создало искаженную и порочную перспективу?

Она родилась с полным сознанием. Она подумала о своих первых днях жизни в этой физической форме, когда она сосала грудь Минолин Фей, когда была беспомощна и находилась на руках своей матери.

Своей любящей матери?

Чувствовала ли она когда-нибудь любовь матери?

Ивоннель вспомнила, что ее тезка испытывала, но это было настолько далеким воспоминанием, что ей потребовались бы огромные усилия, чтобы полностью восстановить их в памяти и помочь разгадать загадки. И даже если бы ей это удалось, она не была уверена, что это окажется актуальным сейчас, ибо дроу из Мензоберранзана – нынешнего Мензоберранзана, а не того, в котором юная Ивоннель Вечная жила около двух тысячелетий назад – были воспитаны совсем по-другому.

В сегодняшнем Мензоберранзане Леди Ллос присутствует всегда, особенно в самые ранние часы, дни и недели жизни. Все хорошее приписывается ей, а все плохое считается оправданным наказанием для тех, кто не ценит и не любит ее по-настоящему.

Любовь.

Это слово прозвенело у нее в голове. Была ли любовь в Мензоберранзане, кроме исповедуемого обожания Ллос?

Была ли в Мензоберранзане радость, кроме жестокого удовлетворения от победы над врагом?

Самое близкое, что молодая Ивоннель могла представить на личном опыте, было в образе еретика с лавандовыми глазами, с которым она повстречалась. У нее было тело взрослой женщины, и она не могла отрицать влечение, которое испытывала к Дзирту. Она знала, что это было больше, чем похоть. Ее влекло к нескольким дроу за последние пару лет, а также более чем к одному человеку, включая Кэтти-бри, жену Дзирта!

Но с Дзиртом это было больше, чем физическое желание. Гораздо больше. Ивоннель хотела узнать его физически, эмоционально, интеллектуально. Ивоннель

хотела поглотить его, каждую частичку. Воспеть его мужество, решительность, верность... и все такое. Она хотела сделать его лучше и ни на мгновение не сомневалась, что он сделает ее лучшей и более совершенной дроу.

Была ли это любовь?

Она не знала, в немалой степени потому, что, исследуя воспоминания старшей Ивоннель Вечной, она не смогла найти ничего – вообще ничего! – что намекало бы на понятие любви.

Она знала, что оно было в глазах Дзирта и Кэтти-бри, когда они смотрели друг на друга, в нежности, когда они целовались, и уважении, когда спорили. С ее стороны было бы очень по-лоссски просто убрать Кэтти-бри с дороги, безжалостно и скрытно, и сделать Дзирта своим, но идея не смогла по-настоящему укорениться в мыслях и сердце Ивоннель. Она никогда не смогла бы сделать что-то подобное! Не из-за безнравственности такого убийства, а просто потому, что как она могла утверждать, что любит, если причиняет такую боль?

Так что да, призналась она себе, лежа на мягкой кровати в своей комнате в Доме Бэнр. Да, в лавандовых глазах Дзирта До'Урдена она познала любовь.

И это была прекрасная вещь.

И даже если она не могла исследовать ее с ним сейчас, и, возможно, никогда не сможет, это было прекрасно.

Освобождение.

Источник радости.

Она не видела этого в тех, кто окружал ее здесь в Мензоберранзане. Ни в глазах Велкрита и Квентл.

Ни в глазах Громфа и Минолин Фей, которые вместе создали ее.

Ни в глазах Минолин Фей, когда она прижимала Ивоннель к груди?

Неожиданный всплеск эмоций поднялся внутри женщины в этот момент ужасного откровения, такой уровень печали, о котором она и не подозревала. Ей было любопытно, и она была в замешательстве, и злилась, очень злилась.

На нее была надета лишь простая шелковая ночная сорочка, определенно не подходящая благородной особе Дома Бэнр для появления на публике, но она даже не захватила халат, когда скатилась с кровати и бросилась к двери, а затем в коридор. Не говоря ни слова, она прошла мимо нескольких патрульных часовых, не обращая внимания на их шокированные выражения лиц и на то, как они отступили в сторону и вжались спинами в стены, словно пытались слиться с камнем, чтобы убраться с пути.

Она подняла руку, чтобы постучать в дверь Минолин Фей, но затем передумала и наложила на дверь заклинание открытия. Дверь влетела внутрь с такой силой, что громко стукнулась о дверные косяки, вделанные в стену и закачалась на петлях. Она увидела, как на другом конце большой комнаты занавески балдахина над кроватью Минолин Фей затрепетали от суматохи, вызванной тем, что женщина спряталась за ними.

Ивоннель вошла в комнату. Сдерживая возмущение тем, что ее так обманули в самых важных моментах любви, которые кто-либо мог знать, она вложила эмоции в следующее заклинание и получила удовлетворение от силы захлопнувшейся за ней

двери. И еще больше удовлетворения от того, что Минолин Фей так явно пряталась за тканью.

– На нас не нападают, дура! – крикнула Ивоннель, когда услышала, как женщина-дроу, ее мать, произносит защитное заклинание. – Это всего лишь я, Ивоннель. Твоя дочь.

Кровать затихла, затем полог, обращенный к двери, отодвинулся, и оттуда выглянула Минолин Фей.

Она снова скрылась за занавеской, повозилась там, потом вышла, завернутая в одеяло.

– Чего ты хочешь от меня, жрица? – спросила Минолин Фей, стоя перед кроватью.

– Не называй меня так, – ответила Ивоннель. – И не бойся меня. Пожалуйста, просто сядь.

Она указала на кровать, и Минолин Фей отступила на шаг, отодвинула занавеску и села на край.

– Как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

– Ивоннель? – ответила она, пытаясь сдержать гнев и сохранить спокойный голос. – Ив? Какое-то другое прозвище?.. Дочь?

Минолин Фей бросила на нее растерянный и жалобный взгляд, от которого ее сердце едва не разорвалось пополам.

– Мама, – сказала Ивоннель. – Могу я называть тебя мамой?

– Ты сидишь на троне рядом с Верховной Матерью Квентл как равная ей, – сказала Минолин Фей. – Ты можешь называть меня как угодно.

– Нет! – закричала Ивоннель, и, хлопнув в ладоши, она сделала глубокий вдох и более спокойно повторила:

– Нет.

Она сделала еще один глубокий вдох.

– Я пришла к тебе не с трона, не для того, чтобы представлять трон, не как кто-то более высокий по рангу, положению, власти или чему-то еще.

– Чего ты хочешь от меня? – взмолилась Минолин Фей.

– Правду, – ответила Ивоннель, даже не осознав, что отвечает. – Правду.

– Какую правду?

– Ты любила меня, мама?

Глаза Минолин Фей расширились.

– Когда я родилась и ты взяла меня на руки, ты любила меня?

Когда ее мать заколебалась, Ивоннель почувствовала, как у нее на глазах наворачиваются слезы.

– Я хотела этого, – сказала Минолин Фей. – И я любила, но потом... – Она сделала паузу, качая головой, пытаясь подобрать слова и, очевидно, справиться с эмоциями.

– Я боялась тебя, того, что они с тобой сделали. Я боялась того, что они сделают со мной. Ты родилась, зная о мире больше, чем я! Что я могла сделать для тебя? Чему я могла тебя научить? И в Доме Бэнр, где ты была окружена величайшими силами Мензоберранзана, как я могла защитить тебя? Или себя?

Ивоннель подошла и встала перед сидящей женщиной, глядя на нее сверху вниз.

– Что я могу сделать для тебя? – снова спросила Минолин Фей, ее голос был едва слышен.

– Любить меня, – так же тихо сказала Ивоннель, и слеза скатилась по ее щеке.

Минолин Фей привстала, взяла Ивоннель за руки и потянула ее к кровати, чтобы усадить рядом с собой.

– Я это сделаю! – сказала она. – Я сделаю! Я хочу! Моя малышка.... Признаюсь, я была напугана. Ты была дочерью Громфа Бэнра, Архимага Мензоберранзана. Ты была живым воплощением Леди Ллос, так нам сказали на Фестивале Основания всего несколько лет назад, когда ты еще была в моем чреве.

– Ты была моей дочерью всего несколько месяцев, – снова заговорила Минолин Фей, качая головой. – Даже меньше, потому что в те давние времена Бэнры неоднократно отнимали тебя у меня, превращая меня в немногим более, чем кормилицу. И когда ты переросла меня физически с помощью магии, я признаться почувствовала облегчение. Но также... – Она сделала паузу и подняла руку, чтобы погладить мокрую щеку Ивоннель. – Но также, дитя мое, я была зла. Не на тебя, а на них. Я чувствовала, что меня лишили права быть матерью, иметь дочь.

– Ты хотя бы знаешь, что это значит? – спросила Ивоннель, не резко, не осуждающе.

– Думаю, да. Я люблю свою собственную мать, – сказала ей Минолин Фей. – И она любит меня. Не из-за силы, которую мое рождение принесло Дому Фей-Бранч, но просто за наши узы – узы, которые я слишком боялась создать с тобой.

– Почему?

– Потому что я знала, что ты не будешь моей достаточно долго, что я не смогу справиться с разбитым сердцем, когда тебя отнимут у меня либо другие, либо Ллос, либо твои собственные желания и тысячелетние воспоминания, живущие внутри тебя. Это... это было бы слишком больно.

– Я не видела такой любви, которую ты описываешь, – сказала Ивоннель. – Я вижу Квентл с Миринеил и не сомневаюсь, что она заботится о своей дочери, хотя, возможно, и не ради нее. В этом есть разница.

– Тсс, – сказала Минолин Фей. – Будь осторожна со своими наблюдениями здесь, в этом доме. Она Верховная мать Квентл...

– Она Квентл, моя тетя, моя ровесница, моя со-еретичка, – настаивала Ивоннель. – Я ее не боюсь. Я не боюсь никого здесь. Я не знаю, могут ли они отнять у меня что-то большее, чем я отнимаю у себя, боясь их.

Минолин Фей долго молча смотрела на нее, затем кивнула.

– Простишь меня?

– Не за что прощать, – ответила Ивоннель. – Когда я родилась у тебя, это был другой Мензоберранзан. Нам нужно, чтобы сейчас возник новый, и мы не можем вернуться к прошлому.

– Я не хочу к нему возвращаться.

– Тогда не называй меня жрицей. Не кланяйся мне. Не опускай свой взгляд.

Минолин Фей задумалась на мгновение, затем снова кивнула.

– Ты не можешь быть моей матерью, – сказала Ивоннель, и старшая женщина вздрогнула. – Не в этом смысле. Я родилась с этим даром – или, может быть, проклятием. Кто может знать? Но ты можешь быть моим другом, и я этого хочу. Я

хочу, чтобы ты доверила мне свою жизнь. Я тебя не подведу. И я хочу, нет, мне нужно иметь возможность доверять таким же образом тебе.

Она посмотрела в глаза матери и не могла не заметить в них нерешительности и страха. Она не сомневалась, что Минолин Фей задается вопросом, не было ли это каким-то испытанием, ловушкой.

Ивоннель знала, что не может ничего сказать, чтобы развеять эти страхи, поэтому она просто наклонилась и крепко обняла Минолин Фей.

Она обнаружила, что рыдает на плече у матери.

Она почувствовала себя намного лучше, когда Минолин Фей тоже начала рыдать у нее на плече.

Глава 4

Первый удар

– Ты пойдешь с нами, – сказала Воселли Дайниннэ. – Ты доказал свою ценность. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

Дайниннэ остановился и посмотрел на нее и трех других крупных женщин рядом. Все они были дроу из другого времени, включая ее близкую соратницу Алеандру, еще одного бывшего члена Дома Амвас Тол. Возможно, все эти дроу происходили из Дома Воселли, ибо они определенно были из ее эпохи – он понял это, просто взглянув на них. В них чувствовалось что-то более грозное, не только в размере, но и в том, как они держались, в их осанке и стальном выражении глаз. Их обратили в драуков тысячелетия назад, в первые дни существования города. Дайниннэ задавался вопросом, считались ли они большими среди населения даже тогда, потому что сейчас в городе нашлось бы не так много дроу размером с любого из них.

Возможно Малагдорл Армго и, некоторые из его товарищей Армго, которых разводили ради роста и силы.

Воселли рассказала ему, что женщины-воины были обычным явлением в ее время, до того, как жречество Ллос почти полностью завладело призваниями женщин-дроу в Мензоберранзане.

Дайниннэ был немного напуган, но отмахнулся от этого чувства, думая, что присутствие такой группы около него, вероятно, обеспечит безопасностью от более очевидных врагов.

Он кивнул и присоединился к женщинам. Воселли повела их из главного зала Бэнр в самые нижние подземелья великого Дома. Там инструкторы Бэнр, переместили их в начало очереди, и отправили в качестве первой группы в глубокий, длинный туннель, который тянулся на север и вниз от К'елларц'орль, высокого плато, на котором были построены многие правящие Дома. Они прошли через множество охраняемых дверей и мимо других дверей, которые открывались в коридоры, ведущие в различные места, такие как Нарбондель.

Он думал о возвышающихся часах. Они шли довольно долго, по его оценке уже более двух часов, и наконец, добрались до самого северного конца туннеля и небольшого круглого помещения, где их встретил отряд Бэнр во главе с высоким мужчиной в черных пластинчатых доспехах, владеющего великолепно украшенным двуручным мечом.

– Мастер оружия Энджрел, – с поклоном поприветствовала его Воселли.

– Вы вооружены и готовы? – спросил аристократ Бэнр.

– Всегда, – сказал Воселли. – И нетерпеливы.

– Жрица Ивоннель просит умерить пыл и напоминает, что вам предстоит сражаться здесь с собратьями-дроу. – сказал Энджрел.

Дайниннэ вздрогнул, застигнутый врасплох. Почему Ивоннель это должно волновать?

– Снотворный яд в ваших стрелах сильнее, чем обычно, – сказал им Энджрел. – Надеюсь, его хватит, чтобы усыпить большую часть врагов. Чем больше окажется тех, с кем справитесь не убивая, тем лучше.

– Ты просишь нас быть милосердными? – спросила Воселли, и Мастер Оружия Бэнр рассмеялся.

– Нет, – сказал он. – Делай то, что должна, когда произойдет нападение. Однако помни, что нам всем придется жить с последствиями.

Бывшая некогда драуком кивнула. В заднем тоннеле Дайниннэ заметил свет факелов приближающейся следующей группы.

Энджрел отошел в сторону и указал на одну из двух дверей, выходящих из комнаты. Вторую украшали паукообразные символы Куарвелшаресс, Храма Богини, часовни, которую возглавляла Первая жрица Сос'Амπτу Бэнр. Но первая дверь была пустой и вела в круглую комнату, больше первой, но пустую, если не считать горящей жаровни и круга силы, начертанного в середине пола. Как только все вошли, Энджрел закрыл за ними дверь.

Пятеро в нерешительности слонялись вокруг, пока Воселли не двинулась вперед, осмелившись нарушить заколдованный круг. Как только она это сделала, в самом центре комнаты появилась волшебная дверь. Она, казалось, была сделана из тумана и светилась энергией.

В тумане появилось мужское лицо, вытягивающееся и изменяющееся под действием неощутимого ветра.

– Проходите, – велел он им.

Воселли пожала плечами и сделала это, исчезнув из виду. Остальные последовали за ней, Дайниннэ шел последним и шагнул через соединяющий их магический портал в комнату, которая заполнила его старыми воспоминаниями.

– Тренировочный зал До'Урден, – прошептал он, прежде чем сумел обдумать слова.

– Ты знаешь это место? – спросила Воселли.

– Нет, нет, – заикаясь, пробормотал Дайниннэ. – Ну, да, я слышал, как его описывали в дни моего пребывания в Мензоберранзане, ведь это была арена великого Мастера Оружия Закнафейна До'Урдена.

– Она выглядит как любая другая арена, – сказал другой член группы.

– У каждого благородного Дома есть по крайней мере одна. Я слышал, что у Барризон Дель'Армго их не меньше семи.

Дайниннэ понял, что был не слишком убедителен, и облегченно вздохнул при приближении двух дроу, мужчины и женщины.

– Я Равель Ксорларрин До'Урден, – сказал молодой человек.

То, что этот незнакомец назвал себя по его фамилии, выбило Дайниннэ из колеи, но он хорошо это скрыл.

– Сын Матери Зирит, старший сын Дома До'Урден, – продолжил Равель. Он, безусловно, выглядел соответствующим образом, одетый в роскошные пурпурные одежды, а плащ пивафви подвязан тонкой серебряной цепочкой. – Это моя сестра, Первая жрица Сарибель. Наши стражи и шпионы расставлены по улицам за пределами этого комплекса. Ты и те, кто придет следом, останетесь здесь, на этой арене, пока не понадобится.

– Затем на вас наложат защитные заклинания, и вы отправитесь в выбранное нами место для засады, – добавила Сарибель. – Ты поняла?

– Мы должным образом проинформированы о нашей роли здесь, – ответила Воселли.

Затем через портал прошла еще одна группа из пяти дроу.

– Распространи приказ среди своих воинов могучего Богохульства, – великодушно сказала Сарибель. – Мы думаем, что вам не придется долго ждать.

С поклоном брат и сестра повернулись и ушли. Когда они проходили через дверь арены, любопытный Дайниннэ заметил в коридоре еще одну фигуру. Сгорбленный и изможденный дроу, опираясь на волшебный посох, увенчанный чем-то вроде руки. На нем была мантия, которую Дайниннэ конечно же узнал.

Мантия Архимага Мензоберранзана.

Однако это был не Громф Бэнр, и Дайниннэ потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить личность этого дроу.

– Тсэбрэк Ксорларрин, – прошептал он. Хотя он проходил некоторое обучение у Тсэбрэка во время своего пребывания в Академии, он бы не установил эту связь, если не находился в Доме, которым сейчас правила эта семья. Дайниннэ, тогда еще Дайнин До'Урден обучался в Мили-Матгире, но также проходил обучение в Магике, где Тсэбрэк в то время был Мастером. Тогда Дайниннэ совершенно отчетливо осознал, что должен надеяться, что Тсэбрэк или кто-либо из старших Ксорларринов в Доме не узнает его.

Он не был в Мензоберранзане уже сто лет, но большинство живущих в городе были намного старше.

Любой намек на то, что он связан с Домом До'Урден, легко приведет к его разоблачению, и он считал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Все несчастья в жизни Дайниннэ происходили от его младшего брата. Именно он, Дайнин, привел в движение все эти ужасные события, убив своего старшего брата Нальфейна, первого сына Дома До'Урден, чтобы облегчить собственное восхождение. Это действие предотвратило жертвоприношение новорожденного Дзирта.

Затем Дзирт навлек позор на Дом До'Урден, а затем уничтожение Дома До'Урден той самой семьей Бэнр, которой Дайниннэ теперь служил во второй жизни.

Родная сестра превратила Дайнина в драука в отчаянной попытке каким-то образом смыть вечное пятно, наложенное на их Дом. А друг-дворф Дзирта убил Дайнина-драука в битве, завершив круг страданий.

Так много противоречивых эмоций пронеслось в голове Дайниннэ, когда он стоял на тренировочной арене Дома До'Урден, и самой сильной среди них было чувство огромной потери. Он говорил себе, что винит Дзирта во всем этом падении, но в его внутреннем диалоге было мало уверенности.

Он хотел обвинить Вирну. В конце концов, служа Джарлаксу в Бреган Д'эрт, он был свободен от типичных игр Мензоберранзана. Но тут вмешалась сестра и разрушила все надежды на то, что он снова обретет покой, принесла его в жертву Ллос и превратила в драука.

Но даже это показалось Дайниннэ пустым звуком; он не находил уверенности в любой обиде, которую мог бы затаить на Вирну. Она была обезумевшей от отчаяния, как и все они после ереси Дзирта. В глубине души Дайниннэ понимал, что и он, скорее всего, поступил бы с ней так же, если бы был на ее месте!

Тогда кого же ему винить? Мать Мэлис? Конечно, в какой-то степени.

Но и этого было недостаточно, чтобы оградить его от ужасной правды, что, в конце концов, он сам виноват во всем, что с ним произошло.

Когда прозвучал приказ Богохульству убираться, бывший благородный сын Дома До'Урден напоминал себе эту истину в каждом знакомом коридоре и комнате, мимо которых они проходили.

Он выдохнул с искренним облегчением, когда отряд покинул Дом и комплекс и выдвинулся на заранее определенные позиции в районе запутанных сталагмитов, известных как Паутина Ллос, и вдоль гребня пропасти, называемой Вестрифт. Все это делалось под прикрытием заклинания невидимости. В какой-то момент, даже когда команда Дайниннэ шла в линию плечом к плечу, они оставались невидимыми. Балкон Дома До'Урден, примыкающей к Западной стене оставался в поле зрения. Комплекс явно охранялся: магические огни освещали пространство перед ним, волшебники и воины, патрулирующие территорию, были выставлены на всеобщее обозрение.

В этом-то и был смысл, понял он. Они должны были выглядеть готовыми, но не неуязвимыми.

Свет Нарбондель поднялся до своего пика, затем угас почти до черноты. Прошло больше половины дня, прежде чем сигнал о приближении отряда прошел по рядам Богохульников, от одной ударной группы к другой.

Вскоре Воселли указала на какое-то движение остальным четверым – группа дроу, перебегая от тени к тени, двигаясь в направлении Дома До'Урден.

Дайниннэ почувствовал, как в нем неожиданно поднимается ярость, почти первобытный гнев при мысли о том, что кто-то напал на его Дом – даже несмотря на то, что Дом До'Урден, безусловно больше не был его Домом. Это не имело значения, не в тот момент. Даже если он рационально понимал эту истину, он чувствовал себя сыном Дома До'Урден, сражающимся за свой Дом.

И в тот же миг Дайниннэ понял, кто виноват в последствиях, которые привели его сюда: то же самое существо, которое структурировало общество

Мензоберранзана, которое подстрекало молодого и амбициозного второго сына к убийству старшего брата.

Он был виноват.

И Ллос.

Она привела его к падению. Она мучила его в Бездне. Она разрушила всё что у него было, что было у Мензоберранзана, всё что было у каждого дроу, которого знал.

Теперь он сжимал в руках меч и кинжал, поскольку вернулся к комбинации оружия, которую чаще всего использовал в прошлой жизни. Он думал о Нальфейне, о Дзирте, и в основном о Закнафейне, вспоминая многочисленные уроки.

Он почувствовал, как кровь течет с его рук, так сильно он сжал эти рукояти...

Сигналы руками начали передаваться по всей линии, от воина к воину, пока они стояли в каменном лесу Паутины Ллос.

Дайниннэ тоже передал этот приказ и сосредоточил внимание на интересующей его области и достаточно скоро заметил подкрадывающийся отряд врагов.

Они шли в тених, но не слишком осторожно, поскольку все еще находились на некотором расстоянии от входа в комплекс До'Урден, который был встроен прямо в Западную стену. Очевидно, нападавшие оставались уверенными в том, что элемент неожиданности оставался на их стороне.

Большой отряд прошел мимо, не заметив скрытые ударные группы Богохульства. Воселли и другие лидеры, следуя приказам, пропустили их вперед, позволяя им оказаться в пределах видимости Дома До'Урден.

– Наступаем, но тихо. Будьте спокойны, – объявили руки Воселли, и этот приказ тоже передали всем Богохульникам. *– Пусть Дом До'Урден сделает первый залп и ответит.*

Едва сообщение было передано, как раздались первые взрывы и вспышки. Внезапно молнии и огненные шары с яростью обрушились с Западной стены на передние ряды нападавших еще до того, как они перешли пересекающую улицу, известную как Улицу Мечей.

Несмотря на весь огонь и ярость, – а его было немало, поскольку семья Ксорларрин, занимавшая Дом До'Урден, была, пожалуй, самым сильным магическим домом Мензоберранзана, с многоженством опытных волшебников – нападавшие пришли подготовленными.

Молнии распались на паутинные дуги, ударившись о магические щиты; огненные шары с шипением отразили стены магической воды, выставленных вражескими жрицами.

Все это было ожидаемо.

Нападавшие ответили собственным огнем и молниями, а также залпами копий и арбалетных стрел, и все они достигали балконов До'Урден.

Дайниннэ почувствовал, как у него сжалась челюсть, когда он увидел, как его старый Дом подвергается такому сосредоточенному нападению. Он был рад, когда Воселли призвала к атаке, и он был рядом с ней в ведущей шеренге.

Восемьсот воинов Богохульства волной обрушились на левый фланг атакующих сил дроу, словно потоки дождя, раздуваемые яростным ветром. Они пробивались и рубили клинками, валили врагов на землю и прорывались дальше, подбадриваемые криками «Зачистка! Зачистка!».

Одни только Богохульники превосходили числом нападавших, выступивших против Дома До'Урден этой ночью, и они сражались с яростью, накопившейся за века страданий в Бездне.

Бесстрашные и злобные, они прорывались сквозь застигнутых врасплох малочисленных врагов, оставляя многих корчиться на земле, а еще больше отправляли в бегство.

Дайниннэ слышал команды, которые выкрикивали вражеские жрицы, возглавлявшие набег, приказывая своим подчиненным вставать и сражаться, лишь ненадолго, прежде чем сменить пластинку и закричать, чтобы все убегали.

Его меч даже не успел намочить от крови, он едва успел заколоть одного нападавшего, когда заметил Воселли справа от себя, дальше от стены, двигавшейся к группе из трех фигур в мантиях в задних рядах вражеских войск.

Он побежал за ней, оббегая склон сталагмитового кургана и, затем прыгнул, выбрав более прямую линию, чем его подруга, когда пытался догнать.

– Нет, – одними губами произнес он, когда увидел, как один из троицы, явно волшебник, заметил атакующую женщину и выпустил горошину пламени в ее сторону.

Дайниннэ обдало жаром, хотя он отставал от Воселли на десяток шагов. Огненный шар просуществовал всего мгновение и воздух превратился в вихрь клокочущей огненной ярости. Но когда он исчез, и Дайниннэ снова открыл глаза, то увидел, что Воселли продолжает атаку, ее плащ был объят пламенем, от опаленных волос поднимались струйки дыма.

Она даже не споткнулась!

Двое дроу с волшебником вскрикнули и упали, но мужчина, очевидно уверенный в силе огненного взрыва, отреагировал слишком медленно.

Когда Воселли стремительно подошла к нему, он замахнулся посохом, но опытная древняя воительница низко пригнулась и достала меч. Когда посох был наверху, она, лишь слегка повернув клинком, обезоружила его. Вскочив прямо с приседа, Воселли нацеленным коротким копьем проткнула волшебнику нижнюю часть живота.

С огромной силой и инерцией Воселли подняла его прямо с земли. Волшебник размахивал руками, пока копье медленно погружалось в него. Она трижды оттолкнулась ногой, в то же время помогая руками, с каждым движением погружая копье еще глубже, проникая через живот в сердце и легкие.

Она сказала Дайниннэ, что когда-то была Мастером Оружия Первого Дома Мензоберранзана, и он ни на миг не усомнился в этом. Она вытянула руку перед собой, единственной мощной конечностью держа умирающего волшебника.

Дайниннэ пробежал мимо, пытаясь догнать две убегające фигуры, которые, как он догадался, были жрицей и еще одним волшебником. Но они находились слишком далеко и даже не оглядывались.

Наконец, он резко остановился и обернулся. Воселли, Мал'а'восель Амвас Тол стояла там с высоко поднятым трофеем, словно держала боевое знамя, теперь уже совершенно неподвижное.

Позади женщины, надвигалась волна воинов-богохульников, несомненно, тоже наблюдавших это зрелище. Они подбадривали своего командира каждым шагом.

– Они зовут ее Малфуш, – сказал волшебник Кайтейн Армго громоздкой фигуре.
– Говорят, она была драком, причем древним. Она ведет их.
Мастер Оружия Армго, Малагдорл, негромко зарычал и снова сжал трезубец.
– Бесспорно, впечатляет, – продолжил Кайтейн. – Они стремительно пробились сквозь строй, и их не остановить.
– Если только она не умрет, – сказал Малагдорл.
– Даже если, – ответил Кайтейн.
– Посмотрим, – сказал Малагдорл.
– Мастер Оружия, Мать Мез'Баррис просит меня позаботиться о том, чтобы наши силы не были здесь растрочены. Дом Барризон Дель'Армго не возглавляет эту битву. Мы... ты, здесь для того, чтобы оставить след в победе, а не участвовать в поражении.
– Оставить след, – повторил Малагдорл со злой усмешкой. – Шепни этой твари, Малфуш, волшебник. Скажи ей, чтобы она пришла и проявила себя.
– Мать Мез'Баррис будет...
– Я убью тебя здесь и сейчас, если ты меняслушаешься, – сказал Мастер Оружия. – Я здесь, чтобы оставить след, отправить послание нашим врагам, возвысить славу Дома Барризон Дель'Армго. Поведем ли мы за собой, Кайтейн, или будем трусить? Это наш момент. Шепни ей, волшебник. Приведи ко мне, и позволь нам познакомиться.

Он поймал копье в ложбинку между лезвием и крестовиной кинжала и с силой опустил его вниз, затем внезапно изменил направление и поднял вверх и в сторону. Его противник попытался занести второй меч, но Дайниннэхватило пространства и скорости, чтобы вонзить длинный меч под поднимающуюся руку.

Дроу вскрикнул и повалился назад.

Дайниннэ не знал, была ли рана смертельной, но он не спешил добивать упавшего, ибо вихрь Богохульства кружился позади него, разгоняя врагов, как паникующее стадо рофов.

Он нетерпеливо огляделся в поисках своей боевой подруги. Но когда нашел, то у него перехватило дыхание. Восесли сражалась в конце небольшого переуллка, ограниченного двумя сталагмитовыми колоннами. Она стояла спиной к Дайниннэ и яростно сражалась с каким-то противником.

Она внезапно ушла влево, большой черный трезубец вонзился прямо на то место, из-под которого она ушла. Ее противник вышел из тени, ясно представ взору Дайниннэ.

– Утегенталь, – прошептал он, ибо этот огромный мужчина в великолепном черном пластинчатом доспехе, с трезубцем в одной руке и сетью в другой, был очень похож на старого Мастера Оружия. Даже короткие белые волосы были уложены шипами и покрыты гелем.

Воселли едва успела поставить ноги на наклонное основание сталагмита, как мужчина занес трезубец подмышку, крепко и надежно держа его, затем быстро повернулся и взмахнул им поперек.

Дайниннэ знал, что должен бежать на помощь подруге, но он был захвачен зрелищем, воспоминаниями о легендарном Мастере Оружия и страхом, что бедняжке Воселли вот-вот отрежут ноги.

Если она падет, Дайниннэ не хотел иметь ничего общего с этим конкретным врагом.

Но Воселли отпрыгнула в сторону, перемахнув через летящий трезубец и отступила вправо, чтобы снова приземлиться перед мужчиной. Она нанесла удар мечом, но противник был слишком искусен и уже парировал удар сеткой, до того, как она успела приземлиться после прыжка.

Оружие запуталось, меч дернулся вперед и почти вырвался из ее рук. Ее противник широко оттянул руку, чтобы забрать сетью меч.

Сзади показался огромный трезубец, и Воселли пришлось выпустить меч и отойти назад, чтобы выйти из-под удара.

Она споткнулась, откатилась в сторону и снова поднялась, вращая коротким копьём в руке у левого бока. Затем, вращая им перед собой, переместила в правую руку.

Затем повторила снова, занимая чисто оборонительную позицию.

Ее противник улыбнулся и вытряхнул меч на землю, затем взял свой длинный трезубец обеими мощными руками и двинулся вперед, нанося удары на каждом шаге.

Воселли снова и снова работала коротким копьём, отбивая более длинное оружие со всей силой, на которую была способна, которая никогда не подводила ее против любого противника-дроу.

Но это был не какой-нибудь дроу. И это был не призрак дроу, которого он когда-то знал. Дайниннэ, кажется, начал догадываться кто это.

Это был Малагдорл, Мастер Оружия Дома Барризон Дель'Армго, наследник легенды, которой был Утегенталь.

И с точки зрения физической силы, Воселли не была здесь более сильным бойцом.

Малагдорл решительно работал трезубцем. Он принимал удары, продолжал колоть, удерживая ее на пятках, и, наконец, добился того, что ее короткое копьё оказалось между двумя зубцами трезубца. Едва заметным поворотом запястья, Малагдорл зафиксировал копьё там, и подался вперед, продолжая поворачивать оружие. Он нанес удар головой, и Воселли ответила тем же, два черепа треснули друг о друга над захваченным оружием. Уткнувшись друг другу в шею, они давили, кусали и продолжали бить друг друга головами, упираясь пятками, каждый пытался найти момент, чтобы резко расцепиться, отойти на некоторую дистанцию и вернуться для смертельного удара.

Малагдорл отбросил ее назад на шаг, затем еще на один, а затем, к удивлению Воселли, отступил на один, позволяя ей снова приблизиться. Он встретил ее ответный удар ударом, затем отпрыгнул назад ровно настолько, чтобы выровнять трезубец.

Воселли тоже полностью вернула свое оружие, наводя его на цель.

Но они были слишком близко, чтобы она могла отразить трезубец, а ее противник был просто слишком силен, чтобы она могла остановить натиск.

Он поймал ее.

Трезубец двинулся вперед.

И размытое пятно пронеслось между ними. Дайниннэ отвел длинное оружие в сторону.

Малагдорл попытался поднять руку, чтобы блокировать удар, но Воселли сильно ударила копьем в образовавшуюся брешь.

Быстрая реакция Мастера Оружия и пластинчатая кольчуга спасли его от более серьезной раны. Пошатываясь, он отступил дальше в переулок, окинув взглядом меньшего дроу, стоявшего у правого сталагмита.

Дайниннэ поймал этот взгляд, но не смог ни соответствовать ему, ни даже удержать его, поскольку дальше в переулке дроу в мантии протянул к нему обе руки и послал сверкающую молнию, пронзившую темноту.

Дайниннэ отлетел в сторону, осколки ближайшего сталагмита разлетелись во все стороны. Он смутно осознал, что находится на земле. Он попытался сфокусировать взгляд – и увидел, как Малагдорл остановился и вернулся в переулок. Там появилась дверь из света, в которую вошли волшебник, Мастер Оружия и по крайней мере еще двое. Все они исчезли до того, как дверь исчезла со вспышкой света.

Он лежал, опираясь на локоть, и тупо уставился в пустоту. Волосы дико развевались, дыхание вырывалось короткими вздохами, руки хватались за оружие, которое он больше не держал.

Он почувствовал, как чья-то рука схватила его за воротник и легко подняла с земли, поставив на ноги.

– Зачем ты это сделал? – потребовала Воселли, ее лицо, на котором застыло выражение безумного негодования, находилось всего в дюйме от его лица. – Я убила бы его.

Разум Дайниннэ начал проясняться, и он сомневался, что у нее «получилось бы», но он ответил:

– Я не мог позволить тебе убить его. Только не его.

– Объясни! – потребовала она.

– Малагдорл Армго, – сказал он. – Это был Мастер Оружия Второго Дома, великий соперник Дома Бэнр. Они были здесь, и следили – если Малагдорл был бы убит, Дом Бэнр обнаружил бы, что великие Дома ополчились против них. Верховная мать Квентл обвинила бы тебя!

Она медленно попятилась и, казалось, успокоилась, и Дайниннэ был очень рад, что его импровизированная ложь сработала. Он понятия не имел, точно ли он описал последствия, но знал, что Воселли здесь ошибалась. Если бы он не вмешался, Малагдорл сразил бы ее, проткнул насквозь и, скорее всего, поднял бы с триумфом, так же она недавно поступила с предыдущим противником.

Дайниннэ знал, что даже если бы Воселли пала, исход битвы не изменился. Разгромив врагов, Богохульники пустились в погоню. Учитывая эту правду,

Дайниннэ пришлось в этот момент признать, почему вмешался – он не хотел терять эту женщину, своего нового друга, которому доверял и на которого полагался.

– Пойдем быстрее, – сказала ему Воселли и побежала на северо-восток. Они догнали задние ряды Богохульников достаточно скоро, когда последние бои начали затихать.

Исход был предreshен. Они бросились в погоню за убегающими нападавшими, обогнули край тянувшегося Западного разлома и вернулись на запад. Они наткнулись на основную часть отряда Богохульников, остановившихся и замерших в замешательстве, и даже растерянности. Когда Воселли пробилась сквозь их ряды, Дайнин довольно скоро узнал причину.

Впереди по дороге расхаживали гигантские ожившие нефритовые пауки, а позади них тянулись ряды отступающих войск дроу к распахнутым дверям крепости-часовни, Храма Куарвелшаресс.

Вскоре после этого аристократы Сарибель и Равель наткнулись на Богохульство и их могущественного полевого командира. Они стояли рядом с Воселли, когда одинокая фигура в одеянии верховной жрицы, вышла на балкон Храма.

– Сос'Ампту Бэнр, – Дайниннэ услышал, как Сарибель прошептала это Воселли и ее брату. – Сестра Верховной Матери Квентл.

– Внутри находится Убежище, – прокричала Сос'Ампту толпе, ее голос был явно усилен магией. – Вы не можете пройти внутрь со злым умыслом!

– Что теперь? – спросила Воселли.

– Мы уходим, – сказала Сарибель. – Мы выиграли этот день. Наши враги ужалены и рассеяны. И мы оставили десятки павших, много убитых и еще больше раненых.

– Скоро и они будут мертвы, – пообещала Воселли.

– Нет, – заявила Сарибель, удивив ее. – Скажи своим воинам Богохульства, чтобы собирали наших собственных убитых и раненых, но не предпринимали никаких действий против поверженных врагов. Все вы быстро возвращаетесь в Дом До'Урден. Взоры многих Домов устремлены на нас здесь. Они не одобряют убийство раненых.

«Гораздо больше Домов, чем ты думаешь», – подумал Дайниннэ, но не сказал.

– Бессмысленное убийство, лишенное милосердия, – не путь Верховной матери Квентл в Мензоберранзане, – добавил Равель.

Воселли выполнила приказ, и отряд Богохульников в два счета проложил себе путь обратно в туннели Дома До'Урден. Затем через проходы они вышли обратно на арену, где их ждали магические врата.

Вскоре они спустились в подземные туннели, быстрым шагом направляясь обратно на юг, но не в К'елларц'орль и Дом Бэнр. Ибо не успели они приблизиться к Нарбондель, как свернули в другой потайной проход, прошли через ряд тяжелых дверей, магически скрытых и защищенных, и в другой длинный туннель, уходящий далеко на юг и восток, через весь город. Они вышли в самом восточном конце сталагмитовой рощи, известной под названием «Паучьи Клыки», к грибным рощам и фермам, озеру под названием Донигартен и Острову Рофов.

Там им было приказано окопаться в траншеях и расставить дозорных по всему периметру.

Так, одним смелым шагом, Дом Бэнр захватил контроль над городскими запасами продовольствия, торговыми путями и караванами за пределами Мензоберранзана и, таким образом, внезапно и окончательно изолировал известного союзника Матери Жиндии Меларн – Дом Ханцрин.

Глава 5

Подчеркнутое Непочтение

Ивоннель и Минолин Фей рука об руку вошли в часовню Дома Бэнр. Они хихикали и играли, при каждом шаге ударяясь плечами друг о друга. Квентл и Миринеил, мать и дочь, уже находились в священном месте, и заметив выражение их лиц, Ивоннель намеренно усилила игру.

– Вы пришли в это священное место забавляться? – огрызнулась Верховная Мать Квентл, направляя свой гнев в основном на Минолин Фей, разумеется.

– Ах, рефлекторная реакция многовекового воспитания, – смеясь, ответила Ивоннель, и толкнула Минолин Фей в бок.

Минолин Фей фыркнула и прижала руку к губам, словно пыталась сдержать взрыв смеха.

Ивоннель подмигнула ей за представление, ибо именно им оно и было.

– Оставь нас, жрица Минолин Фей, – потребовала Квентл.

Минолин Фей посмотрела на Ивоннель.

– Нет, ты останешься, – сказала ей Ивоннель, затем повернулась к Верховной Матери. – Она останется. Она здесь по определенной причине.

– Тогда прояви уважение, – потребовала Квентл.

– К кому?

– К этому месту. К тому, что он представляет, к сердцу Дома Бэнр.

– Мы уважаем Дом Бэнр. И сражаемся за то, каким стал Дом Бэнр, – сказала Ивоннель. – А не за то, каким он был раньше.

– И ты приходишь сюда забавляться?

– Мы выиграли битву, – напомнила ей Ивоннель. – Мы разгромили нападавших на Дом До'Урден и держим Донигартен и фермы железной хваткой.

– Вряд ли это решающая победа.

– Но это победа. Ты предпочитаешь альтернативу?

Квентл с трудом подбирала слова. Она посмотрела на свою дочь, которая стояла, скрестив руки на груди, с хмурым выражением на юном лице.

– Вот такой взгляд я привыкла видеть у тебя, Миринеил, – поддразнила Ивоннель.

Миринеил опустила руки по бокам и несколько раз моргнула, ошеломленная и даже открывая рот от потрясения.

Минолин Фей фыркнула, тщетно пытаясь сдержать смех.

- Тебе не мешало бы вспомнить, где ты находишься, – прорычала на нее Квентл.
- Я точно знаю, где я... сестра, – ответила Минолин Фей. Глаза Квентл расширились от шока, и на мгновение, Ивоннель показалось, что она может запустить в Минолин Фей каким-нибудь мощным заклинанием, столбом огня или атакой, разрушающей разум.
- Несколько дней назад ты назвала меня сестрой, – пояснила Минолин Фей, не отступая. – Разве взаимность неприемлема или недопустима? Если так, то чего стоили твои слова?
- Двое у алтаря озадаченно переглянулись.
- Ивоннель, в какую игру ты играешь? – потребовала Квентл.
- Почему ты спрашиваешь меня, а не Минолин Фей?
- Квентл фыркнула, как будто ответ был очевиден.
- Тогда ты ослеплена своим неуважением, – сказала ей Ивоннель, и она, и Минолин Фей внезапно прекратили свое несерьезное поведение. – Эта прогулка в часовню была идеей Минолин Фей.
- Приятно узнать, кто должен быть наказан, – сказала Миринеил.
- Я же говорила тебе, – обратилась Минолин Фей к Ивоннель.
- Пожалуйста, относитесь к моей матери с большим уважением, вы обе, – попросила Ивоннель. Она стояла со своей сообщницей в нескольких шагах от них и алтаря. – Она ценный участник наших усилий здесь, и она, ну, моя мать. – Ивоннель повернулась к Минолин Фей и нежно погладила ее по волосам. – Она многократно заслужила ваше уважение. Благодаря ее преданности и остроумию Дом Фей-Бранч остается при нашем дворе, какие бы обстоятельства ни складывались против нас. Ее быстрый ум также спас наше положение на Поверхности, сообщив разведчикам Жиндии, что ее патруль из Бреган Д'эрт. – Она улыбнулась и еще раз подмигнула матери, затем повернулась к двум другим.
- В чем смысл всего этого? – спросила Квентл. – Война уже началась. Момент серьезный, и наше внимание должно быть сосредоточено на том, как нам выстоять и заставить Меларнов и их союзников подчиниться.
- Рядом с ней Миринеил скрестила руки на груди и снова нахмурилась.
- А что потом? – спросила Ивоннель. – За что мы сражаемся? Ради справедливости? Морали? Или это просто вопрос избавления от Ллос?
- Всего перечисленного, – ответила Квентл.
- Этого недостаточно, – возразила Ивоннель. Она посмотрела на Миринеил. – Улыбнись, прекрасная дроу. Это не так уж и сложно.
- Мне кажется, я никогда не видела твою улыбку, Миринеил, – добавила Минолин Фей. – По крайней мере, не в радости.
- Когда ты успела стать такой дурой? – спросила Миринеил.
- Минолин Фей от души рассмеялась.
- Может быть, только сегодня, – ответила она.

– Наши союзники оказались разбиты за пределами Дома До'Урден, – объявила Мать Жиндия, ворвавшись в покои Къернилл вместе со служанкой Ллос Эскавидне. Следующей вошла сообщница йоклол, Йеккардаря, с молодой, избитой, грязной

женщиной, одетой в рваные лохмотья. На ней также висели шипастый ошейник и цепь, которую Йеккардаря постоянно дергала, вызывая тихие стоны боли.

Къернилл не смогла скрыть гримасу. Это была ее дочь Аш'ала, которая предала Жиндию и заплатила огромную и ужасную цену.

– По меньшей мере пятьдесят дроу погибли или пропали без вести, многие из которых, вероятно, попали в плен, – продолжила Жиндия. – Богохульники сражаются так, как будто они все еще драуки. Они бесспорно оказались грозными.

К удивлению Къернилл, Жиндия больше не казалась расстроенной этой новостью.

– И теперь Дом Бэнр использовал этих чудовищ, чтобы обезопасить восточные территории, – сообщила Жиндия. – Боюсь, что скоро мы будем питаться только волшебной пищей.

– Это не похоже на благоприятное положение, – осмелилась ответить Къернилл. Она изо всех сил старалась не смотреть на дочь, не желая проявлять никаких негативных чувств. Ни сожаления, ни гнева, ни какого-либо намека на печаль. Аш'ала предала их и понесла заслуженное наказание. И все же...

– Она так недальновидна, – поддразнила Йеккардаря.

– Не понимаю, как Къернилл Кенафин вообще смогла стать главой значительного Дома, – согласилась Эскавидне.

Къернилл изо всех сил старалась не показывать никакой реакции. Как она пожалела сейчас, и едва ли не впервые, что не боролась за пост Верховной Матери при объединении домов Кенафин и Хорлбар в Дом Меларн столетие назад.

– Похоже, Паучья Королева сделала мудрый выбор, возвысив Мать Жиндию, – сказала Йеккардаря.

– Паучья Королева всегда поступает мудро, – процитировала Къернилл.

– Да, – согласилась Жиндия, – и поэтому я, благодаря ее руководству, поступила мудро сейчас. Дом Бэнр выиграл первую битву... так они думают. Но в то время как они захватили менее трех десятков врагов и заняли позиции, в которых на самом деле нет необходимости, мы получили нечто гораздо большее: их доверие.

– Твое выступление с духом Ивоннель было великолепным, дорогая, – поздравила Къернилл Эскавидне.

– Да, но я расстроена, – призналась Жиндия.

Къернилл вздрогнула при этих словах – она на собственном горьком опыте усвоила, что нельзя легкомысленно относиться к любым ее намекам на угрозу.

– Я снова наполнила ванну для этого бедного грязного ребенка, – уточнила Жиндия.

Аш'ала упала на колени при одном упоминании о пытках и начала издавать странные, почти животные мяукающие звуки, царапая ногтями собственные руки.

– И, кажется, я зря потратила молоко, – сказала Жиндия. – Ведь оно станет ценным товаром, когда Остров Рофов перейдет под контроль Бэнр.

Ее слова мало успокоили перепуганную Аш'алу. Къернилл понимала, что ее дочь сломлена, и сомневалась, что молодая дроу когда-нибудь придет в себя. Если бы она могла нанести удар прямо здесь и сейчас и избавить бедную девочку от страданий, она бы это сделала.

– Не беспокойтесь, – сказала Жиндия, выпроваживая служанок обратно из комнаты и следуя за ними. – Я уверена, что смогу наколдовать что-нибудь достаточно близкое к молоку рофов, чтобы этого хватило.

Она остановилась у двери и оглянулась на Къернилл.

– Будь довольна, – сказала она. – Бэнры скоро совершат ошибку и пострадают за свой шпионаж. Мы можем проигрывать эти мелкие сражения много раз, но одна большая победа пробудит более могущественных союзников, которые объединятся под нашим знаменем. Честно говоря, я думала, что цена будет выше.

– Учти также, что Первая жрица Сос'Амπτу Бэнр предоставила убежище воинам Вандри, Миззрим и Меларн в своей часовне, – добавила она. – Дом Бэнр, вероятно, скоро будет воевать сам с собой. Как глупо со стороны Верховной Матери и этой твари Ивоннель совершать такое богохульство против леди Ллос. Они действительно верили, что у них есть шанс?

Жиндия вышла, служанки и Аш'ала последовали за ней, оставив Къернилл в одиночестве.

И действительно, бывшая Мать Къернилл из Дома Кенафин еще никогда не чувствовала себя более одиноко.

– Какой смысл у этой глупости? – потребовала Квентл.

– В самой глупости, – ответила Ивоннель. – Мы с мамой испытали момент покоя, комфорта и счастья и укрепили нашу связь. Когда мы шли сюда, чтобы поговорить с тобой и твоей дочерью, мы несли ее с собой, потому что считаем это важным. Квентл, мы пришли сюда смеясь, потому что это важно. Очень важно.

– Надеюсь, Богохульники не смеялись, когда атаковали наших врагов и отбросили их в сторону, – сказала Миринеил.

– Возможно, после этого.

– Смех, вызванный болью других, – не главное, – сказала Минолин Фей, привлекая к себе растерянные взгляды двоих.

– Почему мы совершили ересь? – спросила Ивоннель, вместо того чтобы ответить на стоявшие в их глазах вопросы.

– Чтобы освободиться от Ллос, которая разрушила надежды Мензоберранзана, – ответила Квентл.

– И что потом? Снова обретем эти надежды?

– Конечно.

– Тогда разве ты не видишь, чего не хватает?

– Почему бы тебе не просветить нас, – сухо сказала Квентл.

– Чего не хватает, так того, *какими* должны быть эти надежды. Мы когда-нибудь смеялись от радости, а не от превосходства над страданиями других? – спросила Ивоннель. – Было ли у тебя такое хоть когда-нибудь?

Миринеил нервно переминалась с ноги на ногу под пристальным взглядом Ивоннель.

– Когда мы играем, кроме как во время тренировочных боев? – продолжила Ивоннель. – Радует ли нас успехам других, если эти успехи не отражаются на нас или не дают нам какой-либо выгоды или преимущества?

– Я все еще не понимаю, к чему ты клонишь, – призналась Квентл. – На нас смотрит кровавая война. Разве мы можем играть в эти игры в такой момент?

– Надеюсь, мы не всегда будем воевать. Но нам нужно начать обдумывать, как будет выглядеть Мензоберранзан, когда война будет выиграна. Как он будет звучать? Будет ли в нем смех?

– Ты не думаешь, что мы должны сперва победить?

– Нет, – искренне ответила Ивоннель. – Потому что, когда мы действительно узнаем, за что боремся, тогда мы будем бороться еще сильнее. Эти ответы и должны быть тем, за что мы боремся. Поищи в наших общих воспоминаниях, моя благословленная родня – или, возможно, проклятая.

Квентл свирепо посмотрела на это, но ничего не сказала.

– Исследуй самые ранние дни Ивоннель Вечной. Я с трудом могу их найти, как бы ни старалась. Я не могу припомнить ни одного дня истинной свободы, свободы от страха и тревоги, от серьезности. Хотя один день, когда она просто играла, или смеялась, или даже получила любящий взгляд от кого угодно, который она возвращала с такой же радостью. Что мы потеряли и что приобрели в нашем состоянии постоянного притаившегося страха и жажды власти?

Квентл не ответила, только слегка кивнула головой.

– Кто будет править, когда Мать Жиндия будет свергнута? – спросила Ивоннель.

– Ты или я? – спросила, казалось, застигнутая врасплох Квентл.

– Верховная Мать! – настаивала Миринеил.

– Почему? – быстро спросила Минолин Фей, ясно выразив свой скептицизм как в тоне, так и в выражении лица.

Ивоннель пристально смотрела на Квентл, которая выглядела так, будто ей дали пощечину, но, к счастью, только на мгновение.

– Ты говоришь, как узурпатор, – настаивала Миринеил. Ее поза становилась агрессивной.

– Нет, – поправила ее мать, протягивая руку, чтобы удержать дочь. – Нет, Миринеил, они правы. Они задают важные вопросы.

– Я не могу вспомнить достаточно ранних дней, чтобы определить устройство общества, – призналась Ивоннель.

– Боюсь, я обнаружу ту же пелену, – согласилась Квентл. – Это было так давно. Другая эпоха, в которой наши предки были в совсем другом положении.

– Я немного знаю об обществах на Поверхности, – сказала Ивоннель. – Король Бренор и дворфы идут своим путем, лорды Глубоководья, немного другим. И власть Джарлакса над Лусканом – тоже другая. Структура Мензоберранзана же определяется силой и угрозой, а также указами Ллос, которые выражают ее самые могущественные Верховные Матери. Когда Паучья Королева уйдет, действительно ли мы будем свободны, если прежние факторы останутся основой власти?

– Дом Бэнр останется самым сильным домом, – настаивала Миринеил.

– Тогда только Дом Бэнр сможет произвести необходимые нам изменения, – мрачно признала Квентл.

– Я советую тебе найти свое сердце, – сказала ей Ивоннель. – Найди свою причину для... для всего этого. – Она направила взгляд Квентл на Миринеил. – Найди свою дочь, Квентл. И найди ее своей дочерью.

– И смейтесь вместе, – добавила Минолин Фей. Она протянула руку Миринеил, которая лишь мгновение смотрела на нее, прежде чем принять.

– Мы будем руководить боем, потому что должны, – сказала Ивоннель. – Но мы должны помнить, за что мы боремся. Возможно, это начинается с уважения и заботы обо всех, кто сражается рядом с нами.

– Меньше мести, больше... – начала Квентл и, казалось, запнулась.

– Радости, – закончила за нее Ивоннель. – Простой радости быть живым. Мы так постоянно на взводе, взволнованы и боимся, что... – Она покачала головой. – Порой я думаю, что единственные люди в этом городе, которые когда-либо испытывают простую радость, – это те, кто живет в Браэринне.

– На Улицах Вони? – спросила Миринеил, ее лицо исказилось от отвращения.

– Именно там Закнафейн и Джарлакс часто прятались от проблем знати или просто от постоянных интриг правящих Домов. Да, там на Вонючих улицах, они смеялись и играли. Где они действительно *жили*.

Миринеил покачала головой, выражение ее лица оставалось твердым.

– Когда ты, наконец, научишься улыбаться, твое лицо, скорее всего, треснет, – сказала ей Минолин Фей.

Миринеил повернулась к своей матери, Верховной Матери, явно ища поддержки.

Но Квентл пристально смотрела на Ивоннель, и она вряд ли выглядела расстроенной или даже несогласной с утверждениями Ивоннель.

Она оглянулась на дочь, кивнула и улыбнулась.

Глава 6

Долгая игра

– Великая Верховная Мать Мез'Баррис, – сказала Жиндия Меларн с низким поклоном. – Прими мою благодарность за то, что согласилась принять меня в этом величайшем комплексе.

– Посмотрим, будешь ли ты считать так же, когда закончим, – ответила Мез'Баррис тоном, который ясно давал понять, что она не в особенно великодушном настроении.

– Почему бы и нет? – спросила Жиндия. – Дом Бэнр с каждым часом становится все более изолированным.

– Они взяли Донигартен, причем после того, как прогнали твоих союзников с поля боя.

– В Храм Куарвелшаресс, где правит Бэнр, и предложили убежище тем, кто пытался свергнуть самого могущественного и решительного союзника Верховной Матери Квентл, – напомнила ей Жиндия.

– Ксорларрин, – Мез'Баррис почти выплюнула это имя. – Неужели Мать Зирит хоть на мгновение испугалась за свою безопасность? Неужели твоя атака...

– Это была не моя атака, – резко перебила Жиндия. – И теперь они До'Урдены, а не Ксорларрины, не так ли? Еще один палец в восьми глазах Ллос.

Дроу, стоявшие по бокам трона Мез'Баррис, включая ее дочь Таайрул, затаили дыхание от дерзости молодой и дерзкой Матери гораздо меньшего Дома. Мать Мез'Баррис объявляла войну и за меньшее оскорбление, чем то, которое своим тоном нанесла ей грубая Мать Жиндия.

Однако, Мать Второго Дома города не позволила себе показать ничего, и лишь слегка вздрогнула.

– В ходе атаки, – начала она, уступая словам Жиндии, – пробрался ли в комплекс До'Урденов хоть один воин? Проникло ли хоть одно заклинание за защищенные балконы этого еретического Дома?

– Нет, – ответила Жиндия без малейшего колебания. – Это было трудной задачей, тем более что сила высших еретиков, Богохульников, как их называют, затаилась в засаде.

– Сотни воинов стояли вокруг намеченного комплекса, и никто не потрудился их заметить?

– Мать Мез'Баррис, я уверяю тебя, те, кто совершил ошибки, больше их не повторяют. Но сила, которая выступила против Дома До'Урден...

– Дома Ксорларрин, – поправила Мез'Баррис. – Мне все равно, как эта старая ведьма Зирит называет себя или свою семью. Ксорларрин, К'Ксорларрин, До'Урден – они все одинаковы. Разрушенный Дом До'Урден никогда не был таким грозным, как волшебная семья Матери Зирит.

Жиндия снова поклонилась.

– Мы знали, что цель будет трудной и укрепленной, а в обороне находится большее количество волшебников, чем может выставить любой другой Дом дроу. Нападавшие были подготовлены, когда начали штурм, и знали куда отступать. И это не может радовать Верховную Мать Квентл, что ее сестра, самая набожная из семьи Бэнр, выбрала сторону.

– Мы знали? Мы знали, что цель будет трудной и укрепленной, – повторила Мез'Баррис. – Мы знали. Тыходишь в Правящий совет. Ты знаешь правила, которые управляют Мензоберранзаном. Моя дорогая Мать Жиндия, признаешь ли ты, что участвовала в нападении на другой благородный Дом?

– Не больше, чем Мать Мез'Баррис призналась бы в подобном, – ответила Жиндия, вызвав еще больше вздохов со стороны Армго. – Широко известно, что воины Дома Барризон Дель'Армго находились в этом регионе, и вступили в бой.

– Всего лишь разведчики. В том числе и Мастер Оружия, могучий Малагдорл. Он защищал переулок от толпы Богохульников, пока волшебник Кайтейн не создал подходящие врата, чтобы вывести наших разведчиков.

– Я рада, что ваши разведчики были возвращены в безопасное место. Без сомнения, легенда о Малагдорле станет еще более впечатляющей.

– Он был ранен в битве, – сказала ей Мез'Баррис. – Знай, что я считаю тебя ответственной за это, и пойми, что если бы он был убит, Дом Барризон Дель'Армго сейчас маршировал бы на Дом Меларн.

Жиндия снова поклонилась.

– Нападавшие проиграли. Они были разбиты, – категорично заявила Мез'Баррис.
– Ты думаешь, Бэнры изолированы? Моя дорогая Мать Жиндия, в Мензоберранзане победители находят союзников, а проигравшие – истребление.

– Это была всего лишь стычка.

– Планируй лучше. Или узнаешь свое место.

– Мое место с еретиками, которые украли у леди Ллос армию драуков? – осмелилась возразить Жиндия, прямо напоминая, что Дом Барризон Дель'Армго находился в лагере Дома Бэнр, когда произошла эта ересь.

– Кто может угадать истинную волю Ллос? – все что Мез'Баррис потрудились ответить. Она откинулась на спинку своего украшенного трона и повернулась к дочери, чтобы начать тихий разговор.

Жиндия потребовалось некоторое время, чтобы понять, что с ней закончили.

Она должным образом попятилась от Мез'Баррис, кланяясь на каждом шагу, пока не вышла из комнаты.

Она могла бы сыграть на амбициях. Она уже пообещала Второму Дому, что надвигающаяся буря вознесет Мез'Баррис на место Верховной Матери Мензоберранзана, с условием, что Дом Меларн будет возведен во Второй Дом.

Мез'Баррис Армго жаждала звания Верховной Матери более века, еще до того, как неудачный рейд Ивоннель Вечной против короля Мифрил Халла, Бренора, стоил Мез'Баррис ее любимого Утегенталя. Эти голод и обида на Дом Бэнр только усилились с течением времени, особенно в последнее время, когда Квентл, взойдя на пост Верховной Матери, учинила в Мензоберранзане войну с демонами.

Да, Жиндия понимала, что Мез'Баррис жаждет перемен. Она была рада, что Мез'Баррис упомянула своего внука Малагдорла, который был ее жалкой попыткой заменить потерянного Утегенталя как внешне, так по репутации.

Жиндия намеревалась полностью удовлетворить желания Матери Мез'Баррис – помочь Дому Барризон Дель'Армго уничтожить еретиков Бэнр, поднять положение Малагдорла и помочь заполучить Мез'Баррис титул Верховной Матери Мензоберранзана.

Ненадолго.

На фермах вокруг озера Донигартен обычно было тихо. На них работали рабы-гоблины и кобольды – полевые рабочие, которых насильно учили молчать, когда они выполняли свои обязанности. Теперь, однако, тишину нарушали множество солдат Богохульства, которые рыли окопы, возводили укрепленные стены и сооружали насесты для лучников. И все же, даже с неизбежным шумом этих работ, тишина вокруг Донигартена сохранялась и казалась еще более глубокой и зловещей.

Всего в паре сотен ярдов по ту сторону темных вод на острове, названном в их честь, паслись рофы. Там же надсмотрщики за стадом, озером и окружающими фермами передвигались по стенам нескольких небольших башен и единственного замка, построенного на острове. Это были Ханцрины, известные союзники Матери Жиндии Меларн, и сейчас они были почти полностью окружены Богохульством Дома Бэнр.

Очевидно, они не знали, как реагировать. Обычно они выходили с Острова Рофов и требовали, чтобы все нарушители убирались, подкрепляя свои действия непререкаемым авторитетом Правящего совета.

Но это были Бэнры, и аристократы Первого Дома ходили по берегу, руководя осадой.

– Должны ли мы полностью изолировать врагов на их островной скале? – спросила Воселли у Мастера Оружия Энджрела Бэнра, руководившего операцией.

– Оставьте им путь к Восточным туннелям, но пусть разведчики подсчитывают всех выходящих и входящих, – приказал Энджрел. – Пусть уходят из города, если пожелают. Они могут найти дорогу обратно через туннели в других местах. Чем меньше Ханцринов будет на Острове Рофов, тем лучше для нашего положения.

– Ты думаешь, они пойдут против нас?

– Не в одиночку, конечно. Богохульники под моим командованием могут уничтожить весь Дом Ханцрин. Этот маленький аванпост не продержится и часа, если мы переправимся и атакуем, и они это знают. Они придут и спросят о наших намерениях, и вступят в переговоры, ибо какой у них выбор?

Он указал на рощу высоких грибов к северу от их лагеря.

– Равель Ксорларрин До'Урден с другими волшебниками До'Урден скоро будет готовить там круги телепортации, – объяснил он. – Не позволяйте ни одному солдату Богохульства мешать их важным обязанностям.

– Чтобы привлечь союзников, если на нас нападут? – спросила Воселли, поскольку подозревала обратное.

– Возможно, – был ответ Энджрела. – Сейчас это не твоя забота. Иди и займись делом.

С поклоном Воселли покинула Мастера Оружия Бэнра, которого многие считали превосходным тактиком, даже если и не первоклассным воином. Рядом с ней шла Алеандра.

– Это был неожиданно двусмысленный ответ, – сказала ей Алеандра, когда они были далеко от Энджрела.

– Мы здесь не для того, чтобы сражаться с Ханцринами, – сказала Воселли. – Мы здесь даже не для того, чтобы контролировать продукты питания и торговлю. Есть ли в Мензоберранзане Дом, в котором нет жриц, способных прокормить свои ряды? И кого волнует торговля за пределами города, когда надвигается война?

– Тогда мы здесь, чтобы заявить о вызове и, возможно, выманить врагов.

– Бэнры хотят, чтобы наши враги увидели нас и поняли, что мы их не боимся и что это они должны бояться нас, – согласилась Воселли.

– Тогда для чего Ксорларр... волшебники До'Урден будут готовить магические круги?

– Посмотри туда, – сказала Воселли своей боевой подруге Амвас Тол. – Мензоберранзан – это лес каменных башен и сплошных теней. Быстрое размещение нужных сил в нужных местах определит победителей не меньше, чем качество армий.

– Однако мы могли бы легко делать это из Дома Бэнра, где нет недостатка в волшебниках и туннелях, как мы только что сделали при защите комплекса До'Урден.

– Дом Бэнр не нуждается в том, чтобы мы охраняли их стены. – Тогда Воселли увидела картину более ясно, улыбалась и кивала, молча поздравляя планировщиков Бэнр. – Здесь мы являемся настоящей демонстрацией силы.

– И мишенью, – напомнила ей Алеандра. – Мы – величайшее оскорбление для тех, кто следует пути Ллос. Идеальное место, чтобы выплеснуть насилие и недовольство тем, кто хочет обрести благословение Паучьей Королевы. Разве мы не видели таких приспособленцев в Браэринне несколько дней назад?

– Мы готовы, – сказала Воселли. – Пусть приходят. Пусть они все приходят. Хотя я сомневаюсь, что кто-то из них будет настолько смелым.

– Тогда скука – наш главный враг.

Воселли обратила внимание Алеандры на Остров Рофов.

– Посмотри внимательно. Энджрел скоро заключит сделку с теми, кто пасет стадо. Мы будем лакомиться ножками рофов, пока наши враги сидят в своих норах и едят волшебный хлеб. Это не наказание, мой старый друг. Это наша награда. Ходить открыто, хорошо питаться.

– Это не продлится долго, – предсказала Алеандра.

– О, нет, конечно, нет. Как сказал мне Дайниннэ, в переулке за Домом До'Урден я сражалась против Мастера Оружия Барризона Дель'Армго, Второго Дома. А это значит, что все взаимосвязано.

– Надвигается буря, так что давай наслаждаться покоем.

– Успокойся, – сказала Эскавидне удивленной Къернилл Кенафин Меларн, когда та неожиданно ворвалась к жрице в ее личные покои.

– Почему ты так расстроена, дитя? – спросила служанка, закрывая дверь и присаживаясь на кровать рядом с женщиной, которая вскочила от беспокойного сна, когда дверь распахнулась.

Къернилл хотела отпрянуть от служанки, которая появилась сейчас, как обычно, в виде почти обнаженной и бесспорно красивой женщины-дроу. Къернилл, однако, знала истинную форму существа – комок одушевленной грязи, больше похожий на полурасплавленную свечу, чем на что-либо разумное.

Сейчас она пыталась выкинуть этот образ из своих мыслей. Она была служанкой Ллос, демоническим существом, перед которым даже Верховная Мать Мензоберранзана благоразумно преклонила бы колени.

Она закрыла глаза и собралась с силами, когда Эскавидне протянула руку, чтобы нежно погладить ее по щекам и шее.

– Скажи мне, – проворковала Эскавидне.

– Ты напугала меня, вот и все, – настаивала Къернилл. – В конце концов, мы находимся в состоянии войны, и к тому же против Дома Бэнр. Когда я услышала стук двери, я испугалась...

– Дитя, – сказала Эскавидне, – первые арбалеты едва выстрелили. Дом Бэнр даже не объявил о начале войны. Уверяю тебя, они ищут другие способы, помимо войны.

– С самых ранних дней меня предупреждали об опасности переходить дорогу Дому Бэнр, – призналась Къернилл.

– Правда? – спросила служанка, и она задумчиво произнесла: – Хм.

– Верховная Мать Бэнр, Ивоннель Вечная, правила этим городом за пределами самых старых воспоминаний старейших дреу, – напомнила ей Кьернилл. – Правление этого Дома не подвергалось угрозе ни при моей жизни, ни при жизни моей матери. О, конечно, было много недовольства и ворчания, когда старой Верховной Матери Бэнр не удалось захватить город дворфов Мифрил Халл, но даже тогда...

– А в Смутное время?

– Да, даже тогда, даже когда восстал Дома Облодра, – согласилась Кьернилл. – Вспомни, что с ними случилось,

Эскавидне рассмеялась.

– Ты думаешь, тогда проявилась сила Матери Бэнр?

Прежде чем Кьернилл смогла ответить, служанка резко добавила:

– Или сила Ллос?

– Ллос, конечно! Но через сосуд Верховной Матери Ивоннель Бэнр.

– И поэтому тебя по праву учили бояться переходить дорогу Дому Бэнр, из опасения вызвать ее гнев. Но считаешь ли ты, что они опаснее, чем Леди Ллос?

– Конечно, нет!

– Успокойся, дитя. Я здесь не для того, чтобы испытывать тебя или бороться с тобой.

Она наклонилась и поцеловала Кьернилл, затем хрипло прошептала:

– Я пришла с намеками на большие надежды.

– Я... я не понимаю.

– Как ты думаешь, кто победит в этой войне?

– Тот, кто имеет благословение Ллос, – продекларировала Кьернилл, ибо любой другой ответ на этот вопрос посчитался бы богохульством.

– Да, но даже у этой стороны будут жертвы. Много жертв. В конце концов, кто может сказать, какая сторона обретет необходимое благословение?

Кьернилл отодвинулась от Эскавидне, с любопытством глядя на нее.

– И какие будут последствия для тех, кто окажется по другую сторону? – добавила служанка.

Кьернилл потребовалось немало времени, чтобы переварить это, прежде чем, заикаясь, ответить:

– На что ты намекаешь?

– Когда все закончится, что бы ни произошло, Мензоберранзан станет другим местом. Несомненно, произойдет перестановка вещей, Домов, Матерей. По воле Ллос, Жиндия Хорлбар стала Матерью Дома Меларн, когда дома Хорлбар и Кенафин были объединены в один. Это был мудрый выбор.

– Да, служанка.

– О, прекрати это, глупая женщина, – отругала Эскавидне. – Это должна была быть Жиндия, разве ты не понимаешь? Потому что она самая ревностная в путях Паучьей Королевы.

– И поэтому она должна вознестись, чтобы стать Верховной Ма...

– Я не это сказала. Ее пыл был необходим. Ее фанатизм, амбиции, ее желание и верность – все это было необходимо во время великого испытания детей Ллос. Неужели ты думаешь, что Ллос не предвидела ересь Дзирта До'Урдена? Или

зарождающуюся независимость Бреган Д'эрт и их любящего иблисов лидера? Ты знаешь о нем, Къернилл из Дома Кенафин?

– Да, конечно же, я знаю Джарлакса. Я управляла Домом как Мать, и каждая Мать знает его. Однако я редко имела с ним дело.

– Ты знаешь его секрет?

Она уставилась на Эскавидне, ничего не понимая.

– Он сын Ивоннель Бэнр, – сказала Эскавидне, и Къернилл испугалась, как бы ее глаза не вылезли из орбит. – Брат твоей нынешней Верховной Матери, дядя молодой и опасной Ивоннель. Если ты кому-нибудь расскажешь об этом, я позволю личинкам съесть твою дочь целиком, а потом брошу тебя в ванну поверх ее костей и фекалий, – предупредила Эскавидне, и Къернилл не сомневалась в этом, но едва ли могла осознать – настолько она была потрясена откровением.

– Да, и на момент рождения Джарлакса он стал третьим сыном Верховной Матери Ивоннель, после Громфа и Доквайо.

– Я не знаю о Доквайо.

– Это было задолго до твоего рождения, и он был мужчиной небольшого значения и репутации, – объяснила служанка. – Он был вторым сыном Дома Бэнр, что немаловажно. И Джарлакс, как третий, должен был быть принесен в жертву, потому что правящий Дом не посмел бы бросить вызов Ллос таким образом. Но что-то случилось. – Она рассмеялась. – Воля Ллос вмешалась в образе Матери Дома Облодра, тайно защищая Джарлакса, перенаправляя силу удара, который убил бы его, обратно на довольно бесполезного второго мальчика. Так похоже на Дзирта, тебе не кажется?

Къернилл пожала плечами, затем покачала головой, потому что она мало что знала о Дзирте До'Урдене. Однако она слышала, что его должны были принести в жертву. Но этого не случилось, потому, что один из других сыновей Матери Мэлис До'Урден был убит той же ночью во время налета на другой Дом.

– Это не имеет значения, – сказала Эскавидне. – Важно то, что все эти экстраординарные события вокруг тебя, весь этот хаос, все эти... возможности были предвидены. Джарлакс был испытанием для дроу, разве ты не видишь? Ибо ему были даны бразды правления собственной колесницей, чтобы забираться в места, в которые мужчинам не следует. И Дзирт, конечно же, является окончательным испытанием.

– И Дом Бэнр провалил это испытание, – сказала Къернилл, но ей больше хотелось спросить об этом, чем заявить, потому что ей было трудно поверить в такую вещь. Возможно ли, что все это было предопределено? Это казалось нелепым. Джарлакс был на несколько столетий старше Дзирта До'Урдена, а Дзирт До'Урден никогда не был чем-то большим, чем второстепенным игроком в жизни Мензоберранзана.

За исключением недавнего времени, поняла Къернилл, когда Верховная Мать Квентл и это странное существо Ивоннель – те самые две жрицы, которые, совершили величайшее богохульство, вернув драуков в форму дроу на Поверхности, – использовали Дзирта как копье Мензоберранзана. Наполнив его силой, они бросили его в гигантское, чудовищное тело Демогоргона. Дзирт был копьем, использованным для победы над одним из самых могущественных соперников Ллос.

И та же самая Мать Дома Облодра, К'ьорл Одран, возвращенная из Бездны, была проводником этой силы, направляя ее из разума улья иллитидов в физическое тело кого?

Дзирта!

К'ьернилл было трудно дышать в этот момент. Ей казалось, что нити замысловатой паутины плывут по воздуху и соединяются перед глазами, превращаясь в прекраснейшую и смертоносную паутину.

– Видишь, дорогая? – сказала Эскавидне. – Все это кажется таким опасным, диким и неконтролируемым, но Ллос только усмехается.

– Она сделала все это, – пробормотала К'ьернилл.

– Она делает все. Она всемогуща, всевидяща. Паутина принадлежит только ей, и она может перебирать ее, как струны демонической лютни, чтобы создать песню, которую она определит. Ей нужна была Жиндия, потому что Жиндия не прогнется, никогда не прогнется. Но когда это будет сделано, возможно, появится лучший выбор, чтобы провести детей Ллос через хаос. Кто может знать, кроме Ллос?

К'ьернилл не моргнула – и почти задалась вопросом, моргнет ли она когда-нибудь снова!

– Хорошо сыграй свою роль, – прошептала ей Эскавидне, и она снова придвинулась ближе. – Занавес этой великой симфонии опустится, и кто будет дирижировать следующей?

Она закончила поцелуем, долгим и сильным. Она толкнула К'ьернилл на кровать и забралась на нее сверху, целуя и лаская.

Женщина, слишком ошеломленная, чтобы начать думать, как реагировать, сосредоточилась только на том, чтобы не пускать гротескную истинную форму этого демона йоклол в свои мысли, и сделала, как ей было велено.

Дайниннэ наконец-то немного отдохнул, прислонившись к стволу гигантского гриба. У него голова шла кругом от возможностей и страха. Сможет ли он выжить в этой войне? Если нет, вернется ли он назад в клубящийся едкий дым Бездны, в обитель Ллос?

Превратит ли его снова драука или еще хуже?

Или он наконец-то освободился от нее?

Он лежал и пытался разобраться во всем этом, когда заметил приближающуюся к нему фигуру. Это была женщина из другого времени, высокая и смуглая, с широкими плечами и сильной челюстью.

– Рада видеть тебя снова, молодой воин, – подходя, сказала Алеандра.

Дайниннэ усмехнулся и приподнялся.

– Молодой, – повторил он, фыркнув.

Алеандра опустила на мох рядом с ним, уронив свое короткое копье набок и безуспешно пытаясь приладить меч в ножнах к камню, торчащему из мягкого ложа. Наконец, она издала громкое «Хррр!» и просто расстегнула пояс с мечом и отбросила его в сторону.

– Где Воселли? – спросил Дайниннэ.

– Я позволила другим присмотреть за ней немного, – легкомысленно сказала Алеандра. – А мне пора отдохнуть.

– Хорошо, я понял, – согласился Дайниннэ.

– Не возражаешь, если я сделаю это рядом с тобой? – спросила Алеандра, ее вежливость удивила бывшего До'Урдена, который вряд ли привык, чтобы женщины-дроу о чем-либо его просили.

– Это хорошее место. Мох мягкий и густой, – ответил он.

Она придвинулась ближе, и посмотрела ему в глаза.

– Скажи мне, – обратилась она к нему, – ты снова стал ценить свое прежнее тело?

– Хорошо, что у меня нет восьми ног, которые нужно подгибать под себя, чтобы отдохнуть, – согласился он.

– Как хорошо просто лежать! – заявила Алеандра, и Дайниннэ не мог с этим поспорить.

– Если я правильно помню, а прошло уже много веков я признаю, что в этом теле дроу многие вещи приятны, – добавила она, придвигаясь еще ближе. – Удовольствия, которые драук не может знать.

– Думаю, ты все правильно помнишь, – ответил он, странно нервничая. – Но, возможно, я тоже забыл обо всем этом.

Алеандра протянула руку и нежно положила ее ему на грудь.

– Хочешь, вспомним вместе?

Дайниннэ почувствовал, как его сердце бешено забилося в груди. Он даже не думал о подобном, вернее, думал, но только смутно и с Воселли. Теперь, однако, с Алеандрой, которая была так близко, нежно прикасалась к нему, которая просила, а не требовала, он начал чувствовать возбуждение.

– Нет, – резко ответил он и отвернулся.

Алеандра отдернула руку, и Дайниннэ услышал тихий вздох. Через мгновение он оглянулся и увидел, что она смотрит на него и выглядит по-настоящему обиженной.

– Я оставлю тебя, – сказала она и стала собирать оружие, но едва она начала, как Дайниннэ схватил ее за предплечье и развернул лицом к себе.

– Я хотел посмотреть, – сказал он ей. – Понимаешь? Какие правила были при тебе.

– Не уверена, что понимаю, о чем ты говоришь.

– Ты спросила меня.

Она выглядела сбитой с толку.

– Ты не приказала мне, не требовала. Ты попросила меня, – попытался объяснить он.

– Конечно.

– Вот как это было?

– Ты снова сбиваешь меня с толку, Дайниннэ.

– В Мензоберранзане моего времени, женщины, особенно благородного происхождения, не просили простого мужчину. Они приказывали ему, что он должен сделать, чтобы доставить удовольствие. И горе ему, если он не выполнит любое их требование.

– Интересно, – сказала Алеандра. – Возможно, я предпочла бы твоё время. – закончила она со смехом.

– Мне было бы очень приятно вспомнить его вместе с тобой, – сказала ей Дайниннэ.

Ему не пришлось повторять ей дважды.

– Конечно, она тебе не поверила, – сказала Йеккардаря Эскавидне, когда они остались вдвоем в туннелях под Домом Меларн в своих уродливых формах йоклол. Два холмика слизи. – Ллос всё это предвидела? Она позволила третьему сыну Ивоннель жить, чтобы он сыграл свою роль спустя сотни лет? Я плохо помню, но что я точно помню, так это то, что Дом Бэнр потерял благосклонность Ллос во время рождения Джарлакса, из-за той небольшой подмены в жертвоприношении. И за вмешательство в церемонию, К'юрл из Дома Облодра сбила себя и свой Дом с пути Ллос, с небольшим шансом на примирение.

– Ты всё правильно помнишь, – заверила Эскавидне свою сестру-прислужницу.

– Но Къернилл, которая когда-то была Матерью Дома, поверила тебе? – с каждым словом Йеккардаря становилась всё более недоверчивой.

– Конечно, чтобы стать Матерью, не требуется особый ум или проницательность. Къернилл Кенафин никогда не была впечатляющей дроу. И да, она мне полностью поверила. Она думает, что весь нынешний хаос, это танец, поставленный в прошлые века. Всё это грандиозный спектакль марионеток, с Ллос в роли кукловода.

– Если бы Ллос была кукловодом, она бы оборвала все нити и бросила дураков в циклон, наслаждаясь хаосом, – размышляла Йеккардаря. – Вся эта идея нелепа. И теперь Къернилл верит, что Жиндия может пасть, передав ей власть над Домом Меларн – и возможно, над всем Мензоберранзаном?

– Дорогая сестра, нетрудно убедить смертную поверить в то, во что она так сильно хочет верить, – объяснила Эскавидне. – Нетрудно предположить более глубокую причину простого совпадения или создать закономерности в несвязанных между собой в событиях. Эти смертные жаждут более глубокой истины – намек на неё обладает мощной притягательной силой. И они стремятся к упорядоченной вселенной вокруг себя, фанатично ищут закономерности, когда их не существует, и молятся, вечно молятся контролирующей фигуре, чтобы она позаботилась о них.

– Итак, теперь Къернилл Кенафин знает то, что знает, и любой, кто попытается убедить её в обратном, столкнется со стеной сомнений, – рассуждала Йеккардаря.

– И гневом, – сказала Эскавидне. – Великим гневом. Жестоким гневом. Потому что то, во что она теперь верит – нет, то, что она теперь знает как правду, – это то, что она отчаянно хочет, чтобы было правдой.

– Она будет делать всё, что мы ей скажем.

– Что ещё важнее, сестра, Къернилл не сделает того, чего мы не хотим. Она не выдаст нас Ивоннель Бэнр. – Эскавидне сделала паузу и вздохнула, в её форме расплавленной свечи раздался булькающий и ворчливый звук, похожий на обильную отрыжку горного гиганта. – Воистину, сестра, – добавила она, – я не верю,

что когда-либо получала больше удовольствия от игры, в которую Ллос позволяет нам играть с этими глупыми смертными.

– Как ты думаешь, что с нами будет, когда все закончится? – спросила Алеандра Дайниннэ, когда они закончили, лежа бок о бок под своими плащами глубоко в тени грибной рощи. Ей очень понравилась эта возня, но она ожидала, что разговор понравится еще больше.

– Если мы выживем?

Алеандра хихикнула.

– Да, если выживем. Если умрем, я надеюсь на забвение – думаю, это лучшее, на что мы можем надеяться. Но это за пределами нашего решения.

– Я не очень много думал об этом, – признался он. – Я просто пытаюсь остаться в живых. – Он посмотрел на нее с лукавой усмешкой. – И сейчас я более живой, чем совсем недавно.

Она поцеловала его.

– Ты хочешь остаться в Доме Бэнр?

– Полагаю, это был бы самый безопасный выбор, если они победят. А я думаю, что они победят. Кто бросит вызов воину Дома Бэнр, когда мы покончим с этими Меларнами и их союзниками?

– Я не хочу, – решила Алеандра, перекатываясь на спину и глядя на шляпку гриба высоко над головой. – Он слишком большой. Их слишком много.

– Тогда где?

– В союзном Доме, конечно, с большой властью и хорошей защитой. – Она искоса взглянула на него и хитро улыбнулась. – Возможно, построенный в стене пещеры.

– Что? – спросил он, и тут его осенило. – Дом До'Урден?

– Почему бы и нет? У них много волшебников и жриц, но мало воинов, и мы, несомненно, доказали свою ценность в этом отношении.

– Не уверен, что это будет наш выбор.

– Я думаю, что в какой-то мере так и будет. Итак, скажи мне, Дайниннэ.

– Сказать тебе что?

– Ты знал это место, – ответила Алеандра. – По крайней мере, слышал о нем.

– О нем, да, – ответил он, и Алеандра наблюдала, как он изо всех сил старается, чтобы его голос звучал ровно и тщательно подбирая слова. – Дом До'Урден был могущественным и опасным, когда я ходил по Улицам Вони.

– И с великим Мастером Оружия, – сказала она чересчур драматично.

– Воистину великим, – категорично ответил Дайниннэ. – Я не знаю, был ли у Закнафейна равный.

– Он тренировал тебя?

Дайниннэ с трудом сглотнул.

Алеандра отметила и это.

– В Академии, я имею в виду. Он, без сомнения, был Мастером в Мили-Матгире.

– Он был, но нет, я никогда не посещал Академию. Не было покровителя. Ни Дома. Тем не менее, я много тренировался с тем, кого обучал Закнафейн До'Урден. Воин самого элитного боевого отряда Дома До'Урден, который поселился в Браэринне

после великого падения Матери Мэлис и Дома До'Урден. Я полагаю, он был командиром в этой бригаде и одаренным воином по любым стандартам.

– Понятно, – сказала Алеандра, и она действительно поняла. – Скажи мне, Дайниннэ когда-нибудь становился таким же хорошим, как тот командир элитного отряда Закнафейна?

– Я убил его, – сказал Дайниннэ. – Я убил его в честном бою.

– Ты сожалеешь об этом?

– Нет. Это... это просто случилось.

– Из-за этого тебя превратили в драука?

– Нет, нет, это было... нет.

– Что ж, я рада, что ты победил. И если ты сражаешься так же хорошо, как ты... – Она остановилась и похотливо улыбнулась, затем сказала: – Надеюсь, мы часто будем тренироваться вместе.

Она перекатилась на бок и прижалась к нему, а Дайниннэ закинул руку ей через плечо. Алеандра снова улыбнулась, когда услышала, как он сказал:

– Хорошо вернуться в это тело.

Глава 7

Проникновение

– Нужно всматриваться в тени, чтобы заметить армию, – сказала Ивоннель Минолин Фей и Сарибель До'Урден, которые втроем смотрели на фермы и грибную рощу с возвышения на северной стене. Перед ними, вплоть до линии сталагмитов, известных как Паучьи Клыки, притаились Богохульники, на этот раз вместе с воинами Домов Бэнр и Фей-Бранч. В засаде затаилось достаточно воинов, чтобы замечание Ивоннель оказалось лишь незначительным преувеличением.

На этот раз они не собирались позволять врагам сбежать. Судя по результатам первой стычки и быстрому отступлению врага, Ивоннель стало ясно, что Жиндия не собиралась бросать свои войска в решающую битву раньше времени. Осторожность и даже нерешительность Жиндии были вполне логичны, поскольку крупное поражение с массовыми жертвами могло положить конец ее надеждам на открытое привлечение влиятельных союзников к борьбе с могущественным Домом Бэнр.

Однако, теперь казалось, что Жиндия еще больше впадает в отчаяние. Во время очередного визита с помощью псионической силы иллотида, Ивоннель узнала от Кьернилл, что осада Домом Бэнр Донигартена и Острова Рофов значительно ухудшила положение Жиндии среди других правящих Домов.

В конце концов, эта область вокруг озера являлась наиболее открытой местностью Мензоберранзана, и отряд воинов не смог бы легко удерживать эту позицию против армии жриц и волшебников.

Ивоннель пристально посмотрела вниз, на юго-запад, на Браэрин, на Паучьи Клыки, предвкушая ожидаемый шаг.

По словам Къернилл, Мать Жиндия думала, что эта территория удерживается простыми воинами, и поэтому она закидает ее атакующими заклинаниями, а затем ворвется с собственными войсками, чтобы разрушить осаду. И иллюзию господства Бэнр.

Но, как надеялась Бэнр, Жиндия, заблуждалась, ибо сейчас ряды армии Богохульства незаметно пополнялись волшебниками Ксорларрин-До'Урден и жрицами Бэнр.

Как только начнется сражение, Богохульники окружат нападающих, быстро обойдя их с северного и южного флангов, и здесь, на открытой местности, на виду у всего Мензоберранзана, армия Матери Жиндии Меларн будет разгромлена.

Взгляд Ивоннель скользнул по огромной пещере к городским часам. Как утверждала Къернилл, нападение должно произойти, когда свет Нарбондель окажется на полпути к зениту.

Часы светились уже выше трети. Оставалось недолго.

Трезубец Малагдорла Армго заставил гриба-визгуна замолчать сразу же, как только раздался короткий вскрик. Мастер Оружия обернулся к жрицам, которые накладывали тишину на области. Его хмурый взгляд обещал наказание, если он когда-нибудь выяснит, кто из них неправильно нацелил заклинание тишины, чтобы исключить этот сигнальный гриб.

Но не сейчас. Теперь не было ни пути назад, чтобы отступить, ибо налетчики совершили преступление. Войска Барризон Дель'Армго и их союзников уже пробивались сквозь внешнюю оборону этого правящего Дома.

Дом Фей-Бранч был одним из старейших в Мензоберранзане, его род насчитывал тысячи лет – по их словам, даже больше, за пределами недавно объявленной даты основания города, о которой сообщалось в воспоминаниях Ивоннель Вечной.

Мать Фей-Бранч, Биртин Фей, тоже была стара, ее власть, как и власть ее Дома, считалась угасающей.

Конечно, за исключением того, что ее старшая дочь, Минолин Фей, теперь была Бэнр, женой бывшего Архимага, матерью Ивоннель, которая в настоящее время была одной из самых могущественных фигур в Мензоберранзане.

Однако, удача Минолин Фей еще не обратила вспять годы упадка Дома Фей-Бранч, и Мать Биртин выживала и процветала в основном благодаря союзу и традициям.

Дом Фей-Бранч был Пятым Домом Мензоберранзана, но мало кто считал его сильнее нескольких Домов, стоящих за ним, три из которых присоединились к Баррисон Дель'Армго в этом самом необычном, самом неожиданном, самом разрушительном набеге.

Эта опасная реальность значительно усугубилась этой ночью, поскольку многие воины Матери Биртин находились более чем на полпути через город, готовя великолепную засаду, которая, по их мнению, должна была полностью покончить с угрозой со стороны жалкой Жиндии Меларн.

К тому времени, когда тот единственный часовой пронзительно завизжал, большая часть магической защиты Дома Фей-Бранч уже была развеяна, а две внешние двери сломаны.

– Ну, давай же, – пробормотала встревоженная Ивоннель. Она хотела, чтобы в этой бойне не было необходимости, но раз уж та произойдет, она хотела, чтобы все закончилось как можно быстрее. Она оглянулась на Нарбондель, до сих пор не до конца погрузившуюся во тьму.

Она уже начала отводить взгляд, когда ее внимание привлекло небольшое мерцание света, бело-голубая вспышка, которая, как она поняла, была молнией, но исходящая из сооружения.

Это произошло в районе, расположенном неподалеку от часов, называемого Нарбонделлин, и разве это не было любопытно?

– Будь проклята Ллос, – прорычала могущественная женщина, когда до нее начала доходить истина.

– Что? – спросила Минолин Фей, которая проследила за взглядом Ивоннель через город.

Сверкнула еще одна вспышка.

– Это...?

– Дом Фей-Бранч, – закончила Минолин Фей и ахнула.

Ивоннель поняла, что именно произошло в тот ужасный момент. Она поняла, почему их враги так быстро и эффективно покинули поле боя, попав в засаду у Дома До'Урден, и почему, как нельзя кстати, Храм Куарвелшаресс был готов принять и предложить им убежище.

– Умница, Жиндия, – прошептала она себе под нос. Она понимала, что должна действовать быстро и эффективно, чтобы исправить положение.

Однако она понимала, что не успеет спасти Дом Фей-Бранч еще до того, как Минолин Фей начала выкрикивать приказы о выдвижении. Нет, Дом Фей-Бранч был слабой крепостью, больше помпезности, мишуры и традиций, чем суровой силы.

Если Мать Жиндия зашла так далеко, чтобы совершить набег, Ивоннель была уверена, что войско, направленное против Дом Фей-Бранч было сокрушительным и яростным.

Она взглянула на свою мать, которая спускалась со стены и кричала, чтобы Богохульники и другие выдвигались, и Ивоннель поморщилась, осознав ужасную правду.

Мать Минолин Фей и единственная оставшаяся в живых бабушка Ивоннель, вполне возможно, уже была мертва.

Мать Биртин Фей ворвалась в главную часовню Дома, где ее ждали четыре дочери и горячо молились.

– Как это можно было не предвидеть? – выругалась она.

Где-то далеко внизу раздался взрыв, вероятно, удар молнии, и все строение сильно задрожало.

– Верховная Мать Квентл велела нам участвовать в битве по всему городу, – напомнила ей Первая жрица Айдиана Фей. – Наши враги узнали.

– Нас предали, – сказала жрица Алаги, младшая и, возможно, самая многообещающая дочь Биртин.

– Сколько сейчас в нашем распоряжении? – спросила Мать.

– Меньше половины воинов, – ответила Айдиана. – Мастер Оружия, Главный Маг Дома и почти все волшебниками далеко на востоке.

Биртин подумала о своем внуке Гелдрине, который стал одним из самых искусных Мастеров Оружия в Мензоберранзане, одноклассником и соратником – смеет ли она называть его другом? – Энджрела Бэнра. Она была так счастлива, когда он накануне возглавил отряд Фей-Бранч к Дому Бэнр, а затем отправился к Донигартену. Она верила, что он сделает так, чтобы его семья гордилась им в предстоящей битве, и принесет больше уважения Дому – Дому, который, как открыто утверждали соперники, получил слишком высокий ранг, и который позволил Биртин занять слишком влиятельное место в Правящем совете.

– Перекрыть все коридоры выше первого этажа, – приказала она. – Заприте нас здесь, и пусть заклинания света летят высоко и далеко, чтобы Дом Бэнр знал, что на нас напали.

Не успела она закончить мысль, как сильный удар обрушился на дверь комнаты, привлекая их всех. Дверь не распахнулась – она упала в комнату вместе с косяком, и порыв воздуха закружил густой туман от сломанного портала над порогом. Когда туман рассеялся, Мать Биртин увидела знакомую фигуру в проеме – Калагера Фей-Бранча, ее давнего покровителя и отца трех из шести ее дочерей.

Биртин потребовалось мгновение, чтобы понять, что Калагер стоит не по своей воле, его ноги странно согнулись, плечи поникли, голова склонилась набок.

Он внезапно шагнул вперед, глядя на нее сверху широко раскрытыми от потрясения и боли глазами, и рухнул лицом вниз на пол, с тремя равноудаленными и растущими пятнами крови на спине его одеяния.

Его сбросили с заостренных зубцов трезубца, черного трезубца, печально известного всему городу.

Малагдорл Армго вошел в комнату, кровь Калагера капала с конца его оружия.

Айдиана Фей начала размахивать руками в соматических движениях мощного заклинания.

– Ты действительно хочешь сразить любимого сына Дома Барризон Дель'Армго? – раздался голос из туманной темноты позади Малагдорла. Мгновение спустя мимо Малагдорла прошла женщина, чей вечно хмурый взгляд был хорошо известен Биртин и почти каждому в Мензоберранзане.

Айдиана Фей посмотрела на свою мать, ища совета, и Биртин быстро покачала головой, давая знак Первой жрице прекратить заклинание.

– Что ты здесь делаешь, Мать Миз'ри? – спросила Биртин у главы Четвертого Дома города, Дома Миззрим. – Ты что, с ума сошла?

– Мы все должны сделать свой выбор, Мать Биртин. Я решила, что лучше сделаю свой пораньше. – Миз'ри посмотрела на Алаги, затем указала на Калагера. – Он твой отец, не так ли, дитя? – спросила она. – Иди быстрее, и используй данные Ллос силы, чтобы спасти его жизнь.

– Ты знаешь, против кого ты выступаешь? – спросила Биртин свою соперницу.

– Ты знаешь, рядом с кем я стою, – ответила Миз'ри, глядя на громоздкого Мастера Оружия Барризон Дель'Армго.

– Госпожой Ллос, – добавила она, как будто указание на Второй Дом города было недостаточно убедительным. – Я стою рядом с госпожой Ллос.

– Убирайся, – приказала Биртин. – Мы так же стары, как любой Дом в Мензоберранзане, находимся и заседаем в Правящем Совете на протяжении тысячелетий. Это святотатство.

– Твой Дом уже пал, старуха, – заявил Малагдорл. – То, что ты слишком глупа, чтобы понять это, не делает это неправдой.

Мать Биртин с ненавистью уставилась на него. Позади нее Айдиана стала снова тихо произносить заклинание, в то время как перед ней Алаги начала исцелять павшего Калагера.

– Останови своих жриц, Мать Биртин, – приказала Миз'ри. – Кроме исцеления, которое я разрешила. Сила, которая выступила против тебя в этот день, будет угрожать самому Дому Бэнр, я уверяю. И они прячутся повсюду в твоём комплексе, пока Дом Бэнр ищет в другом месте. Мастер Оружия Малагдорл говорит правду. Вы побеждены. Битва закончилась еще до того, как вы в нее вступили – похоже, вы тоже искали в другом месте.

Биртин провела языком по губам. Второй и Четвертый Дома, по крайней мере, выступили против нее, и она не сомневалась, что к ним присоединились и другие. В Мензоберранзане обычное нападение означало, что никто не мог остаться в живых в качестве свидетелей. Одному дому не запрещалось нападать на другой, до тех пор, пока их не поймают.

И все же она все еще была жива, как и ее дочери и Калагер, поняла она, когда ее покровитель закашлялся под исцеляющими руками Алаги.

– Мать Жиндия не винит тебя за ересь твоей внучки или за плохой выбор, который сделала твоя дочь, связавшись с гнусными Бэнрами, – объяснила Миз'ри. – Твое замешательство не является неожиданным и считается разумным – настолько, что, возможно, твоя судьба еще не предрешена.

– Ты говоришь хитрыми загадками, – выругалась Биртин.

– Я говорю настолько ясно, насколько позволяет ситуация. – поправила Миз'ри.

– Мы не хотим уничтожить такой старый и до сих пор преданный Паучьей Королеве Дом, как семья Фей-Бранч. Мы просто хотим... вывести вас из предстоящей битвы. Мы делаем это как для вашего будущего, так и для нашего собственного.

Мать Биртин была рядом с Миз'ри достаточно долго, чтобы увидеть ложь такой, какой она была. Она не думала, что порочная женщина лжет, предлагая пощаду, но цель этого нападения была совершенно очевидна для Биртин: Матери Жиндии нужна победа, чтобы произвести впечатление на своих потенциальных союзников, включая два могущественных Дома, стоящих перед ней прямо здесь, в ее часовне. С помощью захвата столь ловким финтом Мать Жиндия показывала Матери Миз'ри, и более того, Матери Мез'Баррис Армго, что она, а не Дом Бэнр, одержит победу.

– И что же нам остается? – спросила она.

– Ты и твои дочери останетесь нашими пленниками. Действительно, этот комплекс станет тюрьмой для всех вас, включая волшебников и твоего внука, когда они вернутся с Донигартена.

Айдиана и Биртин обменялись взглядами.

– На нашей стороне благословение и взор Ллос, Мать Биртин, – сказала Миз'ри. – Конечно, ты это понимаешь.

– Итак, вы хотите, чтобы мы присоединились к вам в вашей борьбе против Дома Бэнр, когда до этого дойдет? – спросила Айдиана Фей.

– Нет, мы просто надеемся, что нам не придется убивать вас. Когда мы избавимся от Бэнров и Ксорларринов, которые осмелились присвоить фамилию великих еретиков! – и от тех Домов, которые оказались достаточно глупы, чтобы присоединиться к ним, мы хотим восстановить Мензоберранзану его законную славу.

– С Жиндией Меларн в качестве Верховной Матери?

– Верховной Матерью Мез'Баррис, – хрипло ответил Малагдорл, прежде чем Миз'ри успела это сделать.

– Давно пришло время перемен, особенно после богохульства, совершенного двумя жрицами Бэнр в Верхнем Мире. Да, Мать Биртин, включая твою глупую внучку.

– Которая была благословлена самой аватарой Ллос в утробе матери, – напомнила ей Биртин.

– И все же Ивоннель выбрала неправильный путь, – сказала Миз'ри. – Такая досада. И теперь ты должна выбрать. Мы надеемся, что нам не придется оставлять тебя и твоих оставшихся дочерей мертвыми на полу Дома Фей-Бранч. И не придется убивать Зекнара Фея, волшебников и твоего драгоценного внука, когда они беспечно вернутся в свой Дом.

– Если только они не вернутся с армией Богохульства и Бэнрами, – сказала Биртин, но Миз'ри только рассмеялась.

– Мы прибыли так быстро, что никто не знает, Мать Биртин. Ни огней, ни магических призывов о помощи.

Она махнула рукой позади себя, и вереница жриц вошла в часовню в сопровождении грозных воинов Баррисон Дель'Армго и волшебников по крайней мере трех других Домов, включая Второй и Четвертый.

– Выбери, – приказала Миз'ри.

Мать Биртин посмотрела на своих дочерей и кивнула, затем снова повернулась к Миз'ри и подняла руки в знак капитуляции.

Глава 8

Контрудар

В городе было тихо.

Миолин Фей вместе с дочерью смотрела вниз с выступа на фермерский район пещеры, на озеро Донигартен и Остров Рофов.

– Они не придут, да? – заметила Сарибель, так как свет Нарбондель давно прошел половину колонны.

– Я должна пойти к Матери Биртин, – сказала Миолин Фей.

– Нет, не должна, – немедленно ответила Ивоннель и прижала пальцы к губам, переваривая произошедшее.

Она вспомнила бой у Дома До'Урден, прокручивая в голове все донесения, которые поступали к ней от разных участников, включая Сарибель. Враг был разбит, но потерь оказалось на удивление мало. Когда засада ударила по их левому флангу, вся атакующая группа, как один, пустилась в бегство, прямо в убежище в Храме Куарвелшаресс.

Ивоннель взглянула на собравшуюся перед ней армию: пятнадцать сотен воинов, десятки волшебников и жриц.

Она бросила взгляд на юго-запад, к Нарбонделлину, теперь более светлому из-за свечения часов, к Дому Фей-Бранч, тихому – настолько тихому, что вспышки, которые она видела раньше, показались ей неважными.

– Правление Матери Биртин, вероятно, закончилось, – сказала она рядом стоящим женщинам.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Миолин Фей. – Мы должны идти.

Мы должны... Только эти слова застряли в мыслях Ивоннель в этот трудный момент. Она знала, что должна делать, если ее подозрения верны, и Дом Фей-Бранч действительно захвачен, пока глаза Бэнр были обращены к пустому месту.

Но верны ли ее подозрения? Стоило ли рисковать?

Она посмотрела на часы, которые теперь светились почти на три четверти. Она посмотрела на Браэрин, расположенный к западу от нее. Улицы казались обычными для этого времени суток.

Враг не приближался. Не здесь. Не сейчас.

Ивоннель перевела взгляд в другую сторону, на Донигартен и Остров Рофов. Она видела стада скота на берегу озера и на острове, а также громоздкие и волосатые медвежьи фигуры рабов-квагготов Дома Ханцрин.

– Ты возьмешь остров, – приказала Ивоннель Сарибель.

– Я думала, мы здесь только для осады.

– Многое изменилось.

– Потому что они не пришли?

– Потому что они ушли в другое место, – пояснила Ивоннель.

– Фей-Бранч, – прошептала Миолин Фей, ее глаза сузились от страха и гнева.

– Сколько тебе понадобится? – спросила Ивоннель у Сарибель.

– Чтобы захватить его или удержать?

– Чтобы захватить, – сказала Ивоннель. – Убей любого, кто сопротивляется, будь то кваггот, гoblin или дроу. Но предложи пощаду тем, кто сдается, особенно Ханцринам.

– Ты хочешь, чтобы я взяла в плен Ханцринов? – Сарибель, казалось, не испытывала особого энтузиазма по поводу вступления в войну с могущественным

Одиннадцатым Домом города, который во многом служил нуждам всех других Домов.

– В течение нескольких часов они не будут использовать это имя, – пообещала Ивоннель. – Ты возглавишь силы До'Урден и часть Фей-Бранч – и позаботься о том, чтобы волшебники Матери Биртин и особенно ее Мастер Оружия находились в максимальной безопасности – а я предоставлю шесть десятков воинов-богохульников, чтобы укрепить ряды. Захвати остров и удержи позицию, и убедись, что нет никаких магических путей или туннелей к Дому Ханцрин. Если они есть, развей их или обезопась.

– Мы должны отправиться в Фей-Бранч! – настаивала Минолин Фей, когда план Ивоннель стал ясен.

– В свое время, – сказала Ивоннель. – Недостаточно вернуться в прежнее состояние. Мать Жиндия заплатит за это. – Она повернулась к Сарибель. – Я сообщу тебе телепатически, когда мы будем в Истмире. Ты начнешь битву. Иди быстрее, собери войска.

Сарибель бросила настороженный взгляд на Минолин Фей, которая нервно переминалась с ноги на ногу.

– Ты разжигаешь огонь войны, – сказала Минолин Фей.

– Она уже началась, – ответила Ивоннель, изо всех сил стараясь не выдать сомнений. – Дом Фей-Бранч захвачен.

– Мы не можем этого знать, – сказала Сарибель. – Если ты ошиблась...

– Иди, быстрее, – повторила Ивоннель.

– Я должна поговорить с Матерью Зирит.

– У нас нет времени. – Ивоннель подошла к выступу и начала спускаться по лестнице. – Наш момент сейчас и только сейчас. И да, если я ошибаюсь, то, без сомнения, будут последствия. – Она посмотрела прямо на свою мать. – Я не думаю, что ошибаюсь.

– Я тоже это чувствую, – призналась Минолин Фей.

– Будьте смелее, сестры, – сказала Ивоннель. – Сейчас наш момент. Прямо сейчас, именно сейчас.

– Убивайте столько, сколько необходимо, – наставляла Ивоннель сотни воинов, когда они оказались у цели в Истмире.

– Обездвиживайте, подавляйте, убивайте только тогда, когда это необходимо. – Она лукаво улыбнулась и добавила. – И знайте, что милосердие в этом нападении еще больше разозлят Ллос.

Воселли и другие командиры Богохульства кивнули на последнюю фразу, и она была рада это видеть. Они хотели битвы, жаждали крови после столетий мучений, но больше всего они хотели отплатить Ллос. Ивоннель не хотела здесь кровавой бойни, как из-за собственного отвращения к массовой резне, так и потому, что внутри оставалась капля сомнения.

Она могла ошибаться. Она не знала наверняка, что Дом Фей-Бранч пал. Это было интуитивное чувство, подкрепленное скудными доказательствами. И если она

ошиблась, то чем больше окажется мертвых Ханцринов, тем труднее будет исправить ошибку.

– Мы хотим напугать их, – обратилась Ивоннель волшебникам и жрицам. – Мы хотим, чтобы они увидели силу, направленную против них, и поняли, что им не победить. Шепните им, чтобы они сдались. Усыпите их, сбейте с толку туманом и тьмой.

– Ты хочешь, чтобы все было тихо, – рассуждал один волшебник.

– Нет, я хочу, чтобы было достаточно громко. Чтобы сотряслись двери всех Домов в Мензоберранзане. Я просто не хочу ненужных смертей.

– Все смерти на войне необходимы.

– В этом, – сказала она, – ты ошибаешься.

Ошибаешься сильно.

Вскоре в каждой тени на улицах вокруг Дома Ханцрин затаились воины.

Ивоннель ждала.

– Вспышки на востоке, – сказала ей Минолин Фей.

Мгновение спустя в сознание Ивоннель проник магический шепот:

– *«Квагготы разбегаются перед нами, падают на землю и молят о пощаде».*

Вскоре после этого пришло еще одно сообщение:

– *«Остров Рофов – наш. Мы преследуем выживших Ханцринов в туннеле, который проходит под Донигартеном в сторону Истмира».*

– Они бегут к Дому, – обратилась Ивоннель к окружающим. – Не дайте им добежать до Дома.

Несколько мгновений спустя все волшебные огни в Доме Ханцрин погасли, магическая тьма скрыла это место из виду, и к стенам пошли воины Богохульства и Бэнр, ближе и ближе, заряжая ручные арбалеты.

Теперь ударные группы работали согласованно с избранными волшебниками и жрицами. Шары тьмы исчезали один за другим, и всякий раз, когда обнаруживался удивленный Ханцрин, гоблин, или белошерстный раб-кваггот, врагов встречал град отравленных стрел. Многие дроу, конечно, сопротивлялись сонным ядам – могущественные Дома вырабатывали такую стойкость в своих бойцах, – но немногие из тех воинов, которые не впали в дремоту, оставались сражаться.

Ивоннель и Минолин Фей двинулись к главному входу в Дом Ханцрин. Ивоннель подала знак волшебникам Бэнр открыть его.

Шквал молний, сорвавший ворота с петель, сделал это.

Их окружили звуки битвы, больше похожие на звуки отдельной схватки. Ивоннель порадовало отсутствие более масштабного сражения.

Воселли и ее ударная группа ждали их, захватив парадную дверь, и Ивоннель сама вела их внутрь, направляя войска направо и налево в различные комнаты и коридоры, пока она шла к большим двойным дверям в конце длинного коридора. Она бросала перед собой заклинания, чтобы разрушить глифы и обереги, разоблачала невидимых врагов, создавала свет настолько яркий, что он жалил глаза дроу. Создавала магические заклинания, которые открывали все двери, даже запечатанные чарами, которые не могли противостоять абсолютной подавляющей силе Ивоннель.

Дом Ханцрин мог похвастаться двумя сотнями воинов и почти в десять раз большим количеством рабов, что в общей сложности почти равнялось армии, которая выступила против них. Но, как это всегда бывало, многие из этих рабов и дроу находились не в пределах комплекса, а на фермах и Острове Рофов. А многие даже не находились в городе, поскольку основным источником власти и богатства Дома Ханцрин была торговля за пределами Мензоберранзана. У трех десятков Ханцринов и двухсот рабов, находившихся в Доме этой ночью, не было никаких шансов, ибо гоблины, кобольды и даже могучие квагготы не могли сравниться с Богохульством. И уж точно они не могли сравниться с Бэнрами, чьи ряды были полны могущественных волшебников и жриц, и чьи воины носили лучшие доспехи и владели оружием, превосходящим то, которым владели даже аристократы Ханцринов. У Ханцринов не было ни магии, ни оружия, ни снаряжения, чтобы хотя бы замедлить марш дроу, наступающих со всех сторон.

Даже в полном составе, Ханцрин, как и все Дома в городе, кроме, возможно, одного или двух, не мог долго противостоять нападению Дома Бэнр, а с участием Богохульников и того меньше.

И еще меньше, когда Ивоннель Бэнр, самая могущественная дроу в Мензоберранзане в это время, возглавляла атаку.

Первая жрица Чарри ворвалась в зал для аудиенций своей матери и обнаружила Мать Шакти в компании патрона Барага и некоторых других.

– Они прорвались в главные залы! – сказала она им.

– Они уже повсюду, – сказал старший сын Ксев Ханцрин, который служил Главным Магом Дома.

– Что это за безумие? – спросила Чарри. – Кто посмел?

– Бэнры, – ответила ей Мать Шакти, и она вздохнула от страха. – Бэнры и их союзники, грязные Богохульники. Мы должны бежать в туннели.

Суматоха в коридоре позади Чарри привлекла внимание всех – в двери, спотыкаясь, ввалился окровавленный Мастер Оружия Кептус Ханцрин.

– Они уничтожают наши войска, бегущие из Донигартена, – закричал он.

– *Бегущие* из Донигартена? – недоверчиво спросила Шакти.

– Остров Рофов пал, – сказал Кептус. – До'Урдены и их волшебники.

– Запечатай пол, – приказала Шакти своему Мастеру Оружия и, обращаясь к Ксеву, добавила:

– Подготовь врата в Паутину Ллос и Дом Меларн.

Он кивнул, и Кептус бросился обратно в зал – почти. Ибо как только он переступил порог зала для аудиенций, в воздухе над ним появились четыре металлические пластины и, словно на невидимых шарнирах, опустились на него со всех сторон, смыкаясь край к краю, образовали вокруг него нечто похожее на гроб.

Он слегка подпрыгнул в воздухе, затем снова опустился на один конец и медленно накренился. Все наблюдали за происходящим в шоке, пока тишина не была нарушена грохотом гроба об пол.

В комнату вошла Ивоннель Бэнр.

– Будь благоразумна, Мать Шакти, – сказала она. Минолин Фей, Энджрел Бэнр, Воселли и другие воины-богохульники рассредоточились внутри комнаты вокруг нее.

– Ты *смеешь*? – возразила Шакти.

– Не мы начали войну, Мать, и ты это знаешь, – сказала Ивоннель таким сдержанным и уверенным тоном, что в ее словах прозвучала самая ужасная угроза. – Взять их, всех, – приказала она своим войскам. – Заберите их оружие, компоненты заклинаний, и, если кто-нибудь заговорит не в ответ или чтобы произнести заклинание, заберите им язык.

– Город выступит против тебя! – предупредила Шакти.

В ответ Ивоннель прижала палец к поджатым губам.

– Мы можем обсудить это позже, Мать Шакти, и когда мы это сделаем, я бы очень хотела, чтобы ты была способна отвечать не только ворчанием.

Воселли подошла и с пугающей легкостью выдернула Шакти из кресла, а когда Ксев Ханцрин попытался вмешаться, потянувшись за палочкой, она ударила его по лицу наотмашь тыльной стороной руки, отчего он упал на пол, корчась и стоная.

Прежде чем он смог прийти в себя, меч Дайниннэ оказался у его носа.

– Эта идет со мной, – сказала Ивоннель Энджрелу, указывая на Чарри. – Я всегда считала тебя разумной, жрица. Не разочаруй меня сейчас.

– Хорошая победа, – сказал Энджрел, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Только хорошее начало, – сказала ему Ивоннель. – Отправь рабов Ханцринов и всех их простых дроу в Дом Бэнр. Оставь здесь только аристократов, с достаточным количеством охраны, чтобы быстро убить их и сбежать, если последует контратака.

– Мы остаемся?

– Мы остаемся, – ответила она. – Это была не такая уж большая битва. Ты готов к еще одной?

– Сегодня?

– Мы идем навестить союзника, открыто и с обнаженным оружием, – сказала ему Ивоннель.

– Дом Фей-Бранч, – согласилась Минолин Фей.

Ивоннель повернулась к Шакти, которая дерзко стояла на конце короткого копья Воселли.

– Если твоя дорогая подруга убила мою бабушку, тогда ожидай, что Дом Ханцрин прекратит свое существование, – сказала Ивоннель.

– Моя подруга? – Шакти осмелилась возразить. – Дом Ханцрин...

– Заткнись, – потребовала Ивоннель и указала на Воселли, которая подтолкнула Мать. – Ты пытаешься пройти по тонкой линии, улыбаясь направо и налево, Мать Шакти, но я вижу тебя такой, какая ты есть.

Ивоннель незаметно использовала магию, сделавший ее взгляд таким напряженным, что он казался выходил за рамки смертного, заставляя присутствующих в комнате видеть ее так, как будто она каким-то образом выросла, стала могущественной и ужасной, и даже освещение вокруг нее, казалось, изменилось, выделяя ее одну. Ее белые волосы развевались от невесомых дуновений ветра, и она поднялась с пола, раскинув руки, представив себя в этот момент почти

богоподобной – настолько, что даже у Воселли, которая тысячелетиями служила у алтаря Бездны жестокой Леди Ллос, отвисла челюсть.

Момент прошел.

– Идем, Первая жрица, – обратилась Ивоннель к Чарри. – Ты будешь моим посланцем в Доме Фей-Бранч. Враги Дома Бэнр покинут обитель Матери Биртин или они умрут, все до единого.

– Фей-Бранч?

– Я уже говорила тебе: не прикидывайся дурочкой, – предупредила Ивоннель. – Мы знаем.

Она понимала, что идет на большой риск, потому что они, конечно же, ничего подобного не знали. Тем не менее, она была достаточно уверена в своей интуиции, чтобы пойти на риск и захватить известный, ценный и могущественный Дом. Она должна была довести дело до логического завершения.

Обеспокоенные выражения, промелькнувшие на лицах Чарри и Шакти, еще больше подтвердили догадки Ивоннель.

– В этом завоевании участвуют могущественные Дома, – призналась Шакти.

– Мы тоже могущественный Дом. Пожалуйста, скажи мне, что Малагдорл Армго там, – ответила Ивоннель самым злым тоном.

Мать Шакти несколько раз моргнула, услышав это.

– Скажи мне, Мать, его гордость или его мудрость одержит верх? – поддразнила Ивоннель. – Будет ли он достаточно умен, чтобы отступить от своей незаконной атаки, или же погибнет в ужасных муках? – Она повернулась, направив все взгляды на металлический гроб, лежащий у двери, и закончила дебаты, сведя на нет любые аргументы Ханцринов.

– Мастера Оружия так легко умирают.

Глава 9

Последствия

У Чарри Ханцрин не было эскорта, и поэтому она чувствовала себя крайне уязвимой, пока шла к наспех отремонтированным воротам Дома Фей-Бранч – воротам, которые теперь охранялись воинами других Домов.

Ей стало немного легче, когда ее узнали и приказали впустить внутрь, причем быстро. Оказавшись внутри, ее сразу же провели в домашнюю часовню, где расположилась Мать Миз'ри Миззрим и ее союзники. В дальнем углу комнаты Биртин Фей и ее дочери под охраной стояли закованными в цепи.

– Они идут, Мать, – сказала Чарри, как только о ней официально объявили.

– Они?

– Армия Дома Бэнр и их союзников. Достаточно, чтобы очистить этот Дом до того, как Нарбондель снова погрузится во тьму. И до того, как ваши семьи смогут прибыть сюда, чтобы помочь.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Малагдорла, давая понять, что даже Дом Баррисон Дель'Армго, – пожалуй, единственный Дом, чье присутствие могло бы уравновесить грядущую битву, – не мог надеяться на своевременное вмешательство.

– Дом Ханцрин пал, – продолжила Чарри. – Как и Донигартен. Они нанесли удар целенаправленно и в полную силу, сразу после взятия Дома Фей-Бранч.

– Ханцрин? Ханцринов тут не было, кроме тебя, – запротестовала Мать Миз'ри.

– Я в курсе, – сказала она с горечью. – Они каким-то образом узнали. И они нахлынули, словно речной поток. Невероятная сила. Они оказались в часовне до того, как Мать Шакти узнала, что на нас напали, как в зеркале твоего нападения на Фей-Бранч. Это первый раз, когда армия Бэнр выступила против другого Дома за последние десятилетия.

– Со времен падения Облодры?

– Они – все, чего мы боялись, и даже больше. Верховная жрица Ивоннель Бэнр отправила меня предупредить всех здесь присутствующих, чтобы уходили до их прихода. Они проявили милосердие к Дому Ханцрин. Не так много дроу Дома погибло, даже среди рабов. Ивоннель сказала мне, что, когда они придут сюда, такое не повторится. Любой обнаруженный здесь, не принадлежащий Фей-Бранч, будет предан мечу, а то и хуже. – Она сделала паузу и посмотрела на каждого в комнате. – Гораздо хуже.

– Пусть приходят, – сказал Малагдорл. – Мы убьем их, когда они будут пересекать стены.

– Хватит, Мастер Оружия, – потребовала Миз'ри, пристально глядя на Чарри. – А что насчет Богохульства? – спросила она.

– Сама увидишь, если не сбежишь отсюда, – предупредила Чарри. – Повторяю, они захватили Остров Рофов и Донигартен, затем пронеслись по Дому Ханцрин, и я считаю, что атака началась после твоей победы здесь. Как давно ты здесь, Мать Миз'ри? Несколько часов? Этого хватило, чтобы Ивоннель Бэнр нанесла удар.

– Выйди в коридор, – сказала Миз'ри Чарри, и Мать жестом приказала нескольким стражникам и жрице пойти и охранять ее. – И закройте дверь, – приказала она.

– Мы теряем элемент неожиданности, – сказал Энджрел Бэнр Ивоннель.

Армия целенаправленно, но медленно продвигалась к Дому Фей-Бранч, во многих местах используя магическую тишину и заклинания невидимости. Впрочем, ни у кого не возникало ощущения, что они продвигались незаметно, поскольку многие Дома, мимо которых они проходили, хорошо охранялись от подобных чар.

– Дай им время уйти, – ответила Ивоннель. – Будет лучше для нас, для Матери Биртин и остальных членов Дома Фей-Бранч, если нам не придется убивать их в этом комплексе.

– Если Мать Биртин вообще жива, – сказал Энджрел, и Минолин Фей затаила дыхание.

– Если так, все равно лучше просто прогнать их, – сказала Ивоннель. – После этой долгой и смертельно опасной ночи состоится совет. Многих призовут к ответу

за свои поступки, а убийство Матери, к тому же члена Правящего Совета – одно из самых тяжких преступлений, которые может совершить Дом.

– Я думаю, она еще жива, – сказала Минолин Фей. – Позволь мне попытаться связаться с...

– Нет, – решительно ответила Ивоннель. – Мы узнаем ее судьбу достаточно скоро. Я так же сгораю от нетерпения, как и ты, но мы должны позволить этому случиться.

Воселли и Алеандра поспешно возвращались к ним.

– В Доме Фей-Бранч тихо, – доложила Воселли. – Они окружены.

– Выбери из войска Бэнров, тех, кто способен опознать отступающих, – приказала Ивоннель. – Я желаю получить информацию о каждом Доме, который выступил против Матери Биртин этой ночью.

Две воительницы Богохульства поклонились и бросились прочь.

– Не сомневаюсь, что ты обнаружишь половину Правящих Домов в числе нападавших, – предупредила Минолин Фей.

Ивоннель не возразила и оставалась совершенно неуверенной в своих действиях, ибо прекрасно понимала, что пошла на большой риск – на самом деле, гораздо больший, поскольку просто пришла к убеждению, что Мать Жиндия с союзниками напала на Дом Фей-Бранч.

Однако теперь она находилась достаточно близко к Дому Фей-Бранч, достаточно близко к Чарри Ханцрин, чтобы немного прояснить ситуацию. Она закрыла глаза и начала читать заклинание.

– *Не закрывай ее полностью,* – просигналила Чарри Ханцрин охраннику у дверей часовни. Когда он нахмурился и взялся за дверную ручку, она поспешно добавила:

– *Я видела приближающуюся армию. Жизни всех нас зависят от того, что они будут делать в этой комнате.*

Охранник посмотрел на другого воина Миззрим, который был явно смущен. Чарри это понимала, в конце концов, она просила их послушаться приказа Матери. Тем не менее, охранник оставил дверь достаточно приоткрытой, чтобы Чарри, приблизившись к ней, могла подслушать споры внутри.

Она не удивилась, услышав, как Малагдорл повысил голос над остальными.

– Они потерпели поражение! Должна быть какая-то цена, – сказал он.

– Она Мать, а ты Мастер Оружия, – ответила Мать Миз'ри.

Чарри пробормотала под нос проклятие. Малагдорл хотел убить Мать Биртин Фей. Она не удивилась, но знала, что такой шаг положит конец всякому шансу на мир в Мензоберранзане. Будет ли в ответ казнена ее собственная Мать? Начнет ли Дом Бэнр немедленно войну с Домом Барризон Дель'Армго? По ее мнению, такой конфликт быстро распространился бы по всему городу и привел бы к тысячам смертей.

Она глубоко вздохнула и снова сосредоточилась на разговоре за дверью, или попыталась, потому что слышала голос совсем другого рода.

– *Они уйдут сейчас или умрут,* – передал Чарри Ханцрин волшебный шепот Ивоннель Бэнр. *Сейчас. Или умрут.*

– Открой дверь и немедленно объяви обо мне, – приказала Чарри охраннику. Он заколебался и посмотрел на другого воина.

– Наши враги почти добрались до нас, – настаивала она. – Если вы будете колебаться, мы все, несомненно, обречены. Сейчас же!

Воин Миззрим подошел к двери, постучал один раз и распахнул ее.

– Первая жрица Чарри Ханцрин настаивает на немедленной аудиенции, – сказал он глядя прямо в разгневанное и сердитое выражение, которое всегда носила Мать Миз'ри. – Она настаивает, – повторил он, перекладывая ответственность на Чарри, которая бесстрашно протиснулась мимо него.

– Мы должны уходить немедленно, – сказала она Миз'ри. – Враги окружили нас. Ивоннель Бэнр только что прошептала в моем сознании: мы уходим сейчас или будем сражаться. Третьего не дано.

Миз'ри посмотрела на остальных.

Малагдорл зарычал и поклялся пронзить Ивоннель Бэнр и поднять высоко в воздух, чтобы все могли наблюдать ее последние мгновения.

– Мать Миз'ри, я ухожу, – заявила Чарри. – Я смиренно предлагаю вам сделать то же самое.

Она поклонилась, развернулась и со всей возможной скоростью направилась к двери.

Охранники у двери повернулись, чтобы проводить ее, но Миз'ри жестом велела им остановить ее. Мгновение она рассматривала хмурый полный страха взгляд Чарри, и ее отчаянное отступление. Она увидела в этих торопливых шагах истинную мощь армии, наводнившей Дом Ханцрин, и которую Чарри только что наблюдала. Ханцрин, занимавший Одиннадцатое место, не был Правящим Домом, но был более могущественным, чем, по крайней мере, два из правящих восьми – включая тот, в котором она сейчас находилась – и был переполнен множеством рабов, включая армию грозных квагготов.

Вся эта мощь... И она видела, как перепуганная Чарри Ханцрин пыталась сбежать.

Вдруг армия Матери Жиндии показалась Миз'ри Миззрим намного слабее. Была ли Жиндия щитом, за которым можно было стоять против Дома Бэнр?

– Мы уходим, – решила она.

– Нет, мы сражаемся, – сказал Малагдорл.

– Кто это «мы»? Где Дом Барризон Дель'Армго, Мастер Оружия? – с усмешкой спросила его Миз'ри.

– Малагдорл, нет, – сказал волшебник Кайтейн. – Это не та битва, которую желала бы Мать Мез'Баррис. Я создам портал, и мы – весь Дом Барризон Дель'Армго – немедленно уходим.

Малагдорл явно хотел драки. Ибо он был глупцом, который думал только оружием. Он прищурил глаза и сжал в руке трезубец. Миз'ри чуть не вздохнула от досады на свою недалёковидность.

– Мать Мез'Баррис не обрадуется, узнав, что ее дорогой Малагдорл в плену у Бэнров, – пожурила его Миз'ри.

– Ты отнимешь у нее все надежды, которые она возлагает на битву с Верховной Матерью Квентл, ибо она не станет рисковать, если против нее будет сражаться драук по имени Малагдорл.

Это немного умерило пыл в груди Мастера Оружия.

– Заберите благородных жриц, – приказала Миз'ри своим воинам.

– Твое предательство будет иметь последствия! – крикнула на нее Мать Биртин.

– А ты заведи ее, – сказала Миз'ри Малагдорлу, чей хмурый взгляд стал еще подозрительнее, когда он удивленно посмотрел на Миз'ри, а затем превратился в ухмылку, когда повернул голову, чтобы посмотреть на Мать Биртин. – Отправляйся в свой Дом со всей скоростью и отдай ее Матери Мез'Баррис в качестве моего подарка, и пусть поступит с ней так, как считает лучше... или хуже.

Малагдорл был более чем рад услужить. Он грубо схватил Мать Биртин за руку и потащил вперед, или попытался это сделать, потому что на удивление сильная женщина сумела вырваться. Она только начала протестовать, как левый хук Малагдорла попал ей в челюсть, повалив на пол. Сильный и грубый воин предупреждающе поднял трезубец и отстранил ее дочерей. Он подошел к упавшей женщине, схватил ее за воротник платья и, с легкостью подняв в воздух, перекинул через плечо. Неся ее как мешок, он жестом велел Кайтейну открыть врата.

Чарри Ханцрин продолжала пристально смотреть на Мать Миз'ри, ее глаза ясно давали понять, что она думает о Матери, с которой так грубо обращается простой мужчина.

Мгновение спустя она немного успокоилась. Миз'ри кивнула ей, таким образом сообщив, что она тоже потрясена зрелищем.

Чарри опасалась, что настолько спутанные нити загубят любой их союз против могущественного Дома Бэнр.

Как только дюжина Армго прошла через ворота и исчезла, Миз'ри выразила согласие.

– Он так стремится завоевать репутацию Утегенталя, что слишком часто забывает свое место, – открыто призналась Миз'ри. – Я объясню Матери Мез'Баррис, что такое обращение с Матерью, любой Матерью, особенно из старого и благородного Дома, недопустимо.

Чарри заметила, что последние слова она адресовала дочерям Фей-Бранч, что тоже обеспокоило жрицу Ханцрин. Мать Миз'ри попыталась проявить дипломатию и смягчить ситуацию в Доме, который только что захватила.

Неужели она действительно верила, что Фей-Бранч когда-нибудь забудут или простят?

В этот момент Чарри Ханцрин поняла, что пути назад не будет. Они выберут сторону и либо победят, либо потеряют все.

Сегодня они будут жить. Но Мензоберранзан не оправится.

Часть 2

Суровая, жестокая истина

Если все едино, то одинок ли человек?

Вопрос звучит нелепо, и все же он не дает мне покоя в последние дни, с тех пор как само понятие этого неожиданного парадокса появилось в моих мыслях. Красота трансценденции, как я понял из своего короткого опыта, заключается в единстве со всем – с каждым камнем, деревом, живым существом, пустым пространством и звездами. Несомненно, то было обширное познание с полным осознанием и пониманием более высокого уровня мышления и бытия, в котором присутствовали комфорт и радость. Передо мной открылись новые переживания и понимание, укорененные в мультивселенной высшего удовлетворения и гармонии.

Но если я стану единым целым с теми, кто был раньше, если наше сознание и понимание, наши мысли и чувства станут полностью общими, причем на таком уровне близости, что слово «разделены» уже не подходит для правильного объяснения этого соединения, подразумевает ли это также одинокое существование? Всепоглощающее, вездесущее и всеведущее... и поэтому одинокое?

Это было бы и раем и адом.

Так что «нет», говорю я и надеюсь, что в единстве и осознании того, что все мы – звездный материал, мы при этом не должны полностью заменять какую-то частичку своей индивидуальности.

Парадоксальным и совершенно неожиданным образом, взгляд на мультивселенную через ощущение трансцендентного единства привел меня к более искреннему сочувствию и признательности к тем, с кем я не согласен. Споры, дебаты, сам опыт оспаривания «истин» – это вкус жизни и ключевой ингредиент роста. Стремление к самосовершенствованию – вот в чем заключается вызов. Становиться лучше с каждым новым опытом, карабкаться на пресловутую гору по ровным и трудным тропам – значит чувствовать движение вперед и вверх и испытывать чувство удовлетворения и свершения.

Разве это утрачивается во всеобщем восприятии?

Неужели всезнание настолько совершенно, что другие чувства больше не нужны?

Я не могу знать (возможно, даже не узнаю никогда) до тех пор, пока смертная оболочка не перестанет существовать, и эта неизбежная истина пробудила во мне незаинтересованность, или, точнее, дистанцию, от невзгод материального, смертного мира. А откровение, которое должно было быть прекрасным, вместо этого вселило меланхолию.

Я по-прежнему испытываю простые радости. Моя улыбка не натянута, когда я смотрю на Бри, Кэtti-бри, или любого из моих друзей, и интерес у меня, безусловно, есть.

Или был.

Ибо эта меланхолия, как я теперь ясно вижу, была оплачена ущербом для тех, кого я люблю.

Такое нельзя терпеть.

И теперь я также вижу, что при всей красоте выхода за пределы земной оболочки и всех ее ограничений, то, что я потерял в этом коротком путешествии, не так уж незаметно и не вызывает сожалений.

Потому что я хочу спорить. Я хочу, чтобы мне бросили вызов. Я хочу не согласиться.

И больше всего я хочу понять точку зрения другого человека – отдельного и самостоятельного индивидуума, несущего на себе груз собственного опыта, испытаний, радостей и потребностей, с которым у меня разногласия.

Теперь я понимаю, что цена трансцендентности еще выше. Возможно, «одиночество» – неправильное слово для состояния всеведения, или, точнее, оно описывает лишь часть утраты.

Ибо в путешествии к этому состоянию есть надежда, а в испытаниях есть свершения, и даже шрамы от неудач имеют ценность, как указатели на пути к совершенствованию.

Много лет я жил один, полагаясь только на себя. Все изменилось, когда я встретил Монши, и изменилось еще больше, когда я впервые взобрался на склоны Пирамиды Кельвина в Долине Ледяного Ветра и обнаружил себя добровольным членом группы, семьи.

Они полагаются на меня, и это замечательное чувство.

Я полагаюсь на них и знаю, что могу, и это еще лучше.

Вместе мы сильнее. Вместе мы лучше, делим радости, разделяем горе и боль.

Мы связаны друг с другом, но при этом остаемся разными. Мы спорим – о, как мы спорим! – и мы растем. Мы боимся друг за друга в бою и радуемся, что мы все вместе.

Еще до того, как мы отправились на север, Магистр Кейн мог бы просто сбросить свое физическое тело и остаться во мне, присоединиться к моим мыслям, разделить мою плоть, направлять и укреплять, предлагая все без вопросов и без разногласий, поскольку мы оба понимали бы – прекрасно понимали бы – каждую мысль и команду.

Но Кейн не сделал этого, и не стал бы, и нет необходимости объяснять, почему. Ибо мы оба знали и знаем радость индивидуальности.

Когда я ушел из этого существования, а брат Афафренфер пришел за мной, чтобы рассказать о Бри и шепнуть, что мое пребывание здесь еще не закончено, он и я оставались разными существами.

Даже в этом всеведении и вездесущности трансцендентности мы оставались разными.

Я молюсь, чтобы мелочи жизни не расплылись в небытие, которое действительно наступит после завершения жизненного пути.

Мне нужны мои спутники.

Я должен быть нужен моим спутникам.

В этом моя самая большая радость.

- Дзирт До'Урден

Глава 10

Сокрушительная реальность

Аззудонна попыталась взять себя в руки, но мир так внезапно сошел с ума, что она даже не могла представить, что это может означать. Она собралась с мыслями и сосредоточилась на настоящем моменте, на кажущейся опасной ситуации, чтобы полностью осознать и отреагировать на неожиданно возникшую перед ней реальность.

А именно то, что она находилась в комнате, спальне, перед ней в открытых дверях стояла незнакомая человеческая женщина. Слева из окна струился солнечный свет. Солнечный свет! И вот тут-то и возникло замешательство – ее сомнение в реальности. Ведь Квиста Канзей уже прошла и наступила ночь.

Так откуда взяться солнечному свету?

Должно быть это еще один трюк кошки Кэтти-бри. Но с какой целью? Ибо Гвенвивар покинула ее, превратившись в бесплотный туман и растворилась в небытие, и бросила ее в этом странном месте – возможно, в другом времени? – без всяких объяснений или оснований.

Человеческая женщина, стоявшая в открытом дверном проеме, подняла руки вверх, словно пыталась казаться безобидной, и продолжала говорить на языке, который Аззудонна не могла разобрать – хотя, определенно, это был тот же язык, который она иногда слышала от четырех путешественников, прибывших в Каллиду.

Только сейчас эвендроу осознала, что не держит копьё. Испугавшись, что уронила его еще в ледяном коридоре, во время нападения Гвенвивар, она нервно огляделась. Но ее внимание внезапно отвлек еще один человек. Пожилой мужчина встал рядом с женщиной, которая все еще разговаривала с ней.

Рука Аззудонны рефлекторно потянулась к рукояти меча из белого льда, висевшего в ножнах у правого бедра, и когда она бросила взгляд на оружие, то увидела копьё! Она уронила его не на леднике, а здесь, в этой комнате.

Где бы она ни находилась.

Человеческая женщина умоляюще воздела руки к Аззудонне. Она поняла, что женщина пытается просить ее сохранять спокойствие. Однако позади нее мужчина в коридоре начал незаметно шевелить пальцами.

Заклинание!

Воительница эвендроу быстро упала и подобрала короткое копьё. Она тут же вскочила, вращая оружием перед собой из стороны в сторону, затем вправо, а затем назад и влево. Она закончила взмах, подняв оружие обеими руками, его волшебный бело-голубой ледяной наконечник угрожающе указывал на женщину.

Аззудонна ткнула им вперед, но ненадолго, пытаясь вытолкнуть женщину обратно в коридор, выигрывая немного пространства и времени, чтобы отчаянно отыскать путь к отступлению.

Она не хотела убивать, но дала понять, что может, если понадобится.

Мужчина в коридоре протянул руку, указывая на нее пальцем, и ткнул им в ее сторону.

Аззудонна закричала, ожидая взрыва энергии или какой-то другой атаки. Она бросилась влево, за границы линии огня от дверного проема и из поля зрения мужчины. Она продолжила движение, запрыгнула на кровать, пробежала по ней и прыгнула к стене или, точнее, к боковой двери комнаты, которая выходила на балкон. По крайней мере, так казалось, судя по тому, что она заметила в ближайшем окне.

Она вцепилась в дверь, пытаясь толкать и тянуть, но нет, она оказалась заперта. Ожидая, что в любой момент какая-нибудь магическая атака ударит ее снова, Аззудонна не сбавляя скорости, прокатилась вдоль стены, в заднюю часть комнаты и оказалась перед окном.

– Нет, мы не враги! – закричала женщина под звон разбитого стекла, а Аззудонна изо всех сил размахивала копьем, расчищая путь. Она прошла через осколки и оказалась на балконе, ухватила одной рукой за перила и перепрыгнула через них. Она бросила копье, чтобы оно воткнулось в заснеженную землю в нескольких десятках футов ниже.

Она упала, приземлилась в кувырке и подняла копье, и уже уходила, прежде чем ей пришло в голову, что последние слова женщины не были тарабарщиной, и что она поняла по крайней мере часть из них.

Впрочем, это не имело значения. Она может разобраться с этой загадкой позже. Она стояла перед огромным домом удивительного стиля – если это вообще был стиль, а не мешанина из дюжины различных башен, крыльев, мансардных окон и крыш под разными углами. Дым поднимался из множества труб, извилистые серые полосы танцевали на зимнем ветру. Она находилась на высоком холме, с той стороны, на которой росло мало деревьев. Слева от себя и ниже по склону она увидела другие здания, маленький городок, а прямо впереди маячил лес.

Она не колебалась. Ей нужно было уходить, найти какое-нибудь место, чтобы все уладить, возможно, вернуться обратно к этим людям, но на своих условиях.

– Нет, нет! Кто ты? – позади она услышала крик женщины, вышедшей на балкон.

Она опустила голову и побежала вниз по склону.

– Осторожно! – предупредила человеческая женщина. – Береги себя! Подожди! О... Стой!

Перепуганная Аззудонна не остановилась и не замедлила шаг, пока не сделала это резко, жестоко, болезненно, врезавшись в невидимую и непреступную стену. Копье врезалось в него первым, лицо вторым, оружие пошло вверх и поперек, так что, когда она полностью врезалась, его зазубренная сторона сильно и глубоко вошла ей в левое плечо.

Но она едва почувствовала это, полностью захваченная белой вспышкой шока и боли в носу, лице, голове. Она отскочила назад и попыталась удержаться на ногах, но весь мир стал мягким и неровным, и она не знала, где верх.

Она почувствовала горячее жжение в плече и теплую кровь во рту.

Она чувствовала холод и где-то в глубине души поняла, что лежит на снегу.

Потом она перестала видеть. Не могла думать. Она не могла чувствовать... что-либо.

– Позовите жреца! – Пенелопа Гарпелл крикнула тем, кто спускался с холма. Парочка Гарпеллов, мчавшихся вниз по заснеженному склону, резко остановилась, переговариваясь и толкаясь всего мгновение, прежде чем побежала в сторону деревни Длинной Седловины за особняком Плюща, а трое других поднялись обратно на холм к большому дому.

– Ни в доме, ни в городе нет никого, кто бы смог залечить такие раны, – сказал Доуэлл, муж Пенелопы.

Он перевернул раненую дроу на спину и прижал область вокруг вонзенного копья в попытке остановить кровотечение. Глядя на огромное количество крови, окрасившей снег поблизости, Пенелопа боялась, что он прав.

Волшебная дверь появилась прямо рядом с троицей, на мгновение испугав Пенелопу и Доуэлла. Из нее вышел Старый Киппер Гарпелл и передал набор для лечения Пенелопе, которая тут же стала рыться в нем в поисках бинтов и мазей.

– Этого недостаточно, – сказала она Кипперу.

– Уложите ее поудобнее, – ответил Киппер, самый старший из Гарпеллов. – Надо перенести ее в дом. Холод убьет ее с этими ранами и таким количеством пролитой крови. Давай сделаем то, что сможем, а потом побеспокоимся об остальном.

– Нам нужен жрец, – настаивал Доуэлл. – Нам нужен могущественный жрец.

– И я о том же, – ответил Киппер.

Когда Пенелопа подняла глаза, передавая бинты мужу, она заметила призрачный отпечаток лица женщины-дроу на невидимом заборе, окружавшем особняк Плюща.

Гарпеллы не привыкли подбирать мертвых птиц, врезавшихся в барьер, но теперь, после этой трагедии, возможно, дебаты о том, чтобы добавить забору больше непрозрачности, приобретут большую актуальность.

– Иди к portalу, – сказала она Кипперу. – Отправляйся в Гаунтлгрим и узнай, может ли король Бренор прислать нам жрецов.

Старик кивнул и начал шевелить пальцами и нараспев произносить тайные слова заклинания, чтобы создать дверь в другое измерение и вернуться обратно в дом.

– Лучше в Лускан и как можно быстрее, – решила Пенелопа. – Найди жрицу Даб'ней и приведи ее. Возможно, наша гостья – одна из помощников Джарлакса.

– Она вела себя не как член Бреган Д'эрт, – ответил Киппер. – Я имею в виду, они ведь знают о нас. Возможно, она убийца из Мензоберранзана, посланная избавиться от Джарлакса?

– Или Закнафейна, что более вероятно, – рассудила Пенелопа. Однако она выбросила эту мысль из головы – она просто показалась ей неверной. В конце концов, она была хорошо вооружена и могла напасть еще в доме.

Позади нее Киппер несколько раз произнес «хм».

– Ступай! – приказала ему Пенелопа.

Киппер вздрогнул, затем кивнул и шагнул в портал, мгновенно исчезнув.

– Мы можем извлечь копье? – спросила Пенелопа у Доуэлла.

– Только если хотим, чтобы она истекла кровью прямо здесь, – ответил Доуэлл. – Оно засело глубоко и крепко засело внутри этими зазубринами.

– Что это? – спросила Пенелопа, потому что никогда раньше не видела такого оружия – копья с длинным и большим наконечником из какого-то неизвестного материала, украшенного красивой гравировкой и замысловатыми узорами.

– Не знаю, – признался Доуэлл. – Оно не похоже на металл, но... я просто не знаю.

Пенелопа протянула руку и коснулась открытой части широкого наконечника копья. Она почувствовала легкое покалывание, ощущение холода.

– Лед? – спросила она. – Мы можем выплавить его?

– Как такое возможно? – спросил Доуэлл, и пожал плечами, не зная ответа. – Как оружие, сделанное из льда, может обладать такой силой и прочностью? А если это так, я сомневаюсь, что оно легко растает.

Пенелопа согнула руки так, чтобы не задеть лежащую женщину заклинанием и выпустила потоки волшебного огня, которые не задев женщину попали на снег, растопили часть и подняли в небо легкую струйку пара.

Закончив, она пощупала наконечник копья, ища влагу или какую-нибудь деформацию. Но их не оказалось. Заклинание ничего не сделало с оружием.

– Насколько я понимаю, это не лед, – сказала она.

Она взяла предложенный конец длинного бинта и обернула его под вонзенным оружием, затем под головой, плечом и на спине, где Доуэлл туго завязал его. Затем к ним подошли другие Гарпеллы, один из которых снял с себя большой плащ и расстелил его на земле в качестве носилок.

Группа бережно переложила на него дреу и подняла, затем начала восхождение к Особняку Плюща.

– Нам не следовало так скоро отпускать Киппера, – посетовала Пенелопа, потому что у него всегда имелось наготове заклинание малой телепортации, и они могли бы провести бедную женщину через дверь измерения, а не подпрыгивать и шататься с ней вверх по склону.

Почти как если бы Пенелопа позвала его, дверной проем появился в воздухе прямо рядом с группой. Киппер высунул голову в проем.

– Идемте, быстро, – сказал он им, а затем исчез.

Оказавшись в Особняке Плюща на другом конце волшебного туннеля, он снова обратился к ним.

– Я отправляюсь в Гаунтлрим!

– Я извлекла его, но не знаю, осталось ли еще, – объявила жрица Копетта из Гаунтлгрима, выходя из комнаты, в которой разместили раненую дреу.

Копетта передала Пенелопе копье, разделенное на две части.

– Пришлось сломать древко – нелегкая задача – чтобы иметь возможность отогнуть мерзкие шипы и вытащить эту чертову штуку, не разорвав бедняжке плечо в клочья. А теперь, простите бедную усталую особу, я потратила все заклинания и нуждаюсь в хорошем долгом сне. Жрица-дрео Даб'ней помогает ей своей магией, и, конечно, из Гаунтлгрима придут новые жрецы, но не уверена, что они нам понадобятся.

– Значит, с нашей гостьей все будет в порядке? – спросил Доуэлл.

Копетта пожала плечами.

– Она, кажется, приходила в себя. Но ненадолго, и насколько я могу верить собственным глазам она нас не слышала и не видела. Она снова заснула. Я вышла к вам, и оставила Даб'ней заканчивать исцеляющие заклинания. Хорошенько выпавшись ночью, она придет в себя.

– Теперь нам нужно выяснить, что она из себя представляет, – заметила Пенелопа. – И что случилось с Кэтти-бри и нашими друзьями.

– Какое она имеет отношение к принцессе Кэтти-бри? – спросила Копетта. – Ты думаешь, что эта девушка – одна из любовниц Джарлакса? Ты думаешь, что она отправилась на север с отрядом Джарлакса?

Пенелопа покачала головой.

– Может быть, и не имеет никакого отношения, – ответила она. – А может быть, имеет.

Мир вокруг нее начал светлеть, как восход солнца в «Зеленом зачатии».

Но нет, этого не может быть.

Свет шел изнутри, поняла Аззудонна. Ее глаза, чувства, разум, пробуждались от глубокой тьмы. Она попыталась вспомнить, что произошло.

Где она была?

Она вспомнила, как бежала вниз с холма. Потом яркая вспышка, потом... это.

Была ли она поражена мощным магическим заклинанием?

У нее болело лицо. И плечо. Она попыталась пошевелиться, чтобы изменить угол наклона руки, и только тогда поняла, что не может поднять руки – или, по крайней мере, запястье.

Меня связали?

Она сфокусировала зрение. Она находилась в комнате, полной странной мебели и стиля. Даже ее кровать и постельные принадлежности были ей чуждыми, состава ткани она не знала.

В комнате вообще не было окон – зачем кому-то строить спальню без окон?

Эта мысль еще яснее напомнила ей о том, как она оказалась в этом месте. Она подумала об окне, которое разбила, и о балконе за ним. Дом на холме.

Она лежала на спине. Ее обложили подушками и одели в простую светлую рубаху вместо великолепного наряда из тюленьей шкуры, шелка и слизи карга. Она изогнула шею, чтобы убедиться, насколько крепко запястья привязаны к каркасу кровати, и только тогда поняла, что лодыжки тоже связаны. Она покрутила и потянула, но безрезультатно.

Чей-то голос заставил ее вздрогнуть. Она повернула голову в сторону, и увидела женщину, женщину-дроу с короткими серебристо-белыми волосами. Ее сияющие красные глаза и пухлые красные губы резко выделялись на фоне темно-серой кожи, на изящных высоких и угловатых скулах едва виднелся легкий розовый румянец.

Она снова заговорила успокаивающим тоном, но Аззудонна не поняла ни слова. Она покачала головой, но женщина просто повторила слова на неизвестном языке.

– Я не понимаю, – заявила Аззудонна.

Женщина выглядела растерянной. Она сделала паузу и сморщила лицо.

– Ты не говоришь на Общем языке поверхностных рас? – женщина спросила ее на языке дроу – не совсем таком же, как язык эвендроу, но, вполне понятном, особенно с учетом того, что Аззудонна уже слышала его от Джарлакса и Закнафейна.

Аззудонна покачала головой.

– Нет.

– Очень хорошо, – ответила она. – Я Даб'ней. Когда-то я была Даб'ней Тр'арах из Мензоберранзана, но теперь я просто Даб'ней. Из какого Дома ты родом?

– Дом?

– Твой благородный Дом? Или ты с Улиц Вони?

Аззудонна скривила лицо в замешательстве и по хитрому взгляду допрашивающей поняла, что кое-что выдала. Она с трудом сглотнула, вздохнула и ничего не ответила.

– Кто ты и откуда?

Второй вопрос остановил Аззудонну, прежде чем она выпалила свое имя, и грубо напомнил о том, что поставлено на карту. Всю жизнь ее, как и других, родившихся и выросших в Каллиде, учили избегать подобных вопросов, последствия которых могли положить конец самому существованию их любимого города.

– Ты не среди врагов, – добавила Даб'ней, когда Аззудонна заколебалась и даже отвела взгляд.

В ответ Аззудонна согнула руки в локтях и строго посмотрела на Даб'ней.

– А может быть по-другому? – спросила Даб'ней недоверчивым голосом. – Я только что исцелила некоторые из твоих ран и сделаю это снова, когда отдохну.

– После того, как меня сразили?

– Сразили? – повторила Даб'ней слегка усмехнувшись. – Ты врезалась в невидимую силовую стену!

– Где я? Что это за место?

– Кто ты? И откуда родом ты? – выстрелила в ответ Даб'ней.

Аззудонна отвела взгляд, но Даб'ней подошла к ней. Она стояла, возвышаясь, пока она, наконец, не обернулась, чтобы встретиться взглядом со жрицей.

– Мы тебе не враги – пока, – сказала Даб'ней низким и ровным голосом. – Но пойми меня правильно. Ты пришла к нам неожиданно и без приглашения. Тебя привела сюда Гвенвивар, животное-компаньон женщины, любимой в этом месте. Как тебя зовут? Разве я прошу слишком многого от того, кто появляется среди нас таким образом?

Она оставалась начеку. Но намек на надежду оказался слишком сильным, и, наконец, она произнесла:

– Аззудонна.

– Тебя зовут Аззудонна?

Она кивнула.

– Из какого Дома?

Аззудонна покачала головой.

– Это Гвенвивар привела тебя в Особняк Плюща, в комнату Кэтти-бри?

Аззудонна уклончиво пожала плечами, отчего ее левое плечо пронзила боль.

– Как ты сюда попала? – спросила Даб'ней более конкретно. – Мы знаем, что пантера привела тебя, но откуда? Почему?

– Я не знаю, – ответила она, не солгав.

Даб'ней вздохнула.

– Что ж, я предоставлю другим говорить с тобой более откровенно. Но предупреждаю тебя, Аззудонна, что наши четверо друзей, дорогих друзей, которых мы любим, пропали без вести где-то на севере, и мы получим свои ответы. Если ты достойна нашей дружбы или даже того, чтобы не стать врагом, ты поможешь нам узнать.

– Я знаю меньше, чем ты думаешь. Я даже не знаю, где я.

– Особняк Плюща, – без колебаний ответила жрица. Аззудонна пожала плечами и покачала головой.

– Дом Гарпеллов в городе Длинная Седловина.

– Ни одно из этих названий мне ничего не говорит.

– Долина Ледяного Ветра? Лускан?

Она покачала головой.

– Мензоберранзан?

– Я слышала о Мензоберранзане, но не знаю, где он находится.

– Ты дроу, но не знаешь о Мензоберранзане? – спросила Даб'ней. – Мне трудно в это поверить.

Аззудонна ответила своим любимым ответом: пожала плечами. Раздался тихий стук в дверь, и она медленно открылась, являя женщину, которую Аззудонна впервые увидела, когда прошла через туннель с пантерой. Позади нее стояла пара мужчин, в том числе и тот, кто направил на нее заклинание.

Даб'ней подошла к новоприбывшим и жестом велела им выйти из комнаты, сказав что-то на другом языке. Однако Аззудонна узнала конец короткого предложения, и поэтому смогла достаточно легко догадаться, что жрица дроу просто сообщила им ее имя.

Даб'ней вышла следом, оставив Аззудонну одну.

Она снова тщетно попыталась развязаться. Все инстинкты заставляли ее подумать о побеге.

Но как? И куда?

Тот факт, что первая попытка закончилась провалом, также давил на нее.

Она подумала о словах Даб'ней. Особняк Плюща в Длинной Седловине? Эти места ничего для нее не значили.

В любом случае, она изо всех сил потянула на путы, но скорее из-за разочарования, чем с какими-либо ожиданиями. Даже если она вырвется, сделает ли это что-нибудь большее, чем разозлит ее похитителей?

– Похитители? – тихо спросила она.

Это были друзья Кэтти-бри и Энтрери, Джарлакса и Закнафейна. Она должна была верить, что они были хорошими людьми, и поэтому, возможно, «похитители» было неподходящим словом – по крайней мере, пока.

Она надеялась, что так оно и будет.

Но что потом? Чудовищность ситуации начала захлестывать бедную, потерянную эвендроу. Даже если она была права в своих надеждах, что Даб'ней и другие не причинят ей вреда, даже если они не будут держать ее прикованной или иным образом заточенной, что тогда?

Ее жизнь, какой она ее знала, закончилась.

Она никак не может начать искать путь обратно в Каллиду. И, конечно же, не может просить этих незнакомцев помочь ей!

На мгновение обнадеживающий образ Гвенвивар мелькнул в ее мыслях – возможно, эти люди могли бы каким-то образом вызвать пантеру и заставить кошку забрать Аззудонну обратно туда, где ее похитила.

Но всего лишь на мгновение, и надежда покинула ее. Она снова покачала головой, поражаясь своей глупости. Ибо в этом случае она предала бы свою родню, нарушила бы самую важную и священную клятву всех, кто называл Каллиду домом.

Нет, ее жизнь, какой она ее знала, закончилась, вероятно, навсегда. На много-много лет, по крайней мере.

Аззудонна легла на спину, подняла голову и несколько раз в отчаянии ударила ею по подушкам.

«Выбрось все это, – сказала она себе. – Выплесни свой гнев и разочарование в эту подушку здесь и сейчас и покончи с этим».

Ей придется смириться с реальностью.

Чем быстрее, тем лучше.

Если ей суждено снова обрести счастье, надежду, саму жизнь, то только в этой новой реальности.

Она подумала о Галате и Эмилиане, Весси и Илине и всех остальных.

– Бьянкорсо, – прошептала она великое горько-сладкое имя.

Бьянкорсо был центром ее жизни. Многие годы были потрачены на подготовку к великому испытанию под названием Каззкальци.

Радость всей ее жизни, Каззкальци! Радость ее жизни, ее друзей! Радость ее жизни, Каллида!

Ее любовники!

И Закнафейн, мужчина, к которому она чувствовала что-то большее... Даже Закнафейн потерян для нее.

И, вероятно, мертв. Нет, если быть честной с собой, почти наверняка мертв.

Она почувствовала, как по щекам катятся слезы. Она поняла, что тяжесть потери нелегко отрицать, как бы ни пыталась подавить рыдания.

– Ее зовут Аззудонна, – повторила Даб'ней Пенелопе и остальным в коридоре. – Она не сказала, откуда она и не сказала, как сюда попала. Честно говоря, я не уверена, что она действительно это знает.

– Ты уверена, что она не из Бреган Д'эрт?

– Нет, и более того, я верю, что она не из Мензоберранзана. Ее акцент, диалект, даже многие слова, которые использует... – Даб'ней покачала головой. – Я не знаю, откуда она, и не верю, что вообще понимает, как сюда попала.

– Этого не может быть, – ответила Пенелопа. – Чем больше я прокручиваю ситуацию в голове, тем больше убеждаюсь, что это была Гвенвивар. Я видела ее рядом с ней. Наши друзья в беде, я уверена, и она может быть единственной, кто может привести нас к ним.

– Ты не можешь знать *наверняка*, – сказала Даб'ней.

– Я уверена, – возразила Пенелопа.

– Король Бренор скоро будет здесь, – сказала Копетта, и ее слова прозвучали как угроза.

– Мы должны продолжать пытаться, – сказала Пенелопа, и, глядя прямо на Копетту, добавила:

– Аккуратно.

– Я не думаю, что она враг, – согласилась Даб'ней.

– Тогда что она скрывает? – проворчала дворфийка. – Должны ли мы узнать, что есть еще один город, похожий на Мензоберранзан? Тогда грядет война?

– Ты ничего об этом не знаешь, и я не думаю, что она вообще что-то скрывает на данный момент, – ответила Даб'ней.

– Она плачет, – сказал Доуэлл Гарпелл, который приложил ухо к двери.

Даб'ней шла первая, Пенелопа чуть позади. Она снова постучала и толкнула дверь, уловив последнее покачивание головы Аззудонны – физическое и мысленное отстранение, как поняли она и Пенелопа, поскольку выражение лица незнакомки сменилось на твердое и решительное.

Пенелопа начала произносить заклинание, но остановилась, когда глаза Аззудонны расширились от явного трепета.

– Скажи ей, что это еще одно заклинание, чтобы мы могли понимать друг друга, – проинструктировала Пенелопа Даб'ней, которая перевела.

Аззудонна долгое время просто смотрела на Пенелопу, и волшебница Гарпелл поняла, что она оценивает ее, пытаясь понять, может ли она доверять Пенелопе или нет. Через некоторое время она резко покачала головой и заговорила на языке дроу с Даб'ней.

– В данный момент ей нечего сказать, и она хочет знать, где находится, – перевела Даб'ней.

Пенелопа все равно подумала о том, чтобы наложить свое заклинание. Возможно, более навязчивым и менее гостеприимным подходом у них получилось бы вытянуть несколько ответов. Однако отошла от Аззудонны, потому что сейчас она представляла собой поистине жалкое зрелище. Хрупкая, изможденная, явно ослабевшая от жестокой раны, вдобавок вероятно, у нее кружилась голова от удара головой.

– Просто спроси ее о Кэтти-бри, – сказала Пенелопа Даб'ней. – И почему она была с Гвенвивар.

– Ты уверена, что это была Гвенвивар? – спросила Даб'ней.

Первой реакцией Пенелопы было недоверие, но, обдумав вопрос, она вынуждена была признать, что слышала только рычание большой кошки и видела, как пантера превратилась в туман, а затем в ничто, что было типично для уходящей Гвен.

Действительно ли она становилась более уверенной, или ей просто лучше удавалось убедить саму себя?

Была ли Гвенвивар уникальной?

– Просто спроси ее, – решила Пенелопа, и Даб'ней так и сделала.

Аззудонна лишь слегка подала знаки понимания в ответ, ее глаза чуть расширились, а рот чуть приоткрылся, словно собираясь наконец ответить. Но по какой-то причине остановилась, и женщина просто пожала плечами – затем сильно

поморщилась от усилия поднять плечо – и повернула голову в сторону, отводя взгляд от своих хозяев.

Даб'ней спросила снова, более настойчиво, но Аззудонна только покачала головой и даже не оглянулась на двух других женщин.

Даб'ней потянулась к ней, но Пенелопа схватила ее за руку и удержала.

– Она напугана, – сказала Пенелопа. – Просто скажите ей, что она не может уйти, что ее комната хорошо охраняется, но здесь она в безопасности и должна расслабиться и вылечиться.

Даб'ней вздохнула.

– Она знает гораздо больше, – тихо ответила она Пенелопе. – Там пропала не только Кэтти-бри. Если это действительно Гвен привела ее сюда, у наших друзей, скорее всего, проблемы. Твои опасения вполне обоснованны и, несомненно, я разделяю их.

– Я в курсе. И мы получим наши ответы, – пообещала Пенелопа. – Просто дай ей отдохнуть и привести в порядок мысли. Она увидит, что мы не собираемся причинять ей вред, и, надеюсь, научится доверять нам.

Даб'ней была настроена явно скептически. Но она передала заверения Аззудонне, и группа оставила таинственную дроу в покое, но оставила дверь комнаты открытой, поставив троих охранников стоять на страже снаружи.

– Похитители, – прошептала Аззудонна.

Глава 11

Тихий и Холодный, Как Смерть

С самого начала сложившейся дилеммы Джарлакс решил, что должен игнорировать тревожные опасения относительно своих друзей. Он уже в который раз напомнил себе, что они либо уже мертвы, либо, что более вероятно – и более обнадеживающе – заключены в тот же ледяной стазис, который, как они обнаружили, произошел с теми, кто пришел сюда до них. Снова и снова он прокручивал в голове образ женщины-эвендроу и орка, которых они освободили из курганов, все еще живых после месяцев пребывания в ледяном коконе. Слабых, но живых.

Его друзья живы. Снова и снова повторял он, пытаясь заставить себя верить в это.

Но он не мог знать наверняка. В чем он был уверен, так это в том, что время было его единственным союзником, что только терпение может спасти его из этого места, полного ужасных монстров. По крайней мере, с волшебными сапогами ему было достаточно тепло, чтобы выжить. А сумка для хранения снабжала едой и удобной постелью.

Но мрачное одиночество сказывалось на нем, и маленькая каморка на дне волшебной норы начала дурно пахнуть.

– Нужно будет попросить Громфа создать здесь отсек для хранения, – прошептал он, и испугался звука собственного голоса. Он понял, что в впервые что-то произнес за много часов – вероятно, за пару дней.

Значит, здесь происходила битва его чувств, и он уже проиграл ее! В темноте, холоде и абсолютной пустоте, его выживание зависело не только от наличия еды, воды и тепла, о нет. Его жизнь выходила далеко за рамки основных физических потребностей, и они не удовлетворялись.

Он должен рискнуть и проверить, опустела ли комната наверху. Надо выбираться прямо сейчас.

Он достал из сумки спальный мешок и свернул его в толстый цилиндр, затем опустился на колени и положил его на подушку. Щелчок правым запястьем призвал в руку магический кинжал.

Он глубоко вздохнул и протянул другую руку к шесту, на котором держался зонт. Но засомневался, стоит ли опускать его сейчас – вдруг сверху упадет кусок льда и раздавит его?

Даже когда он начал поиск другого пути, он мысленно представлял это. Возможно, ему удастся прорыть туннель из-под зонта, а затем подняться выше.

Джарлак покачал головой, решив не думать слишком много.

Даже эта рациональная мысль промелькнула и улетела прочь, подавленная дурным предчувствием и ощущением явного ужаса, которые продолжали нарастать. Ибо ему все больше не терпелось выбраться из этого места – даже отчаянно, потому что теперь был уверен, что стены приближались к нему! – поэтому высвободил магию и немедленно убрал шест и веер.

Единственное, что на него упало – это шляпа.

Он рассмеялся. Но не знал почему и не мог остановиться.

Он взял широкополую шляпу и отметил, что волшебное перо снова отрастает, хотя волшебная птица пока была недоступна. Начав надевать шляпу, он остановился и более внимательно изучил кончик отрастающего пера. Это был не совсем точный процесс – гигантская птица иногда становилась пригодной для использования всего через день после сражения, в то время как в других случаях требовалось целых четыре дня, чтобы перезарядить призывающий джеомер. Однако он был совершенно уверен, что пробыл в этой дыре по меньшей мере день.

Что теперь?

Создать немного света? Не станет ли он просвечивать сквозь ледяную глыбу сверху, которая, он был уверен, также являлась небольшой колонной, стоящей в комнате? Свет наверняка привлечет внимание любых монстров в комнате, как и любой звук.

И снова он молча отругал себя за то, что слишком много думает.

Он отругал себя за то, что ругал себя. Голоса в голове спорили, и ни к чему его не приводили.

Ему нужно убираться отсюда. Все остальное не имеет значения!

Рука дроу взметнулась вверх, магический кинжал вонзился в твердый лед наверху, хотя и не так глубоко, как он надеялся.

Взмах левого запястья привел к тому, что кинжал возник и в этой руке, и дроу начал колоть, ковырять и кромать лед. Хлопья, маленькие осколки и куски летали

вокруг него. Он долго продолжал работу, наконец отрезав достаточно, чтобы отломить кусок льда величиной с голову. Это доставило ему удовольствие, пока не понял, что все еще стоит на коленях, а ледяной потолок по-прежнему слишком низок, чтобы он мог выбраться из ямы.

Магическая дыра была целых десять футов глубиной, и он догадывался, что магический торнадо, который пытался поглотить его, образовал столб льда значительно выше пола пещеры.

Это означало, что, несмотря на все усилия, он едва ли проделал хотя бы щербинку.

Некоторое время спустя Джарлакс снова рухнул на пол. Ему потребовалось немало усилий, чтобы взять спальный мешок и разложить его для отдыха.

Он попытался очистить мысли и разработать стратегию, как выбраться из этого места. Возможно, он мог бы зафиксировать один из кинжалов, воткнуть его в лед, а затем превратить в меч!

Магия преодолела бы простой лед, и клинок глубоко вошел бы в глыбу.

Мгновение восторга сменилось тем, что дроу в страхе затаил дыхание. В этот момент ледяная глыба небольшого размера, которую он сдвинул с места, тяжело рухнула на пол, и оцарапала бедро и колено при падении.

– Осторожно, – прошептал он, понимая, что легко может ненароком отломить слишком большой кусок и похоронить себя здесь. – Терпение.

Поэтому он снова лег, решив не действовать опрометчиво. После короткого сна и быстрого приема пищи Джарлакс вернулся к сбиванию и скалыванию, выковыриванию мелких кусочков. К тому времени, когда он закончил вторую попытку после длительного, *необходимого* отдыха, он выкопал цилиндрическую шахту. Впервые за много часов или дней – он не мог сказать – Джарлакс стоял полностью выпрямившись, его голова и плечи, без шляпы, которая была слишком широка для шахты, полностью находились в ледяной трубе.

И он долго стоял там, выдавив из себя удовлетворение, сосредоточив разум на предстоящей задаче. Теперь он начинал понимать размеры ледяной гробницы. Он обдумал некоторые идеи, как можно расположить более крупные куски, чтобы положить на них спальный мешок и подняться выше, для продолжения раскопок.

Теперь он был немного менее безумным и гораздо более сосредоточенным.

При следующей попытке, несколько часов спустя, Джарлакс засунул руку высоко в ледяную трубу и провел лезвием к стене магической дыры. Результат был одновременно обнадеживающим и ужасающим, потому что, когда кончик клинка ударился о магическую стену, огромные куски льда посыпались вокруг, ударялись о ноги и в какой-то момент чуть не сбили его с ног. Он наблюдал, как внизу разбился лед.

Если бы он упал, один из этих блоков приземлился бы ему на спину или голову.

Прошло много времени, прежде чем он снова начал копать, потому что ему пришлось соорудить пол из этих упавших кусков льда и разложить вещи на нем. Проявив немного сообразительности, которой Джарлакс гордился, он нашел способ наклонить и переустановить свой зонт, чтобы дать ему некоторое прикрытие и защиту, когда он двинулся дальше. Он также начал отмечать ледяную стену сбоку от своей впадины, чтобы измерять прогресс.

Джарлак не знал, сколько часов или дней прошло, когда он, наконец, сдвинулся с места и проделал отверстие в ледяном сталагмите прямо над полом пещеры.

Порыв воздуха ошеломил его. Он плюхнулся обратно на спальный мешок, который теперь был установлен на льду на полпути над волшебным дном лунки, и обнаружил, что дрожит от облегчения и втягивает свежий воздух, как будто это был какой-то восхитительный, наполненный ароматом запах из далекой страны.

Вскоре он снова поднялся на ноги и выглянул в проделанное им маленькое отверстие. Снаружи было не совсем темно, но он не заметил никакого движения. Он проследил за зеленым свечением, и смог увидеть край такого же полупрозрачного круга на дальней стене, похожего на гигантские цветные окна, которые он видел в великих соборах, построенных людьми. Он все больше убеждался, что это тот самый портал, который разбил гигантский слаад, чтобы вызвать яростный ледяной ветер. Его починили или отрастили заново, и теперь он был цел, впуская сияние Веселых Танцоров полярного ночного неба.

Джарлак затаил дыхание, вспомнив это богоподобное существо, которое призвало ледяной северный ветер и победило их за считанные мгновения. Оно разделалось с группой могущественных опытнейших искателей приключений, как с детьми.

Теперь ледяное окно вернулось, как будто ловушка была восстановлена.

Джарлак достал волшебный ушной рожок, надел его и приложил ухо к отверстию. Он простоял так неподвижно довольно долго.

Он не слышал ничего, кроме завывания ветра, проносающегося по огромной пещере.

Медленно и обдуманно Джарлак провел мечом по небольшому туннелю в ледяном сталагмите, расширяя его. Несколько раз он останавливался, чтобы заглянуть внутрь, внимательно прислушивался, затем возвращался к работе, скалывая края своей ледяной могилы.

В конце концов, с него было достаточно. Он вонзил кончик кинжала в лед. Затем, уперев рукоять в пол, использовал магический рост от кинжала к мечу, чтобы глубоко войти в лед.

Сильно увеличенное оружие прошло насквозь, вверх и наружу. Большой кусок льда откололся от сталагмита и с грохотом упал на пол камеры.

Джарлак затаил дыхание, опасаясь, что такой шум дорого обойдется ему.

Но в комнате по-прежнему было тихо.

Только стонущий холодный ветер продувал насквозь.

Джарлак спустился обратно, собрал свои вещи, затем уселся и выпустил зонт.

Как только он это сделал, лед в яме сдвинулся, часть его осыпалась, но Джарлаксу удалось удержаться и подойти к яме, которую копал.

Теперь он работал более яростно, кромсая края туннеля, и наконец, открыл его, чтобы суметь поползти.

Он медленно сел на колени за пределами ледяного кургана и огляделся по сторонам, чтобы сориентироваться. Он заметил туннель, по которому они вошли в пещеру.

Он заметил холмики, в которых лежали Доум'вилль и другие павшие несколько месяцев назад. Он увидел орка и эвендроу, которых он и его друзья освободили, обмякших и снова закованных в лед.

– Вы живы? – прошептал он тихо орку, эвендроу и своим друзьям.

И там был Энтрери, пойманный при падении на пол под странным углом, поскольку потерял коня под собой. Магия огненного кошмара рассеялась, когда его хозяин впал в бессознательное состояние.

И там стояла Кэтти-бри, прямая, как призрак в ледяном столбе. Позади нее, в стороне, взгляд Джарлакса привлекла легкая искорка.

Меч Закнафейна.

Джарлакс посмотрел на собственную могилу. Нужно забрать переносную дыру. Получится ли забрать ее? Не расколется ли основание колонны и не обрушится ли все это?

В этом случае он, вероятно, не сможет забрать маленькую тряпку. По крайней мере, не наделав слишком много шума. Обдумывая это действие, он заметил на земле кое-что еще и потянулся за обсидиановой фигуркой коня, но обнаружил, что она заключена в лед.

С чего начать?

Меч Зака, решил он, и пополз мимо своего кургана, мимо гробницы Кэтти-бри, к Закнафейну. План начал формироваться, когда он приблизился к мечу, творению, выкованному Кэтти-бри, соединявшего два оружия: клинок света и огненный хлыст Зака с межплановой досягаемостью. Оружие оказалось заключено в оболочку лишь частично – прежде чем лезвие исчезло обратно в магической рукояти, огонь и остаточное тепло растопили лед вокруг. К своему облегчению, Джарлакс понял, что может довольно легко извлечь украшенную рукоять.

Что потом?

Вспоминая бой и те тактики, которые сработали и не сработали, он обдумывал варианты.

О своем кошмаре он вспомнил почти сразу. И он, и Энтрери применили адских скакунов для сокрушительного уничтожения врагов и сталагмитовых курганов.

– Держись, мой друг, – прошептал он Заку, когда, наконец, освободил клинок, и бросился в другую сторону, соскользнув рядом с пойманной в ловушку фигуркой.

Рукоять поднялась вверх, Джарлакс обнажил волшебный клинок во всей его ослепительной красе и пламени. Шок от внезапного света в темной пещере застал его врасплох, и у него защипало глаза, но он знал, что сейчас не может остановиться, потому что полностью посвятил себя делу. Он опустил клинок света так, чтобы сияние и огонь растопили лед вокруг статуэтки. Затем освободил обсидианового скакуна и вскочил, крутясь вокруг, выискивая врагов – и видя, как они вырастают вокруг него. Ледяные големы заключали в себе мертвые формы эвендроу, орков, дворфов-куритов и людей-улутиунов.

Н'диви! Армия н'диви.

И он увидел мерцание на полу, похожее на потоки воды, текущие по льду, и понял, что канте, необитаемые, приближаются к нему со всех сторон.

Идут, чтобы сделать из него н'диви.

Он посмотрел на яростно светящийся меч.

– Что ж, мы пытались, – пробормотал он.

– Сегодня мы проделаем весь путь до города, – объявила Галатея экспедиции. – Погода сохранится, Веселые Танцоры будут яркими. Мы прорвемся.

Арктос орокс по команде выставили упряжки на снег, сани быстро скользили по паковому льду. Галатея и Илина делили одни из саней и почти не разговаривали в первый день отступления.

Однако они часто обменивались взглядами, и каждый понимал боль другого.

– Аззудонна, – просто сказала Галатея, когда они прервались, чтобы дать командам орокс отдохнуть. Паладин покачала головой.

– Это не твоя вина, – ответила Илина. – И мы до сих пор даже не знаем, что с ней случилось на самом деле.

– Мы знаем, что она ушла. Они все ушли.

– Они знали, во что ввязываются, – возразила Илина, но только ради Галатеи, поскольку она тоже испытывала глубокую боль потери, и не только из-за Аззудонны. Она была удивлена тем, насколько сблизилась с Кэтти-бри за те недели, что знала человеческую женщину. Их веры не так уж сильно отличались, обе были сосредоточены на божествах, которые возвышали мир природы и гармонию цикла жизни и смерти.

– Аззудонна не верила, что ввязывается во что-то большее, в отличие от нас, – напомнила ей Галатея.

– Она этого не делала. Это мог быть любой из нас, на которого напала... что бы это ни было.

– Я думаю, это была пантера.

– Пантера была союзником, – сказала Илина. – Давай расскажем все Временному Собранию, чтобы они могли направить прорицателей попытаться найти ее или узнать, что с ней случилось. Возможно, наши посетители сбежали с помощью магии и нашли способ забрать Аззудонну с собой?

– Временное собрание не обрадуется, услышав это, – ответила Галатея. – Что это может значить для Каллиды, если наши четверо посетителей избежали как слаадов, так и наших собственных заклинаний забвения, да еще и с доказательствами?

Илина долго обдумывала это, затем ответила:

– Я надеюсь, что они сбежали. Все они. – Она на мгновение задумалась над своим заявлением, затем кивнула головой. – Я им доверяю.

– Даже Джарлаксу? – поддразнила Галатея. Впервые с тех пор, как они покинули пещеры на ее лице появилась улыбка.

– Особенно Джарлаксу, – ответила Илина. – Он любит секреты.

Галатея наклонилась и поцеловала Илину в щеку.

– Будем сохранять надежду, – заметила Илина.

– Я хотела бы сделать больше, чем просто надеяться, – сказала Галатея. – Я хотела бы привести армию в ту пещеру и уладить все раз и навсегда. С меня более чем достаточно слаадов, их гигантских слуг и их ледяных големов.

Вскоре сани снова тронулись в путь, но у Илины и Галатеи не могло сохраниться обнадеживающее настроение.

Аззудонна, Кэтти-бри и трое других посетителей оставались потерянными для них. Это была реальность, с которой им пришлось столкнуться, каковы бы ни были их надежды.

Джарлакс уронил статуэтку и призвал адского коня.

Огромным прыжком он оказался на нем почти сразу же, как появилось, и, не теряя времени, привел кошмарного скакуна в движение.

Стоять на месте означало быть пойманным. Быть пойманным означало быть уничтоженным.

Пылающий меч превратился в хлыст, и он сразу же ударил им в сторону. Огненный наконечник вонзился в н'диви и с легкостью разрезал лед вокруг эвендроу. Когда он отвернулся, Джарлакс ударил рукоятью хлыста по боку адского скакуна, и конь ответил взбрыком, который сокрушил спотыкающегося и раненого н'диви и отправил его в полет.

– Энтрери! – позвал Джарлакс, обращаясь скорее к себе, чем к своему другу, который, конечно же, не мог его услышать. Он направил адского скакуна к Энтрери, думая, что его необходимо освободить первым, потому что у Энтрери тоже был адский скакун наготове, и, возможно, они вдвоем могли бы посадить друзей на лошадей позади себя и быстро отступить.

Но теперь пол разбрызгивался под каждым стуком копыт, когда канте прорвались внутрь. Прежде чем он даже закончил рассуждения, образ тех двоих – эвендроу и орка – освобожденных из ледяных гробниц, пришел к нему с кристальной ясностью. Расстроенный, Джарлакс свернул в сторону и поскакал прочь от сталагмитов и своих попавших в ловушку товарищей.

Те двое, которых они освободили, были живы, хотя и ослаблены и явно растеряны. После нескольких месяцев, проведенных во льду, они все еще были живы!

Те, кто был превращен в н'диви, захвачен и одержим канте, были мертвы, и становились нежитью.

Если он освободит друзей сейчас, канте заберут их до того, как они полностью придут в себя.

Таким образом, освободить друзей сейчас означало бы обречь их на гибель.

Он ненавидел то, что собирался сделать, хотя и знал, что должен. Джарлакс помчался на адском коне по кругу, хлыст трещал всякий раз, когда н'диви приближался, канте расплескивались под огненными копытами адского коня.

Пока он продолжал двигаться... Он захотел увидеть, сможет ли адский скакун остаться свободным, после замораживающего укуса канте?

Он попытался сформулировать план, чтобы безопасно уйти, и пытался понять, что ему нужно, для возвращения.

Потому что ничто не помешало бы ему вернуться за друзьями.

Еще один н'диви, вращаясь, полетел на пол от громового щелчка волшебного хлыста. Еще один был разорван на части ударом адского скакуна и еще двое упали, растоптанные могущественным демоническим зверем.

Возможно, учитывая относительную опасность, которую они представляли, более важным было то, что множество кружащихся канте разлетелось на куски, не в силах удержать адского скакуна, его огненные копыта растопили их ледяную хватку, прежде чем они смогли прикрепиться.

Обеспокоенный ранее, Джарлак теперь начал думать, что он может победить, действительно может очистить комнату и освободить не только своих друзей, но и Доум'вилль и всех остальных, заключенных в ледяных сталагмитовых насыпях.

Однако, на одном широком повороте, он взглянул через дорогу на большой ледяной пандус с верхней полкой, которая тянулась вдоль задней части комнаты, выступ, усеянный туннелями.

Н'диви хлынули из этих туннелей, подбегая к пандусу и бросаясь вниз с горки бесконечным потоком. Что еще хуже, после появились более крупные формы. Гиганты и слаади.

Вернемся к первоначальному плану.

Джарлак пригнулся к шее скакуна и погнал его со всей скоростью к выходу из туннеля. Он радовался этим огненным копытам, когда срезал острый угол на ледяном полу и не врезался боком в стену.

Всю дорогу ему приходилось пригибаться, потолок был прямо над ним.

Потолок.

Были ли над ним канте, текущие по льду?

Хлыст превратился в огненный меч, и Джарлак поднял его перед собой вверх, царапая потолок, пока кошмар несея вперед.

Он ударил по канте. Сначала у него приподнялось настроение, но потом чудовище упало на голову кошмара.

Джарлак закричал, думая, что обречен.

Но адский конь фыркал огнем и мотал головой, и когда упрямый канте начал замерзать и цепляться, Джарлак приставил к нему плашмя огненный меч, сбоку от головы адского коня.

Расплавленный огнем, монстр наконец отвалился. Не потревоженный пламенем, адский скакун мчался галопом.

Джарлак миновал боковую комнату, где он и его друзья впервые столкнулись с этими странными и опасными големами, или монстрами, или созданиями некромантии, кем бы они ни были – с их отличиями можно разобраться позже! Он вошел в туннель, где они оставили своих сопровождающих из Каллиды, и перед ним открылся выход в ледниковый разлом.

– Вперед, вперед, вперед! – подгонял он адского скакуна. Так близко...

Огромная фигура встала перед туннелем, блокируя выход. Ледяной гигант. Но нет... н'диви.

Ледяной гигант н'диви!

Чудовище, возникшее перед ним. Монстры, преследующие его. Больше некуда бежать.

Поэтому Джарлак погнал своего скакуна сильнее. Он закричал и продолжал кричать, выставив меч перед собой.

«Не думай», сказал он себе.

– Не сбавляй скорость! – приказал он, но бесстрашный адский скакун этого и не делал. Они приближались все ближе к ужасной нежити, к чуть меньшей опасности, а затем всадник и скакун на полной скорости врезались в гигантского н'диви.

Сбитый с ног почти до потери сознания, Джарлак почувствовал, что летит. Он ослабил хватку на густой гриве адского коня, но упрямо, отчаянно сжимал другой рукой рукоять волшебного меча.

Он ударился о землю, снег и лед, подскакивая, резко и внезапно остановился у выступа из льда и камня во многих шагах от туннеля, почти у конца ледникового разлома.

Ему хотелось лечь на спину и собраться с мыслями, но знал, что у него нет времени. Он стряхнул головокружение и сосредоточился на том пути, которым пришел.

Гигант н'диви встал на ноги, на льду, покрывавшем его, появились многочисленные трещины. Кошмар тоже поднялся, немедленно подняв передние копыта, чтобы ударить по замерзшей туше.

Каждый рефлекс Джарлакса, умственный и физический, говорил ему бежать, и он даже встал на колени лицом к выходу из ледникового разлома, ледяной покров мерцал в свете Веселых Танцоров, а полярная ночь практически манила его.

Однако он повернул назад, даже не поднявшись на ноги, потому что Джарлак знал, что не может сбежать – в буквальном смысле. Без своего скакуна он погибнет.

Если он потеряет этого адского скакуна, он потеряет все.

Тяжелый взмах гиганта н'диви отбросил кошмара в сторону. Немертвый монстр бросился в погоню.

Джарлак зарычал и рванулся обратно на перехват. Он взялся за рукоять меча обеими руками, и скользя на коленях, врезался в заднюю часть толстой ноги н'диви. Он отскочил назад, а н'диви продолжил движение, как будто даже не заметил удара.

– Вот и я! – зарычал Джарлак, и обеими руками обрушил пылающий клинок. Дроу быстро развернулся, чтобы вложить в удар весь свой вес.

Раскаленное лезвие проломило лед и ударило в икру гиганта. Оно вонзилось, но неглубоко, и скрикошетило от замерзшей конечности, и кровь не выступила.

Но гигантский н'диви покачнулся, явно ужаленный, и начал раскачиваться.

Джарлак вскочил и побежал изо всех сил. Его меч превратился в хлыст, и он снова соскользнул вниз, разворачиваясь на ходу и поднимаясь на ноги лицом к преследующему монстру.

«Зак, помоги мне», безмолвно взмолился он, потому что никто не мог владеть хлыстом так, как Закнафейн. Он не сомневался, что с этим хлыстом в руках Зак смог бы отнять глаза атакующего гиганта двумя щелчками.

Джарлак поднял руку с хлыстом прямо над собой, указывая на небо. Он опустил руку перед собой, затем завел за спину и снова, пока рука не оказалась на одной линии с головой противника. Когда он щелкнул запястьем, то послал хлыст вперед и вверх и ударил прямо в лицо гиганта. Джарлак глубоко погрузился в хлыст, требуя всю магию, пробивая брешь на План Огня.

Хлыст расколол лед, покрывавший нос и щеки гиганта, и стекающая слеза вызвала стихийный огонь на этой замороженной плоти.

Н'диви пошатнулся, позволив Джарлаксу отбежать в сторону. Кошмар подскочил к нему, развернулся и дважды ударил гиганта прямо в бедро, отбросив его в сторону и повалив на землю.

Джарлакс несколько раз ударил хлыстом, когда тот попытался встать, и, достав палочку, запустил в дымящееся лицо гиганта молнией.

Адский скакун, кружащий и брыкающийся перед поднимающимся титаном, пнул его в лицо с такой силой, что весь лед отлетел от раскалывающейся головы.

Н'диви упал ничком. Джарлакс двинулся, будто намереваясь покончить с ним, но посмотрел на туннель через дорогу, откуда теперь выходило больше мелких монстров.

«Не сейчас», подумал он.

Он подождал скакуна и забрался на него, почти сразу пустившись в полный галоп.

Выбравшись из расщелины, он бросился бежать, резко повернув направо, и помчался вдоль высоких стен этого неестественного ледника, известного как Кадиж, ускоряясь, чтобы как можно больше увеличить расстояние между ним и преследователями. Только много шагов спустя он понял, что погони не было.

И все же он не замедлил шаг. Он должен добраться до Каллиды.

Он понял, что единственный шанс, который был у его друзей, состоял в том, чтобы убедить эвендроу выступить с подавляющей силой.

Как бы он хотел, чтобы у него был волшебный свисток, чтобы он мог позвать Киммуриэля и попросить псионика вернуть его на юг, чтобы сплотить короля Бренора и Бреган Д'эрт.

Но он не мог добраться до них.

Судьба его друзей была в руках Временного Собрания, моны Валриссы и народа Каллиды.

– Я вернусь, – прошептал он в холод.

Глава 12

Воя на Луну

– Надвигается буря, – сказал молодой монах Дзирту однажды ночью на заднем крыльце Монастыря Желтой Розы.

Дзирт рефлекторно посмотрел вверх и высоко в небе увидел почти полную луну и линию облаков, мчавшихся под порывами быстрого ветра. Мерцали звезды. Вдалеке слышался пронзительный лай.

– Ты слышишь их? – спросил монах, и Дзирт повернулся, чтобы посмотреть на него.

Невысокий и худощавый, он выглядел так, словно его мантия была на три размера больше. Грязные пальцы торчали из-под передних складок темно-коричневого одеяния, сбившегося вокруг сандалий – Дзирт заметил, что у одной из туфель порвана завязка, которую починили с помощью лозы. У монаха было

приятное лицо с едва заметными усами и растрепанными каштановыми волосами, разделенными пробором посередине и зачесанные вперед, они обрамляли его худые щеки, как капюшон.

– Койоты, – сказал Дзирт.

Монах покачал головой, отводя любопытный взгляд от Дзирта. Ночь потемнела, когда облако прошло перед луной.

– Признаю, что они действительно похожи на койотов, – сказал монах. – Раньше я совершал ту же ошибку.

Дзирт выгнул бровь.

– Они делают это нарочно, – объяснил монах. – Прислушайся внимательнее, не к лаю, а к более тихим звукам в промежутках.

– Это действительно твое имя? – спросил Дзирт. Смена темы явно удивила молодого человека.

– Мое имя?

– Брат Головастик?

– Ты знаешь обо мне! Для меня это большая честь.

Лунный свет снова ярко полился вниз, и лай возобновился. Дзирт сделал, как советовали, и обратил внимание на тихие интерлюдии. Широкая улыбка расплзлась по его лицу, и он кивнул, узнавая тявканье и визг.

– Гноллы, – сказал он.

– Да, – сказал Головастик. – Да, гноллы, и да, это имя, которое дали мне, когда я был ребенком, брошенным у входной двери монастыря.

Дзирт изучал этого человека и не увидел в нем ни торжества жертвы, ни желания сочувствия, вообще никаких признаков того, что ранние переживания оставили какие-либо шрамы. На самом деле Головастик казался совершенно довольным. Если он и чувствовал, что ему не хватает семьи, то, конечно, не подавал никаких внешних признаков. Дзирт, конечно, мог это понять – монахи Монастыря Желтой Розы казались друг другу такой же семьей, как и его Компаньоны Халла.

– Они очень активны этой ночью, – сказал Головастик, проходя мимо Дзирта, чтобы опереться на перила крыльца. – Они становятся такими, когда осень затягивается, возвещая о приближении зимы.

Он кивнул на север, указывая на летящие линии облаков.

– И дни становятся короче по мере того, как северный ветер становится сильнее. Я ожидаю, что будет сильный шторм.

– Откуда брат Головастик так много знает о гноллах?

– Потому что я большую часть времени нахожусь на улице, а Галены кишат ими, – ответил он. – Откуда великий Дзирт До'Урден знает о брате Головастике?

Дзирт улыбнулся превосходной степени, которую Головастик использовал перед его именем.

– Великий Дзирт До'Урден, – тихо повторил он, закончив со смешком. – Брат Афафренфер говорил о тебе.

Мастер Афафренфер, – поправил Головастик.

– Он всегда хотел титула брата, – сказал Дзирт.

Головастик пожал плечами и кивнул.

– Я скучаю по нему. Ты был там, когда он умер?

Прямой вопрос задел Дзирта за живое и пронесся в его голове, возвращая его к тем моментам, когда Афафренфер пришел за ним в начале грандиозной трансценденции. Афафренфер пожертвовал собой, чтобы служить проводником для возвращения Дзирта в живой материальный мир.

– Отчасти, – ответил он, потому что не знал, что еще сказать. Как он мог начать объяснять ощущения, которые испытал в тот замечательный момент?

– Напоминание о том, что мы должны жить теми днями, которые нам даны, – тихо заметил Головастик. – А что с его другом, дворфом?

– Атрогейтом?

– Нет, – сказал Головастик, и даже в лунном свете Дзирт мог видеть, что он покраснел.

– Амбра, – сказал Дзирт. – Амбергристл О'Молл из Адбраских О'Моллов.

– Она поцеловала меня, – сказал Головастик, явно смущенный. – Я был очень молод. Это был мой первый поцелуй.

Дзирт ответил улыбкой, но медленно покачал головой, сбивая молодого человека с толку.

– Она умерла как герой, – сказал ему Дзирт.

– Слишком много героев умирает, – сказал Головастик.

– Многие бы не согласились, – тихо ответил Дзирт, вызвав растерянный взгляд монаха. Дзирт только рассмеялся в ответ, не желая спускаться в эту философскую кроличью нору.

Благодаря десятилетиям опыта, Дзирт пришел к выводу, что многие живые люди остались недооцененными за их жертвы и усилия, благодаря критикам, которые таяли, как гноллы под поздней осенней луной.

Конечно, до самой смерти, после чего люди действия и следствия часто возносились до почти богоподобного статуса – чего никогда не могли достичь те, кто принял рясю.

Пока они не будут мертвы.

Станет ли это его собственной судьбой, подумал он, и усмехнулся глупости этой мысли, потому что, по мнению Дзирта, ему оказали больше доверия, чем он заслуживал, и у него были лучшие друзья, которые понимали правду больше, чем «легенды».

Улыбка не продлилась долго, и его взгляд рефлекторно устремился на север. Кэтти-бри, несомненно, ценили, и когда она встретит свой конец, все дворфы Гаунтлгрима и Мифрил Халла, Адбара, Фелбарра и Долины Ледяного Ветра, все хафлинги Кровоточащих Лоз, вся Длинная Седловина и Гарпеллы, и большая часть Лускана будут по-настоящему раздавлены огромной потерей для них всех!

Но что насчет Джарлакса? Кто по-настоящему понимал, что за негодеем скрывается нечто большее, чем корыстное попустительство?

Что с Знафейном? Дзирт оценил глубину самопожертвования этого дроу, но немногие из ныне живущих имели хоть какое-то представление о том, что он делал в свои дни в Мензоберранзане.

А что насчет Артемиса Энтрери? Его репутация, несомненно, была известна повсюду, но в основном это была репутация человека, которого больше не

существовало, и подвиги идеального убийцы вряд ли были мерилom того человека, которым он стал!

Это зависит от Дзирта...

Дроу втянул в себя воздух и чуть не упал! Как он мог позволить мыслям блуждать в таком мрачном и нездоровом направлении?

Он знал как, и в этом была проблема. Он так ужасно волновался.

– Ты уверен, что мы должны это сделать? – спросила Саван Хозяйка Зимы.

– Киммуриэль связался со мной, – ответил магистр Кейн. – Возможно, назревают неприятности.

– Но ты не сказал Дзирту.

– На самом деле тут не о чем рассказывать. Мы взяли его под свою ответственность, ты согласна?

Саван с любопытством посмотрела на него.

– Он находится в самом разгаре своей тренировки, – объяснил Кейн. – Обучение, которое я и Орден предложили ему. Есть ли более уязвимое положение, чем это? Дзирт, конечно, великий воин, но он еще не научился идеально сочетать две дисциплины, которыми сейчас владеет. Он близок, но не совсем готов. Мы подготовим его.

Он кивнул в сторону заднего крыльца, где Головастик и Дзирт смотрели на восток и прислушивались к вою гноллов на луну.

– Брат Головастик хорошо играет свою роль, – сказал Кейн.

– Это выглядит немного нечестно, – отметила Саван.

– Так и есть. И даже больше, чем немного. Но ты бы предпочла, чтобы я рассказал ему правду о нашей игре? Ибо тогда он помчится к ожидающей беде, и я без колебаний скажу тебе, что он не готов.

Саван несколько мгновений обдумывала это, затем покачала головой. Она уже сталкивалась с такой ситуацией раньше и слышала от Кейна о некоторых легендарных героях Земель Кровавого Камня, соратников магистра Цветов из давних-давних времен. Видя его подвиги, многие желали больше узнать о путях монаха. Однако стиль боя и движения были другими. Слишком другими. Это могло дополнять подготовку, которую воин знал раньше, или противоречить ей – причем последнее в самый неподходящий момент.

– Это так же просто, как дышать, – объяснил Кейн. – Воин выпячивает грудь и втягивает живот, вдыхая весь воздух, чтобы казаться больше и внушительнее. Мы понимаем ценность более мягкого живота, дыхания в суставы, использования дыхания для подпитки мышц, а не для какой-то птичьей демонстрации силы.

Саван обдумывала это всего мгновение, прежде чем ответить со смехом.

– Есть разница в подходах, и она проявляется в различии действий, – сказал Кейн. – Ты слышала об этом существе, которое они называют Охотником?

Саван на мгновение уставилась на старого монаха.

– Ты имеешь в виду тот внутренний огонь, который кипит внутри нашего гостя?

Кейн кивнул.

– Я слышала, что Дзирт отправляется в место чистой, первобытной ярости. Я не была свидетелем этого...

– Я был. Только однажды, во время Войны за Серебряные Пределы. Вместе с Братом Афафренфером я был в его мыслях и душе. Довольно впечатляюще, не сомневайся. Почти звериное, каждое его движение инстинктивно или реактивно, каждый его удар силен и точен.

– Звучит впечатляюще.

– О, это так, в зависимости от врага под рукой.

– Потому что он не думает по-настоящему? – спросил Саван.

– Вот именно. Как, по-твоему, ты справишься с таким примитивным, даже диким убийцей?

Саван задумалась всего на мгновение, и довольно уверенно заявила:

– Дзирт, это существо-Охотник, будет убит.

– Почему? – спросил Кейн.

– Потому что я бы использовала его свирепость против него самого, чтобы утомить его.

Гроссмейстер Цветов кивнул.

– Мы должны действовать быстро. Я чувствую, что на этом пути есть срочность. К счастью, Дзирт быстро учится.

На следующий день Саван шла по горной тропе, северный ветер обдувал ее, а следопыт-дроу шел позади. Она завернула за угол, выйдя на небольшое плато, обращенное на север и полностью открытое зимним стихиям.

– Это часть твоего обучения? – спросил Дзирт сквозь вой ветра, когда подошел к ней.

– Была частью, – поправила она. – Это было основным требованием для повышения до моего нынешнего звания.

– Хозяйка Зимы, – сказал Дзирт.

Саван кивнула и улыбнулась.

– И поэтому зима не может победить меня.

– Не уверен, что понимаю.

– Сними свой плащ, – приказала она.

Дзирт, который только что поплотнее закутался в плащ, скептически посмотрел на нее.

Она протянула руку.

Пожав плечами, дроу снял одежду и передал ее. Он сильно вздрогнул, защищаясь от ледяного ветра, который действительно уже сильно кусал его.

– Сядь, – сказал ему Саван. – И дай мне свои ботинки и носки. И перчатки, – добавила Саван, когда он сделал это. – Сядь с прямой спиной и скрести ноги, положи руки на колени, как во время медитации.

Он так и сделал, но прежде чем закрыть глаза, заметил, что на пальцах ног уже появились признаки холода, цвет и текстура кожи изменились.

– Иди в тихое место, – проинструктировала Саван. – Верь, что ветер не причинит тебе вреда.

Дзирт скривился, выдавая сомнения, но попытался и сумел впасть в медитативное состояние.

Правда, только на короткое время. Прошло совсем немного времени, прежде чем он не смог игнорировать ледяное пощипывание. Он поморщился и открыл глаза, чтобы снова увидеть покраснение на пальцах ног.

– Больно? – спросил Саван.

– Не меют, – сказал Дзирт.

– Физическое тело стремится выжить, жертвуя пальцами на руках и ногах, – объяснила она. – Кровь остается рядом с более важными областями, в сердце и грудной клетке. Не позволяй ей.

Дзирту пришло в голову, что зубы женщины даже не стучали, что дало ему надежду, что она знает, о чем говорит.

– Подчини свои инстинкты, – наставляла Саван. – Гони кровь обратно к рукам и ногам. Загляни внутрь. Это ты управляешь сознанием.

Дзирт представил, как кровь течет по нему, как если бы это была черед горных потоков, каскадом стекающих с предгорий. Он использовал те же техники, которым его обучил магистр Кейн, для выполнения малого исцеления себя.

Он почувствовал некоторое облегчение – конечно, не полное, но достаточное, чтобы снова взглянуть и порадоваться, что к конечностям вернулся естественный цвет.

– Хорошо, хорошо, – сказала ему Саван. Она наклонилась и схватила его за ногу, и Дзирт чуть не подпрыгнул от тепла ее хватки! И дело было не только в контрасте.

Рука Саван была горячей настолько, что он посмотрел на нее, ожидая, что она проводит пальцами по свече или какому-то другому источнику тепла.

Но нет.

Она вернула его ботинки, перчатки и сапоги и приказала ему одеваться. Когда он надел плащ и встал, Саван шокировала его, раздевшись только до легкой нижней рубашки. Она развела руки в стороны и приняла удары ледяного ветра.

– Продолжай делать то, что я тебе сказала, – обратилась она к Дзирту. – Согрейся, мой друг, словно на тебя светит летний день.

Дзирт снова принял медитативную позу и представил эти горные потоки.

Его зубы перестали стучать. Он почувствовал, как тепло разливается по рукам и ногам.

Через некоторое время он открыл глаза и увидел, что Саван все еще стоит там, почти обнаженная, под безжалостным северным ветром.

Наконец, она опустила руки и повернулась к нему, затем начала одеваться.

– Твоя очередь, – сказала она. – Сделай так же, как и я.

Дзирт подчинился и поднял руки.

В конце концов, он продержался не так долго, как Саван, но она была Мастером, а он все еще учеником. Когда они начали свой обратный путь по горной тропе, он понял, что ему был сделан огромный подарок.

Наступала ночь, когда они снова приблизились к монастырю, полная луна выглядывала из-за восточного горизонта.

Где-то в ночи завыл волк. Затем гноллы снова начали визжать и тявкать.

– Они быстро становятся проблемой, которую мы должны решить, – сказала Саван Дзирту.

– Мне сообщили, что приближается шторм.

– Завтра к вечеру пойдет снег, а это значит, что я этой ночью должна последовать за этими визжащими демоническими тварями в их логово, без сомнения, в пещеру. Кажется, с каждым годом их становится все больше примерно в это время.

– Значит, монастырь взял на себя смелость сразиться с гноллами?

– Не сразиться; защитить тех, на кого гноллы нападут. Если мы этого не сделаем, деревни на восточных склонах Дамары заплатят высокую цену за наше бездействие, – объяснила Саван. – Гноллы охотятся на города, укрывшиеся от зимнего удара, их предполагаемые жертвы сбились в кучу, и им некуда бежать.

Дзирт не мог не согласиться с этой оценкой, особенно после резни, которая недавно произошла в Лускане во время Войны Демонов, с дьявольской армией, состоящей в основном из гноллов.

– Я пойду с тобой, – сказал он.

– Действительно, можешь. Магистр Кейн утверждает, что ты отличный следопыт. Она остановилась на тропе перед Дзиртом и повернулась, чтобы посмотреть на него, расплываясь в злобной улыбке. – Зачем ждать?

– Сейчас?

– Твои пальцы и ступни должным образом согреты, Дзирт До'Урден? – она спросила. – Ты готов к драке?

Дзирт тоже злобно улыбнулся.

С близлежащего утеса магистр Кейн наблюдал, как Саван и Дзирт меняют курс и сворачивают на тропу, ведущую на восток, в направлении визжащих гноллов.

Он тоже отправился в путь, двигаясь бесшумно и с большой скоростью, чтобы обогнать пару, надеясь добраться до пещеры гноллов до того, как Дзирт и Саван найдут к ней дорогу. Он то и дело брался за мешок, который нес, в котором лежала одна из сандалий брата Головастика и разорванная и окровавленная мантия молодого человека.

Через некоторое время он заметил пару, движущуюся по нижней части склона холма, покрытому снегом и усеянному большими камнями.

Он ускорил шаг, направляясь к пещере, которую хорошо знал. Он обошел вход, расположенный в естественной каменной стене и охраняемый всего одним гноллом, и расположился на дереве высоко над охранником.

Кейн знал, что здесь ему нужно действовать быстро.

Он прыгнул вниз с высоты тридцать футов и приземлился прямо рядом с удивленным монстром.

Гнолл чуть не выпрыгнул из своих сапог. Он повернулся и взмахнул алебардой, но Кейн высоко подпрыгнул, поджав ноги, над пролетающим оружием. Он мог бы ударить ногой и прикончить гнолла, но ему нужна была не просто его смерть.

Ему нужно было наделать много шума.

Он легко приземлился, левой рукой схватив древко алебарды, прежде чем гнолл смог нанести следующий удар. Его правая ладонь с подогнутыми пальцами метнулась вперед и вверх и попала почти семифутовому зверю под толстую гиеноподобную морду.

Гнолл взвыл от боли и отпустил древко в левой руке, потянувшись когтями к Кейну.

Однако магистр Цветов уже исчез, ныряя под правую руку гнолла. Он резко повернул свою цепкую левую руку, едва не вырвав оружие у зверя – и он мог бы это сделать, если бы захотел. Однако вместо этого Кейн продолжил вращение, двигаясь прямо за гноллом, завершая нижним ударом ногой, от которого колени демонического существа подогнулись, затем последовал удар левым хуком по почкам, вызвавший более громкий и выразительный крик.

Такой, который наверняка слышали его визжащие товарищи.

Когда гнолл, пошатываясь, сделал несколько шагов вперед, Кейн повернулся и бросился в пещеру, которая, как он знал, была неглубоким фойе комплекса гноллов с несколькими туннелями, уходящими вглубь горы.

Гнолл появился перед дверью, воя теперь во всю глотку и бросаясь в погоню.

Ответные звуки доносились из туннелей и с улицы, с усмешкой отметил Кейн.

Великий Мастер Цветов двинулся вниз, в темноту.

Дзирт держал Ледяную Смерть в ножнах, потому что клинок светился ледяным синим в морозном ночном воздухе. С восходом яркой луны ни он, ни Саван не нуждались в этом или каком-либо другом свете.

Вдвоем, они легко нашли голый холм, где были гноллы, и по веренице следов на участках снега и грязи, поняли, что это правильное место.

Гноллы ушли, причем в спешке, и поэтому их было легко выследить.

Дзирт и Саван почти не издавали никаких звуков, пока мчались вперед, грациозно перепрыгивая через поваленные бревна и лавируя между валунами. Они подошли к узкой полосе деревьев перед крутым склоном и прижались к дальнему краю, глядя вверх на вход в пещеру, где толпилась пара гноллов.

– Прямо внутрь? – прошептал Дзирт своей спутнице.

– Прямо сквозь них, – согласилась Саван.

Дзирт уже бежал по склону, его сабли все еще оставались в ножнах.

Гноллы увидели его и закричали – они не пытались спрятаться – и подняли луки. Одна стрела пролетела мимо, вторая попала прямо в грудь Дзирта. Его руки скрестились перед ним в идеальный момент, перехватив стрелу прямо перед тем, как она вошла в него. Он поймал ее и выбросил руку вперед, запустив обратно в лучника!

Гнолл взвизгнул от удивления, затем от боли, когда стрела вонзилась в него.

Перед ним возник Дзирт.

В его руках появились сабли, стеклянный клинок Видринат сверкал синим, Ледяная Смерть светилась сине-белым. Он сильно ударил правой рукой, когда гнолл пытался вытащить стрелу из плеча, его левая рука перехватила следующую стрелу из колчана другого гнолла.

Саван, казалось, взлетела на последний участок подъема, жестоким двойным ударом отправила несчастного лучника кувырком назад в темноту входа пещеры.

Полностью сосредоточившись на раненом гнолле, Дзирт ринулся вперед, снова и снова поднимая клинки вверх и наружу, разрубив длинный лук, когда гнолл попытался защититься. Лук приостановил атаку ровно настолько, чтобы гнолл смог встать на ноги и даже вытащить меч, прежде чем Дзирт снова взмахнул обоими клинками, вынуждая его парировать.

Но это был всего лишь финт, отвлекающий маневр. Когда гнолл начал чувствовать себя достаточно комфортно, он присел на корточки. Именно этого и хотел Дзирт. Он опустился ниже, затем развернулся, прыгнул вперед и нанес круговой удар ногой прямо в грудь гнолла. Он ударился спиной о каменный край входа в пещеру, его дыхание вырвалось со звуком, который был наполовину визгом, наполовину ворчанием.

Видринат поднялся горизонтально вверх, закрывая меч гнолла, а Ледяная Смерть вошла под ним, вспоров грудь существа.

Дзирт вбежал в пещеру. Он прошел прямо мимо Саван, чьи раскрытые ладони выбивали жизнь из другого гнолла, каждый удар опережал попытку блока или чуть позже, когда блокирующая рука поднималась слишком высоко.

Ее скорость и точность заставили Дзирта захотеть отбросить клинки и сражаться так же, как она. Но нет, потому что четыре гнолла быстро приближались навстречу незванным гостям, трое из них выстрелили из луков.

Слева от Дзирта пролетела стрела, устремляясь к Саван, но дроу срезал ее в воздухе Видринатом. Вторая и третья полетели в Дзирта, но Ледяная Смерть отбила ведущий выстрел, затем дроу упал, перекатившись вперед, так что третья стрела, не причинив вреда, пролетела над ним.

Он приближался, все еще на бегу, к группе. Крупный гнолл прошел мимо лучников, держа меч и щит наготове, в то время как остальные обнажили клинки.

Дзирт шел прямо на самого большого, но вдруг внезапно и резко срезал вправо, подпрыгнул к стене и пробежал по ней три шага. Он опустился на пол позади гнолла со щитом, прямо около того, кто был за ним, который повернулся и наводил свой меч.

Видринат сильно ударил по этому клинку, запустив его из руки гнолла в оборачивающегося, который поднял свой щит как раз вовремя, чтобы отразить импровизированный снаряд.

Как раз в тот момент, когда левая рука Дзирта выполнила мощный блок, его правая ударила вперед, опередив попытку гнолла заблокировать удар рукой и попав в бок демонического зверя. Едва он откинулся назад, как Дзирт резко развернулся, встретив колющий меч в последующем шквале парирований, из-за чего гнолл схватился за свой меч обеими руками в отчаянной попытке удержать его.

Удар щита обрушился на дроу слева, но он внезапно упал ничком на пол. Когда гнолл пронесся мимо, то споткнулся об него и полетел головой вглубь пещеры.

И Дзирт поднялся прежде, чем гнолл, стоявший перед ним, даже понял, что произошло. На самом деле, он поворачивал голову, чтобы проследить за осечкой и падением своего товарища, и прежде чем он понял, что дроу все еще здесь, Ледяная Смерть уже поднималась под его мордой, через горло в мозг.

Дзирт отпустил застрявший меч, когда проходил мимо третьего в очереди, и внезапно перешел к парированию: высоко, низко, высоко, низко, гнолл наносил удары высоко, затем низко, а Видринат наносил удары влево и вправо.

– Тебе еще не надоело? – позвала Саван с небольшого расстояния.

Она не присоединялась, просто смотрела и, по-видимому, наслаждалась зрелищем.

Вверх поднялся Видринат, вверх и вперед, чтобы оттолкнуть меч гнолла далеко вправо. Легким поворотом лезвия Видрината из стеклянной стали накрыло меч гнолла, Дзирт с силой притянул его обратно и опустил, продолжая вращать своей саблей, теперь снова вверх и снова с большой силой, выбивая меч из руки гнолла и отбрасывая его в туннель к Саван.

Она поймала его.

Дзирт ударил гнолла крестовиной справа, его плечи повернулись с огромной силой, чтобы увеличить размах и со щелчком голова гнолла резко откинулась назад. В воздух взлетел Видринат, за которым последовал прямой удар слева, отбросивший гнолла на несколько шагов назад. Дзирт проследил за его падением, когда тот споткнулся о первого гнолла с разорванным боком.

Последовал второй удар правой, на этот раз напряженно вытянутыми пальцами, идеально нацеленный в горло шатающегося гнолла.

Его крик вырвался потоком крови, хлынувшей из разорванного горла, а не изо рта.

Дзирт рванулся вперед, толкнув умирающего гнолла на землю. Он наступил ему прямо на грудь и прыгнул на стену и оттолкнулся назад, поглощая энергию удара согнутыми ногами, затем подпрыгнул с того положения, с которого пришел, переворачиваясь и извиваясь, чтобы нанести летящий удар ногой прямо между расширенными от удивления глазами преследователя.

Его удар ногой аккуратно сломал морду гнолла, заставив его отползти в сторону визжащим от боли и хлопающим себя по раздробленной верхней челюсти.

Дзирт упал плашмя на пол, схватил Видринат и вскочил обратно, развернулся и бросился через туннель навстречу оставшемуся врагу, который осторожно возвращался, выставив щит.

Дзирт отклонился ровно настолько, чтобы схватить Ледяную Смерть, которая торчала прямо из горла гнолла, лежащего плашмя на спине.

– Спасибо, что подержал, – сказал он мертвому зверю, высвобождая оружие.

Он бросился на гнолла со щитом, который блокировал его небольшим поворотом, меч устроился поверх круглого щита.

Вспышка справа удивила Дзирта, но еще больше удивила гнолла, потому что меч, брошенный как копье, попал ему прямо в ухо.

Он рухнул.

Дзирт остановился и выпрямился, оглянувшись как раз вовремя, чтобы увидеть, как Саван свернула шею гноллу со сломанной мордой.

– Я не собиралась позволять тебе получить все удовольствие, – объяснила она, пожав плечами.

– Ты думаешь, все кончено? – спросил Дзирт, и, словно для того, чтобы подчеркнуть его слова, из дальнего конца туннеля донесся лай.

Дзирт уже собирался двинуться на этот звук, как заметил кое-что в стороне. Он подскочил и поднял изодранную мантию своей саблей, отметив покрывающую ее кровь, затем с большим интересом и удивлением заметил единственную сандалию с порванным шнурком, который был починен с помощью куска виноградной лозы.

– Это... – заметила Саван.

– Брат Головастик, – закончил Дзирт, его мысли кружились, пока он пытался понять, как такое возможно. Головастик вернулся в монастырь, заботился о...

Из глубины туннеля донесся еще один неожиданный звук, плач человеческого младенца, и Дзирт был уверен, что узнал его.

Любая мрачная мысль о том, что это долг, разбились вдребезги. Теперь это было личное.

Только сияние Ледяной Смерти и Видрината указывали ему путь, и Дзирт сломя голову бросился вниз по туннелю.

Саван некоторое время смотрела ему вслед. Это был Охотник, как они и хотели. Теперь вся радость покинула Дзирта, сменившись этой первобытной яростью убийства.

Ей не понравился этот образ. Не от Дзирта, который, как она знала, мог быть гораздо большим, чем диким орудием разрушения.

Но Саван только вздохнула и бросилась в погоню.

Как бы ей ни было это неприятно, она понимала его необходимость, и не только для того, чтобы избавиться от демонических гноллов.

Глава 13

Дисциплинированный Ум

Аззудонна долго лежала без сна, пытаясь сообразить, что ей следует рассказать. Она снова воспроизвела в голове побег из комнаты в этом самом доме, ту внезапную и дикую сцену, которая привела к травме. Она пришла к полному убеждению, что здесь не враги – и она также поняла, что пожилой человек направил в нее не атакующее заклинание, а заклинание понимания языков. Даже когда она бежала из дома, человеческая женщина умоляла ее остановиться – не потому, что она не хотела, чтобы Аззудонна сбежала, как изначально полагала эвендроу (прежде чем она даже осознала, что понимает женщину!), а потому, что она пыталась предупредить Аззудонну о невидимом, твердом барьере.

Они могли оставить ее умирать, убить сейчас или пытаться – возможно, они так и поступят, если она продолжит отказываться отвечать на вопросы!

Но Аззудонна на самом деле в это не верила. Очевидно, они были друзьями Кэтти-бри и остальных. Те четверо, что прибыли в Каллиду, не стали бы пытаться пленника. Она была в этом уверена. Она знала сердца посетителей, особенно Закнафейна. Действительно, только сейчас, в момент глубокой утраты, Аззудонна

поняла, что влюбилась в Знафейна – как она жаждала снова быть с ним, лежать рядом тихими зимними вечерами, сражаться рядом в Казкальци.

И это были его друзья. Это ее единственная связь с ним.

Возможно, *обратно* к нему.

Ей хотелось ответить на вопросы и рассказать все. Она хотела умолять помочь ей вернуться и узнать, что случилось с Кэтти-бри, Джарлаксом, Артемисом Энтрери и больше всего с Знафейном.

Однако она этого не сделает, как бы сильно ни хотелось. Аззудонна знала правила своего города и понимала свою ответственность. Она не могла рассказать этим людям то, что они хотели знать, не рискуя секретностью Каллиды. Конечно, она поняла, что находилась на юге. А это значило, что она находилась среди населения во много раз превосходящего население ее любимой родины, которое не сможет противостоять вторжению этих более густонаселенных и могущественных королевств.

Поскольку эвендроу не собирались позволять четверым новичкам покинуть Каллиду с нетронутыми воспоминаниями, Аззудонне придется жить в том же притворном невежестве.

Следовательно, ей нужно придумать историю о долгом заточении в руках злых слаадов в месте, которого она не знает и не сможет найти. Она скажет им, что Кэтти-бри и другие убиты в бою, и ей одной удалось сбежать, хотя она не была уверена, как у нее получилось. Да, она скажет им, что огромная кошка схватила ее и пронесла сквозь уровни в это место, где бы оно ни находилось – они уже видели пантеру, так что не было смысла скрывать. Однако больше она ничего не расскажет.

Она снова и снова прокручивала эту историю в голове, ища пробоины в крыше и стенах, которые собиралась возвести. Через несколько мгновений она отвергла представление о слаадах как об убийцах пропавших друзей, поскольку это может создать касательную, которая спровоцирует дальнейшие действия со стороны южан. Неужели она хотела стать причиной отправки армии на север? Даже когда она сократила историю до приемлемого, сбита с толку и потерявшая надежду эвендроу осознала, что не может поддерживать здесь ложь – любую ложь! Она вспомнила Галатею и инквизиторов. Они могли легко обнаружить ложь.

Стоило ли ожидать чего-то меньшего от этих людей? Это было изощренное общество, богатое магией, если судить по Кэтти-бри и Джарлаксу.

Никакой лжи. Скорее, она будет полагаться на полуправду и запутывание – она может легко придерживаться такой тактики, не нарушая своих клятв. Она могла только надеяться, что сможет пройти через это, не оттолкнув их окончательно.

Но... что потом?

Тогда ей придется просто жить здесь или в каком-нибудь другом месте на юге и позволить долгим годам течь мимо, пока она не найдет способ каким-то образом вернуться в Каллиду.

– Они друзья Знафейна, – прошептала она себе, нуждаясь услышать подтверждение, что они не станут жестокими и злыми врагами. Она может жить здесь. Она жертвует своим желанием вернуться домой ради своего народа.

Ни от кого из Каллиды нельзя было ожидать меньшего.

– Очевидно, она знает больше, чем говорит, – сказала Копетта Пенелопе и Доуэллу позже. – Надеюсь, ты собираешься держать ее под надежной охраной.

– Наша гостья никуда не денется, – заверила Пенелопа жрицу Гаунтлгрима.

– Мы получим ответы. – Доуэлл согласно кивнул.

– Раньше, чем вы думаете, – раздался голос Киппера из коридора, и старый волшебник вошел с парой неожиданных гостей.

– Где она? – спросил Громф Бэнр, проталкиваясь мимо Киппера.

Пенелопа поняла, что великий волшебник уже получил ответ на свой вопрос, поскольку этот простой вопрос заставил ее задуматься над ответом и, вероятно, Доуэлла и Даб'ней тоже.

Это означало, что Киммуриэль ясно услышал их мысли, поскольку он и другой дроу уже двигались к комнате их гостей.

И это также означало, что эти два псионика действительно собирались получить некоторые ответы, независимо от того, решила Аззудонна предоставить их или нет.

В этот раз стука не последовало, дверь просто распахнулась, напугав Аззудонну и Даб'ней, которая заканчивала лечение раненой эвендроу.

Вошли двое мужчин-дроу, с мрачными и угрожающими лицами. За ними вошла Пенелопа, с сочувственным выражением лица.

Аззудонне это не понравилось. Она изучила двух странных мужчин. Один был широкоплеч, внушительен и в волшебном одеянии с пугающим хмурым выражением лица. Другой – маленький, хрупкий и с выражением, которое казалось совершенно нечитаемым, одет был просто.

Даб'ней слегка поклонилась и поспешила выйти из комнаты, жестом приказав всем троим следовать за ней.

Более грозному дроу, казалось, это не понравилось, и он даже насмешливо фыркнул над ее просьбой.

– Я бы хотела поговорить с тобой сейчас, – настаивала Даб'ней, и Пенелопа даже схватила явно раздраженного мужчину за руку.

С преувеличенным вздохом, который кричал: «О, если я должен», мужчина последовал за ней.

Последний уходивший, невысокий мужчина, бросил суровый взгляд на Аззудонну и закрыл дверь.

В голове Аззудонны крутились разные варианты, и ни один из них не был хорошим. Она постоянно напоминала себе о своем долге здесь. Она говорила себе, что это друзья Кэтти-бри и других, пытаюсь успокоиться, но понимала, что дискуссия сейчас станет более серьезной и настойчивой, и, судя по одежде более крупного дроу, с применением магии.

Она глубоко вздохнула. Она готовилась к такой возможности всю жизнь – усердно тренировалась, несмотря на то, это всегда казалось отдаленной возможностью, но это был вопрос, очень важный для ее народа.

Она еще раз попыталась найти границы в том, что она может раскрыть, и в том, что не должна.

Непрощенные слезы навернулись на глаза, когда она подумала обо всех вещах, о которых не могла им рассказать. Такие вещи как Каззкальци и чудо, которое спасло ее нового друга и которого она бросает ради блага Каллиды.

«*Перте мийе Закнафейн*», беззвучно произнесла она одними губами.

Ей пришло в голову, что эти люди, возможно, могли бы его спасти. Они могли спасти мужчину, о котором она так сильно заботилась. Осмелится ли она рассказать о мужчине, которого полюбила за столь короткое время?

Но так же быстро она недвусмысленно сказала себе, что это не вариант. Потому что она была Аззудонной.

Аззудонной из Каллиды.

Каллида – ее дом, и его безопасность превыше всего. Она отдаст свою жизнь, прежде чем выдаст тайну города, скрытого во чреве Кадижа, и так же она отдаст жизнь Закнафейна.

Аззудонна знала, что это будет нелегко. Сила этих южан была не тем, с чем она сталкивалась. Но она тоже сильна, и поэтому тихо произносила мантру, погружаясь в место стойкости и тренировок.

– Она говорит на языке дроу, – сообщила Даб'ней троице в коридоре, – Но не на Общем, и я никогда раньше не слышала такого диалекта.

– Она рассказала что-нибудь о наших друзьях? – спросил Киммуриэль.

Даб'ней покачала головой.

– Ее зовут Аззудонна. Это все, что она рассказала.

– Это все, что она открыла тебе, – зловеще сказал Громф Бэнр и снова толкнул дверь.

Пенелопа Гарпелл двинулась следом, но Киммуриэль удержал ее.

– Давайте начнем допрос.

– Она все еще слаба, – предупредила Даб'ней.

– Это облегчит задачу.

– Не делай ей больно, – приказала Пенелопа. – Она в ужасе.

– А может быть, это она убила наших друзей? – сказала Даб'ней.

– Она могла бы пронзить меня тем странным копьём, но не сделала этого, – напомнила ей Пенелопа.

– Она не пострадает, – пообещал Киммуриэль лидеру Особняка Плюща. – Но и не скроет от нас информацию.

Он последовал за Громфом в комнату и закрыл за собой дверь.

– Ты Аззудонна? – он услышал, как Громф спросил женщину на Общем языке.

Она с любопытством посмотрела на него, затем сказала:

– Аззудонна.

– Аззудонна из? – спросил Громф, теперь используя язык дроу.

– Я Аззудонна, – ответила она.

Громф посмотрел на Киммуриэля, подавая ему знак.

Псионик пристально сосредоточился на женщине, направляя в нее свой мысленный взор, ища каждую ее мысль, каждый мелькающий образ, каждую идею, каждое намерение.

Громф обрушил на Аззудонну шквал вопросов о ее доме, об их друзьях, о том, как она заполучила Гвенвивар – и была ли это вообще Гвенвивар?

Громф слушал ушами.

Киммуриэль слушал более внимательно.

Вопросы сыпались молниеносно, один за другим, прежде чем бедная Аззудонна успевала начать отвечать или даже начать решать, отвечать или нет.

Мужчина упомянул Гвенвивар, и она тут же представила себе пантеру, вспомнив, как Кэтти-бри впервые познакомила ее с прекрасным существом.

Он задал другой вопрос прежде, чем она могла даже отрицать это знание, затем другой.

Аззудонна уловила смысл. Ее предупреждали и обучали. Она заглянула внутрь и сосредоточила всю свою ментальную энергию на незваном госте, который, как она полагала, находился в ее мыслях. Как только она поверила, что почувствовала «другого» внутри, она вспомнила свое обучение и представила одну простую вещь: летнее солнце, светящее на плоской ледяной шапке.

Белизна. Ослепляющая, неумолимая белизна.

Киммуриэль пытался пробиться, пытался слушать сквозь это. Но не слышал ни малейшего шепота. Просто всеохватывающий, неумолимый свет. Он даже перестал слышать вопросы Громфа. Она умерла?

Неужели эта странная дреу унесла его с собой в царство Смерти?

Псионик вернул разум в собственное тело, крепко зажмурив глаза, чтобы отогнать волны головокружения, преследовавшие его.

Теперь он снова слышал Громфа.

– Расскажи мне о Джарлаксе! Откуда ты? Как ты сюда попала?

Киммуриэль поднял руку и покачал головой, призывая Громфа остановиться.

– Она тебя не слышит, – сумел выдохнуть Киммуриэль. Он медленно открыл глаза и посмотрел на своего озадаченного напарника.

– Ее там нет, вернее, она здесь, но так далеко, что твои слова и мои мысли не могут проникнуть.

– Как это возможно? – спросил Громф.

– Она тренировалась против нас, – сказал ему Киммуриэль.

– Она псионик?

Киммуриэль на мгновение задумался, затем ответил:

– Нет. Нет, я в этом сомневаюсь. Полагаю, она обучена против магических заклинаний чтения мыслей. Там похожая защита, и она так же сильна в ней, как любое существо, не являющееся иллитидом.

– Любое? – с сомнением спросил Громф.

– Может быть, не Дзирт благодаря его новой подготовке.

– Любое? – повторил возмущенный Архимаг.

Киммуриэль посмотрел ему прямо в глаза.

– Да. Даже ты. Мы не получим ответы таким способом – по крайней мере, не только таким способом.

– Что ты предлагаешь?

Киммуриэль посмотрел на женщину и покачал головой.

– Я не знаю.

Он направился к двери, и Громф последовал за ним из комнаты. Даб'ней прошла мимо них, чтобы вернуться к исцелению Аззудонны.

Пенелопа и Копетта ждали двух мужчин в холле.

– Что вы узнали? – спросила Пенелопа, когда они подошли.

– Очень мало, – ответил Киммуриэль. – Теперь я уверен, что это была Гвенвивар. Я также увидел в ее сознании образ странного места, которого не знаю, и улыбающуюся Кэтти-бри, в то время как эта самая дроу, лежащая в комнате, спокойно поглаживает пантеру.

– Это хорошо, – сказала Копетта. – Может означать, что она не враг.

– Даже если друг, почему и как она здесь оказалась? Почему Гвенвивар оставила Кэтти-бри, если Кэтти-бри не в ужасной беде или даже мертва?

– Осторожно, когда говоришь такое, – сказала Копетта. – Король Бренор с друзьями уже в пути, и это не то, что он хотел бы услышать.

– Не больше, чем я хочу такое говорить, – сказал Громф. – Но это не меняет моего вопроса.

– Дзирт знал о пантере больше, – заметила Пенелопа. – Он должен быть здесь.

– Он в монастыре Желтой Розы, – сказал Киммуриэль. – Это довольно долгое путешествие, так что давайте посмотрим, что мы можем узнать, прежде чем посылать за ним.

– И как мы это сделаем? – спросил серьезный Громф.

– Я уже предупредил магистра Кейна, что нам, возможно, потребуется вернуть Дзирта, – ответил Киммуриэль. – Оставайся с ней и охраняй ее, – проинструктировал он Пенелопу. – Она свободно говорит на языке дроу, но со странным акцентом, который я не могу определить.

– Я останусь с ней, – вызвалась Копетта. – Ей нужно больше моих заклинаний, и я приготовила одно, чтобы мы могли понимать друг друга.

Дворфийка подмигнула и ухмыльнулась, затем вошла в комнату.

Кивнув обоим дроу, Пенелопа последовала за ней.

– Ты думаешь, они мертвы, – сказал Громф Киммуриэлю, когда они остались одни.

– Мы не можем этого знать.

– Ты такой же наивный, как та жрица. Конечно, мы можем так подумать. Почему она здесь? Как она здесь оказалась? У нее нет ониксовой фигурки, которая вызывает кошку. Ты не слышал от Джарлакса звонка от свистка, который он носит? Ни одного?

– Ни одного. Но, возможно, я смогу обратить двеомер и связаться с ним.

– Или, возможно, мы можем приложить больше усилий, чтобы получить какую-то информацию от этого существа Аззудонны.

– Пытать ее? – сказал Киммуриэль с пренебрежительным смехом.

– Это может быть очень эффективно.

– Эффективно разрушит каждый союз, который ты создал. Я говорю «ты», потому что я не буду участвовать ни в чем подобном.

– Ты изменился, мой друг.

– Я надеюсь. Но даже если это не так, я не думаю, что ты многого добьешься от пыток.

Киммуриэль почтительно кивнул и оставил своего друга, направляясь в одну из многочисленных маленьких комнат в огромном Особняке Плюща.

Громф долго стоял в коридоре, наблюдая за уходом Киммуриэля и глядя на пустые коридоры после ухода псионика, его внимание было обращено внутрь, и он едва замечал что-либо перед собой, пока Киппер Гарпелл не появился из-за угла.

– Где я могу отдохнуть и позаниматься, старый волшебник? – спросил Громф.

– Старый? Мне говорили, что ты, по крайней мере, в пять раз старше меня, – ответил Киппер с усмешкой.

– Но я не стар, – сказал Громф.

Это вызвало смех у Киппера.

– Пойдем, я покажу тебе свою личную библиотеку. Конечно, она ничтожна в сравнении с той, что есть в Главной Башне, но там найдется несколько интересных фолиантов. И с помощью магии я создал там изысканно удобные кресла.

Громф посмотрел на дверь, отделяющую комнату Аззудонны. Он слышал, как три женщины болтают внутри. Он поднял палец к Кипперу, прося минутку, и подошел к двери, приложив ухо.

– Значит, дворф? – услышал он голос Аззудонны, но на обычном языке Поверхности. Заклинание жрицы сработало.

– Дворф, да. Ты никогда не видела дворфов?

– Я видела, но они не похожи на тебя.

– Это хорошо или плохо? – беззаботно спросила Копетта.

– О, хорошо, конечно, – ответила Аззудонна. – Это делает тебя довольно интересной.

«Действительно, хорошо», подумал Громф.

Они успокаивали незнакомку, усыпляли ее бдительность. Возможно, она была бы менее упряма в своем сопротивлении...

– Мы идем? – спросил Киппер, перебив мысль прежде, чем Громф смог полностью осознать ее.

Архимаг кивнул и последовал за ним.

Киммуриэль задернул шторы, максимально затемнив комнату. Он отодвинул небольшой письменный стол и сел, скрестив ноги, в центре комнаты.

Он закрыл глаза и глубоко погрузился в себя, затем извлек разум из физического тела, выйдя из себя.

Освободившись от притяжения мира и его физических преград, он полетел вверх сквозь потолок, а также сквозь крышу, в воздух.

Наступила ночь, и на небе появились звезды, но они совершенно не привлекли внимания Киммуриэля, настолько он был сосредоточен. Он смотрел на мир внизу, и все же заставлял себя подниматься выше, расширяя горизонты.

Его мысли блокировали все отвлекающие факторы: дым, поднимающийся к небу из трубы, огни Длинной Седловины и Лускана, даже несколько костров, горящих в Долине Ледяного Ветра, далеко на севере. Все исчезло – абсолютно все, пока он не оказался в кромешной тьме.

За одним крошечным исключением.

Киммуриэль приложил немало усилий, чтобы создать магический свисток, который настроил на Джарлакса. Учитывая их отношения и постоянные угрозы мира Поверхности, который они до сих пор не до конца понимали, он подумал, что он стоит затраченных усилий. Свисток был предназначен для того, чтобы Джарлакс мог связаться с ним, единственная, простая и тихая нота, которая достигала бы пределов физической реальности, а затем достигла бы только уха Киммуриэля. Чего Джарлакс не знал, так это того, что Киммуриэль мог использовать этот маяк, даже когда наемник не активировал его.

Он сосредоточился на этом сейчас, полностью, без остатка, с исключительной концентрацией, которой мог достичь только тот, кто долго тренировался в улье иллитидов.

Перед ним показалась единственная далекая точка света. Он не имел ни малейшего представления о направлении или расстоянии, поскольку «видел» не физическим способом.

Он просто чувствовал его магически.

Его бестелесные нити быстро полетели к точке света, ускоряясь, думая, что он найдет Джарлакса.

Но нет, предмет держал вовсе не наемник, и мысли, которые Киммуриэль почувствовал, исходили из чуждого ему источника. Дроу, понял он, почувствовав личность своего хозяина, и один из них предупредил о вторжении, другой испугался и уже пытался изгнать его.

Киммуриэль продержался достаточно долго, чтобы увидеть глазами дроу вспышку, образ: склеп или какое-то глубокое основание большого здания, с низкими арками, бледно светящиеся в скудном свете свечей, но все же достаточно отчетливые, чтобы он мог заметить украшающие их гравюры того же типа, что и на странном копье Аззудонны, которое Пенелопа показала ему.

Сундуки, тубусы со свитками, ящики и сундуки всех форм и размеров выстроились вдоль многочисленных полок, прорезанных в бледных стенах.

По мысленному требованию Киммуриэля перепуганный дроу – Киммуриэлю показалось, что это был молодой человек – он посмотрел вниз на свои руки, одежду и сапоги.

Да, оба дроу носили одежду, похожую на одежду Аззудонны.

Затем вторгшийся псионик был изгнан, внезапно и безвозвратно.

Он не сопротивлялся, а вместо этого моргнул и открыл свои собственные глаза в затемненной комнате в Особняке Плюща.

Их было больше. Он чувствовал, что их гораздо больше, потому что молодой человек, которым он ненадолго овладел, думал о большом зале совета.

И у них был свисток Джарлакса.

И у них, вероятно, была ониксовая статуэтка Гвенвивар – возможно, именно так они получили доступ к магии, чтобы отправить Аззудонну в путешествие.

Но где же был Джарлакс? Кэтти-бри? Где были его друзья?
Какая судьба постигла их на крайнем севере Фаэруна?
Киммуриэль боялся, что уже знал ответ.

Глава 14

Дружба, Магия, Надежда, Страх и Ужас

– И, таким образом, мы вернулись, выполнив свой долг, – закончила Галатея. Она сложила ладони перед грудью и склонила голову в знак уважения к Моне и галерее Временного Собрания.

Избранные представители собрались в Сиглиге сразу же после получения известия о возвращении группы, которая сопровождала незнакомцев в опасные пещеры под крепостью ледяных гигантов. Галатея, Илина, Эмилиан и Аззудонна, назначенные руководители экспедиции, были вызваны еще до того, как вышли из туннеля, ведущего в самый северный район Каллиды, по личному приглашению Моны Валриссы Жамбоуль, хотя, конечно, только трое из них смогли ответить на этот призыв.

После того, как Галатея закончила, в зале долгое время царила полная тишина. Паладин не заняла свое место между Эмилианом и Илиной, сидящих на стульях из голубого льда, установленных перед галереей.

Наконец, Мона Валрисса встала и подошла к возвышению в центре изогнутой полукруглой галереи. Там она сделала паузу и оглядела всех представителей. Конечно, жители Каллиды были не чужды трагедий, но эта, казалось, задела их всех особенно сильно.

Потому что все они знали, и предвидели, что именно так все и закончится.

Мона Валрисса знала. Галатея знала.

Эмилиан и Илина знали.

Алвисс, дворфийка инугаакаликурит, которая была в той экспедиции и которая последовала с Галатеей, Эмилианом и Илиной обратно в Сиглиг, чтобы занять место во Временном созыве как представитель района Б'шетт, знала и должна была предвидеть.

Им не следовало снова отправляться в место трагедии, какой бы захватывающей ни была история, какими бы душераздирающими ни были желания четырех незнакомцев.

Галатея знала это больше всех. Полугодом ранее она возглавляла предыдущий поход в те пещеры, к величайшей трагедии Каллиды за много десятилетий, с тех пор как ледник отвоевал район Каттизола. Охваченная волнением от того, о чем шептались по всей Каллиде как о «Чуде Каззкальци», исцелении незнакомца по имени Закнафейн от фага хаоса исключительно эмоциональной молитвой каллидийцев, и в надежде на этих замечательных посетителей, достаточно ли усердно она старалась, чтобы отговорить их от путешествия?

Разве путешествие не должно было быть запрещено, ради Каллиды и ради четырех обреченных посетителей?

– Святая Галатея, тебе было приказано не сопровождать их в туннели, – сказала Мона Валрисса, нарушив молчание уважения к пятерым погибшим, которое продолжалось дольше положенного времени и превратилось скорее в бездыханное выражением шока и растерянности.

– Мы этого и не делали, – ответила паладин. – Мы прошли лишь небольшой путь во входной туннель, чтобы узнать судьбу наших гостей, когда они войдут в сам комплекс.

– Но вы не узнали.

– Нет, – подтвердила Галатея. – Мы не углубились достаточно далеко, чтобы по-настоящему выяснить, что произошло. Я подумала, что это слишком опасно, и приняла решение отступить. И мы это сделали, со всей целесообразностью, за исключением Аззудонны, которая, – она сделала паузу... слишком долго.

– И мы даже не знаем, что с ней случилось, – напомнила им всем Мона Валрисса. – Ты думаешь, что это пантера, спутница Кэтти-бри, забрала ее у нас?

– Я верю, – ответила Галатея и повернулась к своим двум сидящим спутникам. Она болезненно поморщилась, когда заметила, что четвертый стул пуст. Место предназначалось для Аззудонны, как для еще одного руководителя экспедиции.

– Я видела это лишь мельком и издалека, – ответила Илина. – Но да, я действительно верю, что это была пантера.

Эмилиан кивнул:

– Согласен.

– А когда она пропала?

– Мы бежали, – сказала Галатея, как она объясняла в докладе. – Мне больно это говорить, так же, как больно было это приказывать. Но приказ был четким: не вступать в бой в пещерах.

– Мы переместились к концу разлома за пещерой и стали ждать, – продолжила паладин. – Я не знаю, сколько точно, но, по крайней мере, час. Четверо гостей не вышли из того туннеля вовремя. Комната, где их друг, наш друг, Доум'виль была потеряна в той трагедии, находилась всего в нескольких сотнях шагов от комплекса. Если бы они могли, я уверена, что они отправили бы нам ответное сообщение, по крайней мере, чтобы сообщить нам о своих успехах.

– Итак, мы должны предположить, что они мертвы? – спросила Мона Валрисса. – Захвачены в плен?

Галатея вздохнула, пожала плечами и неохотно кивнула, и все в комнате, казалось, вздохнули вместе с ней.

За исключением, возможно, Моны Валриссы.

– Или они сбежали? – добавила она. – И они послали компаньона- пантеру, чтобы взять одного из вас в плен?

Послышались вздохи, и полные страха взгляды обратились к друзьям, как будто рассказ о мрачных последствиях того, о чем только что спросила Мона Валрисса, мог как-то уменьшить шок.

– Нет, – категорично и громко заявила Галатея, улучив момент и вытащив собрание от состояния коллективного напряжения. – Если бы они сбежали, то

натолкнулись бы на нас. Я бы никогда не согласилась забрать их из города, если бы не доверяла им. Мы узнали их лучше. Мы их поняли. Они были такими, какими стали, пройдя через испытания и время.

– Я согласна, – сказала Мона Валрисса. – Но мы должны, по крайней мере, рассмотреть все возможности.

– На протяжении всего обратного пути в Каллиду я постоянно оглядывалась через плечо, – сказала Галатея. – Не для того, чтобы обнаружить преследование наших врагов, а в моей мимолетной надежде, что я найду наших пятерых потерянных друзей, спешащих догнать нас, возможно, даже в сопровождении некоторых из тех, кто был потерян во времена Зачатков Зелени. Я говорю «мимолетная надежда» только потому, что все возможно, но, по правде говоря, это фантазия без какой-либо причины или оправдания. Мы знали, с чем они столкнутся в пещерах. Теперь я только жалею, что не была еще более настойчива, чтобы остановить их.

Мона Валрисса кивнула, но Галатея поняла, что это вежливая уступка, без убеждения. Ибо Валрисса, как и Галатея, знала: это не остановило бы четверых южан в их стремлении найти потерянную подругу, и, в конце концов, каллидийцы не имели этического права отказать им.

Тем не менее, все в этой комнате оплакивали эту потерю, как они оплакивали потерю Аззудонны.

– Мы будем петь этой ночью под Веселыми танцорами, – заявила Мона Валрисса. – Все каллидийцы соберутся и прощаются. А завтра мы проснемся и вернемся к нашей работе, привычкам, жизни.

Она сделала паузу и огляделась, и Галатея поняла, что Мона Валрисса проверяет, не желает ли кто-нибудь еще быть услышанным. Мона закончила, посмотрев на трех свидетелей, которые все кивнули в подтверждение того, что им нечего добавить.

– Это путь Каллиды, – провозгласила Мона Валрисса традиционное закрытие Временного Собрания.

Галатея повернулась к двум друзьям, когда они собирались уходить.

– Мы знали, что это может случиться, – напомнил ей Эмилиан. – Что это, скорее всего, произойдет.

– От этого легче не становится.

– Нет, – тихо сказал Эмилиан.

– Будем надеяться, что Аззудонне, по крайней мере, удалось выбраться оттуда, и если ей это удалось, то она найдет хорошую жизнь, куда бы ее ни забрали, – сказала Илина.

– Мы споем о ней сегодня вечером, – сказала Галатея. – Как и о Закнафейне и Джарлаксе, Артемисе Энтрери и Кэтти-бри.

– Это путь Каллиды, – сказала Илина.

Все трое обнялись.

– Неужели я настолько злая, потому что какая-то часть меня надеется, что все пятеро, которые не вернулись, были убиты? – спросила Мона Валрисса у Алвисс позже, когда они вдвоем ужинали в таверне «Мона Чесс».

– У меня были те же мысли, леди, – призналась Алвисс. – Ты, конечно, знаешь, как я люблю Аззудонну, даже если я виню ее за то, что она обыграла Б'шетт две игры назад! И, да, я очень полюбила человеческую женщину, Кэтти-бри. Но Алвисс обманывала бы, а Алвисс не обманывает, если бы я отрицала, что разделяю твои опасения. Если они сбежали от нас, намеренно или в силу обстоятельств, они сделали это, не пройдя через ритуал. Они знают, где мы находимся. Они знают, кто мы такие.

– Они знают нашу оборону, – сказала Мона Валрисса. – И наши уязвимые места.

– Ты жалеешь, что мы не сделали все по-другому?

Мона Валрисса откинулась на спинку стула, сделала большой глоток напитка и прокрутила в голове последние десять дней.

– Мы должны были остановить их в их безнадежных поисках, – решила она. – По крайней мере, до тех пор, пока не пройдут ритуал и таким образом не найдут путь обратно в Каллиду. Мы должны были сделать это и заставить Бурнуков отогнать их на север, к последнему разлому, и там оставить их с картой пещер и их потерянным другом.

– Почему ты этого не сделала? – спросила Алвисс.

Мона Валрисса пожала плечами и покачала головой.

– Потому что я верила им и верила в них. После того, что случилось с Закнафейном в каззкальци...

– Ни одна из нас не забудет эту ночь, леди, – сказала дворфийка.

– Я доверяла им, – сказала Мона Валрисса.

– Мы все. Но ты все еще веришь им?

– А ты?

– Да, – сказала Алвисс. – Я боюсь, что они мертвы в пещере, или, если они сбежали, я предполагаю, что они вернутся, но не с армией.

– А Аззудонна?

Дворфийка пожала плечами.

– Кто знает?

Мона Валрисса покорно кивнула Алвисс, затем подняла свой бокал.

Дворфийка тоже подняла свой.

– За Аззудонну из Бьянкорсо, – провозгласила тост Мона Валрисса. Алвисс чокнулась своим бокалом, затем громко крикнула:

– За Аззудонну!

Все разговоры в зале таверны прекратились, все взгляды обратились к этим двоим, и все бокалы были подняты, и десятки людей в общей комнате сердечно приветствовали своего потерянного героя.

Мона Валрисса благодарно улыбнулась Алвисс. Она нуждалась в этом.

– Посмотрите на это, леди, – сказал Алвисс, подмигнув, и он снова подняла свой бокал и крикнула: *«Перте мийе Закнафейн!»*.

Общий зал взорвался громким и восторженным эхом этого чувства.

Мона Валрисса сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Это были замечательные несколько дней, эмоциональный всплеск зарождающейся дружбы и мощной магии, которые привели к надежде, а теперь к страху и даже ужасу.

– Я им доверяю, – говорила Алвисс, но Мона Валрисса на самом деле не слушала. Она прокручивала в голове каждое решение, каждый шаг, напоминая себе, что эти четверо незнакомцев ранее привели их к важной победе в близлежащем пещерном комплексе против инкубатория врагов, которые могли причинить вред Каллиде.

Возможно, она действительно была обязана им этим шансом найти их потерянного друга. Возможно, только в этом единственном случае, каким бы ни был исход, пойти на риск было просто правильным поступком.

Джарлакс подошел к последней трещине на склоне Кадижа.

Ледник перед Каллидой, тот самый, где он и экспедиция выбрались из туннеля и встретились с кланом орков Бурнук. Он думал перебраться через небольшую стену и вернуться в туннели, ведущие в город, но передумал и вместо этого полетел на своем адском скакуне до самой вершины ледника.

Ветер опасно бил по ним, но Джарлакс и демонический конь преодолели его и поднялись на вершину пакового льда.

Веселые Танцоры были яркими, звезды тоже сияли, и вскоре, пробегая по ледяной крыше, Джарлакс заметил впереди большие трещины и дыры, которые отмечали районы Каллиды. Он легко сортировал их по мере приближения и направился обратно в Скеллобель, район, с которым он был лучше всего знаком.

Те в городе, кто заметил его приближение, смотрели с шоком и даже трепетом, ибо потому, что вниз по огромному выступу скалы, разделявшему город, спустился наездник-дроу, парящий на коне с пылающими копытами, пуская горячий дым из ноздрей.

Джарлакс отпустил коня, как только приземлился на нижнем уровне города, и побежал по главному бульвару к гостинице под названием Ибилситато.

Ему потребовалось мгновение, чтобы собраться с мыслями, привести в порядок одежду и поправить огромную шляпу, прежде чем войти в дверь, и к тому времени за ним столпилось немало любопытных зевак.

Он едва успел сделать два шага внутрь, как все разговоры в почти полном зале резко прекратились, все взгляды обратились в его сторону.

– Это ты! – воскликнул мужчина-эвендроу с подносом еды, которого Джарлакс узнал.

– Это я. Добрый Биллиби, – поприветствовал он, снимая шляпу в низком поклоне. – Разве это может быть не так?

– Но... но... – мужчина запнулся, и Джарлакс сверкнул своей неотразимой улыбкой.

– Джарлакс! – закричала другая, женщина Аида'Умпту, которую звали Айида. Она пробежала через общую комнату.

– Это ты!

– Не надо, – сказал Биллиби, как раз в тот момент, когда Джарлакс начал повторять шутку.

– Остальные? Аззудонна? – задыхаясь, сказала Айида, подбегая и врезаясь в Джарлакса с крепкими объятиями.

Улыбка Джарлакса исчезла. На мгновение у него появилось любопытное выражение лица, и он одними губами произнес «Аззудонна»? Однако он пропустил это любопытное замечание мимо ушей, решительно покачав головой.

– Мне нужно поговорить с конгрессом. С Моной Валриссой.

– Мы только что это сделали, – сказал еще один голос, и все трое обернулись, чтобы увидеть Галатею, Илину, Эмилиана и Весси, входящих в гостиницу.

Джарлакс вздохнул с облегчением при виде их, хотя отметил, что Аззудонны не было среди этой группы, как это обычно бывало, и он подумал о вопросе Айиды. И все же, когда он снова посмотрел на нее, на его лице была теплая улыбка.

– Твое великодушие – нет, одна мысль о твоём великодушии – поддерживала меня всю обратную дорогу до Каллиды, – сказал он нежной и дружелюбной женщине. – Ты наполнила мою сумку хурмой, сыром и прекрасным вином. Это тронуло меня и напоминало мне, когда я сидел один в темноте, почему мне нужно выжить.

– Где остальные? – требовательно спросила Галатея, подходя ближе.

Тепло ушло, как из его улыбки, так и из его души.

– Мои друзья потеряны, заключены в лед.

– Н'диви, – пробормотала Илина.

– Нет, – поправил Джарлакс. – Они не были захвачены канте и обречены, как н'диви. Это было что-то другое. Сильный ветер.

– С тем же эффектом, – сказала Галатея, и Джарлакс вспомнил, что она видела это раньше. И все же были некоторые открытия, которых она не видела.

– Нет! – снова возразил он ей. – Не то же самое. Мы освободили пару ваших потерянных товарищей, но их снова схватили. Но они были живы! Не нежить, как н'диви, а живые – просто заключены в лед. Мы должны вернуться туда, все мы. Настолько великим войском, какую может собрать Каллида.

Он отметил, что, хотя поначалу все они проявляли интерес и некоторое волнение, только Весси из четырех друзей сохранял выражение надежды.

– Твои друзья были могущественны, – ответила Галатея. – Насколько ты продвинулся там? Как долго ты пробыл в той пещере, Джарлакс?

– Недолго, – признался он. – Мы были ошеломлены, застигнуты врасплох. Но теперь я знаю, чего ожидать. Если мы приведем надлежащее войско...

– Временное Собрание никогда не согласится на такую экспедицию, – резко оборвала его Галатея. – И они не должны.

– У вас по меньшей мере дюжина друзей, замороженных в ледяных столбах в той комнате. Конечно, мы должны вернуться!

– Конечно, ты так думаешь. В каком-то смысле я тоже так думаю. Но мы выживаем, потому что можем защитить себя здесь, – объяснила она. – Но даже это окажется трудным, если вас всех так легко победили. Пойти туда означает позволить кому угодно напасть на себя в ответ и подвергнуть всех нас опасности. Что вы нашли в комнате? Слаади? Гигантов? Канте и н'диви?

Он кивнул, ничего не добавив о существе, которое, по его мнению, было Йгорлом, настоящим Йгорлом, который был Повелителем Энтропии, настоящим богом среди слаадов. Такое открытие не вызовет большого желания у лидеров Каллиды оказаться поблизости.

– Канте и н'диви не могут прийти сюда, – продолжила Галатея. Джарлакс заметил, что остальные, особенно Илина, продолжали хотеть что-то сказать. Жрица была очень взволнована, но не перебивала Галатею. – Не с теплом реки Каллиды, наполняющей наши районы, – сказала Галатея. – Если мы пойдем на север с войском, как ты предлагаешь, и проиграем, они придут на юг с большой силой более чем достаточной силой, чтобы подавить наши преимущества. Наша война с ними – это перестрелка, пограничная война, которая ведется на паковом льду и в туннелях за пределами наших районов. Каллида может вести такую войну.

– Как и её враги.

Галатея пожала плечами.

– Так, по крайней мере, мы выживаем.

– Где Аззудонна? – выпалила Илина.

Джарлакс вздрогнул от второго упоминания о женщине. Он с любопытством посмотрел на Илину.

– Она была с тобой.

– Ее забрали у нас, – сказала Илина. – Клянусь, это сделала Гвенвивар.

Выражение лица Джарлакса выдало его удивление.

– Гвенвивар?

– Да, – сказала Илина.

– Мы считаем, что это была кошка, – добавила Галатея. – Нет, мы уверены. Все произошло быстро. Аззудонна была сбита сзади, а затем исчезла в бестелесном тумане вместе с нападавшей кошкой.

– Она была очень похожа на Гвенвивар, – сказала Илина.

– Я не понимаю, как такое возможно, – сказал Джарлакс. – Гвенвивар не напала бы на Аззудонну – эти двое были друзьями. Кроме того, Кэтти-бри пала одной из первых, и она не вызывала пантеру на бой. Я был заперт в яме, но не заморожен. И я мог слышать, но во всей комнате было тихо.

– Кошки там не было, когда ты сбежал? – спросила Илина. – И Аззудонны тоже? Даже не заключенной в оболочку, как другие?

Джарлакс покачал головой и пожал плечами.

– Я не могу... Когда мне удалось выбраться из ямы, на меня сразу же напали канте и н'диви. Я едва спасся, и только благодаря призванному скакуну. У меня не было возможности рассмотреть многое поближе. Я ничего не знаю о судьбе Аззудонны – я думал, что она была с вами до этого момента. Я также ничего не знаю о Гвенвивар – кроме того, что Кэтти-бри не приводила ее в зал, когда на нас напали.

Галатея посмотрела на Весси.

– Беги обратно в «Мону Чесс» и скажи Моне Валриссе, чтобы она снова созвала конгресс.

Кивнув, Весси ушел.

– Тебе нужно немного поесть или отдохнуть? – спросила Галатея у Джарлакса.

– Никакой еды, – сказал он, протянул руку, притянул Айиду к себе и поцеловал ее в щеку. – И никакого отдыха. Наши друзья не могут ждать.

По выражению лица Галатеи он мог сказать, что она ожидала, что их друзья будут ждать вечность, но паладин просто кивнула и повела их к выходу из Ибилситато.

Капфаал поерзала в глубокой, узкой яме и развернула плечи, чтобы лучше выровнять свой следующий удар киркой. У маленькой и стройной дворфийки было ощущение, что она близка к цели, и не только по испарине на лице. Ее куритское чутье, отточенное годами работы в туннелях голубого льда, подсказало ей, что недалеко внизу есть какая-то впадина.

Выйдя на лед, лучшие шахтеры – а Капфаал возглавляла этот небольшой список – должны были подобраться как можно ближе к теплему льду, расположенному слишком близко к незамерзшему полярному океану, чтобы отыскать лучший спрессованный голубой лед. Они часто копали без сапог, чтобы ступни ног подсказывали им, когда нужно остановиться.

Капфаал была в ботинках, когда начала спуск на въезде в то, что когда-то было районом Каттизола. Поначалу она копалась здесь в твердой земле, а не во льду, и, в конце концов, зачистила много острых камней, особенно на раннем этапе. Однако в последующие пару дней, на глубине нескольких сотен футов, дворфийка сняла сапоги.

Теперь, будь то ее ноги, или дворфийская интуиция, или звуки кирки, когда наносила удар, она верила, что приближается к... чему-то.

Она сильно ударила о камень, удар перевернул одну сторону довольно плоского камня. Она наклонилась и попыталась высвободить его, а когда это не сработало, она подсунула головку кирки под борт и прислонила ее к камню на стене узкой шахты. Она потянула свою направляющую веревку вниз еще немного, чтобы получить хоть какой-то рычаг, затем низко наклонилась, напряглась и потянула.

Камень повернулся почти вертикально, но затем внезапно отвалился, унося с собой кирку Капфаал, когда дно вывалилось из шахты. Волна жара окатила дворфийку, и она упала вниз до конца своей веревки, а затем еще дальше, когда внезапный удар заставил тех, кто держал веревку, податься вперед. Она соскользнула вниз на дюжину футов, свешавшись в открытой комнате головой вниз.

Капфаал быстро сняла повязку на голове с волшебным светящимся драгоценным камнем, и изогнулась, чтобы повернуть лицо в эту комнату, держа драгоценный камень перед собой, чтобы попытаться рассмотреть мельком.

От горячего воздуха у нее перехватило дыхание, а когда она втянула его, он обжег ей горло и легкие.

Она услышала, как эвендроу по имени Маттаваль кричит вниз, чтобы узнать, все ли с ней в порядке, но она проигнорировала женщину и попыталась продержаться еще немного, отмечая искорки отражения, доносящиеся до нее далеко снизу.

Огромная комната, и в ней жарко – она пошевелила пальцами ног от внезапного дискомфорта.

Но она больше не могла выносить эту жару. Она накинула повязку на голову, чтобы лучше осветить все, что находилось поблизости, и снова затаила дыхание, на этот раз от шока при виде захватывающего зрелища перед ней!

– Клянусь богами, – прошептала она, или попыталась, потому что у нее не хватало дыхания, чтобы произнести эти слова.

Она не могла оставаться, ни на мгновение больше.

Она снова выпрямилась, убирая лицо из этой адской комнаты, схватилась за свою веревку и за вторую веревку, на которой держалось ведро, и потянула себя изо всех своих немалых сил, пытаясь подняться.

– Они живы! – Джарлакс умолял собравшихся в Сиглиге. – Я тебе все рассказал.

– Да, включая то, как легко ты и твои могущественные друзья были побеждены, – напомнила ему Мона Валрисса.

– Несмотря на все ваши предупреждения, мы действительно не знали, чего ожидать. И нас просто не хватило. Дайте мне войско эвендроу, волшебников и жрецов, и мы прорвемся через эту комнату и быстро уберемся оттуда.

– Прорваться с помощью огненных шаров?

– Да, они были самыми эффективными из заклинаний.

– И таким образом мы разбудим Кадижа, как это сделал ты.

– Это был не Кадиж, – настаивал Джарлакс. – Это было... – Он сделал паузу, напомнив себе быть здесь расплывчатым, не раскрывать имени Йгорла. – Это был большой слаад.

– Который звал Кадижа, – ответила Мона Валрисса. – Я сожалею, мой друг, о твоей потере и о нашей, но мы не можем пойти на такой риск, как ты просишь.

– Но они живы!

– Они *были* живы, – поправила Мона Валрисса. – Ты не можешь знать, так ли это до сих пор. Возможно, ваше нападение – и более того, твой побег из ледяной гробницы – убедили слаади, что их заключенные не в такой безопасности, как они полагали. Возможно, ты непреднамеренно обрек на гибель всех, кого оставил позади во время отступления из этой комнаты.

Джарлакс начал отвечать, но слова застряли у него в горле. Конечно, он хотел отрицать это, но знал, что она может быть права.

– Мы не можем пойти на такой риск, Джарлакс, – торжественно сказала мона.

– Тогда отправь меня домой прямо сейчас, – ответил плут. – Я приведу такую армию, какой никогда не видела эта земля. Дворфов с мрачными лицами и полчища дроу. Группу волшебников за пределами...

Он остановился, когда увидел потрясенные выражения лиц, обращенных к нему со всех сторон галереи, качающиеся головы, отвисшие челюсти. В один из немногих случаев за всю свою долгую жизнь Джарлакс немедленно пожалел о своих словах.

– Пожалуйста, – взмолился он. – Просто отправь меня домой, и даю слово, что я потрачу всю энергию и средства на то, чтобы найти Аззудонну, и мое слово, что я ничего не разглашу об этом месте.

– Боюсь, мы не можем, – ответила Мона Валрисса. – Не сейчас. Как бы ты вообще добрался домой, блуждая по северным тропам? И когда мы отправим тебя домой, ты уйдешь, ничего не зная ни об этом месте, ни о том, что произошло в той пещере.

– Стереть мои воспоминания только о Каллиде!

– Это так не работает. Весной, после того, как настанет Зачатие Зелени, мы направим тебя к твоему дому, если ты все еще этого желаешь. Но без каких-либо воспоминаний о твоём пребывании здесь.

– Сейчас. Я не могу оставаться дольше. Отправь меня домой.

– К твоей смерти? Ты не переживешь зимних ветров. Никакая магия, которую мы можем предоставить, не продержится достаточно долго, чтобы уйти далеко от этого места.

Мысли Джарлакса закружились. Он не мог позволить этому так закончиться!

– Верни мне свисток! – взмолился он. – Я могу вернуться домой с этим свистком. Сделай со мной то, что должна, чтобы защитить Каллиду и отправь меня подальше отсюда, но с этим предметом и Джарлакс больше не будет тебя беспокоить.

– Ты даже не вспомнишь, что случилось с твоими друзьями, – сказала ему Мона Валрисса.

Джарлакс пожал плечами.

– И что с того? Неужели я должен просто остаться здесь, притворяясь, что ничего не произошло? Нет, я не могу остаться. Не сейчас. Не после всего случившегося.

Мона Валрисса оглядела конгресс, и ее вопросительный взгляд был встречен многими кивками.

– Ни недель дольше, – сказал Джарлакс.

– Очень хорошо, Джарлакс.

– Даже если бы я ушел со своими воспоминаниями, я бы им не сказал, – заверил их Джарлакс.

– Я верю тебе. Большинство здесь верят тебе. Но этого недостаточно, и мы не будем рисковать нашей тайной даже ради такого друга, как ты. Попрощайся с теми, с кем должен. Скоро тебя отведут на каток каззкальци для проведения ритуала. И еще раз, от всех здесь и во всем городе, мы рады, что ты и твои спутники нашли путь к нам. Потеря Аззудонны болезненна, но мы привыкли к такому риску и таким потерям. И потеря Кэтти-Бри, Артемиса Энтрери и Закнафейна причиняет нам такую же боль, как и вам. Это цена жизни, Джарлакс, риск смелости и цена лояльности. Ты и твои друзья не будете забыты в Каллиде, и не только из-за волшебства в ночь Квиста Канзей, нет. Вы тронули здесь много сердец, все вы.

– Мы бы никогда не взяли вас в пещеры и даже не позволили бы вам попробовать, если бы это было неправдой, – добавила Галатея. – Хотя, оглядываясь назад, я жалею, что не запретила ту безрассудную попытку.

– Я тоже, – сказал Джарлакс. – Хотя я бы никогда не простил тебя, если бы ты это сделала.

Маттаваль сильно потянула за веревку, с силой вонзив пятки, на которые были надеты шипы, в лед.

– Помогите, на помощь! – позвала женщина-дроу, и крупный орк бросился к ней, чтобы схватить натянутую веревку и стабилизировать ее.

Они услышали кашель, доносившийся издалека из шахты, затем «Вытащите меня наверх!» задышающимся, далеким голосом.

Дроу и орк твердо встали на ноги и начали отступать от дыры, напрягаясь. Другие подбежали, чтобы подхватить веревки и помочь втащить Капфаал наверх.

– Я в порядке! – крикнула дворфийка снизу вскоре после этого.

Пока остальные закрепляли веревку, Маттаваль бросилась обратно к краю ямы и заглянула внутрь. Она посмотрела на количество веревки, которую они вытащили из отверстия и была удивлена, что не видит света Капфаал.

– Ты здесь? – крикнула она вниз.

– Где еще может быть дворф? – переспросила Капфаал. – Я потеряла свой свет. Уронила его, и о, девочка, ты не поверишь, что я видела.

– Почему у тебя все лицо красное? – спросил орк Ригфен.

– Что ты видела? – спросила Маттаваль.

– Жарко, – ответила Капфаал. – Убей-меня-до-смерти как жарко. Большую пещеру, полную кристаллов.

– Как сказал нам Джарлакс, – удивленно произнес Ригфен.

Глава 15

Диссонанс

Он чувствовал, как колотится сердце и скрежещут зубы. Образы сандалии Головастика, окровавленных и разорванных одежд Головастика не покидали его!

Дзирт реагировал слишком быстро, ноги скользили по камням и выступам неровного туннеля со скоростью и точностью, за которыми он не мог мысленно уследить. Он впал в другое состояние сознания, в нечто гораздо более смертельное.

Где-то далеко внизу снова закричал ребенок.

Дзирт пытался отпустить, просто стать Охотником. С волшебными браслетами на ногах у него не было выбора. Он должен был отпустить, иначе мысли замедлят реакцию.

Но он не мог, потому что Охотник не соответствовал его обучению в монастыре, где спокойное сознание и внимание сохраняли весь день, даже во времена отчаяния.

На крутом повороте туннеля он вскочил на стену и помчался на полной скорости.

Он зацепился ногой за скрытый в тени выступ, и, споткнувшись, полетел на пол, изо всех сил борясь за каждый шаг, чтобы не удариться головой.

Впрочем, ему пришлось просто позволить себе рухнуть вниз, потому что с другой стороны поворота появилась троица гноллов, запустивших в него дротики.

Скорее благодаря удаче, чем мастерству, Дзирт болезненно проскользнул вниз под траекторией снарядов. Он поцарапал руки, запястья, лицо и потерял Видринат при падении, но не замедлился и позволил себе скатиться, принимая удары о неровный пол и острые зазубрины. Его тело отреагировало как во время тренировок, вращаясь и изгибаясь, ноги приблизились и ушли под него, затем он вскочил и бросился к своим врагам, обещая смерть. Гноллы находились всего в дюжине шагов впереди.

Дюжина шагов, больше половины из которых Охотник не сделал. Едва пробежав три шага, обученный монах взмыл в воздух, отвергая Охотника и призывая магию

своей жизненной силы ки. Проявив силу связи между мыслью и мускулами, он поднялся и воспарил.

Он грациозно описал полный круг в большом прыжке, полностью контролируя себя. Затем, к изумлению среднего гнолла, внезапно вышел из поворота и запустил ногу мимо его слабо блокирующего меча.

Сандалия головастика...

В разгар битвы Дзирт расслабился и позволил себе полностью погрузиться в состояние первобытной ярости.

Пятка Охотника врезалась в морду гнолла, отправив зверя в туннель.

В то же время Ледяная Смерть яростно взмахнула вправо, сверху вниз, отрубив руку гнолла со щитом, когда тот пытался ударить дроу, но по инерции пронесся мимо.

Охотник затормозил, прыгнул влево на стену, и отскочил в крутящемся сальто, чтобы затем броситься обратно по коридору на этих двоих. Быстро приблизившись, он ударом левой руки отвел колющее копье, перебросил Ледяную Смерть и нанес удар вперед, чтобы отогнать гнолла еще на шаг. Он двинулся вперед, когда гнолл слева, спотыкаясь и извергая кровь из почти отрубленной руки, попытался нерешительно взмахнуть мечом.

Охотник пнул раненого и потерявшего равновесие зверя сбоку в колено, ломая ему кость и заставив шататься еще больше. Разъяренному воину-дроу, это пришло как запоздалая мысль, его внимание оставалось прикованным на угрожающем копьеносце.

Ребенок закричал.

Охотник боролся с монашеским самообладанием.

Теперь он сражался только одной саблей, но у гнолла не было никаких шансов. Он метнул копье, но оно было отбито в сторону, затем снова, когда дроу двинулся вперед.

Гнолл опустил плечо и бросился со щитом, но самое начало движения выдало план инстинктивного воина, и Дзирт легко уклонился, затем пнул по задней ноге гнолла, что тот потерял равновесие и пролетел мимо, так что гнолл ударил себя сзади лодыжкой и упал на землю.

Он быстро оправился и начал подниматься, почти достаточно быстро, чтобы Ледяная Смерть не пронзила его позвоночник.

Почти.

Саван была уже в поле зрения, поэтому Охотник повернулся и помчался вниз по туннелю, оставив хромающего, истекающего кровью и быстро умирающего гнолла здесь, а того, что лежал без сознания дальше по туннелю – остался ли он жив вообще? – ей.

Охотник побежал.

Сразу же после того, как накал битвы ослаб, брат Дзирт побежал вместе с ним.

Эти двое боролись за контроль.

Охотник требовал незамедлительности и ярости, дикий гнев, пронизывающий его, требовал действий, врагов, убийств.

Дзирт продолжал пытаться вспоминать о тренировках, представляя фрагменты медленных движений мышечной памяти, чтобы удерживать равновесие и чувствовать каждую мышцу.

Появился еще один гнолл, быстро приближающийся на звуки битвы. Дзирт решил расправиться с ним с помощью ловкого выпада и взмаха, а затем просто пробежать мимо и продолжить свои отчаянные поиски.

Охотник ударил его дюжину раз, нанося удары рукоятью, рубя и коля саблей, бодая головой, вгоняя окоченевшие пальцы в незащищенное горло. Дзирт даже не успел осознать, что его инстинкты не следуют его планам, как удар отбросил гиеноподобную голову назад.

Он превратил гнолла в кровавое месиво, но потерял время. Его остро задело, когда он услышал еще один крик малыша, его любимого ребенка, он знал, и этот крик ясно выражал боль и страх.

За очередным поворотом Охотник попал в короткий нисходящий туннель, залитый голубоватым светом под потолком, кишашим червями. В дальнем конце возвышался барьер из камней высотой по грудь, увенчанный большим бревном.

Из-за сооружения выскочили гноллы, поднимая луки и копья.

Охотник не замедлил шага.

Его сабля отчаянно отбивала стрелы. Он срезал влево и кувыркнулся назад, и сделал еще один кувырок, чтобы упереться ногами в правую стену. И снова спрыгнул оттуда, опустился на пол, снова вскочил на ноги и помчался вперед.

В него полетела стрела, но Охотник отбил ее левой рукой. Еще одна стрела летела ему в лицо, но Ледяная Смерть появилась в самый последний момент, чтобы отвести зазубренный наконечник ровно настолько, чтобы оцарапать череп Охотника сбоку.

Низко пригнувшись он приблизился к баррикаде, но внезапно выпрямился, и не замедляясь, нырнул прямо за линию гноллов. Он приземлился в стремительном кувырке, перекатился и развернулся прямо к врагам.

Он почувствовал укол, когда стрела прошла насквозь и с силой вонзилась в мифриловую рубашку.

Он ворвался внутрь, нанося рубящие и колющие удары, совершил круговой удар ногой, который попал гноллу в грудь и отбросил его в сторону. Он приземлился в низком приседе под размашистым коротким копьем, затем вскочил широко выставив саблю, чтобы нанести удар атакующему сбоку гноллу. Левая ладонь попала под морду копейщика с такой силой, что подняла трехсотфунтового гнолла прямо над баррикадой.

Но приближались новые, с дубинками, мечами и копьями наготове.

Он подпрыгнул, нанеся мощный удар ногами в обе стороны. Он приземлился и снова прыгнул, на этот раз вращаясь, чтобы нанести саблей широкий круговой удар и оттеснить врагов.

Один гнолл отлетел в сторону, затем другой, а Охотник даже не заметил нападение.

У одного из них, стоявшего рядом, лицо было изуродовано Ледяной Смертью, его жизнь закончилась со странным визгом и вздохом. Охотник перемахнул через него, извлекая саблю ударом, который поразил следующего на очереди в грудь.

Охотник вытащил изогнутое лезвие обратно и повернулся – но слишком поздно. Он понял это только тогда, когда дубинка обрушилась ему на голову, так что он не мог ни заблокировать, ни увернуться.

Он был уверен, что умрет. Охотник улетел, осознав, что не победит. Дзирт так и не приблизился к спасению своей прекрасной, замечательной Бри.

Он потерпел неудачу, и в этот самый мрачный момент понял, что раздирающий внутренний спор, инстинкт против разума, спокойствие монаха против первобытной ярости, стоил ему всего.

Глава 16

Уловки и доверие

Пенелопа Гарпелл приветствовала гостей из Гаунтлгрима, выходящих из огненного портала в особняк Плюща. Идущий впереди король Бренор, одетый в полное боевое снаряжение, с однорогим шлемом и магическим расширяющимся щитом, который сейчас был туго закручен в маленький, протиснулся в дверь подвальной комнаты. У него также был боевой топор, привязанный по диагонали за спиной, и его зазубренный наконечник виднелся над плечом.

Рядом с ним, на шаг позади, шел Тибблдорф Пвент, и Пенелопе стало ясно, почему Бренор привел его. В ребристых доспехах, с огромным шипом на голове и когтистых перчатках Пвент казался предметом ночных кошмаров для любого, кто его не знал. Пенелопе сообщили, что он исцелился от вампиризма, но когда он ухмыльнулся, входя в дверь, волшебнице показалось, что ему каким-то образом удалось сохранить клыки.

Следующим показался Реджис Тополино, одетый в голубой берет, белую рубашку и черный жилет, с блестящей рапирой на одном бедре, и трехлезвийным кинжалом на другом, под складками исключительного дорожного плаща виднелся ручной арбалет великолепной конструкции, висящий через грудь на цепочке.

– Усы очень идут вам, господин Реджис, – поприветствовала она его.

Он подкрутил один кончик и грациозно поклонился.

Последним в колонне шел Вульфгар, гигантский варвар, закутанный в плащ из волчьего меха и вооруженный боевым молотом, Клыком Защитника, самым могущественным оружием, который создал сам король Бренор в другую эпоху.

Несмотря на серьезность ситуации, Пенелопа подмигнула великану, вызвав улыбку и взаимопонимание, что оба надеялись, что смогут разделить постель во время его пребывания.

– Где она? – хрипло спросил Бренор.

– Отдыхает, – ответила Пенелопа. – Бедняжка совершенно дезориентирована и получила сильный удар по голове, когда врезалась в нашу стену.

– Тебе нужно нарисовать бабочек на этом невидимом барьере, – сказал Реджис, но если он надеялся поднять настроение, ответный хмурый взгляд Бренора лишил его этой возможности.

– Бедная девочка? – недоверчиво повторил король дворфов. – Где *моя* девочка, Пенелопа?

– Я не знаю.

– Мне сказали, что эта бедняжка, как ты ее называешь, прибыла с кошкой.

Пенелопа кивнула.

– Да, я думаю, что это была Гвенвивар, хотя я не уверена. У Аззудонны – так ее зовут – нет статуэтки...

– Но у нее была кошка?

Пенелопа пожала плечами.

– У нее нет статуэтки, и мы уверены, что ее не было, когда она появилась у нас. Как она могла привести Гвенвивар или быть принесенной вместе с Гвенвивар...

– Ей это не нужно, – вмешался Реджис. – По крайней мере, не всегда. Несколько раз случалась, что Гвенвивар забирала кого-то одного из нас на Астральный план по собственной воле. Обычно, чтобы спасти... – Его голос затих, и он с трудом сглотнул, когда смысл стал ясен для всех.

– Что она тебе сказала? – спросил Бренор, следуя за Пенелопой, ведущей его через массивный особняк.

– К сожалению, не так уж много. Она ужасно напугана. Я не считаю ее врагом, но она далека от того, чтобы доверять нам.

Бренор резко остановился, уперев руки в бедра.

– Она знает, где моя девочка, – сказал он. – Если она не за то, чтобы рассказать, тогда она мой враг. И ей это не очень понравится, это я тебе торжественно обещаю.

– Мой король! – Пвент зарычал рядом с ним.

– Отведи меня к ней, – потребовал Бренор. – Немедленно.

– Бренор, ей нужно немного времени, – сказала Пенелопа. – Мы пытаемся завоевать ее доверие.

– Время? Тогда сколько времени у моей девочки?

– Я не знаю.

– Да, ты не знаешь. Отведи меня к этой женщине-дроу, и я развяжу ей язык, не сомневайся.

Пенелопа знала, что здесь она идет по очень тонкой грани. Здесь было ее место, ее владения, не Бренора, но дворф был одним из самых могущественных людей на севере. Пенелопа любила и уважала короля Бренора и считала его справедливым и добрым, но она также хорошо понимала его отеческую заботу о Кэтти-бри и всех остальных, кого он считал своей семьей.

Было неразумно перечить королю Бренору Боевому Топору в вопросах семьи и друзей.

– Архимаг Громф сейчас с ней, – сообщила им Пенелопа. – Он использует магию разума, которой его научил Киммуриэль, пытаясь найти любые намеки на события, которые она неохотно разглашает. Киммуриэль уже провел с ней некоторое время и сделает это снова, когда вернется. Он отправился в Лускан, чтобы поискать кое-какие книги и схемы в библиотеке Главной Башни. Мы ожидаем его возвращения в любое время.

Они прошли по длинному внутреннему коридору на третьем этаже особняка, который заканчивался дверью. Как только их цель стала очевидной, Бренор устремился вперед.

– Позволь мне войти и поговорить с Громфом, – взмолилась Пенелопа.

– Я могу говорить сам за себя, – ответил Бренор.

– Король Бренор! – резко сказала Пенелопа, и дворф развернулся.

– Она даже не поймет тебя, или ты ее, – объяснила Пенелопа. – Насколько мы можем судить, она говорит только на языке дроу, и на диалекте, который затрудняет...

– Я достаточно знаю этот язык, чтобы справиться, – заверил ее дворф и снова направился к двери.

– Даже дроу с трудом понимают ее! – заявила Пенелопа. – По крайней мере, позвольте мне попросить жрицу Даб'ней, или Копетту, или кого-нибудь другого, подготовить еще одно заклинание понимания языка, чтобы между вами двумя не было недопонимания.

Бренор не замедлил шага.

– Громф рассердится, – предупредила Пенелопа.

– Громф может поцеловать меня в волосатую задницу.

Бренор протиснулся в дверь, чуть не ударив Даб'ней по лицу, когда она направлялась к выходу из комнаты.

– Нашел.

Бренор хмыкнул, оглядываясь на вздыхающую Пенелопу. Дворф протиснулся мимо испуганной жрицы дроу. Пвент и Реджис последовали за ним.

Даб'ней в замешательстве вскинула руки, кивнула в знак приветствия Вульфгару и вернулась в комнату, закрыв за собой дверь.

– Ты ничего у нее не узнала? – спросил Вульфгар, когда они с Пенелопой остались одни.

– Очень мало, – ответила Пенелопа. – Киммуриэль попробовал на ней свои ментальные трюки, но ушел, убежденный, что Аззудонна обучена преодолевать подобные вторжения. Она молода для дроу, но я уверена, что она опытный ветеран.

– И она даже не знает, как сюда попала?

– Что касается этой конкретной детали, я совершенно уверена, что она говорит правду. Это сделала Гвенвивар. Я хочу верить, что это не так, но, когда я позволяю надежде вести меня в этом направлении, в глубине души я знаю, что лгу, чтобы утешить себя.

Вульфгар вздохнул, поцеловал Пенелопу в лоб и направился к двери.

– И это еще не все, – неожиданно продолжила Пенелопа, и Вульфгар резко остановился и обернулся с любопытным выражением на лице.

– Киммуриэль пытался связаться с Джарлаксом, – объяснила Пенелопа. – Он нашел тот волшебный свисток, который носит Джарлакс, который, как он объяснил мне, является их связующим маяком. Но когда он проследил за ним магически, то обнаружил, что свисток держал другой дроу, одетый так же, как Аззудонна.

– Одетый так же?

Пенелопа открыла магически скрытый дверной проем в боковой стене коридора и провела варвара внутрь маленькой комнаты, куда сложили вещи

Аззудонны, ее одежда висела на вешалке. Она произнесла заклинание света, втащила Вульфгара и закрыла дверь.

– Тюленья шкура, – сказал человек из Долины Ледяного Ветра, как только приблизился к черным штанам. – Это одежда для защиты от холодных ветров.

– Предположительно, это то самое место, где Громф оставил наших четырех друзей.

У Вульфгара было мрачное выражение лица.

– Никто не стал бы носить это в глубокой пещере Подземья.

– И это сломанное копье и меч сделаны в основном из льда, – сказала ему Пенелопа, указывая на оружие, поставленное у боковой стены. – Копетте было трудно сломать копье, чтобы извлечь его из раны Аззудонны...

Вульфгар удивленно посмотрел на нее при упоминании о ране.

– Забудь о ране. На данный момент достаточно сказать, что было трудно сломать копье, и Копетте было так же трудно починить его с помощью магии.

– Хорошо.

Он глубоко вздохнул.

– Так что же это значит? Что она не из того же места, откуда родом Дзирт. И она оттуда, куда отправилась Кэтти-бри.

– Это то, о чем я думаю.

– Тогда что: на севере живут дроу? – рассуждал Вульфгар. – На поверхности?

– Похоже, что так.

Барвар на мгновение задумался.

– Будь осторожна в том, как ты преподнесешь это Бренору, – предупредил он. – Он отправит армии Гаунтлгрима, Мифрил Халла, Адбара и Фелбарра на льдинах через Море Плавающего Льда, чтобы добраться до любого, кто, по его мнению, удерживает Кэтти-бри против ее воли.

Пенелопа не стала спорить. С другой стороны, она не собиралась сообщать об этом королю, пока не получит больше информации.

Как она заметила: никто не встанет между Бренором и его семьей.

Бренор ворвался в комнату, вызвав изумленные взгляды Громфа и женщины-дроу, которая сидела на кровати.

– Убирайся, – приказал Громф.

– Где моя девочка? – спросил Бренор у незнакомки. – Ты скажешь мне сейчас, или я не врежу кулаком тебе в нос!

– Я не убью ее ради тебя, мой король! – Пвент угрожающе зарычал.

– Что? – спросил Реджис позади них, потому что слова двух разъяренных дворфов определенно не соответствовали их свирепому тону и угрозам.

Громф вздохнул.

– Приятно осознавать, что я среди друзей, – сказала Аззудонна, качая головой.

Бренору потребовалось больше времени, чтобы осознать, что они с Пвентом на самом деле сказали, чем для того, что эта дроу говорила на совершенно обычном диалекте дворфов!

– Я думал, она говорит только на языке дроу, – сказал Бренор.

– Я наложила на нее новое заклинание понимания языков, чтобы вы смогли поговорить, – объяснила Даб'ней.

– И второе заклинание, чтобы наложить на комнату область истины, – понял Реджис.

Бренор сделал паузу, и тогда почувствовал. Он хотел ворваться с ревом и угрозами, но область правды помешала ему произнести пустые угрозы.

– Ты не можешь лгать в этой комнате, глупый дворф, – сказал Громф Бренору. – Твой блеф был раскрыт, как только ты его произнес.

– Что может оказаться гораздо лучше, – сказал Реджис и, протиснувшись мимо дворфов, встал перед Аззудонной. – Теперь ты знаешь, что мы на самом деле не враги и не так уж страшные. – Он взглянул на Тибблдорфа Пвента. – Ну, этот может быть, – признал он.

– Если бы мои хозяева хотели моей смерти, я была бы мертва, – спокойно ответила она. – Я Аззудонна.

– Из? – спросил Реджис.

Женщина не ответила, только усмехнулась над его слабой попыткой.

– Рад встрече, добрая леди. Я Реджис Тополино из Кровоточащих Лоз. Это король Гаунтлгрима Бренор Боевой Молот и его дворф-защитник Тибблдорф Пвент.

– Хочешь Пвента? – спросил ее берсерк, выпячивая грудь. Он ударил кулаком в ладонь, затем поднял ее, чтобы щелкнуть пальцем по огромному шипу на голове. – Ты расскажешь нам о королевской дочке, или ты не получишь Пвента!

– Пожалуйста, объясни как работает заклинание истины свирепому дураку, – обратился Громф к Бренору. – Он сбивает с толку, даже когда знает, что говорит.

– Король Бренор – отец Кэтти-бри, – сказал Реджис Аззудонне, и ее мимолетное выражение удивления показало хафлингу, что она знала, что Кэтти-бри не являлась дворфом, и поэтому знала Кэтти-бри. – Мы будем очень признательны за все, что ты можешь рассказать нам о нашем потерянном друге.

– Я уверен, она в ужасе от твоей угрозы не пытаться ее, – сухо заметил Громф.

Аззудонна просто посмотрел на Реджиса, выказывая некоторое сочувствие, и пожала плечами.

– Пожалуйста, она моя девочка, – сказал Бренор, делая шаг вперед. – И это не ложь, когда я говорю, что я поведу армию через весь мир, чтобы спасти ее.

– Мне жаль, что она пропала, – сказала Аззудонна.

– Но ты знаешь о ней? Ты знаешь что-нибудь о том, почему она пропала?

Женщина отвела взгляд.

– Я не буду пытаться тебя, но это не значит, что я не врежу по твоему хорошенькому личику, – предупредил Бренор.

– Ах, он думает, что ты хорошенькая, Аззудонна, – сказал Громф.

– Ты не помогаешь, волшебник.

– И не пытаюсь, дворф, – огрызнулся Громф. – Мы занимаемся этим уже несколько часов, а ты врываешься сюда так, как будто мы все должны склониться перед тобой. Относись ко мне как к подданному, король Бренор, и ты узнаешь жизнь тритона. – Он указал пальцем вверх, указывая на комнату, напоминая о заклинании. – И это не ложь.

– Никто из вас не помогает, – сказала Даб'ней.

– Позволь мне поговорить с ней наедине, – сказал Реджис, оборачиваясь.

– И развеи заклинание – не понимания языков, а любого другого принудительного поведения. Пожалуйста.

Закончив, он ловко показал особый рубиновый кулон на шее, который Бренор знал с давних времен, и который Реджис только недавно получил в подарок от Джарлакса в обмен на обман в азартной игре и дикое приключение в открытом море.

– Мой король, позволь мне поговорить с ней! – сказал Пвент, но Бренор удержал его.

– Да, Пузан, – сказал Бренор. – Ты должен поговорить с девушкой. Никто не любил мою Кэтти-бри, больше, чем Реджис, и у тебя правильное... отношение к допросу.

– В любом случае, с меня довольно этой чепухи, – драматично объявил Громф, вставая. Он перевел взгляд на Аззудонну. – Я не связан принципами, как они – предупредил он. – Ты расскажешь мне то, что мне нужно знать, я обещаю тебе.

Угроза была искренней.

Реджис наблюдал, как Даб'ней протянула руку и положила ее на плечо Аззудонны. Двое встретились взглядами и кивнули во взаимной поддержке.

Громф вышел из комнаты, Даб'ней последовала за ним, рассеяв область истины и наложив на Аззудонну второе заклинание понимания языка, чтобы обновить продолжительность.

– Пожалуйста, эльф, – сказал Бренор Аззудонне. – Кэтти-бри – моя маленькая девочка. Я не могу потерять ее. Если ты что-нибудь знаешь, хоть что-нибудь... Пожалуйста, эльф.

Он повернулся, вытащил Пвента из комнаты и закрыл дверь.

Реджис сел на стул, на котором сидела Даб'ней.

– Я расскажу тебе о нас все, и ты поймешь, – объяснил он Аззудонне. – Мы не ваши враги – по крайней мере, я надеюсь, что нет.

Собрание в одной из больших общих комнат особняка Плюща было мрачным. Там были Пенелопа, Киппер и несколько других Гарпеллов, а также несколько дроу из Лускана, которые вернулись с Киммуриэлем и отрядом Бренора. Они обсуждали варианты и информацию, которая на тот момент казалась очень ограниченной, особенно когда псионик категорично заявил, что единственный способ, при котором у него есть хоть какой-то шанс получить информацию от незнакомки, – это ментально вырвать ее из нее.

– С ее подготовкой она может не пережить такого вторжения, – объяснил он группе. – И даже если у нее получится, это оставит шрамы на всю оставшуюся жизнь. Мало что можно причинить больший урон.

– Почему мы должны заботиться о ней? – сказал Громф.

– Ты можешь забрать дроу из Мензоберранзана, но ты не можешь забрать Мензоберранзан из дроу, – пробормотал Бренор.

– Это твоя пропавшая дочь, по крайней мере, ты постоянно так говоришь, – парировал Громф.

– Да, она моя девочка, и моя девочка никогда не простила бы мне, если буду пытаться, как я не простил бы себя.

– Она хочет нам что-то сказать, – сказала Пенелопа.

– Да, – согласилась Даб'ней.

– Она даже не признает, что именно Гвенвивар привела ее к нам, хотя ясно, что так оно и было, – напомнил им Громф. – Каким совпадением было бы существование какой-то другой астральной пантеры и просто случайное попадание незнакомой женщины в комнату Кэтти-бри.

– Очевидно, что Аззудонна знает гораздо больше, чем говорит, но это причиняет ей боль, – объяснила Пенелопа. – Я ясно вижу это по ее лицу. Мы изматываем ее, но эффективнее доверием, чем угрозами.

– Эффективнее или быстрее? – спросил Бренор, напоминая им, что время здесь может быть не на их стороне.

– Эффективнее? – пробормотал Громф, холодно глядя на Киммуриэля. Архимаг фыркнул и добавил:

– Только угрозы пустые.

Бренор уставился на него.

– Ты был бы поражен тем, что люди говорят при надлежащем... побуждении.

Бренор впился в него более пристальным взглядом.

– Итак, каковы наши следующие шаги? – вставил Вульфгар, прежде чем разговор мог пойти в этом опасном направлении. – Где ты высадил наших потерянных товарищей с помощью магических врат несколько месяцев назад? – спросил он Громфа.

– На севере.

– Это не сужает круг поисков.

– На склоне холма в снегу, – ответил Архимаг. – Они хотели пойти туда за Доум'вилль Армго. Я открыл ворота на склоне какой-то горы на севере, поэтому я не знаю, куда бросил эту дуру.

– Это не... – начал Вульфгар.

– Касается тебя, – закричал Громф в ответ. – Джарлакс знал об ограничениях, когда врата были открыты. Он знал, что я не имею ни малейшего представления о том, где искать, кроме как где-то на крайнем севере. Он знал это. Закнафейн знал это. Артемис Энтрери знал это. И Кэтти-бри знала это. Они пошли туда без какого-либо принуждения с моей стороны. Так что больше ни слова по этому поводу. Я сказал Джарлаксу, что он дурак, раз делает это. Я им все это высказал. А ты?

– Кажется, твое любимое слово «дурак», – сказал Бренор.

– Мое наименее любимое, – огрызнулся Громф. – Но, к моему великому огорчению, наиболее часто подходящее.

– Итак, каковы наши следующие шаги? – громко повторил Вульфгар.

– Я должна кое-что сказать вам, – тихо вмешалась Даб'ней. Все взгляды обратились на нее, скорее из-за тона, чем из-за слов.

– Я поклялась Джарлаксу хранить тайну, однако теперь я должна рассказать, – начала она. – Когда мы отправились поговорить с эльфами Лунного Леса, мы отправились в Серебристую Луну, чтобы расспросить о некоторых слухах, которые

узнал Джарлак. Джарлак говорил со старым эльфом, древним эльфом по имени Фривиндль, который грезил о городе дреу на севере.

– Грезил? – спросил Киммуриэль.

– Может быть, сон, может быть, смутное воспоминание из давних времен. Может быть, комбинация того и другого. На самом деле это не было чем-то определенным, но этот слух, тот разговор с растерянным эльфом в Серебряной Луне, был большой частью того, почему Джарлак хотел отправиться на север. Причина была не просто в Доум'вилль – и уж точно не для того, чтобы каким-то образом излечить меч Хазид'хи от его демонического влияния. Он подумал, что, возможно... – Она сделала паузу и покачала головой.

– Похоже, что Джарлак и этот старый эльф в Серебряной Луне, оказались правы, – сказала Пенелопа.

– Итак, наши друзья мертвы? Захвачены в плен? Живут на севере? – произнес Вульфгар.

– Это то, что нам нужно определить, – сказал Громф.

– Да, – согласился Бренор. – И, если первое или второе, тогда нам понадобится армия.

– Но где? – надавил Реджис и слегка повернул плечи, чтобы магический рубин продолжал вращаться. – Я знаю, что ты хочешь мне сказать.

– Я думаю... – Аззудонна снова резко замолчала.

– Ты должна доверять мне, – сказал Реджис.

– Так ты пытаешься загипнотизировать меня магией? – ответила Аззудонна. На ее лице появилось кислое выражение, когда она уставилась на рубин, очевидно, уловив его очарование.

Реджис вздохнул и спрятал камень.

– Что ты хочешь, чтобы я делал? Что бы ты делала, если бы потерялись твои друзья, а я, очевидно, что-то скрывал?

– Возможно, вам было хуже, чем вы – любой из вас – сделали со мной, – призналась Аззудонна.

– Тогда ты понимаешь мою боль, так скажи мне.

Аззудонна смотрела вперед, но прикусила губу, как будто, по крайней мере, что-то обдумывала.

– Где они? – спросил я.

– Я не знаю.

Реджис с сомнением посмотрел на нее.

– Иди и приведи жрицу. Снова вызови область истины, если сомневаешься.

– Но ты их знаешь? – спросил Реджис. – Ты признаешь это?

Аззудонна заколебалась и начала отводить взгляд, но ее борьба была очевидна.

– Я познакомилась с ними много дней назад, – призналась она. – Я помогла им. Мы стали большими друзьями. Закнафейн...

Она остановилась и тяжело сглотнула, и Реджис был поражен, увидев влагу в ее красивых фиолетовых глазах.

– Что насчет Зака?

Аззудонна покачала головой, казалось, не в силах ответить в тот момент.

– Скажи мне, – взмолился Реджис. – Хоть что-нибудь. Что угодно!

– Они потеряны для вас, – сказала Аззудонна. – Они пошли туда, куда им не следовало идти – я умоляла их остановиться. Но они были упрямы и заявили о верности долгу.

– Верности? Доум'вилль? – Реджис рассуждал.

– Она потерялась много месяцев назад, – сказала Аззудонна.

Реджис кивнул, затем его глаза действительно расширились! Доум'вилль пропала несколько лет назад, так что даже если бы его друзья рассказали Аззудонне об этой женщине, ее ответ имел бы смысл только в том случае, если она тоже знала Доум'вилль.

– Они потеряны и не будут найдены. Это все, что я могу тебе сказать.

– Мертвы?

Аззудонна смерила его решительным взглядом.

– Мертвы, если им повезло. Нежить, если нет. Оплакивай их и похорони в своих мыслях, и пусть они отступят в радостные воспоминания.

– Как мы можем вернуть тебя домой?

– Нет никакого дома. Нет ничего, некуда идти. Сейчас я здесь. Это моя жизнь, как бы ты и твои друзья ни решили, как мне ее прожить.

Реджис серьезно посмотрел на нее.

– Это не обязательно...

– Это так, – ответила Аззудонна.

– Мы должны сообщить Дзирту, – сказала Пенелопа.

– Сообщить ему что? – проворчал Громф. – Что мы знаем?

– Мы знаем, что... – Пенелопа начала возражать, но остановилась и посмотрела на дверь, и все остальные последовали ее примеру, когда Реджис вошел в комнату.

Он держал берет в руке и расчесывал свои вьющиеся каштановые локоны. Он всхлипнул, влага на ангельских щеках заблестела в свете камина.

Бренор вскочил со стула.

– Что ты узнал, Пузан?

– Я верю ей, – ответил хафлинг тонким голоском.

– И? – потребовал дворф.

– Это Гвен привела ее сюда, – ответил он. – И я думаю, что наши друзья потеряны для нас навсегда.

Бренор зарычал, Пвент вскрикнул.

– И я не верю – нет, я уверен! – что к их гибели имела какое-то отношение Аззудонна. Она не враг.

– Но она все еще что-то скрывает, – сказал Вульфгар.

– После того, как мы слышали о поездке Джарлакса в Серебристую Луну, я думаю, мы знаем, почему, – напомнил ему Киммуриэль.

– Возвращайся к магистру Кейну и Дзирту и попроси его вернуться домой, – сказала Пенелопа Киммуриэлю, который кивнул.

– И в Серебристую Луну, – объявил Бренор. – Я хочу поговорить с этим эльфом Фривиндлем.

Это вызвало дискуссию, крики полетели туда-сюда со всех сторон.

– Давайте поспорим утром, – сказала Пенелопа, перекрывая шум, и в комнате воцарилась тишина. – Уже поздно. Мы все истощены. Давайте отдохнем и посмотрим, какие мысли и идеи принесет рассвет.

– Драгоценный камень подействовал на нее? -- спросил Бренор Реджиса.

Он покачал головой.

– Она поняла, что это такое. Но она рассказала больше, чем я ожидал, но по-прежнему мало, и я не думаю, принесет ли пользу попытка заставить ее рассказать больше.

– Опять же, утренний свет прояснит многие умы, – сказала Пенелопа. – Возможно, Аззудонна будет среди них.

– Я бы не стал на это рассчитывать, – пробормотал Громф.

Глава 17

Воспоминания

Джарлак сел на край кровати, протирая глаза в задумчивости. Он чувствовал усталость, измученность и поражение – эмоции, с которыми у него, конечно, было мало опыта.

Он знал, что произойдет сегодня и знал, что это должно случиться.

И он ясно понимал, что неизбежный побочный эффект предстоящего ритуала вполне может обречь на гибель трех его спутников.

Неужели он потеряет дорогую Кэтти-бри, свою подругу, более чем достойную партнершу Дзирта До'Урдена, женщину, которая служила аватарой богини, чтобы недвусмысленно расстроить планы леди Ллос относительно Дзирта? Какая ужасная потеря для мира!

Неужели он потеряет Энтрери, которого любил как брата, человека, с которым он делил дорогу многие десятилетия? Однажды Джарлак короновал Энтрери как короля Ваасы, что, конечно же, в кратчайшие сроки привело Артемиса Энтрери в тюрьму короля Гарета Драконоборца!

Джарлак рассмеялся, когда вспомнил те многие дни, которые он и его угрюмый друг провели в Землях Кровавого Камня. Какое это было грандиозное приключение!

Неужели он снова потеряет Закнафейна? Старый друг, его самый надежный соратник в былые времена, а теперь снова в настоящие? Для того ли он видел, как дорогой Зак вернулся из бездны мучительной смерти от фага хаоса, чтобы вскоре так жестоко потерять его?

Джарлак привел их всех сюда. Они доверились ему и пришли добровольно. Он заманивал их полуправдой и грандиозными обещаниями, соблазняя морковкой, чтобы они могли сделать мир лучше. А теперь они исчезли, застыли во времени и на

месте – судьба и место, о которых Джарлакс даже не вспомнит, когда эвендроу закончат с ним сегодня.

По крайней мере, Джарлакс надеялся, что они все еще были там, замороженные и нетронутые. В этом случае был какой-то шанс все исправить. Ему оставалось молиться, чтобы его побег не подтолкнул слаадов позаботиться, чтобы никто другой не сбежал.

Он снова подумал об этих троих и напомнил себе, что, конечно, сохранит эти старые воспоминания, даже если новые будут отняты у него на поле Каззкальци в ходе отработанного ритуала эвендроу.

Джарлакс кивнул. Он подтянул левую ногу и закинул лодыжку поверх правого бедра, затем щелкнул магическим браслетом, чтобы в руке появился кинжал. Он тщательно обдумывал слова, кончиком указательного пальца чувствуя похожее на иглу острие оружия, используя острую боль как фокус, чтобы обострить свое мышление.

У него было не так много места.

Стук в дверь сообщил ему, что пора заканчивать. У него было не так много времени.

Используя кинжал, Джарлакс выцарапал ИЛЬХ-ДАЛ-АУТ на нижней части левой ноги. Едва он закончил, как дверь в комнату открылась, поэтому он сунул ногу в ботинок, стоявший рядом с кроватью, даже не пытаясь остановить кровотечение. Он поднял глаза и увидел Илину и Галатею, которые уставились на него в ответ, и, что более важно, смотрели на кинжал на кровати рядом с ним.

Джарлакс подобрал его и засунул за ремень на ботинке.

– Просто готовлюсь, – ответил он на их взгляды. – Полагаю, мне разрешено носить с собой оружие.

– Конечно, – ответила Галатея.

– Ты сохранила у себя мой свисток?

– Ты получишь его обратно, – сказала Галатея.

– Если бы ты отдала мне его сейчас, я бы убедился, что он работает, – сказал ей Джарлакс. – Я имею в виду, прежде чем ты оставишь меня умирать в глуши.

Галатея посмеялась над неугомонным плутом, но Илина отнеслась гораздо серьезнее.

– Почему бы тебе просто не остаться? – спросила она ровным и искренним голосом. – Мы так много можем предложить тебе здесь, в Каллиде, и мы хотели бы еще многому научиться, тебе осталось рассказать так много историй.

– Мне действительно нравится рассказывать о великих приключениях, но я оставил позади много любимых друзей, – мрачно сказал Джарлакс. – И мои потерянные друзья оставили позади много любимых друзей, которые захотят получить ответы.

– Ответы, которые ты не сможешь им дать, – сказала Галатея – довольно резко, подумал Джарлакс. – И эта пропасть в твоём разуме будет вечно мучить тебя и твоих оставшихся друзей.

– Я знаю, – ответил он со вздохом. – Но я должен вернуться и быть рядом с теми, кого потерял, и с теми, кто их ждет. Я в долгу перед ними... так я думаю. – Он сделал паузу и покачал головой. – В этом есть смысл?

– Есть, – признала Галата. – Возвращение Джарлакса вызовет много вопросов, но, по крайней мере, это, вероятно, даст им некоторые ответы. Пойдем сейчас же. Наши могущественные жрецы ожидают твоего прибытия. У них напряженная жизнь, и не стоит заставлять их ждать.

Джарлакс натянул второй сапог, взял дорожный плащ и встал. Когда он поднял свою большую шляпу с кровати, он поморщился, вспомнив, что его драгоценная переносная дыра больше не спрятана внутри.

По крайней мере, перо диатримы полностью отросло и было готово к использованию.

Илина сосредоточила свое внимание на Галатее, которая стояла в центре круга рядом с Джарлаксом, в то время как тридцать жрецов медленно шли слева от них. Поле было ярким, очень ярким, а также Галатея наложила заклинание света на красный помпон каждого жреца поверх черных беретов, которые они носили.

Теперь собрание жрецов олицетворяло летнее солнце, кружащееся и никогда не заходящее. Сияние и магические двеомеры направились к цели: Галатее, которая волшебным, божественным образом изменила характер этого шквала заклинаний и перенаправила его на истинную цель – Джарлакса. Ключевым звеном здесь была именно Галатея – она должна была использовать магию, как режущее лезвие, чтобы вырезать самые последние переживания и воспоминания жертвы. Конечно, это не было точным искусством. Некоторые целевые воспоминания сохранились бы, часто затуманенные и скрытые в водовороте сомнений, а другие воспоминания, более отдаленные, более личные, могли быть непреднамеренно утеряны.

Но это была цена, которую должен был заплатить любой посетитель, решивший покинуть Каллиду после любого пребывания, каким бы коротким оно ни было. Требовались, по крайней мере, десятилетия, чтобы обучить кого-то простым заклинаниям и желание должным образом защитить необходимый секрет. Этот ритуал был единственной альтернативой тюремному заключению или даже казни.

Церемония продолжалась несколько часов, и глаза Джарлакса остекленели в полной отрешенности с первым вливанием коллективной, дезориентирующей магии. Он был здесь не более чем чистым рецептором, его сила воли была плотно заключена в кокон света, так что он не мог надеяться на сопротивление.

Церемония причинила Илине больше боли, чем она ожидала. Она делала это раньше трижды, но это был первый раз, когда у нее возникла такая сильная связь с тем, кто забрел в Каллиду. Она ненавидела необходимость делать это с Джарлаксом, еще больше возненавидела потерю трех других гостей, почти до уровня боли потери, которую она испытывала из-за Аззудонны, которая была ее подругой в течение многих лет.

Продолжая заклинание в медленной походке, она почувствовала слезы на щеках, и даже громко фыркнула, почти прервав заклинание, когда круг полностью замкнулся, и она приблизилась к тому месту, где она и остальные начали, заканчивая свое шествие и завершая ритуал.

Джарлак вздрогнул, проснулся и выскочил из спального мешка, его глаза метались по сторонам, голова моталась влево и вправо. Дроу обернулся, пытаясь понять, где он находится.

И где были его друзья.

Почему была ночь? Что случилось с ярким солнечным светом на белой снежной шапке?

Да, снег.

Он избежал схода лавины. Лавина!

Снег был глубоким и повсюду за пределами защищенного выступа, но когда он пробирался наружу, Джарлак только больше запутался, потому что его не было на склоне горы, где их преследовала волна рыхлого снега. Он находился в долине, окруженной горами, но они были не настолько близко, чтобы такая лавина могла приблизиться к этому месту.

Он попытался разобраться. Кэтти-бри завалило лавиной, но не той, что сейчас образовала выступ над ним. Энтрери тоже завалило, но Джарлак перепрыгнул катящуюся волну снега.

– Зак? – прошептал он, потому что мастер оружия тоже не избежал? Он подумал, что, возможно, Зак левитировал, но не был уверен.

Нет, это должен был быть Зак, понял он. Кто-то принес его сюда. Это должен был быть Зак. Что-то, вероятно, камень, должно быть, отскочил от гребня и ударил его, лишив чувств.

Закнафейн спас его.

– Закнафейн? – сказал он немного громче, хотя и не осмелился кричать. Он вышел из-под навеса, его пристальный взгляд обшаривал все вокруг.

Он в замешательстве покачал головой, затем оглянулся на то место, где проснулся, в поисках подсказки, любой зацепки.

Он понял, что единственными следами здесь были те, которые он только что оставил, покидая маленький защищенный лагерь. Он наклонился, пощупал снег и пришел в еще большее замешательство. Он не был экспертом, но верхний слой был немного покрыт коркой, заставляя его думать, что этот снег, лежащий вокруг него, не был свежевывпавшим.

Но где были другие следы? Где были следы Зака, или того, кто привел его сюда? Или даже его собственные следы, если он забрел сюда в оцепенении?

– Как долго я спал? – спросил он тихую ночь.

Джарлак двинулся дальше, затем взобрался на выступ, чтобы получить более широкий обзор.

Ничего. Только зубчатые скалистые горы и наваленный снег. Несколько тощих скелетов деревьев усеивали местность, отбрасывая колышущиеся тени под танцующими зеленоватыми огнями наверху. Ночь была совершенно тихой, если не считать завывания легкого ветерка, и единственным движением были тени и эти колеблющиеся огни наверху.

Машут руками и танцуют, подумал он и одними губами произнес: «*Веселые танцоры*», затем остановился, удивленный и смущенный, на мгновение подумал, что, возможно, слышал эту фразу раньше.

Где-то.

Джарлак в отчаянии поднес руку к голове и потер от лысины до подбородка.

Его рука снова оказалась на бедре, прежде чем он даже заметил, что его большая шляпа и повязка на глазу пропали!

Он бросился вниз и вокруг, через снег и обратно в ложину, к своему спальному мешку. Он сделал глубокий и успокаивающий вдох, когда нашел свои драгоценные вещи. Он немедленно надел повязку на глаз и огляделся, думая, что сможет видеть вещи более ясно, задаваясь вопросом, не был ли он обманут какой-то иллюзорной магией.

Но нет, все осталось по-прежнему.

Джарлак потянулся за своей шляпой, затем остановился, подумав, что было бы разумнее создать более надежное внепространственное убежище, пока он пытается разобраться в тайне.

Он отмахнулся от этого, когда полез внутрь шляпы – Знакфейн должен был вернуться за ним, верно?

Однако, прежде чем он изменил свое движение, он заметил, что чего-то не хватает, потому что на внутри его шляпы не было отдельного куска мягкой ткани. Джарлак яростно набросился на шляпу, но нет – переносной дыры там не было.

– Она у Зака, – сказал он себе и зарычал от еще большего разочарования, пытаясь вспомнить.

Он представил тряпку в руке и себя, стоящего перед огромной кучей сваленного, а не продуваемого ветром снега, но это был мимолетный образ. Возможно, плод его воображения. Возможно, воспоминание. Возможно, надежда.

– Где, во имя Девяти Кругов Ада, Зак? – прошептал Джарлак. – Где я нахожусь?

Он плюхнулся на спальный мешок, скрестил ноги и провел полную инвентаризацию, затем вздохнул и стал ждать.

И ждал.

Проходили часы. По крайней мере, благодаря ботинкам ему было не слишком холодно.

Прошло еще несколько часов без каких-либо признаков Зака или кого-либо еще.

Джарлак несколько раз выходил, взбирался обратно, даже немного уходил на более высокую каменную скалу, напрягая зрение, пытаясь найти хоть что-нибудь.

Прошло еще несколько часов. Где был предрассветный свет? А потом. Где был рассвет?

Он не понимал. Все это не имело смысла.

Он расхаживал и ждал. В конце концов, он проголодался и стал искать еду в своей зачарованной сумке на поясе.

То, что он принес, смутило его. Это было похоже на кусочек сушеного фрукта, но он не мог точно определить, что это. Он поднес его к носу и принюхался. Да, острый... Он знал, что это такое, но не мог точно вспомнить название. И он никогда раньше не видел, чтобы его так нарезали и высушивали.

В одном мешочке с ним лежал кусок какого-то странно пахнущего сыра. Сильный, но не агрессивный. Он откусил от него кусочек.

«Интересно», подумал он.

Затем откусил кусочек фрукта, а затем, по наитию, откусил то, и другое вместе.

Это было по-настоящему восхитительно, и более того, возвышенный вкус заставил мысли Джарлакса закружиться. Он уже пробовал это сочетание раньше. Где-то.

Но где? И как эти продукты попали в его сумку?

Как бы сильно он ни чувствовал, что это важно знать, он чувствовал такое же принуждение не продолжать этот вопрос. У него были дела поважнее. Где были его друзья, Кэтти-бри и Энтрери? Пережили ли они падение и снег, обрушившийся на них с уступа?

Он ждал.

Он мерил шагами пространство.

Солнце так и не взошло.

Джарлакс был созданием информации, и эта неразборчивая ситуация сводила его с ума.

Он порылся в сумке, достал своего обсидианового скакуна, но просто держал его и не вызывал. Куда бы он пойдет?

Некоторое время спустя, возможно, день, возможно, больше, и все еще без признаков рассвета, Джарлакс вызвал адского коня и проехал на нем вдоль и поперек, даже пытаясь подняться на склон горы, чтобы получить лучшую точку обзора – попытка была прервана мощным порывистым ветром, который швырнул его и его скакуна далеко в поле.

Он действительно получил много более широких видов на местность, ни один из которых не показал ему больше ориентиров, чем лощина, где он проснулся.

– Зак, где ты, во имя Девяти Кругов Ада? – позвал он, на этот раз громко, после очередного отдыха, очередной трапезы и еще нескольких часов пустой скуки.

Измученный и встревоженный, он отчетливо осознал только одну мысль: он не может оставаться.

Но, опять же: куда он должен был пойти?

Глава 18

Сумма частей

Дубинка прекратила свой полет.

Просто остановилась, как будто наткнулась на каменную стену.

Дзирт поднял глаза и увидел над собой морщинистую и загорелую человеческую руку, просунутую между шипами, крепко и совершенно ровно держащую дубинку. Никакого дрожания, вообще никакого движения.

Дроу посмотрел вперед, на лицо атакующего гнолла, полного шока и ярости. Это выражение сохранилось, когда твердые пальцы второй руки метнулись вперед, чтобы ударить зверя в горло, а затем вышли из раны, захватив переднюю часть трахеи гнолла. Он сохранил этот взгляд, когда замертво упал на землю.

Тишина, последовавшая за этим, поразила Охотника настолько глубоко, что дикое альтер-эго отодвинулось в сторону и позволило Дзирту рассмотреть сцену с ясной головой. Он огляделся.

Все гноллы были мертвы. Даже те, до которых он еще не добрался.

Магистр Кейн стоял рядом с ним.

Саван перескочила через баррикаду с другой стороны, передавая ему Видринат.

– Ты борешься сам с собой, – сказал ему Кейн.

Шок момента прошел, и Дзирт позвал внутреннего Охотника и прыгнул вперед, чтобы броситься вниз по туннелю – или попытался, поскольку всего лишь рука Кейна удержала его на месте, как будто он, как и летящая дубинка, ударился о каменную стену. Полный гнева и замешательства, он впился взглядом в старого Великого Магистра Цветов.

– Ты только что встретил бы свой конец, если бы я не вмешался, – сказал ему Кейн.

Дзирт хотел отрицать это, но знал, что просто солжет себе, поэтому не высказал эту мысль вслух.

– Я должен идти, – сказал он вместо этого. – Мы должны идти! Сейчас же!

Кейн покачал головой.

– Ты должен найти равновесие. Внизу еще много гноллов. Внутренняя битва, которую ты ведешь, приведет к тому, что тебя убьют, и это никому не принесет пользы.

– У них Бри!

Кейн покачал головой.

– Ты не принесешь ей никакой пользы, лежа мертвым на каменном полу в темной пещере.

Дзирт с трудом сглотнул и продолжал смотреть.

– Это другое существо внутри тебя, которое ты вызвал в своем гневe, – продолжил Кейн. – Ты говорил мне о нем раньше. Этот воин, которым ты позволяешь себе стать, этот Охотник – воин, который отвечает на атаки, его инстинкты движутся слишком быстро, чтобы их можно было обдумать. Реакция, только и всего.

– Эффективность, – возразил Дзирт и прижался к поручню.

– Нет, – ответил Кейн, качая головой. – Один раз, может быть, но не больше.

– У меня нет на это времени! – прорычал Дзирт сквозь стиснутые зубы.

– У тебя *должно быть* на это время, – возразил Кейн. – Так что сначала выслушай меня, и выслушай хорошенько. Твое обучение с нами – это развитие предвосхищения, а не реакции. Охотник действует исключительно реактивно, следовательно, сводит на нет все твои тренировки с нами... если ты не отступишь. Ты не можешь быть тем и другим, пока не понимаешь их обоих. Твой инстинкт к действию приведет тебя к катастрофе, тогда как более длительный и продуманный боевой стиль пытается привести тебя к благополучию. То, что произошло здесь с этими гноллами не было отклонением, и не было ничего такого, чего бы я не предвидел и не ожидал. Как Охотник, ты бы здесь победил. Как мастер-монах, ты бы здесь победил. Однако, как тот и другой одновременно, ты будешь терпеть неудачу неоднократно – ну, если конечно выживешь, чего не случится.

– У меня нет времени на лекцию! – решил Дзирт и оттолкнул руку, обернувшись только потому, что кулак Кейна сжал его плечо.

– Позволь мне пойти с тобой.

– Я умоляю тебя...

– Нет, внутри тебя. Впусти меня. Я помогу тебе найти баланс.

– Просто идем со мной! Моя дочь...

Он остановился, когда почувствовал, что Кейн отпустил его руку и вместо этого захватил его разум. Физическая форма Кейна рухнула перед ним, опустившись в позу со скрещенными ногами. Саван появилась рядом, чтобы поддержать и защитить.

Дзирт открыл свой разум и позволил духу Кейна влиться в него. Он уже видел такое раньше, с братом Афафренфером. На той великой войне, Кейн пришел в сознании Афафренфера в Серебряные Земли, и брат стал гораздо более великим существом на то короткое время, как физически, так и духовно.

– Я помогу тебе достичь равновесия, – мысленно сообщил Кейн.

Дзирт кивнул Саван, которая стояла на страже пустого сосуда с телом магистра Кейна, затем он побежал вниз по туннелю, ускоряясь, огибая камни, запрыгивая на стену при повороте. Он почувствовал беспокойство в Кейне, но не остановился, чтобы поинтересоваться или сообщить об этом прямо.

Появилось еще больше гноллов, они бросились в другую сторону, стреляя из луков и визжа, как только заметили незваного гостя.

Уклонение, разворот, удар Видринатом наотмашь, и все три снаряда пролетели мимо, не причинив вреда.

Дзирт рванулся вперед, приближаясь к цели быстрее, чем очевидно ожидали гноллы, потому что один из них даже не вытащил меч, а другой не закрепил щит, когда он прибыл.

Охотник быстро убил бы всех троих, но Дзирт не впал в такое состояние. Как Кейн указал, физически он был не в равновесии, так и сейчас ментально он был в конфликте с духом Великого Мастера. Он почти чувствовал себя так, словно вернулся в Академию, пытаясь правильно сражаться под пристальными взглядами мастеров дреу.

Конечно, он прекрасно управлялся со своими саблями, хотя и не с той жестокостью, которую так часто проявлял Охотник. Он блокировал удар Видринатом, а затем занес Ледяную Смерть под оба клинка и сильно дернул назад, обезоружив одного гнолла, который, казалось, был готов к этому. Когда меч выпал, гнолл бросился на него со щитом и почти налетел на него.

Ибо Дзирт упал назад, полностью согнув колени, чтобы опрокинуться прямо на пол, так что гнолл перекатился через него. Обе его сабли вонзились под нижнюю часть щита гнолла, и когда демоническое существо упало, лезвия глубоко вонзились ему в живот. Гнолл завизжал от боли и попытался укусить, но Дзирт взметнул руки вверх, поднимая его слишком высоко и держась за крестовины саблей, которые теперь были вровень с его кожей.

Дзирт почувствовал приток ки, его жизненная энергия вырвалась мощным движением и отбросила гнолла через него на пол, освободив оба клинка, когда разорванное существо вылетело на свободу, и подбросило его обратно на ноги.

Два других гнолла бросились в атаку на, казалось бы, беззащитного дроу, и разинули пасти – не для того, чтобы укусить, а в крайнем шоке.

Один просто повернулся и убежал. Другой даже не закрыл пасть до четвертого удара клинков Дзирта. Его язык высунулся, а внутренности вывалились на пол.

Дзирт промчался мимо него.

Его отчаянное желание добраться до Бри столкнулось с упрямым требованием остановиться.

– Я не могу позволить ему ускользнуть, – сказал он Кейну и заставил свои ноги двигаться.

– *«Ты не в равновесии!»* – услышал он в своих мыслях. – *«Твои ноги слишком быстры для рук».*

Это неожиданное заявление заставило Дзирта остановиться.

– *«Наручи, которые я ношу как ножные браслеты»,* – сказал он Кейну. – *«Они ускоряют меня».*

– *«Тогда беги, Дзирт До'Урден»,* – согласился Кейн.

И он это сделал. И вышел в ровный туннель, заканчивающийся лестницей вниз, которая вела в почти круглую естественную пещеру внизу. Убегающий гнолл был впереди на лестнице, визжа и рыча на своем странном языке, и Дзирт легко расшифровал слова или, по крайней мере, их значение, потому что в той комнате внизу еще несколько гноллов танцевали вокруг тлеющего очага.

«Бри!», подумал Дзирт, глядя на тлеющий огонь. Он не знал, почему этот ужасный образ пришел к нему, но он пришел, и за ним Кейн призвал его полностью отпустить себя, поддаться ярости.

Охотник не сбежал вниз по лестнице. Он пролетел.

Охотник прыгнул далеко, в прыжке, расширенном яростью и ки, смесью первобытного и духовного, приземлившись с безупречным балансом прямо позади убегающего гнолла, глубоко присев, чтобы поглотить энергию удара, даже послал Ледяную Смерть рубящим ударом поперек, чтобы отрубить ноги гноллу.

Его рассудок был почти ослеплен яростью и страхом, но тело – нет. Он перемахнул через падающего гнолла и отпрыгнул далеко и высоко. Он с разбегу приземлился перед ближайшими гноллами, перекатился между ними, а затем поднялся и кувыркнулся назад в сальто над их торчащими копьями. Он даже не успел коснуться земли, когда его сабли сверкнули по обе стороны.

Копья опустились, когда гноллы схватились за собственные разорванные глотки.

Охотник не умел колебался, и поэтому внезапно бросился вперед на полудюжину гноллов, слишком близко выстроившихся в оборонительную линию, чтобы они могли эффективно метать копья.

Видринат сделал широкий выпад влево, чтобы отклонить колющее оружие, и столкнуть его со вторым под таким углом, чтобы третий гнолл с этой стороны мог зайти прямо на него.

Прямо перед Дзиртом Ледяная Смерть сильно ударила в щит гнолла, острие прошло насквозь и ужалило существо. Это не было глубоким или смертельным ударом, но Охотник почувствовал внезапную вибрацию в своем клинке, высвобождение ки, текущей через него, через оружие, в гнолла. Монстр напрягся,

выпрямился и отступил на шаг, его глаза внезапно расширились и стали немигающими.

Ледяная Смерть ушла в сторону, чтобы отразить пару колющих копий, подобно парированию Видрината, и Охотник последовал за этим взмахом и быстро переместился вправо.

Теперь Видринат нанес удар по гноллу, которого поразила Ледяная Смерть, и оглушенное существо почти не защищалось.

Охотник остановился, когда двое справа налетели на него, один из тех, что слева, тоже сильно ударил, а другой обошел его сзади, чтобы найти путь к, казалось бы, пойманному в ловушку дроу.

Копья ловко полетели в него спереди, сзади и с обеих сторон, причем с разной высоты.

Но никто не был так же высоко, как Охотник, который прыгнул прямо вверх с удивительной ловкостью и силой.

Он также предвидел, думал наперед, понимал, что будет дальше, вместо того, чтобы ждать, пока это произойдет, а затем просто быть слишком быстрым, точным и жестоким для своих врагов.

Его ноги нанесли удары в обе стороны с огромной силой и прямо в цель. Видринат вонзился вперед, а обратным захватом Ледяная Смерть отправилась назад.

Когда Дзирт приземлился, повернувшись лицом к пути, которым пришел, только один гнолл остался стоять на ногах, да и тот не хотел иметь с ним ничего общего.

Он метнул свое копье, повернулся и убежал.

Брат Дзирт выронил клинки, поймал копье, повернул его одним плавным движением и отправил в полет, чтобы пронзить гнолла в основание черепа.

Охотник опустил, чтобы подобрать свои клинки, затем заметался, как обезумевший краб, нанося колющие, режущие удары по павшим гноллам, с каждым ударом разбрызгивая кровь.

Спустя несколько атак Дзирт полностью пришел в себя. Образ Бри на тлеющем костре застрял в его сознании, и он закричал от такой боли, что он в ярости схватился за оружие.

– *«Ее там нет»*, – раздался коварный телепатический зов Кейна, он звал снова и снова, пока, наконец, не был услышан.

Мечущиеся мысли Дзирта требовали разъяснения, но он почувствовал, как Кейн внезапно покинул его.

Он бегал вокруг, глядя на огонь, но не увидел никаких признаков того, что там сгорел ребенок. Ни костей, ни клочков тлеющей одежды. Он оглядел стены круглой пещеры в поисках выхода – в пещерах должно же быть что-то еще!

Но нет.

Он обошел все вокруг, заметив приближение Саван и Кейна, которые бежали к нему со всех ног.

– Ее там нет, – крикнул ему Кейн.

– Ее здесь вообще нет, – добавила Саван.

– Но брат Головастик!

– Он в монастыре в новых одеждах и сандалиях, – ответила Саван.

– Но я слышал ее!

– Ты слышал меня, – ответил Кейн. – Я не хотел так поступать с тобой, но я почувствовал здесь проблему, дисбаланс между воином, которым ты был, и монахом, которым ты стал. Два должно быть больше, чем целое, но это было не так, Дзирт До'Урден, по крайней мере, не в тех случаях, когда ты поддавался другой более темной эмоции внутри тебя.

– Как ты мог? – спросил его Дзирт, затаив дыхание, и ему захотелось физически наброситься на Кейна в этот ужасный момент.

– Потому что я знал, что я прав, и я знаю, что жизни твоей жены и твоих друзей могут зависеть от этого исцеления – исцеления, которое я смог дать только когда я лучше понял конфликт внутри тебя.

– О чем ты говоришь?

– Киммуриэль пришел ко мне, – объяснил Кейн. – Есть признаки неприятностей на Севере. Ты скоро уедешь. Ты должен быть готов. Теперь я вижу, что ты почти у цели.

Дзирт стоял ошеломленный, не зная, как реагировать в этот момент, пытаясь переварить все, что только что произошло.

– Почти готов, – снова сказал Кейн и указал на ножные браслеты Дзирта. – Это наручи, – сказал он. – Для твоих запястий.

– Я был слишком неуравновешен, когда пытался сделать это много лет назад, – объяснил Дзирт. – Враг, у которого я их отобрал, использовал их как наручи, но мне это не подошло. Мои руки и так двигались слишком быстро.

– Потому что твои ноги не смогли приспособиться к правильному балансу, – объяснил Кейн. – Теперь ты достаточно мудр в путях Ордена, чтобы это исправить. И ты стал быстрее передвигаться на ногах. Наручи дают тебе лишь незначительное преимущество в качестве ножных браслетов, но теперь ты обнаружишь, что на запястьях баланс гораздо ближе.

– И это все? Ты провел меня через все это, чтобы сказать мне надеть наручи обратно на запястья?

– Тебе лучше знать, Дзирт До'Урден. Брат Дзирт До'Урден.

Дзирту не нужна была эта последняя подсказка, потому что он уже заглянул внутрь себя, проигрывая последнюю битву. Он подумал о том, как ки проходила через его оружие и оглушила гнолла. Он воспроизвел бой как бы издалека, его прыжок, который послал разрушительную атаку во все четыре стороны. Охотник и раньше выполнял двойные удары, но никогда так, руки и ноги работали независимо, но в совершенной гармонии, в одновременной атаке.

И да, это она, понял Дзирт. Гармония.

Смешение стилей, воина и монаха. Два становятся одним, единым, большим, чем сумма двух.

– Бри невредима? – спросил он.

– Она в монастыре под присмотром брата Головастика, – ответила Саван.

– Я не смог бы вызвать твой истинный гнев без ее имитированного крика, – сказал ему Кейн.

Дзирт поморщился, все еще немного злясь на этот обман и боль, которую он ему причинил.

Но теперь он понял. Он посмотрел на свои окровавленные сабли, вытер их о гнолла у своих ног и убрал, затем посмотрел магистру Кейну в глаза и кивнул, принимая цену такого необходимого урока.

Глава 19

Недостающий отрезок веревки

– Я думала, ты ушел за Дзиртом, – сказала Пенелопа, увидев Киммуриэля, идущего по коридору особняка Плюща на следующее утро.

– Да.

– Я думала, ты ушел вчера.

– Здесь много дорог, – ответил Киммуриэль. – Король Бренор желает поговорить с эльфом Фривиндлем из Серебристой Луны. Мне привести его сюда или Бренора к нему? Или лучше оставить Бренора здесь и позволить тем, кто... менее энергичен, навестить старого и запутавшегося эльфа? Мы пытаемся во всем разобраться. Хафлинг снова с Аззудонной?

– Да, был, по крайней мере, – ответила Пенелопа. – Думаю, Вульфгар тоже с ними. Он знает север лучше, чем кто-либо другой, хотя я думаю, что Громф забросил наших друзей за пределы регионов, которые мы обычно называем севером.

– Ты недовольна Архимагом.

– Я считаю безответственным телепортировать группу людей в неизвестном направлении. Разве ты не согласен? – спросила его Пенелопа.

– У них были способы вернуться почти мгновенно или быть возвращенными.

– И все же, мы здесь, – сказала Пенелопа.

– Мы не знаем, где находимся. Аззудонна говорит, что они потеряны для нас. Каким-то образом. Это все, что мы знаем.

– И ты не отправился за Дзиртом.

– Это имеет значение? – сказал Киммуриэль. – Чего ты ждешь от него? Что он побегит на север? Следующий шаг – мой и Громфа. Если мы сможем найти лучший способ искать наших пропавших товарищей, мы будем действовать.

«Действительно?» – хотела она просить, но резкий тон застрял у нее в горле.

– Ты что-то знаешь и скрываешь, – обвинила она.

– Я не могу преодолеть ментальную защиту Аззудонны. – признался Киммуриэль. – Как и Громф, или заклинания, которые кто-либо из вас наложит на нее или в комнату вокруг. Ее сила воли впечатляет.

– Но?

– Если я отведу ее в разум улья, тогда все, что она знает, будет раскрыто, – сказал он. – Все, что она когда-либо знала, каждая мысль, будет раскрыта.

– Но ты не хочешь этого делать, – рассудила Пенелопа.

– Ты не можешь даже представить уровень вторжения, – сказал ей Киммуриэль.
– Ее самые глубокие секреты, самые глубокие фантазии, самые темные поступки будут обнажены, вырваны против ее воли. Это, пожалуй, самое большое насилие, от которого может пострадать любое существо.

Пенелопа слегка повернула голову и искоса посмотрела на псионика, на ее губах появилась улыбка, как будто она уловила что-то в тоне Киммуриэля.

– Откуда ты это знаешь?

Киммуриэль усмехнулся.

– Ты?

– Я Облодра, – ответил он. – И нас учили принимать вторжения разума улья как дверь к нашему величию. И все же, спустя столетия, тот первый раз, когда мой разум обшарили, все еще преследует меня. Я стараюсь забыть об их вторжении, но оно часто приходит ко мне, и обычно без предупреждения. А запах, мысль, действие, что-то, что я вижу или слышу, – все что угодно, может вернуть меня к тому опыту. Они испытывают меня и преследуют в кошмарах – и снова я подчиняюсь им добровольно! Для Аззудонны это действие, навязанное против воли, полностью ломит ее. Безвозвратно, я уверен.

– И все же, ты пережил это, – сказала Пенелопа после того, как произнесла несколько замечаний, выбирая это одно из множества мыслей, вызванных, без сомнения, удивительным откровением Киммуриэля.

Даже Киммуриэль был удивлен тем, насколько откровенным он был с Пенелопой.

– Одно дело подвергаться пыткам и насилию, когда ты веришь, что делаешь это в личных, даже благородных целях, – мрачно объяснил Киммуриэль. – Совсем другое, когда тебя пытаются и насилуют ради выгоды мучителей.

– Значит, ты не будешь подвергать ее воздействию разума улья? – спросила Пенелопа, не скрывая, что вполне согласна с таким курсом.

Вот только его ответ был не таким, как она ожидала.

– Я этого не говорил, – холодно ответил Киммуриэль, осадив ее. – Давай пока действовать так, как можем. Если у Гарпеллов есть магические заклинания или идеи, как найти недостающую четверку или, возможно, получить ответы от этой упрямой женщины, тогда, пожалуйста, сделайте это.

– Заклинания ментальных вторжений не так сильны, как твоя магия разума, ты это знаешь.

– Она упряма, – заметил расстроенный Киммуриэль.

– Обучена, – поправила Пенелопа. – И напугана. Реджис использует правильный подход к Аззудонне. Он делает из нее друга и пытается показать ей, что мы не враги и нам можно доверять.

– Ах, да, умный хафлинг, – сказал Киммуриэль с нетипичным для него драматизмом в голосе. – Пожалуйста, сообщи мне, если он найдет что-нибудь, кроме туманных упоминаний, которые невозможно подтвердить или исследовать.

Он покачал головой и продолжил свой путь, но не успел сделать и двух шагов, как Пенелопа окликнула его.

– Почему, Киммуриэль, – сказала она, – ты скорбишь? Ты полон сюрпризов в этот день. Я никогда не ожидала от тебя такого состояния.

Он лишь мельком оглянулся на нее, не желая показывать больше, чем уже, очевидно, показал. Он снова двинулся в путь, теперь обдумывая ее замечание.

Он не мог этого отрицать.

Потеря Джарлакса и других, которая казалась скорее более вероятной, чем нет, ударила по нему сильнее, чем любая потеря, которую он когда-либо знал. Он был более чем возмущен падением Дома Облодра много десятилетий назад, но даже после той катастрофы, даже после потери матери и семьи, он не чувствовал себя так, как сейчас.

В этот момент, впервые за столетия своей жизни, Киммуриэль Облодра познал глубокое чувство печали, уровень горя, который даже не позволил ему строить замыслы и планы, будь то месть или защита от любых последствий.

Сейчас все это не имело значения. Ему было просто грустно. На самом деле.

– Я не могу просто перескакивать с места на место, – сказал Громф расстроенному Бренору.

– Ты не можешь отвезти меня в Серебристую Луну?

– Я не собираюсь в Серебристую Луну.

– Эльф там! Фривиндль, или как там его. Мы должны поговорить с ним.

– Если я решу поговорить с ним, я это сделаю, – сказал Архимаг. – Мне не нужна твоя компания.

– Ты отведешь меня поговорить с ним, или я буду говорить с девушкой, – предупредил Бренор. – И я говорю тебе, что мое терпение с ней истощается быстрее, чем попытка хафлинга отрастить бороду.

Тут в комнату вошел Реджис, Вульфгар шел рядом с ним. Бренор встретился взглядами с обоими, и Реджис покачал головой.

– Аззудонна не в настроении разговаривать, – объяснил Реджис. – Думаю, она считает, что вчера рассказала слишком много, просто признавшись, что знала наших друзей.

Бренор зарычал и выругался себе под нос, затем посмотрел на Вульфгара, который кивнул.

– Надо добраться до Серебристой Луны и попросить Киммуриэля забрать Дзирта, – решил Бренор. – Мы пройдем через ворота в Мифрил Халл и поедем оттуда.

– И что ты будешь делать потом, дворф? – спросил Громф.

– А потом ты отправишь нас на север за нашими друзьями. – ответил Бренор. – Нашими друзьями, твоими и моими. Или я слишком много у тебя прошу?

– На север? – отозвался Громф. – Куда на север?

– Туда же, куда ты отправил четверых!

– Зима, – вставил Вульфгар, и Бренор с Громфом повернулись к нему.

– Сейчас зима, – сказал он. – Долина Ледяного Ветра быстро убьет вас зимой без укрытия, и, вероятно, чем дальше на север продвигаться, тем хуже.

– У нас есть такая штука, как магия... – ответил ему Бренор, поворачиваясь к Громфу.

– Их нет уже несколько месяцев, – напомнил Громф королю дворфов.

– У тебя есть идеи получше? – закричал на него Бренор.

– У меня всегда есть идеи получше, чем у тебя, дворф.

– Идеи, которые приносят результаты, а?

Громф и Бренор уставились друг на друга, удерживая взгляды в течение многих ударов сердца.

Остальные в комнате понимали – это были два самых могущественных человека в мире.

И сейчас они казались такими бессильными.

За дверью в коридоре Киммуриэль внимательно слушал, качая головой. Он снова подумал о коллективном разуме, но ему не очень хотелось прибегать к этому варианту. Он не солгал Пенелопе: он не сомневался, что визит Аззудонны туда полностью сломит ее.

– Нет, – услышал он разочарованное признание Громфа. – У меня нет лучшей идеи. Я не знаю, куда они могли отправиться, не знаю, что с ними случилось, не знаю, что мы вообще должны искать. Я даже не знаю, куда их отправил, и я был уверен, что Кэтти-бри просто отзовет их с помощью своей магии, или Джарлакс позовет Киммуриэля через волшебный свисток, чтобы он направлял нас, когда мы отправились бы за ними.

В голосе Громфа легко угадывалось смирение, и это сильно подействовало на Киммуриэля.

– Тогда сначала в Серебристую Луну, – услышал он решение короля Бренора. – Мы пойдем и расскажем Пенелопе, а затем сразу же после разговора с королевой отправимся в Гаунтлгрим. Мы поужинаем в Мифрил Халле сегодня вечером, а завтра в Серебристую Луну.

– Мой король! – сказал Тибблдорф Пвент.

– Тогда достаточно, – согласился Реджис.

Киммуриэль слышал все это и был готов войти в комнату и поспорить.

Но потом он услышал кое-что еще.

Что-то зародилось в глубине его сознания, как отдаленный звон колокольчика. Но он продолжался и нарастал, превращаясь в одну-единственную постоянную ноту, а не звон колокольчика.

Свисток.

Киммуриэль быстро отошел от двери в чулан в конце коридора и закрыл за собой дверь, отключившись от всех внешних отвлекающих факторов.

Он погрузился в себя, подальше от этого места, преследуя луч свистка так же уверенно, как если бы это был свет свечи в темной пещере.

Он не отправил предварительно свой разум к источнику, хотя, конечно, полагал, что на другом конце его ожидает другой дроу – возможно, маг или жрец из общины родины Аззудонны, который каким-то образом завладел этим уникальным предметом.

Он конечно знал, что там его может подстеречь опасность, но он должен был пойти. Он должен был попытаться, ради друзей и Аззудонны.

Его сердце забилося сильнее, когда он приблизился и узнал дроу, отправляющего ноту. Он глубже погрузился в образ и звук, противопоставляя их

реальности, и шагнул сквозь настроенную музыку к очищенному от ветра камню под навесом под кружащимся зеленым небом в стране, покрытой глубоким снегом.

Он стал рядом с Джарлаксом.

– Ах, хорошо, ты услышал мой призыв, – сказал Джарлакс, хлопая Киммуриэля по плечу. – Прости, что зову тебя так рано, но ты должен помочь мне найти остальных.

Киммуриэль начал отвечать на первую часть последнего предложения, но сдержался.

– Где? – спросил он, с любопытством глядя на странно растрепанного дроу. Сильный холод пронзил Киммуриэля насквозь, пробирая до костей, и он понял, что не может долго оставаться в этом месте.

– Я не знаю, – признался Джарлакс. – Думаю, под снегом. Лавина на горе похоронила их. Я не должен был ждать так долго, чтобы позвать, но я не могу... – Он остановился и огляделся, качая головой. – Я понятия не имею, где они или где я. Мы приземлились на заснеженном склоне горы, но какой именно? Кэтти-бри и Энтрери попали под лавину, но я спасся. Зак, я думаю, тоже. Но я не... Он, должно быть, перенес меня сюда.

– Когда это было? Как давно?

– С самого начала.

– С какого начала?

Зубы Киммуриэля уже стучали.

– День или два назад, – ответил Джарлакс. – Когда мы впервые прошли через ворота Громфа. Я потерял счет времени, потому что рассвет еще не наступил. Почему нет рассвета?

Киммуриэль тупо уставился на него, пытаясь осмыслить ответ.

– Джарлакс, ты пропадал несколько месяцев.

Джарлакс начал было говорить что-то еще о лавине, но остановился и перевел недоуменный взгляд на своего друга.

– Что ты имеешь в виду?

– Именно то, что я сказал.

Джарлакс покачал головой.

– К нам пришла женщина-дроу, – сказал ему Киммуриэль. – Мы думаем, что Гвенвивар привела ее в Особняк Плюща, в собственную комнату Кэтти-бри. Но она мало что нам рассказывает.

– О чем ты говоришь? Гвенвивар у Кэтти-бри.

– Возможно. Но Аззудонна с Пенелопой и остальными, и Пенелопа считает, что именно Гвенвивар привела ее туда.

– Аззудонна?

– Ты... не... знаешь ее? – спросил Киммуриэль, задыхаясь.

Его трясло все сильнее, дыхание вырывалось болезненными толчками, легкие уже болели от холода.

– Какие игры... – начал спрашивать Джарлакс, но остановился и перевел хитрый взгляд на Киммуриэля, изучая его через магию истинного видения повязки.

– Это я, как ты и звал, – сказал Киммуриэль, уловив суть и прекрасно зная, что показывает эта повязка на глазу.

– Ты мне не веришь, – заявил Киммуриэль мгновение спустя, когда очевидное сомнение не покинуло лицо Джарлакса.

– Я не знаю, во что верю. Я здесь всего пару дней, не больше.

Киммуриэль покачал головой.

Джарлакс прищурил свой единственный не закрытый глаз, но затем покачал головой, словно сдаваясь. Киммуриэль знал, что повязка на глазу показала ему. Перед ним не было ни иллюзии, ни обмана. Джарлакс беспомощно поднял руки.

– Похоже, я мало что знаю, – беспомощно заявил плут.

Возвращение Джарлакса в Особняк Плюща было встречено скорее смятением, чем праздником. Не успели остальные начать расспрашивать разбойника, как Киммуриэль отослал его, требуя аудиенции с Аззудонной.

– Он никуда не уйдет, пока не расскажет мне о моей девочке! – проревел Бренор, перекикивая разговор.

Киммуриэль отметил выражения согласия у остальных и мог видеть, что Бренор становится все более и более горячим. Казалось, даже физически, потому что лицо дворфа стало таким же красным, как и его волосы, а нижняя губа выглядела все более и более изжеванной.

Учитывая его преданность, свирепую, даже порочную, Киммуриэль все прекрасно хорошо понимал.

– Ты пойдешь со мной, король Бренор, – предложил он. – У меня есть задача, которую ты выполнишь лучше, чем все остальные.

– Да, и он, и он, – ответил Бренор, указывая на Реджиса и Вульфгара. – А ты отправляйся к Дзирту, проклятый эльф, как только мы закончим. Мы здесь не для того, чтобы сидеть и болтать, когда одного из пятерых не хватает!

– Пятерых? – спросил Киммуриэль.

– Компаньоны Халла, – ответил Джарлакс и кивнул Бренору.

Остальные участники собрания последовали за группой по коридору в комнату Аззудонны.

«Обращайте больше внимания на лицо Аззудонны, чем на лицо Джарлакса», – Бренор, Реджис и Вульфгар слышали в своих мыслях слова Киммуриэля.

– Вы трое, заходите первыми, – сказал им Киммуриэль. – И отойдите в сторону, чтобы у нее был хороший обзор, когда мы с Джарлаксом войдем в комнату мгновение спустя.

– К чему все это? – спросил Джарлакс. – Кто она и что ей нужно ясно увидеть?

– Тебя, – сказал Киммуриэль. – Понаблюдай за ее лицом, когда она увидит тебя, и ты лучше поймешь.

Он отвел Джарлакса в конец коридора, подальше от поля зрения Аззудонны, и отправил Бренора, Реджиса и Вульфгара в путь.

– Закройте дверь, – сказал он им.

– Если бы вы знали, как растет мой гнев, вы были бы более откровенны, – предупредил Джарлакс, когда трое вошли в комнату.

– Здесь что-то очень не так, – ответил Киммуриэль. – И здесь, – добавил он, коснувшись головы Джарлакса. – Ты потерял месяцы, мой друг, и у меня такое

чувство, что, если мы не вернем эти воспоминания, то три товарища, которых ты взял с собой в путешествие на север, навсегда потеряны для нас. А может быть и многое другое, – закончил он, глядя на дверь.

– Идем.

Киммуриэль вошел первым, быстро кивнув Бренору и остальным, которые выстроились у стены слева от него.

– Я привел к тебе кое-кого, думаю он тебя заинтересует, – сказал он Аззудонне и отступил в сторону, позволяя Джарлаксу войти.

При всей дисциплинированности, при всей своей выучке, Аззудонна не смогла подавить первоначальную реакцию: ее глаза расширились от очевидного шока.

– Клянусь бородой Морадина и волосатой задницей Думатойна, ты, проклятая девчонка-дроу! Начинай говорить то, что мне нужно знать, или ты будешь на ступеньку меньше...

– Бренор! – выругался Реджис.

– Ты знаешь меня, – сказал Джарлакс, и был явно удивлен и смущен этим замечанием.

Киммуриэль заставил его замолчать и повернулся к Аззудонне.

– Кто это? – спросил он.

Женщина выглядела загнанной в ловушку, нервно оглядываясь по сторонам.

– Джарлакс, – сказала она.

– Как я мог забыть о встрече с такой очаровательной женщиной, как ты? – спросил Джарлакс, но никто не обратил на него внимания.

– Ты сказала мне, что они мертвы или стали нежитью, – сказал Реджис. – Он ни то, ни другое!

– Я думала... – Аззудонна остановилась и покачала головой, выглядя очень смущенной и более чем немного расстроенной.

Киммуриэль был на поверхности ее сознания, и понял, что выражение ее лица было честным отражением того, что находилось в ее сердце и душе.

– Ты должна сказать нам, где они, – потребовал Реджис.

– Я не могу. Я не знаю, – ответила она, затем дернулась и бросила сердитый взгляд на Киммуриэля.

– Ты имеешь в виду, что не скажешь, – поправил Киммуриэль.

– Как я могу быть уверена? Но да, я этого не сделаю!

– О, ты сделаешь, – прорычал Бренор и шагнул вперед – или пытался, пока Вульфгар не выставил руку, чтобы преградить ему путь.

– Просто спроси его, – сказала Аззудонна, указывая на Джарлакса. – Почему ты...

– Она остановилась и на мгновение казалась смущенной, как будто что-то обдумывала.

Затем она улыбнулась, слегка усмехнулась и кивнула.

– Джарлакс жив, значит, и остальные могут быть живы, – сказал ей Реджис. – Неужели ты не расскажешь нам, что знаешь, и тем самым позволишь им умереть?

– Если это было так просто, – ответила Аззудонна.

– Так будь проще, – прорычал Бренор.

– Идем, – сказал Киммуриэль своим друзьям. – На данный момент мы здесь закончили.

– Я останусь ненадолго, – сказал Реджис, но не успел он объявить об этом, как из открытой двери послышался другой голос.

– Нет, – приказала Пенелопа. – Все вы, выходите. Я посижу с нашей гостьей.

Акцент, который она сделала на последнем слове, был лишь подкреплен суровым взглядом, который она бросила на Бренора, когда произнесла напоминание.

– Почему ты ждешь? Мы должны попасть туда! – Бренор обратился к Киммуриэлю, когда псионик присоединился к нему, Вульфгару, Реджису, Пвенту, Даб'ней и Громфу в гостиной некоторое время спустя, вернувшись к ним, что примечательно, без Джарлакса.

– Я могу доставить вас туда, где я нашел Джарлакса прямо сейчас, если это ваша цель, – ответил Киммуриэль. – Там ничего нет, и никаких указаний о том, куда идти дальше.

– Как сильно ты искал?

– Я не мог долго оставаться, и ты тоже.

– Потому что было холодно, – напомнил ему Вульфгар.

– Это и близко не описывает ситуацию, – сухо ответил Киммуриэль.

Варвар кивнул.

– Это объясняет одежду Аззудонны. Если бы ты надел ее, когда отправился за Джарлаксом, тебе было бы удобнее.

– Там ничего не было видно, – повторил Киммуриэль. – Огромные горы из скал и камня, все покрыто белым, все окутано тьмой. Потребовались бы годы, чтобы как следует обыскать эту отдаленную землю.

– Именно поэтому Джарлакса и поместили туда, когда он позвал тебя, – сказал Громф.

– Что ты знаешь? – потребовал Бренор.

– Кто бы ни забрал память Джарлакса, он далеко ушел, – ответил Громф.

– Оставив его умирать?

– Скорее всего, они знали, что у него был свисток, чтобы связаться со мной, – сказал Киммуриэль, и это вызвало любопытные взгляды со всех сторон. – Я предполагаю, они, вероятно, вернули его ему, иначе он воспользовался им раньше.

– Кто эти «они»? – спросил Вульфгар. – Вот в чем вопрос, не так ли?

– И у Аззудонны есть ответы, – сказал Бренор.

– И у Джарлакса есть ответы, – быстро добавил Реджис. – Или, по крайней мере, были.

– Почему ты не проделаешь с ним свои фокусы? – потребовал Бренор у псионика.

– Потому что он отдыхает. Ему это нужно.

– Ба! Пузан, возьми свой камень и нанеси ему визит, а?

– Это не принесет никакой пользы, – заверил дворфа Киммуриэль. – Этот рубин вытягивает правду так же, как слишком много выпитого крепкого напитка, но неспособность Джарлакса ответить не имеет ничего общего с нежеланием с его стороны.

Затем дверь комнаты открылась, и Пенелопа вошла рядом с Джарлаксом, который был обут только в один сапог, а другой держал в руке, с озадаченным выражением на лице.

– Что? – спросил Бренор.

Джарлакс прошел в середину группы, сел на подлокотник кресла и поднял босую ногу, чтобы все увидели три надписи засохшей кровью: *ИЛЬХ-ДАЛ-АУТ*, вырезанные на его подошве.

– Ильхдалаут? – спросил Реджис.

– Что, во имя Девяти Кругов Ада?

– Это имя дали тебе твои похитители? – спросил Реджис. – Или просто шрамы от пыток?

– Я думаю, это сделал я, – сказал Джарлакс, его голос был таким нетвердым, каким никто из них никогда от него не слышал.

– Это не старая рана, – заметил Вульфгар.

– День-два, не больше, – согласилась Пенелопа.

– Но что это значит? – спросил Реджис.

– Иль? *Ильхаресс*, матрона? – спросил Громф. – *Ильхарн*, покровитель? Тебя сделали чьим-то покровителем?

– Нет, – ответила Даб'ней, выходя вперед. Она опустилась на колени перед Джарлаксом и взяла его ногу в руки, чтобы лучше рассмотреть явно недавние порезы. – Возможно, *Ильхар*. Она сделала паузу, произнося множество итераций, затем улыбнулась, кивнула и объявила: – *Ильхар, делхарил, аутна*.

– Может быть, – признал Громф.

– Мать, дочь, внучка, – перевел Реджис. – Но что это может означать?

– Это обычное высказывание на молитвах, – сказала Даб'ней. – Преемственность матриархата дреу, требование Ллос.

– Джарлакс теперь молится Ллос? – спросил Бренор, фыркнув.

– Ивоннель, Квентл, Ивоннель, – сказал Громф, глядя на Киммуриэля.

– Что это значит? – спросил Бренор.

– Что общего у этих троих, кроме семейных уз, отмеченных на ступне? – спросил Громф.

– Воспоминания, – ответил Джарлакс, и он тоже посмотрел на Киммуриэля, который помог Квентл и младшей Ивоннель разобраться в воспоминаниях Ивоннель Вечной.

Даб'ней отошла в сторону, когда Киммуриэль занял ее место и усадил Джарлакса в кресло.

– Дайте нам немного уединения, – сказал он остальным.

– Я никуда не уйду, – сказал Бренор.

– Не сейчас. – Киммуриэль посмотрел на него, но спорить не стал, особенно потому, что никто из остальных, казалось, тоже не собирался двигаться к выходу.

– Просто молчи. – Он сосредоточился на Джарлаксе. – Впусти меня.

– Пожалуйста, сделай это, – ответил Джарлакс и поднял свою волшебную повязку на глазу.

Киммуриэль закрыл глаза и поднял руку, чтобы слегка коснуться пальцами лба Джарлакса. Всего за несколько ударов сердца сознание Киммуриэля оказалось в разуме Джарлакса, видя каждую его мысль, перебирая воспоминания.

Вскоре стало совершенно не важно, громко или тихо было в комнате вокруг ментально соединенных друу, поскольку они полностью обратились внутрь мыслей Джарлакса. Для Киммуриэля, складки и синапсы мозга Джарлакса превратились в набор строительных блоков различной формы, которые он мог соединять и перестраивать по разным направлениям. Он мог визуальнo отделить недавние воспоминания Джарлакса – те, что возникли с момента пробуждения под навесом, где Киммуриэль его нашел, – от более отдаленных, таких как лавина, о которой Джарлакс упоминал несколько раз.

Киммуриэль ясно увидел эту лавину. Он почувствовал, что скользит по ледяной впадине вниз по склону заснеженной горы. Он услышал и почувствовал грохот стремительно несущегося снега, приближающегося сзади. Он видел, как далеко впереди Кэтти-бри сорвалась с уступа, а затем наблюдал, как Энтрери постигла та же участь.

Он подумал, так же, как и Джарлакс, что легко выберется из ситуации: применит левитацию и поднимется над выступом.

Киммуриэль почувствовал, что парит. Он увидел, как Знафейн поднимается рядом с ним, и с ужасом наблюдал, как огромная волна снега, тонны белого порошка, обрушивается на уступ, падает на Энтрери и Кэтти-бри, погребая их там, где они лежали.

Разворачивающиеся события превратились из ярко-белых в ослепляюще белый, солнце на снегу, в ночное небо с полярным сиянием, очнувшись под уступом – но не тем уступом, с которого упали Кэтти-бри и Энтрери – на продуваемом ветром выступе скалы, окруженный глубокими снегами в горной долине.

Киммуриэль в ярости отступил назад, ища какой-нибудь образ, какую-нибудь вспышку воспоминания между этими двумя событиями.

Но нет. Каждый раз, когда он пытался пойти назад по следу от этого выступления, он наткнулся на воспоминание о лавине, похоронившей его друзей.

Киммуриэль разорвал связь и отступил от Джарлакса, несколько раз моргая в замешательстве. Он не был уверен, как долго он исследовал лабиринт разума Джарлакса, но по расположению и выражениям лиц других людей в комнате понял, что «ушел» от них на некоторое время.

– Что ты узнал, эльф? – спросил Бренор Джарлакса.

Киммуриэль повернулся, чтобы посмотреть на Джарлакса, который сидел, моргая, в такой же растерянности, как и раньше.

– Ничего не вышло, – сказал Джарлакс, или спросил, или что-то среднее, переводя взгляд с Бренора на Киммуриэля несколько раз.

– А ты что узнал? – спросил Джарлакс у Киммуриэля несколько мгновений спустя. – Расскажи мне, что со мной случилось.

Киммуриэль долгое время пересказывал события, которые он обнаружил, пытаясь найти во всем этом какой-то смысл, и более того, пытаясь выяснить, как он может передать реальность, и ограниченность того, что видел. Он поднялся со стула

и оглядел остальных в комнате, все они пристально смотрели на него, отчаянно needing в ответах.

Как же объяснить?

– Представьте память как длинную веревку, – сказал он им после долгой паузы. – Это очень упрощенно, потому что все, что вы видите, все, что вы слышите, все, что чувствуете, создает побочные пути, боковые отрезки веревки, которые связываются с предыдущим опытом или воображением. Но сейчас я прошу вас думать о памяти, даже о ваших собственных воспоминаниях, как об одной веревке, удлиняющейся с каждым мгновением.

– Очень хорошо, – подсказала Даб'ней всем встревоженным и озадаченным зрителям.

– То, что сделали с Джарлаксом, не похоже ни на что, с чем я когда-либо сталкивался, – объяснил Киммуриэль. – Это не похоже на типичные трюки с памятью, на заклинания забвения, которые могут использовать жрецы, волшебники или даже иллитиды. Это больше похоже на то, как если бы кто-то вырезал кусочек памяти Джарлакса, взял отрезок прямо из веревки, а затем сшил начальную и конечную точки вместе, плавно, идеально, совместив память с двумя точками реальности, разделенными месяцами времени.

– Ну, мы это понимаем, – сказал Бренор. – Ты сам делаешь такое.

– Нет, ты *не понимаешь*, добрый дворф, – сказал Киммуриэль. – Ты не можешь знать, потому что я никогда не видел ничего даже отдаленно похожего на это. Джарлакс и остальные приземлились через портал Громфа на склоне горы, покрытой белым одеялом, глубоко в снегу. Они были застигнуты врасплох тем, насколько было холодно – Кэтти-бри и Энтрери замерзли.

Он посмотрел на Джарлакса, который пожал плечами, затем кивнул.

– Зак упомянул, что было так, как будто сидишь в пасти белого дракона, – добавил Джарлакс. – Так и было, пока он не надел ботинки, которые, как и мои, защищали от холода. У Кэтти-бри были заклинания, чтобы защитить себя и Энтрери, и я дал им магические кольца, чтобы продолжить защиту, когда ее чары иссякнут.

– Это был очень медленный путь в глубоких снегах, и гора начала дрожать, – вставил Киммуриэль. – Кэтти-бри поняла, что становится очень опасно, поэтому использовала магию и вызвала огненный шар, чтобы создать ледяную горку и скатиться с горы.

– Но не вовремя, – сказал Джарлакс, втягивая воздух, когда закончил, поскольку те ужасные последние мгновения выкристаллизовались в его мыслях. – Она соскользнула вниз, потом мы последовали за ней, но лавина преследовала нас. Кэтти-бри перевалилась через хребет, Энтрери тоже...

– А Джарлакс спасся, как и Закнафейн, с помощью левитации дроу, – добавил Киммуриэль. – Скользящий снег прошел по тому же самому выступу, чтобы похоронить двух людей.

Бренор вскрикнул, и Киммуриэль остановился.

– Что потом? – потребовал Вульфгар, вскакивая со своего места.

– Джарлакс, где я его нашел, был далеко от этого места, как по расстоянию, так и по времени.

– Но что произошло потом? – сердито спросил огромный мужчина.

– Это длина веревки памяти, которая была удалена, – сказал Киммуриэль. – С того момента, как они парили в воздухе рядом с Знафейном, а двое друзей погребены в снегу под ними, до того момента, как он очнулся там, где я его нашел.

– Моя девочка пропала? – спросил Бренор, его голос был слабее, чем Киммуриэль когда-либо слышал от буйного дворфа.

Он, казалось, растаял в своем кресле, когда произнес это, все его тело поникло, обмякло, сжалось, глаза стали пустыми и безжизненными.

– Мы этого не знаем! – сказал Джарлак.

– Ты сам это знаешь, эльф! – крикнул Пвент.

– Думай!

– Я использую на тебе свой кулон, – предложил Реджис.

– Остановитесь! – Киммуриэль сказал им, и когда все успокоились, он продолжил. – Джарлак не может пробиться сквозь то, что было сделано с его разумом. Там ничего нет. Длина была удалена. Зачарованный рубин ничего не сделает. Ни заклинания Даб'ней или Громфа не повлияют на полное стирание памяти. В его воспоминаниях Джарлак просто не существовал в течение нескольких месяцев между моментами, которые мы только что рассказали вам.

– Тогда моя девочка пропала, – снова сказал Бренор.

– Должен быть способ, – возразил Громф. – Всегда есть выход!

Киммуриэль встретился взглядом с Пенелопой и понял, что женщина думает о том же, что и он. Она молчала, но выражение ее лица умоляло: «Отведи Аззудонну в разум улья».

Часть 3

Неизбежное

Когда я делаю паузу и обдумываю недавние откровения об основании Мензоберранзана, меня глубоко поражает мысль о том, что восприятие формирует мораль в той же степени, что и объективная истина. С одной стороны, это оскорбляет ту часть меня, которая требует логики и фактов, но с другой стороны, несмотря на все мои жалобы, я нахожу это наблюдение неоспоримым.

Я не знаю –не могу знать –какая версия Мензоберранзана реальна: та, которой меня учили в Академии, в которой Ллос около четырех тысячелетий назад спасает своих детей, или та, которую открывают воспоминания Ивоннель, считающей, что городу всего лишь половина этого возраста, и утверждающей, что его создание основано на самых высоких требованиях эгалитарной справедливости –более того, даже убеждениях, которых придерживаюсь и я, когда коллективное сознание и совесть направляют политику и этот мир становится более справедливым и честным.

Я не могу знать, какая из версий правдива, и меня поражает осознание того, что у меня нет никакой возможности проверить возраст самых древних зданий и

артефактов города, в котором я родился, или были ли выдолблены сталагмиты и сталактиты дроу, которые поселились там, или предшествовавшей им культурой.

Я не могу знать! И в этом неизбежная «правда» истории: в конце концов, это – история, и она вполне может измениться под воздействием новой информации.

Тем не менее, известие о событии, разыгравшемся на поле за пределами Гаунтлгрима, о магической паутине, развеявшей проклятие измученных драуков, и, что более важно, об источнике этой паутины, вселило в меня великую надежду, ибо я знаю, в какую версию хочу верить, и потому выбираю ее. И какой истории я буду придерживаться в дальнейшем, ибо рассказ Ивоннель подтверждает то, что я знаю в своем сердце как истину.

Это сделала Ллос. Это всегда было делом рук бесчестной Ллос.

Но как же тогда быть с теми, кто шел рядом с ней, с ее учениками и матронами? Я не могу поверить, что они были с ней только ради власти и богатства, которые предлагала им Ллос, потому что, если бы это было так, власть Паучьей Королевы не продержалась бы столько веков. Нет, они поверили ее лжи, я уверен. Они верили в ее путь и наставления, и поэтому считали себя правыми, тем более что вера в свою правоту, принесла им то, чего они желали.

Нет никого опаснее злодея, возмнившего себя благородным, и нет никого убежденнее и убедительнее, чем обращенный ученик. Ни один шанс обратить в свою веру не будет упущен, ни одна проповедь не будет произнесена ровным тоном, ни один намек на сомнение никогда не будет пропущен.

Мензоберранзан –небольшое место в грандиозной схеме Фазруна. Пещера не достигает и десяти миль в поперечнике в любом из направлений, и поблизости нет ни городов, ни авторитетных культур, ни каких-либо источников, где дроу, живущие в этой пещере, могли бы почерпнуть информацию, правду, которая направляла бы их повседневные действия. И поэтому нескольким избранным приспешникам Паучьей Королевы... – в данном случае, матронам и могущественным жрицам –легко контролировать историю, которую преподают каждому дроу.

Некоторые, конечно, знают лучше. Семья Киммуриэля ищет правду в улье иллитидов, а волшебник с силой Громфа может странствовать по планам в поисках ответов. Но у большинства дроу Мензоберранзана нет таких ресурсов, и поэтому обычно они верят в то, чему их учат.

Они просто знают то, что знают. Сомневаюсь, что я единственный, чья совесть требовала подвергнуть сомнению эти общепринятые истины. Конечно, я знаю, что я не единственный, но я сомневаюсь, что даже те немногие, о ком я знаю –Закнафейн, Киммуриэль, Джарлак, Даб'ней –редкие исключения. Но, опять же, я должен напомнить себе, что Мензоберранзан –не такое уж большое место.

Как и Чед Насад или другие немногочисленные города дроу в Подземье. В этих местах подобные еретические мысли опасны и влекут за собой самые ужасные последствия, какие только можно представить. Поэтому, хотя многие и не высказываются, я уверен, что я не единственный дроу, который чувствовал себя совершенно одиноким и беспомощным в своих еретических представлениях.

Между обманывающими и обманутыми есть огромная разница. Ллос, конечно, королева обмана, но ее подручные не менее виновны. И те дроу, которые выполняли и продолжают выполнять ее требования из соображений самовозвеличивания или

обогащения, не лучше. Это обманщики, и «зло» –единственное слово, которое я могу для них использовать.

Интересно, сколько среди них обманутых? Сколько из них верят в дело Ллос, потому что попали под эти чары, вероятно, с самого рождения, и поэтому верят в благородство своего пути? Разве это зло –убить человека, эльфа, дворфа, если ты искренне веришь, что эти народы –враги, смертельные и неисправимые враги, которые убьют всех и каждого, кого ты любишь, если ты остановишь свой клинок?

Если бы я убил Артемиса Энтрери в одной из наших ранних встреч, если преследовал бы его, пока не нашел способа покончить с ним, было бы это злым поступком? Если бы я верил, что он будет напрасно убивать невиновных, и если я убил бы его, я был бы злом, или был бы большим злом, если оставил его в живых и тем самым обрек на смерть других невинных людей?

Когда ты дроу в Мензоберранзане и попадаешь под чары Ллос, все, кто не дроу, считаются той опасной версией Артемиса Энтрери, которая, как я боялся, окажется правдой.

Такова задача в грядущей борьбе за сердце и душу Мензоберранзана: отделить обманщиков от обманутых и убедить обманутых в том, что правда не та, которой их учили, и что есть лучший путь – более мягкий, более процветающий и нравственный.

Это непростая задача. В большинстве случаев, когда человек убежден в истине, никакие доказательства не смогут разубедить его, и я обнаружил, к своему ужасу, что сам акт представления противоположных доказательств часто толкает человека еще глубже в его убеждения!

Да, это – вызов, и в предстоящей борьбе мы либо убедим их, либо убьем их, либо они убьют нас.

Я уверен, что Леди Ллос в любом случае насладится зрелищем.

Пока все не закончится, говорю я, ибо сторона правды победит, и тогда Ллос больше не будет желанной в сердцах дроу.

Такова моя клятва.

- Дзирт До'Урден

Глава 20

Вне карты истории

– Там не Мать Жиндия, – сказала Первая жрица Таайрул Армго своей матери и Верховной Матери Мез'Баррис.

Высокая Мать Второго Дома казалась еще выше, когда она свирепо смотрела со своего возвышающегося трона на Таайрул.

– Я недвусмысленно сказала Матери Жиндии прийти сюда. Только не говори мне, что она послала вместо себя эту хныкающую Кьернилл Кенафин.

– Нет, Верховная Мать, там вовсе не жрица, – объяснила Таайрул. Она повернулась к двери и кивнула часовому, чтобы тот открыл ее.

Вошла пара красивых женщин-дроу, высоких и сильных, одетых в скромную одежду, и шагавших с уверенностью, которую не мог не заметить или отвергнуть ни один дроу эпицентра власти этого великого дома, включая Мать Мез'Баррис.

Когда они приблизились, Мез'Баррис узнала одну из них, и ее хмурый взгляд смягчился. Со стороны Жиндии не было оскорблением послать такого подчиненного говорить за нее.

– Эскавидне, – с уважением поприветствовала ее Мез'Баррис.

– Ах, ты помнишь меня, Великая Верховная Мать Мез'Баррис, – ответила служанка. – И узнаешь меня в этой меньшей форме. Для меня это большая честь.

– Я надеялась поговорить с Матерью Жиндией, – ответила Мать. – Похоже, она немного просчиталась в своих стремлениях к наступлению.

– Каким образом? – спросила другая служанка, Йеккардаря.

– Она удерживала Дом Фей-Бранч всего несколько часов и проиграла Дом Ханцрин за усилия, – сказала Мез'Баррис.

– Да, она не ожидала, что Бэнры так быстро осознают нападение на Дом Фей-Бранч, но это неважно, – сказала Эскавидне. – Она вывела Бэнров из норы, чтобы они показали свою силу.

– И теперь почти каждый дом в городе сжался в страхе перед этой силой, – сказала Мез'Баррис, вызвав неожиданный смешок у обеих служанок.

– Только потому, что Мать Жиндия не выступила против них полностью, как и Дом Баррисон Дель'Армго, – быстро ответила Йеккардаря.

– Ты ожидала, что я опустошу свой Дом, чтобы сразиться с Ивоннель и Богохульниками на территории по их выбору?

– О нет, Верховная Мать, это был бы ужасный шаг, – сказала Эскавидне. – И лучше, чтобы все разыгралось без такого исхода. Теперь, если мы будем умны, то сможем лучше судить об отношении городских зевак. Какие дома открыто встанут на сторону Бэнр? Какие Матери станут протестовать против нападения на Дом Ханцрин на заседании Правящего Совета, которое ты созовешь?

– Которое я созову?

– Да. Верховная Мать Квентл будет рада услышать твою позицию по этим драматическим событиям – позицию, которую ты очень двусмысленно изложишь на этом заседании совета. Отметь реакцию остальных, и полюсов, возглавляемых Верховной Матерью Квентл и Верховной Матерью Жиндией. Очень тщательно взвесь слова Сос'Амπτу Бэнр.

– И это только половина информации, которую мы собираем, – добавила Йеккардаря. – Тысячи жителей Мензоберранзана не связаны с крупными домами, а почти половина из них вообще не имеют дома. Сейчас мы узнаем, как эти события влияют на них, особенно на сотни дроу, живущих в Браэринне.

– Мы ожидаем, что угнетенные увидят надежду в богохульстве Дома Бэнр и продолжающейся ереси, – объяснила Эскавидне.

– В конце концов, они – утратившие расположение леди Ллос, и поэтому наиболее уязвимы для корыстных обещаний перемен Верховной Матери.

– Тогда это будет проблемой, – ответила Мез'Баррис. – У Бэнров уже есть великая армия. Теперь две великие армии, когда Богохульники перешли на их сторону. К тому же, я могу добавить, эти бывшие драуки фанатичны в своей ненависти к Паучьей Королеве.

– Они будут учиться лучше, – вставила Йеккардаря, но Мез'Баррис просто продолжала говорить.

– И Верховная Мать Квентл имеет внушительное сборище волшебников Дома Ксорларрин – которые теперь так кошунственно называют себя Домом До'Урден – при полной их поддержке. Их следует сбросить в Клорифту!

– Такое уже случалось раньше, – промурлыкала Эскавидне.

– Если бездомные бродяги с Вонючих улиц примкнут к делу Бэнр, наши позиции окажутся действительно слабыми, – закончила Мез'Баррис.

– Большинство из них бездомные бродяги и они слабы умом, – объяснила Эскавидне. – Им напомним, что они так стремятся ниспровергнуть. Матери Жиндии сейчас здесь нет, потому что она усердно работает, следуя нашим указаниям, чтобы создать главные врата в Бездну. Она вызовет демонов, которые вступят в бой в ближайшие дни, чтобы напомнить более слабым домам и бездомным дроу об их надлежащей лояльности и сохранить давление на Бэнров.

– А пока что нам нужно от тебя терпение, – добавила Йеккардаря. – Мы хотим, чтобы ты почаще разговаривала с Матерью Миз'ри, чтобы убедиться, что она должным образом обращается с детьми Фей-Бранч, в то время как мы, с твоего согласия, будем напоминать Матери Биртин о ее преданности. Кроме того, держите свой союз в полной готовности, но тихо.

Мез'Баррис откинулась на спинку стула и несколько мгновений размышляла над этим, прежде чем спросить:

– Когда я должна потребовать созыва совета?

– Подожди пару дней, – ответил Эскавидне. – Давай лучше изучим Мензоберранзан. Пусть демоны сражаются за нас на Вонючих улицах, и посмотрим, какотреагируют Бэнры. Если они ничего не предпримут, их ложь об обществе, основанном не на воле Ллос, будет разоблачена. Если они выйдут сражаться, то с них возьмется плата, и они узнают, что страхи некоторых из их нетерпеливых воинов-Богохульников перевешивают их ненависть к нашей любимой богине.

– Проводи нас к Матери Биртин, – приказала Йеккардаря. – И Мать Мез'Баррис, будь мудра в этом. Держи своего порочного Мастера Оружия под рукой и в безопасности. Я могу заверить, что дочь Матери Биртин, и особенно ее внучка, вполне готовы отплатить Малагдорлу за его грубое обращение с Матерью Биртин.

Сбоку от трона Малагдорл издал низкое, кипящее рычание.

Обе служанки рассмеялись.

– Возможно, твоя гордость приведет тебя к победе над Минолин Фей Бэнр, Мастер Оружия, – сказала Йеккардаря жестокому воину. – Но имей в виду: Ивоннель будет делать с тобой вещи, которые ты не можешь даже начать понимать, и они не будут приятными.

Возможно, предупреждение было адресовано Малагдорлу, но Мез'Баррис внимательно слушала. Во всех расчетах, проходящих в ее голове относительно следующих шагов, относительно того, сможет ли она действительно создать

достаточно грозный союз, чтобы, наконец, избавиться от власти Дома Бэнр над титулом Первого Дома, единственное, что тревожило мечты Мез'Баррис, было это странное существо, рожденное для Мензоберранзана всего несколько лет назад, но теперь предстала как взрослая женщина-дроу, с намеком на сверхъестественные силы.

Услышать, как служанка так явно предупреждает Малагдорла не встречаться с Ивоннель, послужило суровым и мрачным напоминанием.

– Мать Биртин будет присутствовать на этом совете? – спросила Квентл гонца из Дома Баррисон Дель'Армго.

– Да, Верховная Мать. Так много всего произошло. Мать Мез'Баррис считает необходимым...

– А где Мать Биртин?

– Верховная Мать?

– Где она? Где Мать Дома Фей-Бранч?

Посланница несколько мгновений заикалась, а затем просто беспомощно покачала головой.

– Возвращайся к Матери Мез'Баррис и скажи ей, что да, Правящий Совет соберется через два дня, – приказала Квентл. – И скажи ей, что, если Матери Биртин Фей на нем не окажется, совет будет прерван. И если Мать Биртин Фей ранена, если с ней плохо обращались, тогда совет будет не более чем объявлением войны, и Мать Мез'Баррис почувствует на себе весь гнев Дома Бэнр и наших союзников.

Посланница несколько раз тупо кивнула.

– Уходи! – крикнула Квентл ей в лицо, и она чуть не упала, пытаясь выбраться из зала для аудиенций.

– Это было довольно резко, – сказала Ивоннель, когда женщина ушла.

– Слишком?

Ивоннель фыркнула.

– Минолин Фей вернула бы только голову гонца в качестве ответа. Вот это было бы слишком.

– Я согласна с твоим подходом, Верховная Мать, – вмешалась Миринеил. – И аплодирую твоей великой мудрости.

– Перестань хныкать, – сказала ей Квентл, но подмигнула дочери, чтобы сказать, что ценит поддержку.

– Мать Мез'Баррис знает, что грядет война, если она не порвет начисто с Домом Меларн, – сказала Минолин Фей. – Возможно, этот совет предоставит ей такую возможность. Ее дом почти не участвовал в нападении на Дом Фей-Бранч, поэтому она может более полно переложить вину на Мать Миз'ри, которая руководила нападением.

– Она не сделает этого, пока не будет уверена, что не сможет победить, – ответила Квентл. – Мез'Баррис внушительна и хитра, но она также голодна. Она знает, что это ее последний, лучший шанс. Если Ллос с ней, она может претендовать на титул Верховной Матери Мензоберранзана, считает она, и это то, чего она желала с тех пор, как стала во главе Барризон Дель'Армго.

– Так что же нам делать? – спросила Минолин Фей.

– Мы на не известной мне карте, – призналась Ивоннель. – Три войны домов за одну ночь, один дом полностью завоеван, другой завоеван, затем сдался, но без безопасного возвращения благородной семьи. Даже когда я копаюсь в воспоминаниях Ивоннель Вечной, это беспрецедентный уровень хаоса.

– Ллос, должно быть, довольна, – сухо сказала Минолин Фей, но все в этой комнате знали, что ее слова не были шуткой.

– В городе тихо, тишина хищника, – сказала Квентл.

– Слишком тихо. Я боюсь, что нам следовало быстрее уходить из Дома Фей-Бранч.

– В Дом Миззрим? – спросила Минолин Фей.

– Меларн, – ответила Квентл. – Прямоком к Жиндии и ее фанатикам. – Она посмотрела на Мать Шакти Ханцрин и Чарри, которые тихо стояли в стороне. – И я уверяю вас, что, когда мы отправимся навестить Жиндию Меларн, мы не будем так милосердны, как с Домом Ханцрин.

Мать Шакти шевельнулась, словно собираясь что-то сказать, но сдержалась и опустила взгляд в пол.

– Ты хочешь знать о своей судьбе, – сказала Квентл.

– Да, Верховная Мать, – тихо ответила заключенная надзирательница.

– Ты жива, – сказала Ивоннель. – Крепись, Мать, ибо грядущая война охватит весь город, за исключением одного дома.

Шакти подняла глаза, и они с Чарри перевели взгляд с одной Бэнр на другую.

– Ты, твоя семья и все дроу Дома Ханцрин выбыли из борьбы, – объяснила Квентл. – Хотя и потеряете многих гоблинов и квагготов, так как они будут сражаться за Дом Бэнр, в противном случае они будут преданы мечу. Но вы вне этого и вам ничего не угрожает. И если наши враги победят, то, без сомнения, вы найдете великое процветание для Дома Ханцрин в будущем.

– А если Дом Бэнр победит?

– Когда, – поправила Минолин Фей.

– Тогда нам с тобой будет о чем поговорить, – сказала Квентл. Она сделала знак охранникам. – Отведите их в покои. Там за вами будут пристально наблюдать, мои любезные гости-Ханцрины. И я очень надеюсь, что вы понимаете пределы нашего милосердия. Если вы попытаетесь сбежать, или кто-нибудь из вас произнесет хоть одно заклинание, или кто-нибудь из вас помолится Ллос в стенах Дома Бэнр, вы очень сильно пожалеете об этом.

Когда они ушли, четыре жрицы Бэнр остались одни в зале для аудиенций.

– Будем ли мы ждать созыва Правящего совета? – спросила Минолин Фей. – Без сомнения, Мать Жиндия замышляет заговор.

– Раньше я бы привела орду демонов и отправила их танцевать на улицах перед Домами Меларн, Миззрим и Баррисон Дель'Армго, – сказала Квентл.

– Сомневаюсь, что мы когда-нибудь снова пойдем по этому пути, – сказала Ивоннель.

– Давайте помолимся, чтобы этого не произошло.

Затем Квентл направила дискуссию на предстоящий Правящий Совет и роли, которые она и Мать Зирит будут играть. Больше всего Квентл беспокоил саботаж,

который могла предпринять Сос'Ампу, и впервые она искренне пожалела, что отдала женщине девятое место... и позволила ей сохранить его. После битвы в Доме До'Урден, особенно теперь, когда она была уверена, что отступление было организовано задолго до самого сражения, она более четко поняла, на чьей стороне будет ее сестра. Она надеялась, что Сос'Ампу выйдет из войны, но теперь она поняла, что этому не суждено случиться.

– Сос'Ампу заявила о нейтралитете, предлагая убежище нападавшим на Дом До'Урден, – сказала Квентл остальным. – Но я так же хорошо знаю свою дорогую сестру. Ее мир – это Ллос, и только Ллос. У нее нет амбиций, кроме ее веры. Такая пустая трата жизни.

– Тогда, возможно, нам следует нанести ей визит в Храм Куарвелшаресс до созыва совета, – предложила Ивоннель.

– Я думала о том же.

– Но я боюсь последствий этого, – призналась Ивоннель. – Напасть на Мать и ее дом – это одно, особенно когда это делается в отместку. Нападение на Храм будет почти таким же большим богохульством, как паутина, которую мы сплели, чтобы украсть драуков.

– Тогда, возможно, нам следует навестить ее просто как обеспокоенная семья, – сказала Квентл. – Чтобы успокоить ее.

– Когда это будет сделано, и мы завоюем город и избавимся от Паучьей Королевы, что Верховная Мать Квентл сделает с Храмом? – спросила Миринеил.

Квентл с любопытством посмотрела на дочь, удивленная вопросом и спрашивающей.

– Ты сотрешь его или преобразуешь, – ответила Миринеил на свой собственный вопрос. – Возможно, для поклонения другой богине, возможно, сделаешь его просто местом медитации, как с часовней Бэнр. Ты не можешь позволить такому центру преданности Паучьей Королеве пережить войну.

– Ты видишь? – сказала Квентл Ивоннель. – Теперь ты понимаешь, почему я впускаю эту умницу в наши совещания.

– Умна, да, – сказала Миринеил. – И Сос'Ампу тоже.

Квентл согласилась с этим и отказалась от своего плана отправиться к Сос'Ампу, и кивнула, не в силах опровергнуть это.

– Но мне не нравится эта тишина, – сказала Квентл после минутного молчания. – Жиндия Меларн не ждет совета. Она уязвлена, и сильно, и знает, что теперь необходимых ей союзников стало на одного меньше. Если Мать Мез'Баррис потеряет еще больше веры в Жиндию, ее шансы победить нас исчезнут.

– Если только она не найдет другую армию, – сказала Ивоннель. – Ллос и раньше давала ей ретриверов и драуков. Ллос также дала ей армию демонов на поверхности.

– И Жиндия все растратила, – сказала Квентл.

– Да, но если Ллос думает, что Жиндия – ее единственный способ удержать Мензоберранзан... – сказала Ивоннель, позволив мрачной мысли повиснуть между ними.

Конечно же, позже в тот же день пришло известие, что рой демонов-хазмов летел вокруг высоких сталактитов Мензоберранзана, в то время как другие

демонические существа бродили по улицам Браэрина, терроризируя бездомных бродяг.

Вскоре после этого ударные группы Богохульства проскользнули по туннелям из Дома Бэнр, направляясь на битву на Улицах Вони.

– Это вроки, – сказала Воселли своему отряду из тридцати дроу, включая Дайниннэ и Алеандру. – Их семеро, с по меньшей мере двумя десятками манов и другими низшими демонами в поддержке.

– За ними сверху наблюдает полдюжины хазмов, – сообщил другой воин-богохульник. – Я бы хотел, чтобы у нас было больше волшебников.

Воселли покачала головой.

– Нет, это демоны грубой силы, устойчивые к заклинаниям, и с ними лучше всего бороться мечом.

– Мы все их хорошо знаем, – напомнила Алеандра ударной группе. – Сколько веков мы провели сражаясь с ними?

Все остальные воины кивнули в ответ.

Воселли отправила десять лучших метателей копья на крыши этого ветхого переулка в Браэрине. Затем она разделила оставшийся отряд пополам, отделяя наиболее быстрых от сильных.

– Ты возглавишь отряд, – проинструктировала она Дайниннэ. – Ваше внимание должно быть сосредоточено на манах и только на манах. Вроков, которые нападут на вас, атакуйте только мимоходом, потому что маны превосходят нас численностью более чем в четыре раза. Мой отряд уничтожит вроков, в то время как ты будешь сдерживать низших демонов.

– Ты хочешь, чтобы мы заставляли манов метаться и сокращали их ряды, – подтвердил Дайниннэ.

– По мере того, как будут падать вроки и хазмы, ты будешь получать подкрепления, – ответила Воселли.

– Мы разорвем манов на части, прежде чем ты доберешься до них, – с вызовом бросил Дайниннэ, и они обменялись злыми улыбками.

– Я хочу быть в группе Дайниннэ, – попросила Алеандра, удивив Воселли, потому что она всегда была близка с другим воином Амвас Тол. – Мне всегда нравилось убивать манов. Ты это знаешь. – Она подмигнула Воселли. – И я всегда был намного быстрее тебя.

– А я всегда была сильнее, – напомнила Воселли. – Очень хорошо.

Она заменила Алеандру другим воином из отряда Дайниннэ.

– Тогда ты возглавляешь этот отряд.

– Нет, нет, – отступила Алеандра, глядя на Дайниннэ. – Он ведет. Я с радостью последую за ним. Давайте посмотрим, есть ли в наших рядах еще один прекрасный тактик.

Три группы немедленно разошлись, метатели копья вскарабкались на доступные крыши. Дайниннэ повел свою команду в обход ближайшего здания по узкому переулку, чтобы приблизиться к силам демонов, а Воселли и ее воины

остались на месте, готовые выпрыгнуть и встретить врагов, которые стояли перед силами демонов впереди.

По улице раздались крики, когда орда демонов приблизилась к их позиции. Несколько дроу пробежали мимо переулка, где притаились Воселли и ее группа.

– Они больше заинтересованы в запугивании, чем в убийстве, – сообщили пальцы Воселли товарищам. *– Мать Жиндия хочет, чтобы бездомные негодяи боялись присоединиться к Дому Бэнр.*

По большей части, это было правдой. Но, в конце концов, это были демоны, и больше чем несколько дроу были вытащены из своих домов или переулков, которые они называли домом, и разорваны на части. Большая группа выбежала из таверны, разбегаясь во все стороны, и крики внутри давали понять, что не все выбрались наружу.

Воселли выхватила короткое копье и меч. Развернувшаяся сцена разозлила ее больше, чем она ожидала.

В этот момент древняя дроу из другого времени поняла, что ею двигало нечто большее, чем ненависть к Ллос.

Ибо, отвергая Паучью Королеву, она находила что-то еще, что-то более важное, и что-то, что было похоронено еще до того, как превратилась в драку: ее собственное чувство добра и зла.

Группа Дайниннэ молча притаилась в тени переулка. Пока враки бродили по улице, неуклюжие зомби-подобные демоны маны пытались не отставать.

– Сперва в бой вступает Воселли, – сверкнули пальцы Дайниннэ, приказ эхом разнесся по отряду.

Однако этому не суждено было сбыться, потому что не успели десять Богохульников кивнуть в знак согласия, как из-за угла переулка выскочила женщина. Она бежала и отчаянно кричала, а врак преследовал ее по пятам.

Дайниннэ выскочил из укрытия, как только женщина пронеслась мимо него, его меч и кинжал быстро скрестились, заставив врака широко раскинуть руки, и отбросил удивленного демона на пятки, или его цевку, или как там еще называют заднюю часть птичьей ноги демона-врака.

Он надеялся быстро свести клинки, чтобы нанести удар до того, как врак придет в себя, но у демона было еще одно оружие наготове. Его голова метнулась вперед, клюнув Дайниннэ в голову своим огромным и мощным клювом.

У Дайниннэ не было другого выбора, кроме как упасть назад. Он держал ноги широко расставленными и согнутыми в коленях, падая прямо назад, слегка выгибаясь в талии, чтобы его задняя часть спины поглотила удар. Он хотел было отскочить назад, но удержался и моргнул, когда копье Алеандры, вонзилось над ним, ударив врака прямо в грудь.

Демон взвизгнул и упал назад, и в то же мгновение Дайниннэ почувствовал, как под его плечо подставили ногу. С помощью толчка Алеандры он быстро поднялся и прыгнул вперед.

На шум драки в переулок свернули маны, и союзники Дайниннэ бросились им на перехват.

Копье Алеандры все еще торчало в груди врока, так что Дайниннэ использовал его в своих интересах. Он выхватил меч, чтобы отвлечь внимание, но вонзил рукоять своего кинжала в наконечник копья.

Брок взвизгнул и зашатался, и Дайниннэ, не теряя времени, двинулся вперед, перебрасывая оружие в противоположные руки и зашел чуть правее вибрирующего древка копья. Он вонзил меч прямо перед плечом врока, и когда левая рука демона взметнулась, чтобы блокировать удар, Дайниннэ перекатился под нее, но держал руку с мечом перед ней, когда поворачивался, и удерживал свою руку с клинком между рукой и шеей врока. Однако это было наименьшей из проблем демона, потому что, когда он повернулся к демону спиной, Дайниннэ перевел свой кинжал в обратный захват и нанес несколько ударов прекрасным лезвием Бэнр в лопатки и заднюю часть шеи врока.

Он полностью контролировал существо, используя свою скорость, чтобы опередить его, пока оно пыталось повернуться к нему лицом.

Во всяком случае, ему это не удалось, потому что Алеандра схватила копье, вонзила, повернула, а затем грубо вырвала его.

Брок закричал, или попытался закричать, потому что не успел он открыть свой огромный клюв, как копье Алеандры вошло ему прямо в пасть с такой силой, что наконечник вылетел из затылка демона.

Дайниннэ быстро высвободился и бросился в прыжке, приземлившись прямо перед маном и разрубив его на части, прежде чем он полностью опустил ноги на землю.

Он взглянул на Алеандру, чтобы выразить благодарность и убедиться, что она контролирует ситуацию, и она ответила ему, дернув копье назад и в сторону с такой силой, что врок отлетел к стене переулка. Он рухнул на землю, погружаясь в смерть и уже дымясь, когда его материальная форма растаяла, отправляя тварь обратно в Бездну.

Однако прежде, чем это произошло, злобная Алеандра спокойно прыгнула, поставила ногу на шею умирающего демона и вырвала свое копье.

Бок о бок они вышли из переулка к манам, двое самозабвенно рубили низших демонов и с каждым падающим монстром выкрикивали номер своего убийства.

Весь отряд превратился в клубок убийств, продирающийся и раздирающий гуманоидных, похожих на зомби демонов на части.

– Вниз! – крикнул Дайниннэ некоторое время спустя, прежде чем группа успела соединиться с отрядом Воселли.

Опытные воины-богохульники вняли этому призыву и низко пригнулись. Подняв глаза, они увидели ныряющего демона бездны, монстра, похожего на гигантскую муху с выпуклым и раздутым гуманоидным лицом.

Хазм пронесся низко, не попав в цель, и начал выбираться из дальней части переулка. Едва он поднялся над ближайшей крышей, как оттуда вылетело зазубренное копье, за которым тянулась цепь.

Хазм не успел затормозить до того, как цепь заиграла, и шокирующий толчок закрепленной цепи заставил его упасть вниз.

Где Дайниннэ и Алеандра налетели на него и разорвали на куски.

Битва закончилась в считанные мгновения, демоны рассеялись, и, следуя приказам, данным им Ивоннель, Воселли быстро повела свою ударную группу через весь город, вплоть до Западной стены и Дома До'Урден, где они должны были служить Матери Зирит в обеспечении безопасности комплекса.

Глава 21

Спасательный трос

– Мне нужно больше демонов, – требовала Мать Жиндия у двух служанок. Из Браэрина пришло известие, что многих призванных чудовищ довольно жестко отправили домой, а их материальные формы уничтожили. – Великих демонов.

– Демоны, которые могут призывать других демонов? – спросила Эскавидне.

– Да!

– Многие из них изгнаны, моя дорогая Мать Жиндия, – напомнила ей Йерккардаря. – Вспомни, что сотни были уничтожены и, таким образом, изгнаны на столетие с Материального Плана на твоей войне на Поверхности, и еще сотни, включая самого Демогоргона, в боях здесь, на улицах Мензоберранзана всего несколько лет назад. Ты должна понимать, что осталось мало желающих вступить в эту войну и разделить ту же участь. Демоны предпочитают приходить и уходить и по менее амбициозным причинам.

– Я сражаюсь за саму власть леди Ллос здесь, в Мензоберранзане! – отрезала Мать.

– Это борьба, в которой прежде всего дроу сражаются против дроу, – сказала Эскавидне.

– Открывай ворота на нижние уровни, как планируешь, – сказала Йерккардаря. – Могу заверить тебя, что на твой призыв откликнутся величайшие изверги, с такой же силой, что и вроки, возможно, несколько глабрезу.

– Да, сестра, глабрезу всегда любят подраться, – согласилась Эскавидне.

– Но их будет не так много, их число сильно сократилось из-за двух событий, о которых я упомянула. Достаточно, чтобы причинить боль, но не более того. Однако, дорогая Мать Жиндия, твоя задача – не просто причинить боль. Демоны могут ранить твоих врагов, но они не убедят твоих скептиков.

– Моих скептиков? – грубо и оскорбительно фыркнула Жиндия. – Ты имеешь в виду скептиков Ллос. И их число несомненно сильно увеличилось после контратаки Дома Бэнр. Фей-Бранч оказался потерян для нас еще до того, как большинство в городе узнало, что мы его захватили, а Дом Ханцрин был одним из моих самых важных союзников.

– Их было двести из двадцати тысяч дроу, – упрекнула Йерккардаря. – И Шакти Ханцрин не заседает в Правящем совете.

– Их щупальца за пределами города... – начала Мать Жиндия.

– Эта битва происходит *внутри* города, – присоединилась Эскавидне, ее тон был столь же неодобрительным. – Ты, кажется, не совсем понимаешь это. Леди Ллос не

даст тебе ни ретриверов, ни драуков, ни любую другую армию демонов в этой борьбе. Это война не грубой силы, а идей. Война между слабостью ложной истины, которой сейчас руководствуется Дом Бэнр, против славы и могущества Паучьей Королевы и всего того, что она делала на протяжении веков, чтобы привести Мензоберранзан к таким высотам могущества и безопасности. Кто осмелится выступить против Города Пауков, Мать Жиндия? Кто осмелится бросить вызов верховному правлению Ллос? Что случилось с Домом Облодра, когда они попытались воспользоваться своим преимуществом в Смутное время? Что случилось с убийцами Жазред Чольссин, когда они выступили во время Молчания Ллос? Это было испытание, и дроу его прошли, и поэтому снова процветают.

– Ллос спасла правление Верховной Матери Квентл всего несколько лет назад. И теперь неблагодарная Квентл Бэнр использует дарованные богиней воспоминания Ивоннель Вечной, чтобы отречься от нее, – добавила Йерккардаря. – Это воспоминания подсказали ей, что демоны могут укрепить ее власть после первой катастрофы в Гаунтлгриме, когда дворфы Бренора прогнали Мать Зирит Ксорларрин. Ллос даровала Верховной Матери Квентл демонов. Но посмотри, как она отплатила славной Паучьей Королеве!

– Весь город участвовал в падении Демогоргона, – осмелилась напомнить Жиндия двум служанкам.

– Действительно, Ллос озарила ярчайшим светом верховную Мать Квентл и Ивоннель, которые помогали в уничтожить Демогоргона, – возразила Эскавидне. – Довольно этих разговоров, потому что теперь все это спорно. Мы оказались в этой ситуации, и из этой ситуации мы должны выйти. Ты избранный лидер, Мать Жиндия, так что отыщи этот путь. Тебе были даны великие дары, ретриверы и драуки, и ты потерпела неудачу. Не подведи снова.

– Твой выбор – я или Верховная Мать Квентл, – парировала Жиндия, но в ее голосе слышалась явная дрожь. – И она не получит вас! Она не получит Ллос!

– Тогда победи, – закончила Эскавидне. – Завоюй их сердца для Ллос, выиграй эту битву с Бэнр и завоюй свое законное место в Правящем Совете.

Две служанки повернулись друг к другу и захихикали, «странно», – подумала Жиндия, затем повернулись на каблуках и вышли из зала для аудиенций.

Жиндия откинулась на спинку трона и подставила руку под подбородок. Нервно потирая его и разговаривая сама с собой, она старалась не думать о потенциальных последствиях неудачи и пыталась найти неуловимый ответ.

Что она может сделать?

Дайниннэ низко присел и раскачивался взад-вперед. Он выставил перед собой меч в левой руке, а кинжал держал за бедром.

Воселли шагнула к нему, затем остановилась, но он не дрогнул, совсем не изменил позы.

Она сделала это снова, затем в третий раз, а на четвертый прыгнула.

Но Дайниннэ был готов, и переместился вперед и вправо, когда она приблизилась. Кинжал вылетел вперед, заставив ее парировать мечом и пытаться

уклониться назад и вправо – но недостаточно быстро, чтобы избежать удара меча Дайниннэ, и тренировочный клинок сильно врезался ей в ребра.

В ответ она нанесла нисходящий удар коротким копьем, и слегка задела голову меньшего дроу, когда он бросился назад и на пол, перекатился и поднялся на ноги.

– Я бы все равно достала тебя! – сказала женщина, объявив себя победительницей.

– А у тебя была бы дыра в груди, возможно, в сердце, – ответил Дайниннэ. Он медленно моргнул левым глазом и вытянул шею, пытаясь полностью прийти в себя. Она ударила его не сильно – по крайней мере, по ее меркам. Но даже такой удар был мощным. – Если ты устанешь от Дома Бэнр, я полагаю Мать Мез'Баррис примет тебя в качестве Мастера Оружия, – упрекнул он.

– Я была бы ранена, но ты был бы мертв, – прорычала Воселли.

– Так вот как ты хочешь бродить по полям сражений?

В стороне от тренировочной арены До'Урден Алеандра рассмеялась.

– Как ты узнал, что я выйду вперед на четвертом финте? – спросила Воселли.

– По сгибу твоего левого колена, – ответил Дайниннэ. Воселли посмотрела на Алеандру, но та лишь пожала плечами.

– Давай еще раз, – сказала Воселли.

Дайниннэ покачал головой.

– Достаточно. Если сегодня враги нападут на Дом До'Урден, мы все будем слишком утомлены, чтобы должным образом защищать это место.

Воселли фыркнула и уронила тренировочное оружие на пол арены. Она отошла в сторону, где Алеандра бросила ей полотенце. После быстрого обтирания она сбросила тренировочное снаряжение и оделась в свой более обычный наряд: красная блузка, юбка до колен и коричневые ботинки из кожи рофа. Дайниннэ и Алеандра также привели себя в порядок и оделись, и вскоре все трое покинули тренировочную арену До'Урден, двигаясь по коридорам к отведенным им казармам. Однако на одном перекрестке Дайниннэ повернул налево, в то время как двое других продолжили идти прямо.

– Куда ты идешь? – спросила Воселли.

– Я голоден, – ответил Дайниннэ. – Ты меня измотала, и у меня урчит в животе.

Воселли и Алеандра переглянулись и последовали за ним.

Они пробрались через подсобные помещения Дома До'Урден. Дайниннэ шел впереди, и непринужденно болтал с Воселли. Довольно скоро они почувствовали восхитительный аромат дымящихся ребрышек рофа.

Затем они вошли в нижнюю общую комнату комплекса и обнаружили там других богохульников. Вдоль одной из стен стояли подносы с разнообразной едой и полки с бутылками воды и вина.

Втроем они были в этой комнате лишь однажды, когда волшебник Равель показывал ударному отряду их помещения для проживания. В тот раз они вошли через дверь на другой стороне большой общей комнаты, которая вела в коридор и лестничный пролет обратно на подземный уровень комплекса.

Алеандре пришлось в голову, что Дайниннэ слишком легко нашел дорогу сюда. Ей пришлось бы вернуться на тот первый уровень, проложить путь через него, а затем спуститься по этой лестнице за противоположной дверью. Дайниннэ был с ней и

Воселли все несколько часов с тех пор, как они вошли в Дом До'Урден. Они не ходили по этим туннелям между ареной и нижним общим залом за все это время, или за время их короткого пребывания здесь перед засадой за несколько дней до этого.

Дайниннэ слишком хорошо знал дорогу.

Троица провела долгое время в общей комнате, беседуя, пока все больше и больше ударных групп Богохульства находили путь в Дом До'Урден после битвы с демонами на Вонючих улицах.

Они радовались победе и поднимали тосты за павших. Из трехсот бывших драуков, которых Квентл отправила отражать демонов, а затем вернувшихся в Дом До'Урден, почти две сотни были убиты, а еще более трех десятков пришлось отнести в лагерь До'Урден, чтобы за ними присматривали жрицы.

Однако, по всем меркам, кампания прошла успешно, сотни демонов были уничтожены, и настроение собравшихся было победным и гордым. До'Урдены явно относились к этому так же, посылая своим новым союзникам еду и питье и ничего, кроме добрых пожеланий. В какой-то момент сама Мать Зирит пришла в общий зал, чтобы лично поблагодарить великих воинов.

Алеандра не удивилась, когда Воселли и Дайниннэ, воодушевившись победой, решили уйти вместе, чтобы отпраздновать в более приватной обстановке.

– Если твоя игра так же хороша, как и твой спарринг, я ожидаю, что у Дайниннэ найдется для тебя несколько трюков, – поддразнила Алеандра, когда они поднялись, чтобы уйти. – И я знаю, что Воселли одолеет тебя, Дайниннэ. Она будет учиться у тебя, приспосабливаться, и ты окажешься на спине.

Он пожал плечами, улыбнулся и, казалось, не очень расстроился из-за прогноза.

Когда они ушли, Алеандра подумала о том, чтобы найти себе партнера для игр, но быстро отбросила эту мысль. Ее разум был в другом месте, ее мысли кружились относительно знакомства Дайниннэ с этим местом, и вместе с тем – беспокойства.

«Интересно, – подумала она, – куда отправились души падших богохульников в этот день?»

К Ллос? Чтобы их вернули в мерзость и наказали вдвойне за попытку сбежать от ее вечных мук?

Она поняла, что не ее одну посещают подобные мысли. Пламя вечеринки начало стихать: многие уходили, другие теряли сознание там, где сидели. Алеандра ходила вокруг тех, кто все еще стоял на ногах и общался, особенно прислушиваясь к разговорам, которые имели отношение к ее страхам.

Уже ходили слухи, что богохульники были схвачены и возвращены к своим восьминогим прежним «я».

Другие высказывали опасения – Алеандра слышала это еще на Поверхности – что магия, которая положила конец мучениям и вернула их в форму дроу, была их испытанием и ничем больше, последним испытанием, чтобы увидеть, смогут ли они искупить свою вину в глазах Паучьей Королевы.

– Они никогда не ходили в Браэрин, – услышала она слова одного из мужчин о паре членов одной из ударных групп, которые считались пропавшими без вести. – Они пошли прямо к Западной стене, но не к Дому До'Урден.

– Тогда куда? – спросил другой, явно заинтересованно наклонившись вперед.

Первый оглядел небольшую группу, убедившись, что все внимательно слушали, и ответил:

– В Храм Куарвелшаресс.

Это вызвало вздохи, и Алеандра постаралась подавить свой собственный.

– Они предложили себя обратно Ллос, – продолжил говорящий.

– Они снова драуки? – в ужасе спросила другая женщина.

– Нет! Разве ты не видишь? Они прошли испытание Ллос. Они прощены. Они не будут возвращены Проклятию Мерзости, ни здесь, ни в загробной жизни рядом с Ллос.

Последовали споры, и Алеандра отошла от группы. Ее собственные мысли противоречили этим тревожным возможностям, и ничего из сказанного в зарождающихся дебатах, не могло помочь ей разобраться в себе.

Она прошла через комнату, думая уйти и найти тихое место, чтобы отдохнуть, но в дверях ее встретила – вернее, врезалась – вошедшая женщина.

– Жрица Сарибель, – сказала она. – Мои извинения. Я не видела вас.

– Не нужно извиняться, – ответила молодая жрица. – Но, конечно же, ты выиграла это столкновение. Ты довольно грозная... – Она закончила фразу повышением тона, побуждая к вступлению.

– Я с самых ранних дней, – сказала ей Алеандра. – Алеандра Амвас Тол.

– Ах да, я видела тебя с Мал'а'восель. Я слышала, что в те времена воинами были в основном женщины.

Алеандра кивнула.

– Жрицы были редкостью, как и волшебницы. В то раннее время оборона Мензоберранзана в основном строилась на мече.

– Я хочу когда-нибудь посидеть с тобой и узнать все об этом, – сказала Сарибель. – О домах и структуре города. Обо всем.

– Вы Ксорларрин? – спросила Алеандра.

– Сейчас До'Урден, но да, я была... и есть Ксорларрин.

– Я не знаю вашего дома. Я ушла до того, как он был основан. Из всех домов, о которых я услышала в Мензоберранзане, я узнаю только два – Бэнр и Фей-Бранч.

– Похоже, дома приходят и уходят, – мрачно сказала жрица.

– Что с этим Домом? Есть ли До'Урдены среди бывших Ксорларринов?

– Нет, они были полностью истреблены много лет назад, – сказала Сарибель. – Ну, за исключением двух еретиков, Дзирта и Закнафейна, которые живут на Поверхности. Теперь это в основном Ксорларрины, хотя мы официально приняли и других в новую семью До'Урден, поскольку наши собственные ряды поредели в недавней битве. Возможно, ты станешь До'Урден, когда улягутся бои в городе. Верховная Мать Квентл в большом долгу перед Матерью Зирит, и отряд великих воинов прошлого был бы прекрасным проявлением благодарности.

– Но здесь нет живых До'Урденов? В городе?

– Нет. – Сарибель приподняла бровь и подозрительно наклонила голову. – Почему ты спрашиваешь?

– Я нахожу это увлекательным, – последовал быстрый ответ Алеандры. – Размышления о таких вещах среди живых дреу и недавней истории города

позволяют моему разуму отвлечься от воспоминаний о мерзости, а также от страхов перед предстоящими битвами и последствиями поражения.

Сарибель кивнула и изобразила на лице сочувствие и понимание. Она даже потянулась и похлопала Алеандру по плечу.

– Я хотела бы узнать гораздо больше об этом новом Мензоберранзане, – сказала Алеандра. – Об этом Доме. Можете ли вы рассказать мне их историю?

– Кое-что, но не много, – ответила Сарибель. – Кроме еретика... Хотя с возвращением Закнафейна в ряды живых, я полагаю, что точнее говорить о еретиках. Кроме Дзирта, а теперь и Закнафейна, я не знаю других До'Урденов. Они были уничтожены еще до моего рождения. Ну, есть истории о Матери Мэлис и ее ненасытной похоти, но это скорее развлечение, чем информация.

Алеандра кивнула и улыбнулась.

– Возможно, когда эти неприятности останутся в прошлом, я смогу устроить для тебя беседу с Матерью Зирит, – предложила Сарибель. – Или лучше, с Ивоннель.

– Ивоннель Бэнр?

– Да, она хранит воспоминания о каждой эпохе Мензоберранзана и знает все о взлете и падении Дома До'Урден. Я слышала, что ее тезка, от которой она почерпнула воспоминания, имела дело непосредственно с Матерью Мэлис. И эта юная Ивоннель провела много дней рядом с Дзиртом, как здесь, в битве с Демогоргоном, так и на Поверхности после той великой победы.

– Зачем ей разговаривать с таким ничтожеством, как я? – искренне спросила Алеандра.

– Она не Верховная Мать. И уж точно она не ведет себя так, как подобает Верховной Матери. Вовсе нет. Я думаю, ей будет интересно послушать и твои рассказы. Когда неприятности пройдут, и мы одержим победу, когда город приспособится к новой реальности, которую планируют для нас Бэнры, я поговорю с ней от твоего имени, Алеандра из Дома Амвас Тол.

– Моя благодарность, жрица, – поклонившись, сказала женщина-воин. – Вы слишком великодушны.

Сарибель улыбнулась и прошла мимо нее в комнату. Алеандра направилась к выходу, но остановилась, когда Сарибель окликнула ее.

– В одной из прихожих домашней часовни есть небольшая библиотека, – сказала она, как будто только что вспомнила об этом. – Там сохранилось множество томов со времен Дома До'Урден до его возрождения. Возможно, там даже есть один, написанный самой Матерью Мэлис.

– Могу ли я...

– Конечно, – сказала Сарибель. – Пойдем, я покажу тебе его.

– Но ваши дела здесь?

– Просто голод, – сказала Сарибель. – Я проведу тебя достаточно быстро и вернусь на свой пир.

Алеандра посетила часовню До'Урден только один раз, потому что довольно легко нашла ответы в книге, написанной жрицей, дочерью благородной семьи.

Она знала, что информация – это сила. Более того, в данное время она могла означать выживание.

На следующее утро она присоединилась к своим товарищам по ударной группе и продолжила свои дни, тренируясь, питаясь и учась. Она прислушивалась к каждому слуху, и слушала гораздо больше, чем говорила. Она не стала допытываться у Дайниннэ по поводу его очевидного знания этого места, потому что в этом не было необходимости. Больше нет.

В течение следующих нескольких дней их несколько раз отправляли из Дома До'Урден, теперь по три ударные группы за раз, чтобы завершить зачистку призванных Матерью Жиндией демонов, число которых быстро сокращалось.

Состоялось заседание Правящего совета, на котором присутствовала Мать Зирит. Но оно не привело ни к какому решению, и было завершено довольно рано, и, судя по слухам, исходившим от Сарибель, между Верховной Матерью Квентл и Сос'Амπτу Бэнр чуть не произошла драка.

Теперь, десять дней спустя, в городе было тихо, слишком тихо. Поступали сообщения о стычках в совершенно случайных местах, от Ку'илларз'орль до берегов озера Донигартен, от Улиц Вони до Паутины Ллос, где располагался Дом Меларн. В основном, сражения происходили в результате опосредованных боев, различные группы рабов принимали на себя основной урон, но было по крайней мере еще две подтвержденные стычки между небольшими группами дроу.

– Им это не нравится, – сказала Воселли собранию богохульников в Доме До'Урден после возвращения с аудиенции у Матери Зирит и знати До'Урден.

– Их терпение на исходе. Они боятся, что Мать Жиндия замышляет заговор, возможно, тайно вызывает демонов и прячет их где-то, пока не наберется достаточное их количество, чтобы использовать эту дьявольскую силу для нападения на Дом Бэнр – или, что более вероятно, для нападения на нас здесь, в Доме До'Урден. Мы должны быть начеку и раскрыть замысел Меларнов.

– Мы возвращаемся, – заметил один из членов команды.

– Меньшими группами и более короткими патрулями, но да, – подтвердила Воселли. – Наши союзники, занимающие Дом Ханцрин, будут патрулировать Истмир, Браэрин и весь путь до Донигартена. Дом Бэнр, разумеется, наблюдает за Ку'илларз'орль. Усиленный Дом Фей-Бранч патрулирует центральные районы города, а нам поручено охранять Северный Край и Западную стену, на всем пути от Брешской Крепости до Паутины Ллос и даже западные пути, за пределы собственно города.

– Значит, мы патрулируем вокруг Дома Меларн, – тихо сказал Дайниннэ Алеандре, которая кивнула и ответила:

– И Храма.

– Каждый отряд состоит из трех групп и будет патрулировать назначенные районы поочередно в три смены, – приказала Воселли. – Наши хозяева предоставят проводника, который хорошо знает каждый маршрут. Если вы столкнетесь с врагами, сражайтесь или бегите обратно в Дом До'Урден. На поле боя решаете вы, а не ваш проводник. Мы здесь больше для того, чтобы наблюдать и разведывать, но если есть возможность ужалить врага или захватить несколько пленников, делайте то, что богохульники делают лучше всего.

– Победа! – крикнул кто-то, и почти три сотни воинов подхватили этот клич.

Вскоре после этого они начали патрулирование, причем Воселли возглавила первую группу из своего ударного отряда, назначенную в районы вокруг Храма Куарвелшаресс. Когда они вернулись из патрулирования без происшествий, Алеандра повела второй патруль в ту же область, которая считалась самой важной по мнению Матери Зирит.

В этом был смысл. Если Мать Жиндия собирала демонов или открывала врата на нижние планы, то что может быть лучше, чем великая часовня, что в точном переводе означает «святилище богини»?

По возвращении Алеандра передала обязанности разведчика третьей группе, возглавляемой Дайниннэ. Так оно и продолжалось.

Прошла еще одна неделя. Возле Паутины Ллос произошла стычка с дроу из Дома Меларн, но без особых последствий. Более серьезная драка разгорелась в районе Брешской Крепости, когда большая группа рабов-кобольдов и гоблинов окружила патруль богохульников. Положение десяти дроу выглядело тревожным, пока Тсэбрэк Ксорларрин-До'Урден и несколько Мастеров не вышли из Магика и не заполонили переулки и закутки вокруг патруля дроу ядовитыми газами, уничтожив существ, убив большинство и обратив остальных в бегство. Впрочем, ни один из этих боев не был похож на преднамеренную засаду, скорее на невольное столкновение противоборствующих сил.

– Не поддавайтесь самодовольству! – Воселли каждое утро предупреждала богохульников, но по мере того, как тянулись дни, предупреждение было легче услышать, чем ему следовать.

Однажды ночью Алеандра повела свою команду к северу от края пропасти, называемой Вестрифт. Они быстро и осторожно прошли мимо длинного и узкого Дома Даскрин, Девятого Дома в городе, который не проявлял никаких признаков союза ни с одной из враждующих фракций. И все же осторожность была необходима, так их проинструктировали. Дом Даскрин должен был занять восьмое место, и для этого были сделаны все приготовления, но возвращение Дома Ксорларрин, получившего новую жизнь как Дом До'Урден, вытеснил Мать Бернит Даскрин с ее вожаемого места до того, как она успела его занять.

Таким образом, хотя Даскрин и не заключал никакого союза, о котором кто-либо знал, они были грозным Домом со значительной армией, и было разумно полагать, что сейчас они могли питать какие-то особенно дурные чувства к Дому До'Урден – и, следовательно, к Дому Бэнр.

Патруль двинулся прочь от Дома Даскрин на север. Вскоре показались украшенные навесы дверей в Храм Куарвелшаресс. Все было тихо. Они задержались ненадолго, не заметив никакого движения на многочисленных балконах святилища Сос'Амπτу, затем повернули назад и двинулись в обратный путь.

Алеандра впервые почувствовала неладное, когда заметила, как главный дроу в колонне быстро опустился на колени и нырнул за угол. Не медля ни секунды, она развела руки в стороны и приказала своим восьми соратникам рассредоточиться в поисках укрытия.

Через двадцать шагов от нее, крайний дроу поднял руки, чтобы подать сигнал, но вместо этого начал беспорядочно дергаться.

Стрелы из ручного арбалета!

«Вниз! Вниз! Строиться по трое!» – пальцы Алеандры начали мелькать ее отряду, и сама она быстро пригнулась, едва избежав стрелы, которая попала бы ей прямо в лицо. Она заползла за несколько сложенных штабелями бочек и попыталась подобрать крайнего дроу.

Но он лежал, вероятно, крепко уснул под действием яда.

– Где вы? – прошептала она невидимым врагам, а когда увидела их, пожалела, что спросила.

Вокруг здания, где пал ее проводник, собралась и бросилась в атаку дюжина дроу, включая волшебника, который осветил все вокруг молнией. Разряд разрушил забор недалеко от Алеандры и прогнал двоих из ее отряда из укрытия.

Алеандра вскочила и призвала к построению, и только тогда поняла, что на крышах тоже полно врагов.

Стрелы отскакивали от каменного пола пещеры. Один удар пришелся ей в грудь, но доспехи отразили его.

Другой вонзился ей в руку. Она сразу почувствовала яд и вырвала дротик, и могла только надеяться, что сможет устоять перед его усыпляющим действием.

Даскрины, подумала она – и ее опасения подтвердились, когда сверкнула вторая молния, на этот раз с юга, от стены комплекса Дома Даскрин. Она точно попала в воина-богохульника, заставив его корчиться и неудержимо трястись на земле.

Они не могли победить.

– Отступаем! – крикнула Алеандра. – В тени!

Она последовала своему совету и отступила обратно к Храму, сначала думая повернуть на север и бежать вдоль северной стены в надежде соединиться с патрулями наверху. Она понимала, что это отчаянная надежда, поскольку ее враги, вероятно, уже двигались прямо на север, чтобы отрезать этот путь.

Алеандра передумала, когда увидела, что еще один член ее отряда обогнал ее и побежал прямо к Храму.

– Убежище? – прошептала Алеандра, пытаясь разобраться в возможных вариантах.

У нее не было выбора.

Она вошла в туннели, пробираясь мимо боковых комнат, где жрицы молились и взывали в тревоге.

Одна дверь ничем не отличалась от другой – так она думала, пока не проломилась в одну из них и, таким образом, оказалась в главной часовне Храма Куарвелшаресс. Ее встретило множество жриц, стражников и снующих нефритовых пауков.

Она резко остановилась, выронила меч и короткое копье и подняла руки.

– Убежище! – объявила Алеандра.

В комнате стало очень тихо.

Легкий смех привлек внимание Алеандры к внушительной дроу. Сос'Ампу Бэнр.

Глава 22

Сломленный

Рядом с Сос'Ампу стоял огромный и смертельно опасный нефритовый паук. Он опускался и поднимался на своих восьми ногах и, казалось, жаждал убийства. Он навис над другим богохульником, который лежал на спине и поднял руки для защиты – что выглядело довольно жалко, поскольку мандибулы нефритового паука могли легко перекусить тощие конечности дроу.

– Убежище? – повторила Алеандра, на этот раз жалобно.

– Ты ожидаешь, что придешь в место Ллос и найдешь милость и убежище? – Сос'Ампу Бэнр спросила так, как будто эта идея была абсурдной.

– Ты предоставила убежище нападшим на Дом До'Урден, – сказала Алеандра.

Сос'Ампу рассмеялась.

– Я не делала ничего подобного. Не в моей власти выносить подобный приговор.

– В святилище нет места осуждению. Разве не в этом его назначение?

Могущественная Бэнр снова рассмеялась, насмехаясь над Алеандрой.

– Ты сказала, что не предоставляла убежища нападавшим, однако, когда они вошли сюда, преследующие силы не были пропущены через ворота.

– Нет места осуждению, – эхом повторила Сос'Ампу, очевидно, изображая глубокую задумчивость, и оглядела своих коллег-жриц Храма. – Разве это не безразличие? Ты действительно веришь, что данное место безразлично к битвам, происходящим в пещере и за ее пределами? Когда сама леди Ллос находится в осаде?

Алеандра тяжело сглотнула и пожалела, что бросила оружие. Она подумала, сможет ли она схватить его и убить хотя бы одну из жриц, прежде чем они расправятся с ней.

– Мы играем *центральную* роль в этой борьбе, – заявила Сос'Ампу. – Не я предоставила убежище нападавшим на Дом До'Урден, ибо так решила сама Ллос. Да, Храм предложил им убежище от тех, кто на них напал. И мы бы сражались бок о бок с ними против тех, кто отрицает Леди Ллос, если бы они не сбежали обратно в Дом До'Урден.

– Сама идея о том, что богохульник придет сюда просить убежища нелепа. Ты должна молить о прощении, хотя я сомневаюсь, что ты его получишь. Ты должна на коленях умолять о быстрой и милосердной смерти, но это, конечно же, не будет милосердием, поскольку будешь отправлена обратно в Бездну, где ответишь перед самой Ллос. Паучья Королева щедра к тем, кто должным образом служит и поклоняется ей, но не так щедра к тем, кто бросает ей вызов.

Нефритового паука оттащили в сторону от упавшего воина-богохульника, которого быстро подобрали и крепко удерживали две жрицы. Алеандра не знала, что придумать и что она вообще может сделать. Рефлекторно она снова посмотрела на брошенное оружие.

– Сделай это, – поддразнила Сос'Ампу. – Это будет доказательством того, что моя молитва к Ллос услышана. Ибо я молилась о том, чтобы мне была дарована сила насыпать мерзость на тех, кто избежал вечного приговора.

Алеандра застыла на месте. Сбоку, ее товарищ-богохульник захныкал при одном только упоминании о такой силе. Снова стать драуком было самой страшной пыткой, которую она могла себе представить. Каждый день, каждое движение причиняли боль. Ни одна мысль не была свободна от вечных оков – одна лишь мысль о том, чтобы выступить против любого дроу, преданного Ллос, насылала изматывающую агонию на драука. Не было ни свободной воли, ни красоты, ни надежды, ни прекращения душевных мук и терзаний. Это было проклятие, которое не ослабевало со временем. Проклятие, от которого цепенели и разум, и тело.

Она не могла ничего сделать.

Сильный толчок в спину заставил ее, спотыкаясь, двинуться вперед, и с тошнотворным ужасом она поняла, что у нее может не быть выбора. Она взяла себя в руки через несколько шагов и сумела оглянуться назад, чтобы увидеть призрачную руку, парящую в воздухе там, где она только что стояла. Пара жриц подбежала с флангов и подобрала с пола оружие.

Обернувшись, она обнаружила, что Сос'Ампу пристально смотрит на нее.

– Почему ты не стоишь на коленях?

Алеандра упала на колени.

– Пожалуйста, пощади.

– Я уже сказала тебе, что здесь ты не найдешь ничего подобного. Приведи Мать Жиндию, она наложит на него Проклятие Мерзости. – приказала Сос'Ампу жрице и указала на другого богохульника. – Эту женщину я приберегу для собственного заклинания.

В этот момент тело Алеандры подвело ее. Она почувствовала, что проваливается в пол, и только в последний момент ей удалось удержаться на вытянутых руках, а затем ее вырвало на пол между ее собственными руками.

Она услышала, как Сос'Ампу Бэнр смеется над ней. Она не могла этого допустить.

Она должна найти выход.

Она вскинула голову и встретила взглядом с могущественной жрицей.

Она подняла руку, ее мысли кружились, ища способ, любой способ, избежать своей участи. Прежде чем она успела обдумать слова, ее пальцы замелькали в отчаянных жестах.

«У меня есть информация!»

Она шла, запинаясь, в капюшоне, закованная в цепи и избитая, ее тело словно горело от ядовитых укусов живых змей на пятиглавой плети Сос'Ампу. Она хотела упасть, но горький опыт этого марша научил ее, что змеи только сильнее разорвут ей спину.

Чьи-то руки схватили ее за плечи и заставили остановиться. Вокруг ее талии туго завязали пояс, и Алеандра обнаружила, что внезапно поднимается высоко в воздух. Она догадывалась, а теперь знала: ее везли в Дом Меларн, который находился под высоким потолком пещеры в скоплении, называемом Паутиной Ллос,

построенном внутри сталактитов и соединенном платформами из толстой паутины, напоминающей павший город дреоу Чед Насад.

Алеандру грубо схватили и потащили к одной из платформ. Наконец, с нее сдернули капюшон, и подтолкнули к двери, расположенной сбоку от большого нависающего каменного копия. Когда она приблизилась, дверь открылась, и как только она переступила порог, ее ноги выбили из-под нее. С крепко связанными за спиной руками она тяжело приземлилась, но едва она упала, как сильные руки схватили ее за волосы и потащили за собой, а позади другие дреоу тыкали в нее острыми наконечниками копий.

Они тащили ее прямо вверх по лестнице, затем по темному туннелю – она подумала, что находится над потолком пещеры, но не была уверена.

Следующая дверь привела их в часовню Дома Меларн. Алеандра видела Мать Жиндию раньше, на Поверхности, когда была частью армии Жиндии, когда была драуком.

Да, сейчас перед ней стояла Мать Жиндия. Ее помощники рывком поставили ее на колени.

– Та самая? – спросила Жиндия.

– Алеандра из очень древнего дома, чье имя давно стерто, – ответила Сос'Ампу из-за спины коленопреклоненной пленницы.

Алеандра не осмелилась оглянуться на своего мучителя. Она держала голову опущенной и смотрела в пол, обдумывая свой поступок. Она чувствовала себя ужасно, больше эмоционально, чем физически. Как она могла так поступить?

Но как она могла так не поступить?

Они собирались снова сделать ее драуком! Они собирались заставить ее предать тех, кто разрушил проклятие. К своему глубокому ужасу, она знала, что смерть не смягчит наказание. Она снова окажется в Бездне и будет служить демонам.

– Посмотри на меня, – приказала Мать Жиндия. Алеандра подняла взгляд.

– Кому ты служишь?

– Леди Ллос, – сказала Алеандра.

Она почувствовала, как клыки одной из змей Сос'Ампу вонзились ей в шею, ощутила агонию, когда змея задержала укусы и выпустила в нее яд.

– Кому? – спросила Сос'Ампу сзади.

– Леди Ллос, – ответила Алеандра сквозь гримасу.

– Кому ты служила? – Мать Жиндия спросила, когда змея закончила. – И не смей упоминать богиню.

– Я... мы все не знали, что должны делать, – выпалила бедная женщина. – Мы считали себя искупленными и верили, что наши спасители действовали с благословения...

– Не смей, – предупредила Жиндия. Алеандра отказалась от этого курса.

– Мы не знали, что...

– Я спрашиваю не о «вас», я спрашиваю о тебе! – закричала Жиндия, выходя вперед и поднимая свою собственную плеть.

– Посмотри на меня! – прорычала Мать, когда Алеандра рефлекторно опустила взгляд.

– Я не знала, что делать, поэтому следовала приказам того, кого считала Верховной Матерью Мензоберранзана, – выпалила Алеандра.

– Ну, было сложно это сказать? – поддразнила Жиндия. – Кому ты служишь сейчас?

Алеандра начала было отвечать, но осеклась, вспомнив об ограничении, наложенном на нее Жиндией.

– Ты не достойна произносить ее имя, – сказала Жиндия. – Но мне сказали, что ты хочешь начать путь обратно к искуплению.

– Да, Мать.

– Что ты знаешь? Почему госпожа Сос'Ампу привела тебя сюда вместо того, чтобы наложить на тебя Проклятие Мерзости еще в Храме?

Алеандра остановилась в этот момент истины. Ей хотелось вскочить и наброситься на Жиндию, вынудить ее избивать, наслаждаться побоями, ядом и всей болью, которую эти мерзкие существа могли причинить ей.

Но не возвращаться к существованию драука. Все остальное она могла принять, но только не это.

Не это.

– Был один дроу, который маршировал рядом со мной в эти дни, – сказала она. – Моя кузина из Дома Амвас Тол высоко оценила его боевое мастерство и приемы, которые были недоступны нам, когда Мензоберранзан был молод. Он утверждал, что до того, как на него наложили Проклятие Мерзости, он был бездомным бродягой, но это неправда. Его обучение слишком всестороннее. Я знала, что он, по крайней мере, учился в Академии, но также и то, что его обучал Мастер Оружия.

– Почему меня это должно заинтересовать? – потребовала Жиндия, ее терпение явно иссякло, хотя и не в такой степени, как у голодных змей, извивавшихся на ее плети.

– Я узнала его настоящую личность, – сказала Алеандра. – Когда всех нас отправили служить воинами в дом Матери Зирит, мой спутник вернулся в свой Дом.

Это вызвало недоуменный взгляд всего на мгновение, прежде чем глаза Матери Жиндии расширились.

– Он называет себя Дайниннэ, но это не было его именем до проклятия, – сказала Алеандра. – Это был Дайнин До'Урден, старший сын Дома До'Урден, старший брат еретика Дзирта.

Жиндия долго стояла с отвисшей челюстью, прежде чем, наконец, спросила:

– Откуда ты это знаешь?

– Он знал Дом, все пути и туннели. Были и другие подсказки, и когда я попала в часовню Дома До'Урден, я нашла записи его сестры, жрицы Вирны. Это она прокляла его и превратила в драука.

– Это правда? – спросила Жиндия, глядя мимо Алеандры на Сос'Ампу.

– Да, Дайнин До'Урден был проклят Вирной до мерзости, – подтвердила Сос'Ампу. – Я очень хорошо это помню. Если я правильно помню, позже он был убит в бою с другом Дзирта, королем Бренором.

– И таким образом отправлен к Ллос, – сказала Жиндия. – И украден у Ллос предателями.

– Это стало бы довольно громким заявлением, ты не находишь? – спросила Сос'Ампту.

– Чтобы весь город увидел, как Ллос возвращает украденное? – ответила Жиндия. – Да, это действительно напомнило бы Матери Мез'Баррис и всем остальным об истинной силе Мензоберранзана и о том, чем они рискуют.

Волнение в Доме До'Урден, вызванное катастрофической встречей, при которой двое богохульников погибли, а пятеро пропали без вести и предположительно находились в лапах Сос'Ампту, постепенно утихло по мере того, как проходили дни. Однако, когда лидеры, наконец, замыслили возмездие Дому Даскрин, от Матери Бернит пришли извинения и возвращение двух пропавших богохульников.

– Мы не знали, – объяснил волшебник Гавел Даскрин Матери Зирит после возвращения пленников. – Мы думали, что за нами следят, и у нас была информация, что Дом Бэнр, то есть вы, выступите против нас, хотя Мать Бернит полна решимости сохранить нейтралитет в этой битве.

– Нейтралитет? Этого не случится, – резко ответила Мать Зирит. – Твоя Мать Бернит по-прежнему возмущена тем, что меня вернули в Правящий Совет, и украла ее место.

– Я не могу этого отрицать, – ответил Гавел. – И не буду пытаться. Мать Бернит считает наш Дом более достойным, чем другие из избранной восьмерки, но она знает, что не ее право решать, и прекрасно знает, что Дом До'Урден, ныне состоящий из Дома Ксорларрин и с могущественными дополнениями, не входит в число менее достойных. Мать Бернит довольно скоро будет заседать в Правящем Совете, Мать Зирит. Мы оба это знаем.

Он улыбнулся и посмотрел Зирит прямо в глаза, затем загадочно добавил:

– Потому что Дом Даскрин будет тщательно выбирать сторону.

– Поэтому вы возвращаете пленников?

Гавел Даскрин напрягся и выпрямился, но ничего не ответил.

Зирит издала короткий смешок.

– Никто из Дома Даскрин больше не выступит против ваших патрулей, – пообещал Гавел. – Это мое слово и слово Матери Бернит.

– Трое моих воинов все еще числятся пропавшими без вести.

– Они отправились в Храм Куарвелшаресс. Насколько нам известно, там они и остаются.

Зирит посмотрела на Архимага Тсэбрэка.

– Отправляйся в Дом Бэнр и сообщи Верховной Матери Квентл.

Архимаг поклонился и удалился.

– Вы не будете нападать на мои патрули? – спросила Зирит.

– Нет. Дом Даскрин теперь обосновался за стенами, ожидая разъяснений.

– От Ллос? От молитв Матери Бернит?

– От всех, – ответил Гавел. – Мы не правящий дом, поэтому мы обращаемся за разъяснениями к Правящему совету.

– А если он расколется, что несомненно произойдет? Что тогда, Гавел Даскрин?

– Это не мое решение. Я всего лишь ничтожный мужчина.

– Убирайся из моего дома, – сказала ему Зирит. – И я предупреждаю тебя и Мать Бернит: нападение на богохульника или на кого-либо из Дома До'Урден – это нападение на Дом Бэнр. Не сомневайся, что Верховная Мать готова преподать вам тот же урок, который так болезненно усвоил Дом Ханцрин.

Верный своему слову, Дом Даскрин не был вовлечен в следующий инцидент, хотя и произошел недалеко от их стен.

Оказалось, что Дом Меларн не нуждается в помощи Даскрин.

Пятеро богохульников были убиты в той засаде, а один намеренно взят в плен.

Как же обрадовалась Мать Жиндия Меларн, когда Дайнин До'Урден был доставлен в темницу, в ожидании Проклятия Мерзости. Она не могла больше пользоваться дезинформацией Къернилл, но эта предстоящая демонстрация будет намного более сильным ходом.

Часть 4

Путешествие героев

Рассмотрение вопроса о границах и взаимосвязи между внутренним и внешним во время обучения с монахами стало для меня поистине просветляющим.

Безусловно, мир является внешним по отношению к нам. Он окружает нас, населен людьми, животными и существами, которые обладают свободной волей и желаниями, отличными от наших собственных. Молния ударит в высокое дерево в лесу, независимо от того, услышу ли я удар или увижу вспышку. Мир вращается вокруг нас, когда мы его не видим, и поэтому он является внешним по отношению к нам.

Но не совсем.

Наше восприятие формирует то, что мы видим, слышим и чувствуем. Мир таков, каков он есть, но он не всегда, скорее крайне редко, будет одинаковым для двух разных людей. И то, что вы слышите об окружающем мире, также формирует ваше восприятие.

Я наблюдаю за восходом солнца. Он имеет для меня огромное значение не только из-за внешней красоты, но и потому, что напоминает мне о лишениях Мензоберранзана и Подземья. Наблюдение за тем, как солнце поднимается над горизонтом, является для меня выражением моего собственного вхождения в мир дневного света.

Не каждый так относится к восходу солнца, и поэтому это внешнее событие является также и внутренним. Мир вокруг формирует нас, и мы также формируем мир, окружающий нас.

Может показаться мелочью, но благодаря монахам, и прежде всего благодаря Кейну, я осознал серьезность этого простого и, казалось бы, очевидного понятия.

Часто физическая оболочка утомляет или ограничивает. А порой приводит к ложным истинам – можно действительно потерять себя в момент философского самоанализа, до такой степени, что теряешь связь с другими вещами и, что более важно, с окружающими людьми. Неспособность понять, что восприятие другого человека на общее событие может сильно отличаться, зачастую приводит к путанице и к конфликтам.

Кроме того, глубокое погружение в событие, может быть сродни пребыванию в интеллектуальной луже грязи.

Когда я впустил дух магистра Кейна в свой разум и тело в пещере гноллов, он увидел нечто совершенно очевидное, чего я совсем не замечал, потому что находился глубоко в такой грязи. Когда я обрел наручи Дантрага Бэнра, они показались мне сбивающими с толку и вредными. Когда я их надевал – мой разум не поспевал за движениями рук, и, что еще хуже, мои ноги не поспевали за движениями оружия, выводя меня из равновесия.

Но я уже не тот молодой воин.

Благодаря тренировкам под руководством магистра Кейна, с братьями и сестрами ордена Святого Солнца, я значительно увеличил скорость движения ног. Понимание гармонии бедер и ног – нет, не просто понимание, а ощущение каждой связи между ними – значительно увеличило мои способности быстро бегать, прыгать и поворачиваться, не говоря уже о дополнительной плавности и просто физической силе, которую дает правильное понимание жизненной силы ки.

Теперь я ношу браслеты на запястьях, и движения моих рук, моих сабель, согласованы с поворотами и шагами. Два удара превращаются в три, и равновесие не теряется.

Кейн увидел это сразу, пока пребывал в моем разуме во время сражения – скорее всего, даже задолго до этого. Тем не менее, я считаю, что без его несколько иной призмы видения я бы никогда не обнаружил эту простую настройку.

Что еще более важно, временное присутствие Кейна внутри меня помогло мне найти гармонию между двумя различными боевыми стилями, воина и монаха. Он показал мне баланс вблизи, и благодаря его мастерству и пониманию я увидел и почувствовал истинную гармонию. Хотя я считаю, что мне еще предстоит пройти определенный путь, прежде чем смогу найти этот баланс самостоятельно. Но теперь я знаю, куда идти. Раньше я колебался между двумя стилями в зависимости от ситуации – прыгал как монах, крутил клинки в воинских приемах, наносил удары ки на расстоянии или ловил стрелы как монах, а парировал и наносил ответный удар как воин.

Теперь эти дисциплины более целостны во мне. Когда это совмещение стилей будет доведено до совершенства, оно предоставит мне больше возможностей, больше инструментов и больше выбора, как сознательного, так и инстинктивного, в любой ситуации.

Что касается боя, то внутренние корректировки восприятия изменили для меня окружающий мир. Теперь я вижу тоннель, холм, берег реки, выступ по-другому, поскольку просчитываю наилучший вариант действий и формирую поле боя по своему усмотрению.

Сейчас я уже по-другому смотрю на восход солнца. Я по-прежнему вижу свой собственный путь в его восхождении над горизонтом, все еще вижу чистую красоту переливающихся красок, но теперь, выйдя за пределы своей смертной оболочки, я также вижу и расстояния до небесных тел, огромные пустоты между ними, звездную массу, которую они представляют, частью которой являюсь и я.

Восход солнца теперь кажется мне еще прекраснее.

И я стал более грозным.

- Дзирт До'Урден

Глава 23

Переписывание Воспоминаний

- Ты не представляешь, насколько это безумно, – сказал Джарлак Киммуриэлю, когда они остались вдвоем. – Был ли я мертв все эти пропавшие месяцы? Неужели это воскрешение, подобное тому, что пережил Зак?

- Нет, Аззудонна узнала тебя, – ответил Киммуриэль. – Узнавание на ее лице было безошибочным. Как такое возможно, если ты умер вскоре после прибытия?

- Может быть, это она вернула меня обратно.

- Нет, она знает тебя и трех наших пропавших друзей, – настаивал Киммуриэль. – Она сказала об этом Реджису, или, по крайней мере, явно намекнула. Я не думаю, что она просто последовала примеру хафлинга и снабжала информацией, чтобы удовлетворить его любопытство. Она знает тебя и была потрясена, увидев тебя в комнате.

- Я это заметил.

- Потрясена, увидев тебя *живым*, – уточнил Киммуриэль. – Она сказала Реджису, что ты и другие пропали. И она испытала облегчение от того, что ее убеждение насчет по крайней мере тебя оказалось ошибочным. Я ясно увидел это на ее лице.

- Итак, повторяюсь, возможно, я был мертв.

Киммуриэль покачал головой.

- То место, где заканчивается твоя память и где она снова начинается, ни на что подобное не намекает.

- Может быть, что-то убило меня в воздухе, когда я смотрел вниз на снег, заваливший моих друзей. Что-то застало меня врасплох и тут же оборвало жизнь.

Киммуриэль оставался очень взволнованным.

- Возможно, но я не думаю, что это так.

Он очень серьезно посмотрел на Джарлакса и повторил:

- Она знала других, включая Кэтти-бри и Энтрери. Мне кажется менее вероятным, что ты был убит в тот первый день, чем...

- Чем это было не так, – рассудил Джарлак. Киммуриэль кивнул.

– Реджис сейчас с Аззудонной, – сказал Джарлак. – Возможно, он принесет нам больше информации.

– Я бы не надеялся. Возможно, намеки, не более. Она дисциплинирована и хорошо обучена. Единственный способ получить больше информации – это подвергнуть ее вторжению разума улья. Никакая дисциплина или магия не смогут противостоять этому – иллитиды отследят каждую побочную связь, и обойдут дисциплину и ментальную защиту. Мы все не хотим этого делать, потому что травма Аззудонны окажется огромной и длительной, возможно, на всю жизнь. Но я предупреждаю, что искушение растет.

– Травма, – повторил Джарлак, кивая головой. – Невероятная травма.

Джарлак внезапно поднял глаза.

– Тогда отведи к иллитидам меня.

Киммуриэль вздрогнул, как от пощечины. С ужасом на лице он закачал головой.

– Ты только что сказал, никакая магия не сможет противостоять разуму улья. – возразил Джарлак. – Если я не был мертв, значит, мою память изменили с помощью магии, не так ли? Я отчаянно хочу знать то, что не могу вспомнить, и от этого вполне могут зависеть жизни Зака, Энтрери и Кэтти-бри.

– Я не решаюсь отвести Аззудонну, женщину, которую едва знаю и совсем не признаю как друга, и ты ожидаешь, что я подвергну вторжению разума улья тебя?

– Киммуриэль, ты что, только что признался, что любишь меня? – поддразнил Джарлак, но псионику было не до этого.

– Чтобы найти то, чего не хватает, иллитидам придется проникнуть в твои самые глубокие тайны и восстановить все пути и связи, от воспоминания к воспоминанию. Если это вообще сработает. Ты процветаешь на секретах, и ты ничего – ничего! – от них не получишь.

– Меня мало волнуют пожиратели разума, – возразил Джарлак. – Я бы никогда не стал пытаться торговаться с этими тварями, и не питаю иллюзий, что когда-нибудь смогу обмануть одну из них. Я также не боюсь, что из всех существ иллитиды попытаются шантажировать меня – ибо кому они могут предложить такую информацию? Кто бы им доверился? Им никто не доверяет! Даже ты не уверен, что концепция Мензоберранзана, которую они представили тебе, Квентл и Ивоннель, была полной правдой.

Киммуриэль все еще качал головой, его голос стал очень мрачным.

– Вторжение имеет последствия, выходящие далеко за рамки рационального и логического. Это раскрытие самых глубоких и личных секретов. Они будут знать каждую твою мысль, каждый твой страх.

– Цена не слишком высока, – ответил ему Джарлак.

– Они узнают то, что пугает тебя.

Джарлак пожал плечами.

– Я бы и сам сказал им, если это означает возвращение памяти.

– То, что возбуждает тебя, – продолжил Киммуриэль.

– Тогда бойся за них! – ответил Джарлак, и даже сам Джарлак не понял, шутит он или нет.

Но Киммуриэлю было не до смеха.

– Не стоит преуменьшать потенциальную травму от этого. У каждого из нас есть мысли слишком личные, чтобы ими делиться. У каждого. У каждого живого, разумного существа есть личные секреты. То, что мы думаем, мысли, которые мелькают неожиданно, мысли, которые радуют, возбуждают или пугают, порочные мысли, которые если их произнести вслух, заклеят тебя как ужасные и злые. Это то, что делает нас индивидуальностями. Что делает нас собой.

– У тебя циничный взгляд, мой друг.

– Нет, у меня честное понимание нас. У каждого есть злые мысли, мимолетные представления о ненормальном или порочном поведении. Конечно, большинство из них никогда бы не стали действовать в соответствии с ними, но даже лучшие удивляются таким вещам – возможно, внутреннему диалогу о личной выгоде после трагической потери любимого человека или облегчению от того, что тот, о ком ты заботился, тот, кого ты нежно любил, наконец-то ушел из жизни и положил конец бремени. Или родитель, не любящий своего ребенка, или даже на короткое время думающий, что не любит его. Или размышление о жестоком убийстве врага. Или необычные, возможно, порочные, или просто постыдные сексуальные желания.

– Виновен, – признался Джарлак и поднял руки, как будто не видел здесь проблемы. – Если они есть у всех нас, тогда зачем их бояться?

– Потому что никто не признается в них, и это стало бы позором.

– Ты часто называешь меня бесстыдником.

– Ты продолжаешь относиться легкомысленно к тому, к чему не стоит, Джарлак. Раскрытие части нашего самого сокровенного «я» другому – это не шутка, и, как я знаю по личному опыту, это все, чего стоит бояться.

– Разве не это Киммуриэль постоянно делает с другими?

– Нет, – твердо сказал он. – Не так, как я описываю. Единственный шанс, вернуть те потерянные дни – это восстановить воспоминания, каждую связь, что означает, что коллектив иллитидов начнет с рождения Джарлакса и последует за каждой секундой, каждым моментом, каждым переплетением, каждым чувством и мыслью. Это насилие, выходящее за рамки всего, что может быть сделано физически, уверяю тебя.

– Ты серьезно?

– Я никогда не был более серьезен.

Джарлак откинулся на спинку удобного кресла, отвел взгляд и честно обдумал полученную информацию. Спустя долгое время он повернулся к Киммуриэлю.

– Есть ли в мире кто-нибудь, кого ты заслонил бы от стрелы?

Киммуриэль с любопытством посмотрел на него.

– Если бы стрела летела в мое сердце, Киммуриэль подверг бы себя смертельной опасности, чтобы перехватить ее?

– Я бы поставил кинетический барьер...

– Перестань! – потребовал Джарлак. – Ты знаешь, что я имею в виду. Есть ли кто-нибудь, я или кто-то другой, ради спасения которого Киммуриэль пожертвовал бы собой? Да, мой друг, загляни в самые глубокие и темные уголки своего сложного разума и, пожалуйста, ответь честно. Не пытайся произвести на меня впечатление, не льсти мне и не бойся моей реакции...

– Да, – перебил Киммуриэль.

– Да?

– Да. Немного, конечно, но да.

– Ради блага всего мира или твоих чувств к этому человеку?

– И то, и другое. Ответ – да.

– Тогда отведи меня в разум улья, прямо сейчас, – сказал ему Джарлак. – Худшее, что может случиться – это моя смерть, и это стоит того, чтобы узнать правду о наших трех потерянных друзьях.

– Это не самое худшее, что может случиться.

– Согласен. Но если случится что-то явно худшее, Киммуриэль убьет меня, даю ему слово.

Киммуриэль очень долго смотрел на Джарлака.

– Ты уверен?

Джарлак и глазом не моргнул.

– Я не буду участвовать в зачистке Джарлака из уважения к тебе, – сказал ему Киммуриэль. – Илликиды увидят все, но я нет, и я позабочусь о том, чтобы они никогда не сообщили мне.

Выражение лица Джарлака стало озадаченным.

– Я не стану так поступать с тобой, – объяснил Киммуриэль. – Ты делишься со мной тем, чем решаешь поделиться, как и я. Как все мы. В прошлом я нарушал это взаимное соглашение при экстремальных обстоятельствах. Много раз. Но сейчас я предпочитаю выбирать битвы более тщательно и не вести их против тех, кого считаю друзьями.

– Или даже против невинных? – лукаво спросил Джарлак.

Настала очередь Киммуриэля изобразить замешательство.

– Ты не хочешь брать Аззудонну в разум улья, – прямо сказал Джарлак.

Киммуриэль несколько мгновений обдумывал эту неожиданную мысль, затем кивнул.

Иллидид вышел из главного зала разума улья, чтобы обсудить ритуал, который коллектив только что завершил на Джарлаке.

– Я всегда знал, что мы с ним надо быть осторожным, – заметил иллидид своим булькающим, водянистым голосом.

Киммуриэль никогда раньше не видел, чтобы иллидид выглядел потрясенным. Впрочем, он не был уверен, что именно это сейчас наблюдал – в конце концов, как можно судить о выражении лица, усеянного щупальцами? – однако, не мог избавиться от ощущения, что стоящий перед ним, действительно встревожен.

Киммуриэль внимательно посмотрел на пожирателя разума, пытаясь определить его положение. Конечно, неправда, что все илликиды выглядели одинаково, и Киммуриэль был достаточно хорошо знаком с разумом улья, чтобы с первого взгляда отличить многих особей. Однако, он не был уверен, что когда-либо встречал этого раньше, хотя существо, несомненно, вело себя фамиллярно.

Однако, он понял, что существо только что немного пошутило, что иллидиды делали редко, если вообще когда-либо делали.

– Ты не узнаешь меня, Киммуриэль из Бреган Д'эрт? Конечно, нет, ведь я не был в этом облиии, когда мы расставались.

– В каком облиии ты был? – нерешительно спросил Киммуриэль, боясь ответа. Был ли это член его уничтоженной семьи, возможно, разрозненное сознание мертвого дроу-псионика, который каким-то образом попал в телесную форму пожирателя разума?

Ответ пришел в виде серии образов, телепатически предложенных Киммуриэлю: давно потерянный соперник... древний красный дракон... трехгранный кристалл... легендарный Хрустальный Осколок... драколич...

– Яраскрик, – выдохнул Киммуриэль.

– Трое стали одним, – продолжил иллитид вслух. – Король Призраков, так нас называли.

– Трое, – согласился Киммуриэль. – Креншинибон, Гефестус и Яраскрик.

– Но я был изгнан и обречен, – сказал Яраскрик, и Киммуриэль мысленно ощутил благодарность иллитиды.

Ибо Киммуриэль спас развоплощенный дух Яраскрика в то давнее время, предоставив духу убежище на Астральном плане, где он мог выжить без телесной формы.

– Невероятно, – пробормотал Киммуриэль.

– Действительно. Я редко бываю здесь, в улье разума, но когда услышал тему ритуала, который они запланировали, я почувствовал необходимость присоединиться. Как ты сейчас видишь, мне улыбнулась удача от смерти чужого сознания с сохранением физического тела. Меня приняли обратно, но я продолжаю обучение на Астральном плане. Телепатические эманации разума улья показали мне, что всякий раз, когда Киммуриэль Облодра посещал их в последнее время, происходили интересные события. Этот момент не стал исключением.

– Невероятно, – снова сказал Киммуриэль.

– В конце концов, это маленькая мультивселенная, мой старый товарищ, – сказал Яраскрик. – И извилистость путей всегда непредсказуема. Как с тобой, так и с Джарлаксом. Старые враги, похоже, стали друзьями.

– Ты не одобряешь?

Лицевые щупальца иллитиды дрогнули – типичный сигнал удивления.

– Прошу прощения, – сказал Киммуриэль, понимая глупость своего вопроса, ибо почему иллитид должен одобрять или не одобрять что-либо, не связанное с разумом улья?

– Джарлакс пережил вторжение? – спросил Киммуриэль.

– На удивление хорошо, даже улей не часто видит такое. Он не подчиняется ожиданиям.

– Или обычаем.

В своем сознании Киммуриэль услышал невысказанную мысль Яраскрика: *«Он прелюбодействует с драконами!»*

– Джарлакс рассматривает свое существование как нечто, чем можно наслаждаться и исследовать, – сказал Киммуриэль. – И разве ты только что не признался в прежних отношениях с великим драконом, которые можно назвать не менее близкими? Где трое стали одним?

– Джарлакс... интересный, – сказал Яраскрик вместо ответа.

– Пугающий, – поправил Киммуриэль.

Мысли Яраскрика промелькнули в голове Киммуриэля.

«Беспокоящий...».

Киммуриэль усмехнулся, представив гордую реакцию Джарлакса, если он когда-нибудь расскажет ему об этом разговоре.

– Как я уже сказал, это его способ выпутаться, – повторил Киммуриэль. – И поэтому он рассматривал ритуал как еще одно приключение, в котором его бесстыдство приведет к победе.

Яраскрик мысленно кивнул в знак согласия.

– Вы восстановили ему воспоминания?

– Отведи его домой, Киммуриэль. Сейчас он вызывает интерес у слишком многих, и я боюсь, что его выходы могут привести к ситуациям, которые приведут в замешательство весь коллектив!

Восклицание, произнесенное вслух и со страстью? Еще одна шутка?

Киммуриэль отчаянно боялся подвергать своего самого дорогого друга вторжению пожирателей разума. Возможно, он должен был больше беспокоиться за иллитидов, подвергать их влиянию Джарлакса.

Джарлакс вошел в комнату Аззудонны один и закрыл за собой дверь.

Они встретились взглядами и долго оценивали друг друга.

– *Перте мийе Закнафейн*, – сказал Джарлакс.

Аззудонна постаралась не реагировать. Через мгновение она пожала плечами и покачала головой.

– Я помню это, – сказал ей Джарлакс. – Я помню все это, всю Каллиду. Драку в винной бочке, когда обнаружили фаг хаоса, заразивший плечо Зака. Скеллобель и другие районы. Временное собрание в Сиглиге. Путешествие вдоль и внутри Кадижа. Моя память полностью восстановлена.

Аззудонна тихо лежала на кровати, уставившись на него.

– Даю слово, я не предаю ни тебя, ни твой народ, – пообещал Джарлакс.

Она и глазом не моргнула.

– Но мы возвращаемся за моими друзьями – за нашими друзьями, – сказал он, указывая и на нее, – потому что много каллидцев заключены в ледяные гробницы в той комнате в пещере под гигантской крепостью. Присоединишься ли ты к нам в этой битве, зависит от тебя, но в любом случае мы отвезем тебя обратно на север и проводим до дома.

Аззудонна явно изо всех сил старался не реагировать.

– Ты не предавала эвендроу, и я не предаю, – сказал ей Джарлакс, кивнул и ушел. Он остановился за дверью и немного прислушался.

Аззудонна тихо всхлипывала. Он надеялся, что от счастья.

Он поспешил по коридорам и встретил Киммуриэля у зала аудиенций, где псионик велел Пенелопе собрать всех главных игроков.

– Что она сказала? – спросил его Киммуриэль.

– Ей не нужно было ничего говорить. – Джарлакс глубоко вздохнул. – Что она может сообщить мне такого, чего я не знаю?

– Свою реакцию на твои откровения, – сказал Киммуриэль.

Джарлакс тяжело вздохнул.

– Я сказал, что не предам ее народ, – ответил он. – Я этого не сделал, не так ли?

– Что ты имеешь в виду?

– Разум улья, – объяснил Джарлакс. – Позволив им восстановить мои воспоминания, я отдал им эти воспоминания, не так ли? Я даже не подозревал о такой возможности, когда соглашался отправиться туда – как я мог, когда я не помнил почему? Но теперь, учитывая этот факт, предал ли я эвендроу иллитидам?

– Нет, – просто ответил Киммуриэль. – На Торице нет ничего, чего бы они уже не знали – ничего столь значительного, как город с населением почти в пятьдесят тысяч жителей, в основном дроу. Конечно, они знали о Каллиде.

– Тогда почему Киммуриэль не знал о нем?

– Потому что я никогда не спрашивал и не искал. И даже если бы я это сделал, мир слишком огромен, мой друг. Только из-за того, что это знание плавает где-то в воспоминаниях разума улья, не означает, что я или кто-либо из иллитидов когда-нибудь его найдет.

– Тогда я предал их, потому что теперь оно находится в коллективном сознании.

– Нет. – Киммуриэль выглядел очень уверенным, отметил Джарлакс, и это помогло ему немного расслабиться. – Если бы иллитидам было не все равно, они бы нашли Каллиду самостоятельно – знание уже было там. Но им это безразлично. Я полагаю, они будут помнить многое из исследования разума Джарлакса, но ничего не будет связано с Каллидой.

Джарлакс кивнул, вздохнул, затем снова кивнул. Он внезапно содрогнулся, потряс всем телом с головы до ног, как будто сбрасывая с себя негативную энергию или чувства.

– Давай покончим с этим, – решил он и ворвался в дверь, шагая уверенно и решительно.

– Я думаю, они живы, – сказал он собравшимся. – И я знаю, где их искать. Ты готов к бою, король Бренор?

– Моя девочка?

Джарлакс кивнул.

– Мой король! – воскликнул Пвент.

– Мы идем, – сказал Реджис.

– Я приведу армии Гаунтлгрима, Мифрил Халла, Адбара и Фелбарра! – пообещал Бренор.

– Нет, – сказал ему Джарлакс.

– Нет? – недоверчиво переспросил он.

– Нет. Это неразумно. И не сработает. Мы отправимся небольшой группой, тщательно подобранной.

– Если ты думаешь оставить меня позади, тебе стоит подумать еще раз, – предупредил Бренор.

– Неужели Гаунтлгрим так быстро отпустит своего короля в такое опасное путешествие? – спросил Киммуриэль.

– Я вернусь раньше, чем любой, кто станет задавать мне вопросы, очнется от удара кулаком по голове, – пообещал Бренор.

– Тогда идем, – снова сказал Реджис.

– Все не так просто, – ответил Киммуриэль, выражение его лица явно выражало сомнение в том, что он рассматривал миниатюрного хафлинга для путешествия. – Мы не можем взять с собой много людей, если надеемся быть быстрыми и эффективными. Поэтому необходимо тщательно выбирать боевой отряд.

– И, хотя необходимо сохранить численность небольшой, нас ждет грозный враг, – добавил Джарлакс.

– Если моя девочка там, то Пузан пойдет, – заявил Бренор. – Вульфгар тоже, и Дзирт, конечно.

– Я пойду и заберу Дзирта, – пообещал Киммуриэль, но Джарлакс поднял руку.

– Нет, – сказал он. – У меня есть идея получше. Мы позовем Дзирта, но позже.

– Мой король? – спросил Пвент, нервно переступая с ноги на ногу.

– Пвент идет, – сказал Бренор Джарлаксу.

– Нет, – ответил Джарлакс и, обращаясь к рычащему Пвенту, добавил:

– Ты действительно не подходишь для того типа врагов, с которыми столкнемся. И Реджис, боюсь, тоже.

– Пузан идет, – снова сказал Бренор.

– Он или Пвент? – спросил Джарлакс. – Мы не можем взять обоих.

Бренор посмотрел на Реджиса, который нахмурился, затем на Пвента, который опустил взгляд в пол и вздохнул.

– Пузан, – решил Бренор. – А что насчет Атрогейта? Ты планируешь взять его с собой?

– Опять же, у нас мало места, добрый Бренор, – объяснил Джарлакс. – Конечно, Компаньоны Халла могут присоединиться. Что касается остальной группы, то, хотя я понимаю яростную преданность твоих телохранителей, есть и другие, которые окажутся необходимыми, если мы хотим добиться успеха.

Закончив, он перевел взгляд с Бренора на Даб'ней и Громфа.

– Нам понадобится жрица. И архимаг был бы неоценимым дополнением.

Громф ответил недоверчивым взглядом.

– Ты захочешь пойти, – телепатически сообщил Киммуриэль Громфу. *Есть нечто грандиозное, что ты должен увидеть.*

– Аззудонна тоже идет, – объяснил Джарлакс.

– Это девять, – сказал Реджис.

– Одиннадцать, – ответил Джарлакс, но не стал уточнять, кто эти неназванные двое. – И нам нужно что-то сделать с холодом. Кольца, заклинания, или...

– Я привык к холоду, – вмешался Вульфгар. – Как и Бренор и Реджис.

– Не к такому, – сказал им Джарлакс. – Ты видел одежду Аззудонны. У нас нет такого снаряжения, поэтому понадобится магия, иначе мы умрем прежде чем доберемся до наших потерянных друзей.

– В Главной Башне больше нет таких предметов, – сказал Громф. – Я дал тебе четыре, а ты вернулся только с сапогами, которые сейчас носишь.

– Мой король! Мой король! – крикнул Пвент, взволнованно подпрыгивая.

– Я сказал, что ты не можешь идти, – сказал Бренор. – Больше от тебя ничего не требуется.

– Но мой король! – сказал Пвент, качая головой.

– У меня есть заклинания, которые обеспечат некоторую защиту, – сказала Даб'ней, отвлекаясь от них. – Но нам придется действовать очень быстро.

– Их будет недостаточно, – ответил Джарлак.

– Мой король! Мой король!

– Что? – уступил Бренор. – Пайкел, мой король. Пайкел!

– Пайкел Валуноплечий? – спросил Джарлак.

– Конечно, – согласился Реджис. – У Пайкела есть заклинания, способные защитить всю группу от дыхания белого дракона. В его репертуаре есть древние заклинания друидов, потерянные для мира во время Чумы и Раскола.

– Дюжина членов? – спросил Джарлак у Киммуриэля и Громфа.

– Мы справимся с таким количеством, – ответил Киммуриэль.

– Тогда с Пайкелом она нам не понадобится, – сказал Пвент, указывая на Даб'ней. – Возьми меня, мой король!

– Нам понадобится Даб'ней, – настаивал Джарлак. – Мне жаль, Пвент, но если кто-нибудь из наших друзей соскользнет навстречу смерти, пока мы их освобождаем, Пайкел может оживить их в виде хомяка или другой твари, но Даб'ней может их спасти. Мы можем поступим так, как ты сильно и справедливо желаешь, но это может стоить жизни Закнафейну или Кэтти-бри? Тебя устроит такой расклад?

Дворф выглядел удрученным, но ничего не сказал.

– Значит, это наша группа. Если мы преуспеем, вернется четырнадцать, – сказал Джарлак, вызвав некоторую тревогу, поскольку друзья заметили, что двенадцать и три не складываются в четырнадцать. Но прежде чем они задали вопрос, Джарлак объяснил, что Аззудонна не вернется с ними на юг.

Киммуриэль посмотрел на Громфа, тот кивнул.

– В Гаунтлгрим за снаряжением, – сказал Джарлак Бренору. – Мы встретимся у Главной башни в Лускане на рассвете через три дня и, вероятно, после отправления будем сражаться в течение дня, возможно, до полудня.

Он сделал паузу, как только последнее слово слетело с губ, и слегка усмехнулся.

– Что? – одновременно спросили Бренор и Реджис.

– Полудня, – сказал Джарлак, качая головой. – Там нет никакого полудня.

– О чем ты болтаешь, проклятый эльф? – потребовал Бренор.

– Ты увидишь, король Бренор. Ты увидишь.

Аззудонна оделась, и ее фантастическая одежда вернулась к ней вместе с оружием. Группа попрощалась с Пенелопой, и семерка прошла через портал обратно в Гаунтлгрим, но Джарлак и Киммуриэль задержались позади.

– Ты вернешь Кэтти-бри? – спросила Пенелопа у дроу-наемника.

– Думаю да, добрая госпожа, – сказал Джарлак.

– Что ты знаешь, Джарлак? – спросила она. – Много, очень много, я могу сказать.

– Я не стану с тобой не соглашаться и не стану лгать тебе, – сказал ей Джарлак.
– Но и не мое дело рассказывать. Мы идем за Кэтти-Бри, Заком и Артемисом Энтрери. Это все, что должно иметь значение для всех здесь присутствующих.

Пенелопа кивнула.

– Было бы хорошо, если бы мы знали, куда прийти и помочь вам, если возникнет необходимость, – сказала она.

– Если группа, которую я собрал, не справится, то никто другой не должен пытаться, – ответил Джарлак. – Итак, не могли бы мы ненадолго занять тихую комнату? Киммуриэль и я должны связаться через весь мир с магистром Кейном... – Он резко замолчал и бросил взгляд на Киммуриэля. – *Verve zithd*?

Киммуриэль на мгновение растерялся, пытаясь понять, почему Джарлак только что спросил о распространенном упоминании в Мензоберранзане тринадцати как «чертовой дюжины», или *verve zithd*.

Джарлак лукаво улыбнулся.

Киммуриэль пожал плечами и кивнул.

– Что сейчас произошло? – спросила Пенелопа.

– Вероятно, ничего, – сказал Джарлак. – И тебе не о чем беспокоиться.

– Кто эти таинственные двое, о которых ты упоминал ранее? – спросила Пенелопа. – Ты можешь сказать мне хотя бы это?

– Ты их знаешь, – сказал Джарлак и подмигнул.

Пенелопа начала отвечать, но остановилась, выражение ее лица показало, что она поняла.

– Пойдемте, – сказала она и повела их в тихую комнату.

Глава 24

Дюжина Пекарей

Холодный ветер пронесся мимо, распахнув тяжелый плащ Дзирта и растрепав белую гриву Андахара, когда дроу попытался взвалить тяжелый вьюк на широкую спину единорога. Он посмотрел на собирающиеся темные тучи на севере и вздохнул, надеясь опередить надвигающуюся метель. Если его настигнет первая настоящая снежная буря здесь, в горах, ему будет нелегко пройти по тропам, ведущим в нижние земли.

– Я думала, магистр Кейн попросил тебя дождаться его возвращения? – спросила Саван. Она вышла из северной двери монастыря и присоединилась к нему.

– Он также сказал, что может не вернуться до полудня, – ответил Дзирт и кивнул подбородком в сторону темных облаков на севере.

– Всего лишь несколько часов. Ты откажешь просьбе магистра из-за трех часов?

– Да, он попросил меня подождать, но, похоже, шторм собирается рано, и у меня просто нет времени медлить. Если я не опережу события, сколько дней я потеряю?

– Возможно, твои друзья придут за тобой с помощью магии, – предположила Саван.

– Магистр Кейн сказал мне, что они этого не сделают.

– Конечно, шторм не удивителен для Кейна, который прожил в этих горах всю свою долгую жизнь. Он знает погодные условия и приметы. Он бы не попросил тебя подождать, если бы думал, что это причинит тебе или твоему заданию какой-либо вред.

Дзирт сделал паузу и некоторое время обдумывал это. Было трудно не согласиться. Магистр Кейн был самым верным союзником, какого он когда-либо знал. Этот человек ничего так не хотел от своей дальнейшей жизни, как служить, будь то в качестве опекуна, учителя или друга.

– Бри проснулась и завтракает с братом Головастиком, – сказала Саван, и полуобернулась к монастырю с приглашающим жестом.

Дзирт не мог устоять перед искушением. Провести утро, играя со своей дочерью, было одной из величайших радостей, которые он когда-либо испытывал.

Но потом он подумал о ее матери и о словах Кейна прошлой ночью.

– Он попросил тебя остаться, – категорично заявила Саван.

– У меня нет времени. Я должен со всей возможной скоростью бежать в Цитадель Адбар, а затем через туннели и порталы в Гаунтлгрим.

– Он просил тебя *остаться*, – сказала Саван еще более настойчиво.

– Я... – начал Дзирт, но остановился, столкнувшись с неумолимым и бескомпромиссным взглядом опытной и могущественной женщины – той, которая, вероятно скоро станет монахом второго ранга в монастыре.

– Разве он не заслужил от тебя хотя бы этого, Дзирт До'Урден? – спросила Саван.

– Твое путешествие займет много дней, но магистр Кейн просит несколько часов.

– Не так уж много дней. Андахар не устает, и я тоже не устану.

– Еще одна причина, по которой одно утро ничего не изменит, да? Магистр Кейн пообещал, что вернется к полудню. Ты когда-нибудь видел, чтобы он нарушал обещание?

В ответ Дзирт оглянулся на сгущающиеся тучи на севере.

– Поверь мне: магистр Кейн видит шторм лучше, чем ты, – сказала Саван. – Если только ты не думаешь, что он пытается обманом задержать тебя здесь, чтобы не позволить тебе попасть в ловушку, когда выпадет глубокий зимний снег.

Дзирт обдумал это, вздохнул и начал отстегивать сумку от Андахара. Как только сняв ее, он велел единорогу убираться, и они с Саван наблюдали, как Андахар галопом уносится прочь, становясь все меньше с каждым длинным шагом, как будто действительно преодолевал большие расстояния, пока единорог просто не исчез.

– Давай пойдем позавтракаем с твоей дочерью, – предложила Саван.

Дзирт кивнул и подошел к ней, позволив вести себя обратно к двери.

– Пока мы идем, можешь еще раз пообещать, что будешь заботиться о ней, пока меня не будет.

Саван широко улыбнулся и игриво толкнула его.

– Может быть, она удивит тебя, когда вы с Кэтти-бри вернетесь, и покажет тебе несколько приемов боевого монаха, которыми даже ты еще не овладел.

– Тогда она дочь своей матери, – согласился Дзирт, и оба рассмеялись.

И Дзирт внезапно нырнул в сторону, увлекая за собой Саван, удивленный тем, что над ними промелькнула огромная тень. Он поднял голову и огляделся вокруг, но небо казалось чистым.

– Ты это видела? – спросил он.

Саван покачала головой и снова направилась к двери, но Дзирт не двинулся с места. Он бросил свою сумку и встал настороже, держа руки на оружии.

– Ничего особенного, – сказала Саван. – Просто облако.

– Вряд ли, – донесся голос с востока, и они оба обернулись, чтобы увидеть магистра Кейна, выходящего из-за угла монастыря.

– Рад встрече, Дзирт, – сказал он. – Пойдем, мы должны поторопиться. Шторм приближается быстрее, чем я ожидал.

Дзирт беспомощно усмехнулся, взглянул на Саван и поднес к губам свисток единорога, чтобы вернуть волшебного скакуна, которого он только что отпустил, но Кейн поднял руку и покачал головой. Монах начал объяснять, но в этом не было необходимости, поскольку из-за угла позади него вышла пара женщин. Одна была высокой и привлекательной на вид, с густой копной волос медного цвета, ниспадающей на плечи, и поразительными ярко-синими глазами, которые были немного великоваты для ее угловатого лица. На ней был халат с меховым воротником, застегнутый на одну пуговицу на талии, и, по-видимому, больше ничего, ее длинные ноги мелькали из складок при каждом уверенном шаге.

Женщина позади была немного ниже ростом и немного мягче на вид, с розоватыми светлыми волосами, в которых пробивалась седина. На ней был халат попроще, застегнутый скромнее, хотя и гораздо короче. И снова, ее голые ноги, торчащие снизу, заставили Дзирта поверить, что халат – это все, что на ней было надето.

И он понимал почему.

И он понял, что за тень пронеслась мимо.

– Я полагаю, что ты знаешь... – начал Кейн.

– Ильнезара и Тазмикелла, – закончил Дзирт.

– Утром Киммуриэль снова приходил ко мне и попросил пойти за ними, – объяснил Магистр Кейн. – Их пункт назначения – тот же, что и у тебя, и поэтому нет необходимости вызывать Андахара.

– Главная башня в Лускане, – сказала медноволосая Ильнезара.

– Адбар, – поправил Дзирт. – Легче использовать огненные порталы.

– Главная башня, – сказала Тазмикелла. – Не будет быстрее воспользоваться туннелями и порталами. Не стоит нас недооценивать.

Дзирт почтительно поклонился. Последнее, чего он хотел – это разозлить сестер.

– Ты готов отправляться? – спросил Кейн.

– Я бы уже ушел, если бы Саван Владычица Зимы не остановила меня.

Кейн кивнул и подбежал к дроу и монахине. Он отвел Саван в сторону и прошептал ей что-то, что заставило Дзирта немного замереть, поскольку заметил обеспокоенное выражение на ее лице.

Она на мгновение поморщилась, но затем бросилась к Дзирту, чтобы поцеловать его в щеку и попрощаться с ним, и снова пообещала уделять Бри самое пристальное

внимание. Она быстро улыбнулась и поклонилась пришедшим сестрам и поспешила в монастырь.

– Она выглядит обеспокоенной, – сказал Дзирт Кейну.

Перейдя дорогу, сестры направились обратно за угол монастыря к большому, широкому полю, сбрасывая на ходу свои одеяния. Ильнезара крикнула Дзирту через плечо, чтобы убедиться, что он подобрал их.

Дзирт не удержался и фыркнул от удивления, когда хвост пророс из голых ягодиц Ильнезары, и покачал головой, когда сестры одна за другой опустились на четвереньки, трансформация уже шла полным ходом. К тому времени, как Ильнезара завернула за угол, ее хвост был в два раза длиннее роста Дзирта.

Кейн и Дзирт последовали за ними.

– Я попросил у Саван разрешения отправиться с тобой, – объяснил Кейн дроу, когда они дошли до угла. Сестры-драконицы были полностью преобразованы в свои более естественные формы, стройные и жилистые, более тридцати футов в длину, считая их змеевидные шеи и хвосты, и покрыты медной чешуей, которая ярко сияла в лучах утреннего солнца.

Правда, не так ярко, как их глаза, бирюзовые шары, которые, казалось, больше излучали свет, чем отражали его.

– Ты снова присоединишься ко мне в моем сознании? – спросил Дзирт, вспоминая пещеру гноллов. Дзирт поморщился от этого воспоминания, но не мог отрицать возможность того, что он вышел с того путешествия с еще большим пониманием себя и окружающего мира. – Не могу сказать, что мне не понравилось наше слияние, но...

– Нет, – перебил его Кейн, и подошел к одной из сестер, в которой Дзирт узнал Тазмикеллу, поскольку она была старшей из них, и некоторые ее чешуйки приобрели зеленоватый оттенок, как седина в светлых волосах, когда она была в человеческом обличье.

Кейн поднял с земли маленькое седло, засунул мантию Тазмикеллы в прикрепленную к ней седельную сумку, затем высоко поднял седло, чтобы надеть его на плечи низко пригнувшейся Тазмикеллы.

– Я иду с тобой, разумом и телом, – объявил он. – Мой друг, сейчас в этом мире осталось мало того, что могло бы взволновать меня или сообщить информацию. Поэтому, когда у меня появляется возможность увидеть что-то новое, я не отступаю.

Дзирт не совсем понимал, как к этому отнестись, но он подошел, чтобы собрать другую сброшенную мантию и засунул ее в сумку седла, которую Ильнезара положила на землю рядом с собой.

– С вашего позволения? – спросил он драконицу, которая повернула голову так, чтобы расположить свою огромную морду рептилии прямо перед лицом Дзирта.

– С удовольствием. Ты можешь прокатиться на мне, Дзирт До'Урден, – сказала она голосом, который был скорее хриплым, чем шипящим.

– Будь осторожен, когда будешь высоко в небе, – сказала Тазмикелла Дзирту, когда он забирался на место и расположил рюкзак перед собой. – Моя сестра предпочитает быть сверху.

Обе драконицы засмеялись, или зашипели, или что-то среднее.

Дзирт вздохнул и покачал головой, и даже не успел надежно пристегнуться толстыми веревками специальных седел, когда Ильнезара подпрыгнула, яростно взмахивая крыльями, чтобы подняться в холодное утреннее небо.

– И любому мужчине, который поедет на ней верхом, не мешало бы держаться за свою жизнь! – услышал он крик Тазмикеллы у себя за спиной.

Дзирт оценил эту беспечность, поскольку оно отвлекло его от постоянных тревог за жену и друзей. Довольно скоро он также оценил открывшийся вид на мир, широко открывающийся под ним. У него перехватило бы дыхание, но ледяной воздух уже сделал это. Он низко пригнулся к плечу дракона, чтобы укрыться от порывов ветра, но потом вспомнил о тренировке с Саван на склоне горы. Он погрузился в себя и почувствовал, как кровь течет по телу, неся тепло, и улыбнулся. Совсем не так холодно, как он опасался.

Он наблюдал за приближающейся бурей, но лишь на короткое время, поскольку стало очевидно, что драконам не составит особого труда обогнать ее. Они уже спускались с Галенских гор, и Дзирт мог видеть, как солнце сияет на водах Лунного моря впереди и слева от него.

Он глубоко вздохнул и попытался отпустить страхи и заботы, попытался быть в настоящем моменте, только в этом моменте, и насладиться видами, которые мало кому могли понравиться. Взгляд на мир так отличался для того, кто был наверху! В конце концов, он видел города вдалеке и знал, что они должны быть величественными, но отсюда, они казались мелочью.

Все это было относительно. Размер был относительным, как и время, как и важность. Он всегда старался помнить об этом, напоминая себе о собственных прозрениях относительно перспективы. Каким взаимосвязанным казался весь мир отсюда, сверху, в то время какой разрозненной была реальность внизу. Отсюда, если бы они полетели дальше на запад, в темноте ночи Дзирт мог бы увидеть огни Глубоководья и Лускана одновременно, но сколько людей проживут всю свою жизнь в одном из этих городов никогда не посетив другого, никогда не зная ничего, кроме самых общих деталей, возможно, не больше, чем название другого?

– Почему ты вообще приземляешься? – он окликнул Ильнезару.

– Для развлечения, – ответила драконица, поворачивая морду. – Мелочность низших существ забавляет меня.

– Ты знаешь, почему мы летим в Главную башню?

– Потому что Джарлакс вернулся с севера, обещал приключения и умолял о помощи.

– Джарлакс вернулся? – сказал Дзирт, его мысли внезапно закружились так сильно, что он почти забыл держаться. – Кто был с ним?

– Я не знаю. Он пришел ко мне и сестре с помощью Киммуриэля и попросил нас помочь ему. Нам это показалось забавным, и поэтому мы здесь. Она начала поворачивать голову назад, но Дзирт окликнул ее.

– С ним была моя жена, – сказал он.

– Это был всего лишь Киммуриэль, когда он пришел, чтобы сообщить нам и просить нас, – ответила она и посмотрела вперед.

– Нет, на севере, – объяснил Дзирт. – Моя жена была там с Джарлаксом.

Снова появилась голова Ильнезары.

– Интересно, – просто сказала она.

Дзирту нечего было добавить. Он молился, чтобы ему удалось найти Кэтти-бри ожидающей его, когда он приземлится в Лускане.

Он боялся, что этого не произойдет.

Они летели много часов, земля раскинулась внизу, горы Галена уже отступали далеко вдаль позади них. Что больше всего поразило Дзирта в этом путешествии, так это тишина, или, скорее, постоянный и ровный шум от проносящегося мимо ветра. Полет дракона казался таким легким – он не мог вспомнить, когда Ильнезара в последний раз даже взмахивала своими кожистыми крыльями.

Он наблюдал, как перед ним садится солнце, западное небо загорается оранжевым, розовым, пурпурным и желтым, нижняя сторона далеких облаков становится ярче, блестит, пылает, как будто они в охвачены огнем.

Наступили сумерки, слабый свет только подчеркивал бесшумный, скользящий полет, и, несмотря на тревожные новости с запада, Дзирт обрел покой, затерявшись среди лагерных костров, домашних очагов, оживающих под ним, и звездами, появляющихся, чтобы мерцать над головой. Он погрузился в состояние прекрасной медитации, в ту же безмятежность, которую так часто испытывал на вершине пирамиды Кельвина.

Пирамида Кельвина.

В последний раз, когда он взбирался на ту одинокую гору в Долине Ледяного Ветра, он отправился туда, чтобы умереть – и там он возродился среди своих любимых друзей, так неожиданно, нет, шокирующе!

Он хотел вернуться туда когда-нибудь в ближайшее время, со своими друзьями рядом с ним... Или нет, может быть, один, или только с Бренором, или с Кэтти-бри наедине.

Этот последний поток мыслей ворвался в сознание, напомнил о его великом страхе и вывел из медитативного состояния.

Только тогда он понял, что Ильнезара была намного ближе к земле и быстро снижалась, что удивило его, потому что он почти убедил себя, что драконы пролетят весь путь до Главной Башни за один полет.

С удивительной грацией дракон опустился на широкое поле, Тазмикелла и Магистр Кейн приземлились прямо рядом с ними.

Сестры-драконицы удалились, а Дзирт и Кейн разделили трапезу.

– Это будет короткий сон, – предупредил Кейн. – Мы снова взлетим высоко задолго до рассвета.

Дзирт кивнул.

– И прежде чем мы устроимся на отдых, я прошу тебя снова позволить мне проникнуть в твои мысли. Мы сразимся с Ильнезарой и Тазмикеллой, пока ты будешь стремиться к гармонии своих дисциплин.

– Я буду сражаться с парой драконов, – ответил Дзирт со смешком. – По крайней мере, у тебя хватило здравого смысла поставить передо мной легкую задачу, пока я справляюсь с новым сочетанием дисциплин.

– Сколько гноллов я должен собрать, чтобы ты оказался занят достаточно долго, чтобы мы могли добиться некоторого прогресса? Пять? Дюжину? Сотню?

– Этот бой может оказаться короче, чем если бы ты пошел и принес только одного гнолла, – сказал Дзирт. Он посмотрел в сторону и кивнул подбородком, чтобы направить взгляд Кейна через поле на приближающихся дракониц, теперь уже в человеческом обличье. Они несли тяжелые седла и седельные сумки так же легко, как настоящий человек мог бы держать маленький кошелек, подчеркивая последнее утверждение Дзирта.

Кейн рассмеялся и поднялся со скрещенных ног, не касаясь земли ни одной рукой, что Дзирт нашел замечательным для человека, особенно столь преклонного возраста. Кейн просто поднялся, все еще скрещивая ноги, из положения сидя в положение стоя, как если бы он был на конце ниточки марионетки.

Кейн взял свой рюкзак, порылся внутри, и извлек пару маленьких деревянных цилиндров. Он взмахнул одной рукой, затем другой, предметы вытянулись до длины в три фута, в которых Дзирт вскоре узнал тренировочные мечи.

– Вы хотите сначала поужинать или мы начнем? – спросил монах сестер, когда они приблизились.

– Давайте закончим наш танец, – сказала Тазмикелла.

– Я бы сражалась голодной, – согласилась Ильнезара, устремив на Дзирта взгляд своих сияющих бирюзовых глаз. – Таким образом, если Дзирт возбудит меня ударом, я просто съем его.

Кейн подошел и передал ему тренировочные мечи. Дзирт поднялся на ноги, все еще глядя на Ильнезару, безуспешно пытаясь понять, как расшифровать значение слов дракона.

Да, эта женщина взволновала его и напугала, и не только потому, что он знал, что она может убить его.

Кейн отошел и плюхнулся обратно на землю.

– Постарайся не растоптать мое тело в своем... танце, – сказал он и кивнул Дзирту. – Ты готов?

Вскоре после этого Кейн оказался в разуме Дзирта, незаметно и на заднем плане, но, несомненно, там. Дзирт перешел к надлежащему оборонительному равновесию, в то время как две женщины кружили вокруг него, отмеряя шаги, разговаривая друг с другом, насмехаясь над Дзиртом.

Тазмикелла прыгнула вперед, хлопнув ладонью поперек. Дзирт встретил это язвительным укором правого клинка и быстро парировал броском и уколом, а также размашистым ударом левой.

Однако он прервал атаку и откатился в сторону, почувствовав натиск Ильнезары позади себя, и в этот раз он тоже ответил правильными парированиями и ответными ударами, заставив сестер вернуться к их размеренному хождению по кругу.

Дзирт слышал жалобный крик своей дочери.

«Прекрати!» – потребовал он от Кейна.

«Ставки высоки, – последовал внутренний ответ. – Жизнь твоей жены может оказаться под угрозой, если ты не сможешь должным образом защитить ее в трудную минуту».

«Что ты знаешь?» – потребовал Дзирт, но вернулся к текущей ситуации, когда обе сестры набросились на него, слева и справа.

Он нырнул вперед, перекатился, поднялся в прыжке и развернулся лицом к преследователям.

«Я ничего не знаю», – сообщил Кейн.

Затем Бри закричала, как будто от боли или страха.

«Стань Охотником. Останови это! Твоя жена в опасности. Твои друзья будут потеряны для тебя. Останови это!».

Бри плакала, визжала.

«Стань Охотником!»

– Прекрати! – закричал Дзирт, и его мысли обратились наружу, когда его голос заревел, как раз вовремя, чтобы получить хлесткий удар по плечу, который бросил его вперед и заставил снова перекатиться. Он поднялся, сгибая руку, пытаясь отогнать боль.

Сестры бросились в атаку. Бри вскрикнула.

Охотник подпрыгнул и развернулся, ударив Тазмикеллу ногой прямо в грудь. Дзирт отскочил в сторону, потому что драконица не сдвинулась с места от удара, но он легко приземлился в повороте и вернулся обратно.

Он представил себе движение, прыжок и сальто прямо над Ильнезарой, нанесение ударов и поворот, когда он опустится позади нее, и даже начал прыжок.

Но Охотник, воин, знал, что такой прыжок невозможен, и поэтому отказал ему. Да, он прыгнул, но ни высоко, ни низко, простым, нелепым, прямолинейным прыжком, который привел его прямо к драконам.

Тазмикелла ударил его прежде, чем он приземлился, а потом он не уже не приземлился.

Нет, он летел.

Он рухнул в траву и потерял оружие, крепко прижимая правую руку к ушибленному левому боку.

«Ты должен верить в свою ки», – была последняя мысль, которую он услышал от Кейна, перед тем как лечь на спину, глядя на звезды.

– Ну, сестра, это было довольно скучно, – услышал он голос Тазмикеллы.

– И ты сломала его прежде, чем я смогла как следует поиграть с ним, – добавила Ильнезара.

Дзирт подумал, что звезды были особенно красивы, и что это хорошее время для сна.

– Мы попробуем еще раз сегодня вечером, – сказал Дзирту Магистр Кейн, когда они забрались на медных драконов и начали подниматься в предрассветное небо. – Сегодня вечером я буду контролировать движения Дзирта, и он почувствует красоту гармонии, и Дзирт проникнется доверием.

Дроу ответил свирепым взглядом.

Он не был в особенно великодушном или благожелательном настроении.

Из-за манипуляций, имитирующих страдальческие крики дочери, страхов за жену и внезапного замешательства внутри в его глубокой боевой позиции, мир

казался ему неуравновешенным. Или, более точно, его собственное место казалось неуравновешенным, а его великие радости внезапно стали сомнительными.

Ему удалось отбросить мрачные мысли в сторону по мере того, как день клонился к концу, а мир разворачивался под ним, но когда они приземлились на второй день, Дзирт вернулся обратно на землю.

Он спрыгнул со спины Ильнезары еще до того, как она села на землю, и бросился через поле, чтобы встретиться лицом к лицу с Кейном, когда Тазмикелла приземлилась.

– Это может быть интересно, сестра, – услышал он позади себя голос Ильнезары, и, оглянувшись, увидел, что она уже трансформировалась в человеческую форму. – Возможно, нам следует позволить Дзирту и Кейну сразиться, пока мы будем сидеть сложа руки и наслаждаться шоу.

Дзирт проигнорировал ее, хотя внутри проклинал себя за то, что так явно показал свой гнев здесь.

– Будь спокоен, мой друг, – сказал Кейн, подкрепляя эту мысль. Магистр легко спрыгнул со спины Тазмикеллы. – Мы преодолеем этот диссонанс.

– Давай начнем немедленно, – сказал Дзирт.

– Перекусим?

– Позже.

Кейн рассмеялся и покачал головой.

– Немедленно, – настаивал Дзирт.

– Это был долгий день, и мы оба выступим лучше, если наше рычание будет исходить из горла, а не из животов.

Дзирт начал было возражать, но сдержался. Несмотря на весь его кипящий гнев и страх в тот момент, он должен был напомнить себе о серьезности человека, стоящего перед ним.

Разочарование Дзирта, а не действия Кейна вызвали это беспокойство. Обучение у монахов пошло ему на пользу во многих отношениях – он был бы уничтожен ретривером и давно ушел бы из этой жизни, если бы не Магистр Кейн.

Этот человек просил о доверии. Дзирт был обязан ему этим и многим другим.

Они быстро поели и вернулись к своему испытанию. Кейн слился с сознанием Дзирта и взял контроль на себя, как они и договаривались, когда сестры-драконы напали.

На этот раз он слышал отвлекающие факторы такими, какими они были, – отвлекающими. И вместо того, чтобы слушать их, он слушал Кейна... и самого себя. Пусть и совсем чуть-чуть.

Дзирт не мог понять, где заканчивался Кейн и начинался он сам, точно так же как где заканчивалось его обучение монаха и начинались его тренировки воина и первобытные инстинкты. Его тело находилось в постоянном движении, прыгало и вращалось, всегда опережая двух нападающих, иногда перепрыгивая через одного, чтобы ударить сзади при спуске, иногда превращая логичное парирование во внезапный и разрушительный ответный удар.

Даже драконы, казалось, были впечатлены огромным количеством ударов, которые Дзирт наносил этими тренировочными мечами, причем со всех мыслимых

углов. Его прыжок прямо через Тазмикеллу, удар наотмашь при приземлении, когда она поворачивалась, вызвал бурные аплодисменты Ильнезары.

Это тренировка оказалась гораздо более приятной для Дзирта, и открывала новые возможности и большие высоты, как в переносном, так и в буквальном смысле. Если он сможет найти гармонию между двумя боевыми стилями, сделав их взаимодополняющими, а не соревновательными...

Он даже принял использование Кейном его самых глубоких эмоций и страхов, крики своей маленькой дочери, неизвестные опасности, в которых может оказаться его жена, как должное – упражнение, которое он посчитал похожим на то, когда дроу пытали студентов в Мили-Матгире, чтобы сделать их устойчивыми к жестоким методам, если они когда-нибудь попадут в плен.

Действительно, единственное, что приводило Дзирта в замешательство во время этого занятия, были звуки, которые издавала Ильнезара всякий раз, когда тренировочный меч ударял ее, поскольку они больше походили на вздохи удовольствия, чем на возгласы удивления или крики боли.

Он думал о ней и о Джарлаксе, и мог только качать головой.

Дзирт прокручивал этот успешный спарринг в течение всего полета на следующий день, учитывая гармонию, которую он наблюдал между двумя боевыми стилями. Однако, он был лишь зрителем, а не игроком, поскольку в основном это было заслугой Магистра Кейна, и, таким образом, хотя демонстрация помогла несколько развеять его опасения, что этот критический барьер между стилями возник совершенно не вовремя, тревога осталась.

Он должен довериться Кейну, повторял он себе неоднократно, пока они с Ильнезарой скользили в утреннем воздухе. Кейн пообещал, что Дзирт быстро преодолеет это ограничение – неожиданно для Дзирта, но не для Кейна.

Он верил в высшей степени опытному монаху.

Тем не менее, он продолжал сосредотачиваться на спарринге, проигрывая его снова и снова, погружаясь в работу, чтобы не приходилось думать о разочаровывающих, непреодолимых страхах относительно жены.

Дзирт обнаружил, что разрывается от тревоги и эмоционального голода, когда они сели позже в тот же день. Преисполненный решимости быть в настоящем моменте через каждый удар, пинок, вращение и блок, он знал, что должен быть в наилучшей форме для ожидаемого урока.

– На этот раз ты вызовешь Охотника без моей помощи, – сказал ему Кейн. – Я не буду имитировать крик твоей дочери и напоминать о возможных неприятностях с твоими друзьями или женой. Когда сестры нападут, Дзирт должен вызвать чистого воина.

Дзирт кивнул и наблюдал за приближением Ильнезары и Тазмикеллы, его пальцы скользили по рукоятям тренировочных мечей.

Кейн отодвинул свое физическое тело в сторону, сел, скрестив ноги, и начал свое медитативное пение. Дзирт чувствовал его, словно он стучался в дверь разума Дзирта, прося войти.

Следопыт-дроу, монах-дроу, закрыл глаза и подчинился.

Как только он снова открыл глаза, сестры набросились на него, злобно и яростно.

Но Охотник вышел вперед. С наручами его движения были прекрасными, быстро и точно деревянные мечи шквалом парировали и отражали каждую атаку. Он пропустил один шлепок в обмен на удар своего меча по лицу Ильнезары с такой силой, что визг дракона на этот раз не был игривым, и тренировочный меч, несмотря на все его тонкое мастерство и даже небольшое магическое усиление, сломался пополам.

Охотник правильно сделал, что уже был в движении, чтобы принять удар Ильнезары, но все равно его отбросило на несколько футов. Он сделал три переката, чтобы еще больше смягчить удар.

Напоминание не требовалось, но это действительно были драконы, какими бы легкими и человечными они ни казались сейчас. Он поднялся на ноги после третьего переката и отбросил сломанный меч в сторону.

Охотнику он был не нужен.

Драконы бросились в погоню, но были встречены вращающейся атакой в прыжке, удары разлетались во все стороны, обрушиваясь дождем на одну сестру за другой.

Если бы это были настоящие противники-люди, настоящие гуманоиды любого вида, а не замаскированные драконы, схватка закончилась бы быстро и решительно. Но как бы то ни было, Охотник ударил их десятки раз, избегая или смягчая любую атаку, которую предпринимала любая из сестер.

Не было никаких сознательных мыслей, и все же он был в сознании, разум и тело Дзирта двигались быстрее, чем он мог себе представить.

В тихой части своего разума он был уверен, что на этот раз он не будет тем, кто уступит. Он не устанет, его удары не замедлятся, и драконы будут вынуждены сдаться.

Он чувствовал, как нарастает их разочарование – он ощущал это по неуловимым изменениям боевых поз и приемов сестер. Они становились небрежными, и из-за этого все чаще попадали под удары.

И тогда Ильнезара выпустила дыхательное оружие – не кислоту, которая могла расплавить жертву, а конусообразное облако тяжелого газа, которое пыталось сковать и замедлить Охотника.

Но Охотник уклонился, а затем уклонился от аналогичной попытки Тазмикеллы.

И он бросился прямо за взрывом и нанес двойной удар ногой в лицо и грудь Тазмикеллы. Он отскочил, перекатился, развернулся и нанес круговой удар ногой приближающейся Ильнезаре, явно удивив ее, а затем еще больше, когда быстро нанес ей три удара по шее и рту.

Драконница сплюнула кровь. Ее глаза расширились от ярости. И она начала преображаться.

Дзирт отпустил Охотника и отступил назад, поднимая руки.

Сбоку он увидел прибежавшего Кейна, что удивило его, так как он не почувствовал, как жизненная сила монаха покинула его тело.

Кейн и Тазмикелла перехватили Ильнезару и успокоили ее, и Дзирт расслабился, когда она обратила превращение вспять и громко и непристойно рассмеялась.

- Какой дерзкий! – сказала она.
- Хорошо сражался, – сказала Тазмикелла Дзирту.
- Блестяще сражался! – сказала Ильнезара.

Дзирт кивнул и извинился за последний чрезмерный удар, затем повернулся к Кейну и сказал:

- Мы хорошо поработали.
- Мы?

Дзирт посмотрел на него с любопытством, но лишь на мгновение, которое потребовалось ему, чтобы осознать правду.

Кейн не присоединялся к нему в этом бою. Его движения, гармония боевых стилей, призыв к Охотнику и соединение с монахом – все это было его собственной работой.

- Ты прошел через это, – сказал Кейн.
- Дзирт обдумывал это всего несколько мгновений, затем ответил:
- Давай поедим и отдохнем. Я хочу найти свою жену.

Глава 25

Что он сделал для нас

Галатея поправила ремни и проверила Блуцидер, меч с лезвием из голубого льда. Она взглянула на лежащий в стороне щит, поскольку тот с трудом помещался в узкую шахту, вырытую шахтерами.

Она оглянулась на худощавого и юного Алефаэро, который, как говорили, был одним из самых могущественных волшебников во всей Каллиде, и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Она наблюдала, как мужчина-эвендроу неловко ерзает в ремнях, напоминая, что этот дроу, несмотря на все его магические мастерство, был не слишком силен, и был, казалось, далек от всего, похожего на легкую атлетику, или даже на элементарную координацию. По крайней мере, он весил немного, подумала она, и это имело значение, ибо они были связаны одной веревкой, и спускался всего в десяти футах или около того позади.

– Один свист, и мы быстро поднимем тебя обратно, – сказала Илина, напугав ее, потому что она даже не заметила приближения жрицы. Она посмотрела на свою подругу, затем проследила за ее взглядом, который упал на стержень, доставленный в Каттисолу и закрепленный на земле рядом с шахтой. Толстая шелковая веревка, удерживающая Галатею и Алефаэро, была обмотана вокруг барабана под пятью равномерно расположенными ручными спицами. Команда буксировщиков – двое огромных орков, мускулистый дворф и двое эвендроу, которые сражались в качестве центральных защитников Ардина, Тиватриса, стояли чуть в стороне, натирая руки мелом и разминая плечи и предплечья, в то время как другая пара дворфов проверяла длинные болты и крепящие шкивы, которые должны были направлять веревку через край шахты и предотвращать ее истирание.

Галатея взяла свисток у Илины и накинула цепочку ей через голову. Она знала, что он был волшебным и громким, поэтому, что бы ни случилось там внизу, жрецы наверху услышат зов.

– Продолжайте спускать ровно и не слишком быстро, – напомнила она им и направила взгляд Илины на Алефаэро. – Если он инстинктивно схватится за выступы шахты, вы наверняка оторвете ему руку.

Ее тон говорил, что она, по крайней мере, наполовину шутит, и Илина усмехнулась, а затем прошептала:

– Он силен в магии.

– Он знает, чего мы боимся там, внизу, – кивая согласилась Галатея и напоминая себе не меньше, чем Илине. Просто глядя на этого мальчишку, который казался слишком молодым и слишком слабым, трудно было обрести уверенность, – Он должным образом подготовился.

Тягачи заняли свои места, дворфы подали сигнал, что шкивы установлены, и Илина поцеловала Галатею в щеку на удачу и отошла.

– Ты готов? – спросила Галатея волшебника, который неуверенно кивнул, а затем вскрикнул от удивления, когда тягачи сильнее намотали веревки и его подняли в воздух. Алефаэро направился наверх, и над, казалось бы, бездонной дырой, его челюсть, казалось, сжалась в начале беззвучного крика.

Паладин спрятала улыбку, пока полностью не отвернулась от бедного, перепуганного молодого человека, затем почти сразу же отбросила ее, перекинув ноги через край шахты, согнувшись в талии, чтобы закрепиться, пока веревка не натянулась, Алефаэро теперь был почти в десяти футах над ней. Буксировщики держали веревку натянутой, ослабив ее ровно настолько, чтобы Галатея могла перебраться через край и спуститься в шахту. Следующие несколько мгновений все шло очень медленно, пока все выпрямлялось и улаживалось. Затем начался спуск, буксировщики изменили направление. Алефаэро не расслабился достаточно быстро, и из-за его взмахов первые несколько футов он подпрыгивал, встряхивая Галатею, и поэтому она болталась под ним.

– Просто держи руки на веревке, а ноги прямо под собой, – крикнула она волшебнику.

Алефаэро кивнул, но едва ли подчинился, так как продолжал рефлекторно тянуться к стене шахты.

Галатея неоднократно говорила себе не ругать его, и что его нервы успокоятся. Она надеялась, что так оно и будет, потому что защитные заклинания, наложенные на них Илиной и другими жрецами, продержатся не долго, а медленный спуск отнимет у них драгоценное время, отведенное на то, чтобы рассмотреть, что их ждет далеко внизу.

Видимо, эта ее последняя мысль обсуждалась и наверху, потому что скорость спуска внезапно и резко возросла. Алефаэро подпрыгнул и закрутился в нескольких резких коротких падениях, прежде чем выровняться.

Галатея подумала, что робкий молодой человек, должно быть, наконец убедил себя, что протягивать руку – не самое лучшее, что стоит здесь делать, или, возможно, он просто слишком сильно сжимал руками веревку и зажмурил глаза, когда темнота сомкнулась вокруг них, а дыра наверху быстро уменьшалась.

Довольно скоро Галатея почувствовала поднимающийся снизу жар, и поняла, что они приближаются к концу шахты и входу через потолок в большую хрустальную камеру.

Она нащупала на поясе маленький волшебный фонарь, который закрепила там, собираясь зажечь его ярким светом.

Она почувствовала, как стены шахты расступаются вокруг нее, почувствовала горячий ветерок подземной камеры. Она не была полностью черной, так как тут и там вдалеке виднелись различные красноватые или оранжевые отсветы. Чувства Галатеи подсказали ей, что эта пещера была очень большой – некоторые огни казались очень далекими.

Она не включила свет, уверенная, что не приземлится или не врежется во что-то или в кого-то. Наверху Алефаэро тихо окликнул ее.

– Галатея? Галатея, свет?

Она хотела подождать еще немного, но еще больше ей хотелось, чтобы ее спутник заткнулся, поэтому она откинула закрывающую волшебный фонарь завесу.

Тысячи искр приветствовали вторжение света, словно зрительные вздохи удивления. Галатее тоже хотелось задохнуться, как от удушающей жары, так и от нахлынувших на нее образов.

Они говорили ей, что здесь, внизу, есть кристаллы, но паладин никоим образом не была готова к такому.

Потому что эти разноцветные кристаллы были огромными, некоторые толще ее роста. И обдавало жаром – тем же жаром, который вырезал каньоны, служившие районами в городе.

– Клянусь богами, – услышала она возглас Алефаэро над собой, слишком громкий, чтобы ее успокоить.

Она подняла глаза, поймала его взгляд и приложила палец к поджатым губам. Затем она обратила свое внимание на пол, или, скорее, на округлую вершину огромного кристалла недалеко внизу. Она ступила на него и направила волшебника вниз рядом с собой, затем крепко удерживала его неподвижно, пока команда далеко наверху, почувствовав уменьшившийся вес, пыталась ослабить шелковую веревку.

– Как Джарлакс назвал это? – тихо спросил Алефаэро.

– Комнаты, в которых невозможно дышать.

– Без магической защиты мы бы уже испытывали боль, – сказал волшебник. Он опустился на колени, затем положил руки на кристалл и наклонил голову ниже, заглядывая под пролет другого соседнего образования.

Галатея знала, что они не одни в этом месте. Она осмотрела все вокруг, затем спросила Алефаэро:

– Что-нибудь есть?

Волшебник покачал головой.

– Стой спокойно, – сказала ему Галатея, и опустила завесу фонаря, крадя свет.

Несколько ближайших огней перед ними отбросили тени на линии кристаллов – и то, что светилось, явно двигалось.

Алефаэро неуклюже и неуверенно поднялся на ноги.

– Свет, свет! – взмолился он и начал произносить заклинание.

Галатея сделала, как просили, и поняла настойчивость волшебника, когда молодой полярный червь неподалеку прополз по кристаллу.

Затем еще один сбоку от первого и третий сзади.

Галатея вытащила Блуцидер, но даже с защитой от огня, последнее, что паладину хотелось, это вступить в бой с реморхазом – удар по ним, находясь рядом, подвергнет ее воздействию достаточного жара, чтобы плоть съежилась от сильных ожогов.

Она встала на ноги, взяла меч обеими руками и поморщилась, когда в поле зрения появилось еще больше монстров.

Затем последовала вспышка, огромный разряд молнии, вылетевший из дрожащих пальцев Алефаэро. Ближайший реморхаз пал, разорванный молнией, как и второй, а тот, что находился сбоку, хотя и устоял на ногах, начал странно трястись, явно расстроенный.

Алефаэро снова начал заклинание, но остановился и ахнул, и Галатее не нужно было спрашивать почему, ибо она тоже увидела новоприбывшего, недалеко от остальных, гигантского взрослого полярного червя, около двадцати футов длиной и достаточно толстого, чтобы проглотить эвендроу целиком!

Галатея зажала свисток между губами и дико дунула, как и Алефаэро.

Все больше и больше червей всех размеров показывали себя, проползая по кристаллам они приближались к незванным гостям.

Алефаэро встал, и в него влетел ближайший червь, тот, что был ранен молнией. Он встал на дыбы, как змея, клацая жвалами, и метнулся вперед для удара.

Галатея мудро поступила, что не стояла на месте, а скатилась обратно с кристалла к концу веревки. Тот, что был наверху, продолжал атаковать ее там, где она ранее стояла. Она поднялась, когда червь подошел ближе. Отчаянно замахнувшись Блуцидером, она смогла отсечь голову червя и поняла, что привлекло его внимание – к счастью, поскольку он уже собирался перекусить веревку!

Ее руки горели от удара, затем от второго, третьего и четвертого, когда она поднималась перед полярным червем все выше и выше в пещеру, вскоре оказавшись вне досягаемости этого малыша.

– Быстрее, быстрее, – взмолилась паладин, потому что взрослый реморхаз быстро приближался. С шокирующей скоростью он бросился к тому месту, где она стояла, и поднялся более чем на половину длины своего тела, яростно взмахивая маленьким драконьими крыльями, чтобы суметь поднять голову, а затем высоко щелкнул жвалами.

Если бы Галатея инстинктивно не поджала под себя ноги, она потеряла бы, по крайней мере, ступню.

Двое эвендроу поднимались вверх, все выше и выше, затем обратно в шахту и еще выше. Галатея крепко прижала Блуцидер к груди, сжимая рукоять своего священного меча, левая рука крепко обхватила лезвие, чтобы зафиксировать его на месте.

Над собой она слышала шепот Алефаэро, слова летели быстро и, казалось бы, бессмысленно. Он просто бормотал, изрыгая страхи и выражая недоверие.

Паладин использовала эту нелепость как бальзам, чтобы успокоиться.

Несмотря на все его магическое мастерство – и сила удара молнии не оставляла сомнений в его могуществе – этот волшебник никогда не знал настоящей битвы.

Слушая его на протяжении всего этого долгого восхождения, Галатея почувствовала, что никогда больше не хочет видеть битву.

Она не винила его.

Подъем прекратился долгое время спустя, а Галатея все еще висела в шахте, пока те, кто был наверху, вытаскивали Алефаэро на твердую землю. Затем она снова поднялась и почувствовала, как чьи-то руки схватили ее. Она попыталась пошевелиться, чтобы помочь им, но очень старалась не потерять свой драгоценный меч.

Когда она выбралась и сумела сесть, она просто сидела тихо, позволяя Алефаэро бессвязно описывать собравшимся монстров внизу. Его ясный и беззастенчивый ужас передал правду об этой хрустальной пещере больше, чем ее взвешенное объяснение могло когда-либо надеяться сделать.

Прошло несколько дней, прежде чем Галатея снова вошла в длинный коридор, ведущий в Каттисолу, с Илиной и волшебником Алефаэро рядом с ней. Руки паладина все еще были забинтованы, поскольку ожоги не зажили полностью после нападения на полярного червя.

Исцеляющие заклинания жрецов значительно уменьшили боль, но Илина посоветовала ей держать руки забинтованными, потому что ее кожа все еще была покрыта волдырями.

– Я неоднократно напоминала Временному Собранию, что именно предупреждение Джарлакса привело нас к этому открытию, – говорила Галатея, уже пересказав Илине все свое выступление на собрании.

– Она так и сделала, – согласился Алефаэро, поскольку он сидел рядом с ней на протяжении всей встречи.

– Я пойду к ним завтра, – сказала Илина. – Мы представим оценку количества полярных червей, которые, по нашему мнению, обитают в той комнате.

– Слишком много, – пробормотал Алефаэро и вздрогнул, как будто его только что пронзил холодный ветер.

Илина улыбнулась на это и подмигнула Галатее, они вдвоем вполне наслаждались первой настоящей встречей неопытного волшебника с опасным противником.

– На два меньше из-за твоих начальных усилий, – ответила ему Илина. – Мы вытащили из шахты наполовину съеденные трупы пары малолетних реморхазов. Очевидно, что полярные черви не привередливы в своем рационе и не гнушаются каннибализмом.

Они слышали грохот впереди, в коридоре, за поворотом, и поспешили определить источник. Они обнаружили караван, состоящий в основном из дворфов и орков, катящих огромные барабаны, которые они привезли из туннелей к северу от Ардина.

Это напомнило Галатее о том, насколько важной будет эта работа в Каттисоле для Каллиды, поскольку казалось, что большинство шахтеров города везут свое драгоценное снаряжение на место.

– Мы возьмем с собой немного кристаллов и кристаллической пыли, чтобы выступить на собрании, – предсказала Илина. – Мы извлечем из камеры несколько разбитых и пережеванных полярными червями кристаллических осколков. Визуальный вид этих обломков усилит предупреждение. Так была потеряна Каттисола, и либо мы сражаемся сейчас и сдерживаем их, либо всю Каллиду постигнет та же участь, как предупреждал Джарлак.

– Какой дьявольский план, – заметил Алефаэро. – Слаады играют в долгую игру. Если бы нас не предупредили, смогли бы мы когда-нибудь понять, почему Кадж захватил Каллиду?

– Всю Каллиду, – согласилась Галатея. – Мы знаем, что они разводили и, вероятно, все еще разводят все больше и больше зверей. Мы можем ожидать, что наступление ледника будет только ускоряться по мере того, как ряды чудовищ будут увеличиваться, а те, кто уже приступил к своей разрушительной работе, станут больше и сильнее.

– Я думаю, справедливо будет сказать, что наш гость с юга спас Каллиду, – сказала Илина.

– Вы должны сообщить об этом конгрессу, – сказал Алефаэро.

– Еще раз, – согласилась жрица.

– Похоже, вы перемещаете большую часть горного снаряжения, – сказала Галатея дворфу, когда они поравнялись с караваном. Она сказала это легкомысленно, но дворф посмотрел на нее с самым серьезным выражением лица.

– Всё.

Галатея замедлила шаг и встала в очередь позади каравана со своими друзьями.

– Ты слышал его?

– Очевидно, собрание приняло твое выступление близко к сердцу, – сказал Алефаэро.

Вскоре после этого они прибыли в Каттисолу и обнаружили множество строящихся шахт, в большинстве из которых уже были установлены шпили. Вся камера кипела от активности, из каждой шахты поднимались ведра, тянулись веревки, росли холмы земли и камней. В стороне эскадрон эвендроу и дворфов отрабатывал свои скоординированные движения, выстраиваясь в линию, целясь палочками и делая вид, что бросает молнии одну за другой.

Трое друзей бродили вокруг, ошеломленные и довольные тем объемом работы, который уже был выполнен. Первая шахта была значительно расширена, вплоть до хрустальной комнаты, как объяснил им один орк, и теперь в нее были введены три отдельные системы канатов, каждая из которых была снабжена тремя ремнями безопасности. Они намеревались ускорить спуск и в кратчайшие сроки ввести в зал девять человек, владеющих волшебными палочками.

Рядом с кучей льда лежало несколько тел реморхазов. Группа эвендроу ковырялась в них, а затем начала нанизывать их на длинные шесты, чтобы их можно было унести.

– Их железы можно перегонять в мощные зелья, – объяснил Алефаэро.

– Мясо жесткое, но вкусное, – сказала Галатея. Двое других с любопытством посмотрели на нее.

– На паковом льду нельзя всегда быть избирательным, – объяснила паладин. – Да, я ела реморхазов – некоторые части готовятся сами по себе, если червя правильно сложить сразу после убийства.

– Я уверена, что Айида придумает что-нибудь и сопровождает это прекрасной историей, – сказала Илина.

– О, вон они, – сказал Алефаэро, указывая мимо Галатеи, и две женщины обернулись, чтобы увидеть дворфов и эвендроу, запрягающих лошадей в главную шахту.

Они начали спуск быстро и эффективно. Тягачи действительно бежали перед толкающими шестами, позволяя ударной группе спускаться в шахту гораздо быстрее, чем спускались Галатея и Алефаэро, как показалось этим двоим.

Трое друзей подошли ближе, но остались на безопасном расстоянии, не желая никого отвлекать от этой точной операции.

Галатея сжала свой меч. Илина, на всякий случай, начала готовить исцеляющие заклинания.

Земля начала грохотать, резкие реплики эхом отдавались далеко внизу. Из шахты донесся крик, но это был явно не тот звук, который мог бы исходить от дворфа или эвендроу.

– Одним зверем меньше, – сказал орк, проходивший мимо трех друзей.

Подземные взрывы молний продолжались, девять ответных ударов пять раз подряд.

После пятого залпа командир наземной группы подняла палец в воздух, и тягачи начали быстро маршировать, поворачивая барабаны, чтобы перемотать трос и вернуть ударную группу. Они поднялись, выползая один за другим, кивая и хлопая в ладоши.

Последняя дворфийка несла тяжелую веревку, которую она держала под собой во время подъема.

– Три мертвых монстра, – сказала она командиру. – Последний – большой. Очень большой. – Она передала веревку перевозчику-орку. – Не поместится ни в одну шахту, кроме этой.

Рабочие быстро приступили к работе, закрепив оставшуюся длину веревки на одном из барабанов. Затем буксировщики согнулись пополам и уперлись в него спинами, пытаясь заставить хитроумное устройство вращаться. На этот раз они ехали не так быстро. Один тягач за другим отходили в сторону, чтобы их заменили новыми. На противоположной стороне орк отбивал медленную ритмичную дробь, удары координировали команду и подгоняли вперед.

И когда реморхаз, наконец, появился, а затем подтянут к такелажу, установленному над отверстием, трое друзей и все остальные в комнате поняли и оценили усилия, потому что крючковатая голова зверя была поистине огромной, с жвалами длиной с эвендроу и толщиной с дворфа. Голова находилась почти в десяти футах над входом в шахту, и было видно меньше половины реморхаза.

– Он был не самым большим там, внизу, – сказала дворфийка, проходя мимо глазающей троицы.

- Нас ждет долгая битва, – сказала Галатея своим спутникам.
  - Алефаэро спустится туда и вычистит их, – ответила Илина, подмигнув.
- Молодой волшебник выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок.

Галатея обнаружила, что странно нервничает, приближаясь к Палате Войны в Сиглиге. Конечно, комната не была часто используемой, зарезервированная для непосредственных угроз самому городу и только тогда, когда такие угрозы требовали большой мобилизации для реагирования. Конечно, она не удивилась, когда мона вызвала ее на эту встречу, потому что сама видела, сколько усилий было вложено в проблемы под Каттисолой. Явно требовался военный совет.

Ее шаги были неуверенными. Она почувствовала капельку пота на лбу.

Она посмотрела в широкие окна коридора на Веселых Танцоров, кружащихся в открытом небе над головой, и кивнула, признавшись самой себе в причине своего беспокойства.

Последний военный совет отправил первую исследовательскую экспедицию в пещеры под крепостью ледяных гигантов, ту самую экспедицию, которую Галатея привела к катастрофе, и приблизившей обреченную на провал попытку спасения чужаками с юга. Ее переполнила боль, которая так очевидно повторилась с потерей Аззудонны и трех посетителей.

Добравшись до двери, она заставила себя не колебаться и протиснулась внутрь.

– А, хорошо, мы все прибыли, – поприветствовала ее Мона Валрисса.

– Я опоздала?

– Нет, конечно, нет.

– Все остальные уже были в Мона Чесс, когда было объявлено о встрече, – объяснила Алвисс из Бшетта.

– Действительно, все пятеро представителей округа встречались с Моной Валриссой, когда был согласован военный совет.

– Значит, дело срочное, – предположила Галатея, занимая свое место на ближайшем конце стола, напротив стула мона. Пятеро представителей сидели справа от нее за длинным и узким столом, и только один клерк с левой стороны сидел прямо рядом с моной. Другие места с этой стороны предназначались для приглашенных докладчиков, обычно экспертов и разведчиков. Чаще всего эти стулья занимали орки, бурнуки, или канаки, или какие-нибудь другие дворфы из главного вестибюля города Каззкальци.

– Мы не уверены в срочности, – ответила Мона Валрисса. – Конечно, боевые действия в Каттисоле не скоро закончатся.

– Мы должны надеяться, что этого не произойдет, – сказала Алвисс, вызвав удивленный взгляд Галатеи.

– Какую информацию я здесь упускаю? – спросила паладин. Затем она заметила, как несколько других обменялись обеспокоенными взглядами. Галатея не была в Каттисоле уже несколько дней, с тех пор как отправилась в путешествие с Илиной и Алефаэро, и только один раз спустилась под зал и в хрустальные пещеры.

– Каттисола – большой район, – сказала Хавелоизия, пожилая эвендроу, которая сейчас жила в Скеллобеле, но была и оставалась ведущим членом делегации

Каттисолы во Временном собрании. В нынешнее время членский состав делегации значительно сократился, но она все еще оставалась и сохраняла за собой полноправное место в советах различных комитетов. – Почти такой же большой, как Скеллобель.

– Да, конечно, – вежливо ответила Галатея старшей и очень уважаемой представительнице. Она знала Хавелоизию в течение многих лет, и обычно называла ее Хэви.

– Мы не можем ни в одном месте легко прорыть шахты, кроме самого восточного, у входа, – объяснила Хэви.

– Конечно.

Галатея на мгновение искренне задумалась, не демонстрирует ли старуха помутнение рассудка, которое иногда проявляется в последние десятилетия жизни эвендроу.

Ответная улыбка Хэви сказала Галатее, что Хэви уловила ее беспокойство.

– Никто не может оставаться в этой подземной камере под Каттисолой длительное время, – пояснила Хэви. – *Конечно*, ты знаешь это.

– Итак, как мы будем бороться с проклятыми червями, которых нет на востоке района? – вмешалась Алвисс.

– Насколько велика эта подкамера? – спросила Галатея. – Даже при нашем освещении и вспышках молний это было трудно определить.

– Каттисола существует благодаря этой комнате с кристаллами, – напомнила ей Мона Валрисса. – Мы ожидаем, что он отражает размеры всего района.

В свете недавних событий и шока, вызванного обнаружением реморхазов, Галатея едва ли задумывалась об этой очевидной истине или о ее последствиях.

– Теперь мы считаем, что из-за подобных камер существует вся Каллида, – продолжила Мона Валрисса. – И река Каллиды, и соединительные туннели. Если вся камера под Каттисолой заполнена гигантскими кристаллами...

– Тогда пещера под ней имеет мили в глубину и ширину, – закончила Галатея.

– Да, – сказал Хэви, – и мы знаем, что не все кристаллы даже далеко на западе уже израсходованы. Магические глаза волшебников и жреческие прорицания подтвердили это.

– Таким образом, полярные черви остаются даже далеко на западе, вне досягаемости наших ударных групп, – сказала Галатея.

– Если только мы не начнем посылать с ними много жрецов.

Мона Валрисса подтвердила.

– И мы отвязываем их, как только они спускаются. Мне не нужно говорить тебе об опасности этого.

Нет, она, конечно, этого не сделает, подумала Галатея. Блуждать по этой камере без возможности внезапного побега, – это была не та экспедиция, которую она хотела бы возглавить, поскольку ей почти наверняка было суждено закончиться трагедией.

Она пристально посмотрела на Мону Валриссу, ожидая, что женщина прикажет именно это.

Однако вместо этого Мона Валрисса повернулась направо и крикнула:

– Волшебник!

Дверь в боковой части зала открылась, и, к шоку Галатеи, вошел Алефаэро и занял место сразу слева от нее.

– Я не ожидала увидеть тебя здесь, – сказала она, когда он уселся, положив стопку пергаментов и больших книг на стол перед собой.

– Алефаэро – главный эксперт Каллиды по реморзам, – объяснила Мона Валрисса, вызвав изогнутую бровь от Галатеи.

– Я не знала, что ты когда-либо покидал Каллиду, – сказала Галатея молодому человеку.

– Я не... Ну, кроме как на каток наверху для Каззкальци, конечно. Я имею в виду, я видел несколько сражений... Я имею в виду.

– Тогда где ты ранее встречали полярных червей?

– Я никогда не видел ни одного... Я имею в виду, никогда живого, по крайней мере, до того, как мы с тобой спустились в ту проклятую комнату.

Галатея с сомнением посмотрела на Мону Валриссу и представителей.

– Они здесь, – выпалил Алефаэро, хватаясь за книги. – Все это о Каллиде, когда наш народ впервые прибыл в ледяные каньоны под руководством Веселых Танцоров. Реморхазы были самой большой угрозой в те далекие времена, и наши предки постоянно сражались с ними в течение многих лет. Знаете ли, Ардин был последним оседлым районом, и только потому, что... Ну, бард Амициферус Обблиевери описал сражения в «самом плодородном каньоне», спустя несколько сотен лет после начала строительства Сиглига. Но, конечно, они должны были победить в этой битве, и не только из-за потенциала щедрости Ардина, но, как также объяснила историк Беладаэва, которая была тринадцатой... нет, четырнадцатой моной, Ардин представлял наилучшие возможности выбраться из-под морского льда, чтобы собрать самые лучшие синие...

Алефаэро листал древнюю книгу, бормоча что-то бессвязное, и продолжал это долго-долго. Он поднял книгу, чтобы показать остальным текст и наброски, и, наконец, оглянулся на Галатею чтобы увидеть, что она смотрит на него, разинув рот.

– Да, хорошо, ты видишь, что я прочитал почти все, что когда-либо было записано нашими предшественниками относительно реморхазов. – сказал Алефаэро, явно смущенный. – Я нахожу полярных червей довольно очаровательными.

– А когда они не нарисованы или не мертвы, они довольно пугающи, – ответила Галатея, подмигнув.

Это вызвало улыбку на лице волшебника, но недолгую, поскольку он понял, что она насмехается над ним.

– Да, – признал он и опустил глаза.

– И все же, – сказала Галатея, затем обращаясь ко всему совету, – когда мы столкнулись с полярными червями, Алефаэро проявил себя превосходно. Я не думаю, что когда-либо видела более впечатляющую молнию за все мои долгие годы сражений.

– Теперь ты понимаешь, почему мы отправили его в ту дыру вместе с тобой, – объяснила Мона Валрисса. – Он силен не только в обращении с магией, но и в знании. Пожалуйста, расскажи Святой Галатее, что ты объяснил мне относительно экологии полярных червей, Алефаэро. Объясни ей, как они питаются и размножаются.

– Иногда и то, и другое, – попытался пошутить волшебник.
 Он прочистил горло перед аудиторией из шести мрачных лиц.
 – Они едят своих детенышей, – объяснил он Галатее.
 – Хорошо.
 – Ну, некоторых из детенышей, и у них их может быть много в одно время. Было зафиксировано десятки пометов.
 – Я полагаю, в этой комнате вряд ли найдется много еды, кроме их детенышей.
 – Может быть и так, – сказал Алефаэро. – Мы приземлились на кристалл, но пол вполне мог быть далеко-далеко под нами. Несмотря на удушливый воздух и жару, я не удивился бы обнаружить там внизу в камере довольно большое разнообразие животных и монстров. Но в любом случае это не имеет значения. Реморхазы ненасытны. Они едят все, что могут разломать на части, и ты видела ущерб, который они наносят кристаллам.
 – Арктос-ороки принесли огромный разбитый кристалл. – добавила Мона Валрисса. – Следы укусов были совершенно необычными.
 – Да, проклятые закорючки откусили от них огромные куски, – согласилась Алвисс. – Не так много останется, если мы не сможем зачистить от мерзких тварей!
 Хэви тяжело вздохнула.
 – Но им не обязательно есть, – взволнованно объяснил Алефаэро, когда Мона Валрисса заставила Алвисс замолчать и велела ему продолжить. – Если верить Амицефереусу Обблиевери, и ученому-инугаакаликуриту третьего века Минуку Кикакику, кажется, они подтверждают... – Он потянулся за другим фолиантом, полистал его, затем еще один, стопку пергаментов и третью книгу, прежде чем Мона Валрисса переключила его внимание.
 – Пожалуйста, просто *расскажи*, мастер Алефаэро, – попросила она.
 – Конечно, приношу свои извинения, – ответил нервничающий молодой волшебник. – Не часто мне удается поговорить о...
 – Пожалуйста? – спросила Мона Валрисса, и Алефаэро прочистил горло.
 – Им не нужно есть, – сказал он непосредственно Галатее. – По крайней мере, не часто. Они растут с возрастом, даже если десятилетиями обходятся без еды. Есть еще одно бедствие, которое разделяет аналогичные диетические... свободы.
 – Драконы, – сказала Галатее, и волшебник кивнул.
 – Полярные черви, возможно, являются дальними родственниками драконов, – сказал Алефаэро.
 – Им не нужно есть, но они жуют кристаллы? – Галатее спросила у всех.
 – Похоже, это доставляет им удовольствие, – сказал Алефаэро.
 – Возможно, для питания, возможно, чтобы заострить края мандибул, но, безусловно, для какого-то удовольствия или тренировки. Ты видела их.
 Галатее действительно видела, и она поняла, что эта война с полярными червями будет гораздо более трудной, чем она думала сначала.
 – Удовольствие? Тренировка? Почему ты так думаешь?
 – Их экология – это пожирание. Ученые утверждают, что во время еды они находятся в состоянии истинного покоя – известно даже, что они издают звуки, похожие на кошачье мурлыканье... И, конечно же, они тренируют свои зубы, как грызуны, прогрызающие древесину. Это приятно и практично. Я не могу

представить себе существ, более идеально приспособленных к своей задаче, если это подходящее слово. Как огромные акулы, которые плавают и едят, размножаются, плавают и едят. То же самое и с полярными червями.

Галатея попыталась разобраться во всех последствиях этого. Если Алефаэро прав...

– Их число будет только увеличиваться, как и их размер, – предупредил их всех волшебник, словно прочитав ее мысли. – Разрушение подземных хрустальных пещер ускорится. Возможно, полярные черви прячутся под другими районами, возможно, даже под Сиглигом, пока мы здесь сидим.

– Для нас исследование всего этого – непростая задача, – сказала Галатея.

– Невыполнимая задача, – согласилась Мона Валрисса.

– Мы должны сразиться с ними там, в восточных пределах Каттисолы, – предложила Галатея. – Возможно, стоит начать с того, чтобы другие команды стали откалывать огромную ледяную глыбу в районе и убирать все, что смогут, чтобы мы смогли копать шахты дальше в каньон.

Мона Валрисса покачала головой.

– Впрочем, это не имеет значения. Нужно найти способ, чтобы ударные группы оставались там в течение более длительного периода времени. Гораздо дольше. У меня есть волшебники, жрецы и алхимики, исследующие такие возможности, пока мы говорим.

– Это хорошо, – ответила Галатея, но в глубине души, она совсем так не считала. Она была в той комнате и чувствовала удушающий, разрушительный жар, сквозь все магические защиты, наложенные на нее Илиной и другими. Эвендроу были экспертами в борьбе с экстремальным холодом, но мучительной жарой?

Не очень.

Глава 26

Любопытство сгубило...

На следующий день драконы начали неожиданный спуск.

Солнце стояло высоко, когда они заскользили ниже и сильно замедлились. Дзирт повернул голову и крикнул Кейну, требуя объяснений. На этот раз дроу узнал местность, потому что они находились почти прямо к югу от Длинной Седловины. Если бы драконы поднялись выше, Дзирт был уверен, что смог бы увидеть Побережье Мечей. До Лускана было еще далеко, если идти пешком или верхом, но он полагал, что драконы доберутся до города до наступления сумерек или, по крайней мере, до того, как сумерки превратятся в ночь.

Они спустились на землю – открытую череду голых холмов, слегка припорошенных снегом. Он спрыгнул со спины Ильнезары и направился к Кейну, пока монах спокойно спускался с Тазмикеллы.

– Почему? – спросил он. – Разве мы не встречаемся с остальными у Главной Башни?

- Так и есть.
- Ты боишься, что сестры-драконицы покажутся в небе над Лусканом? Более странные звери, чем те, что приземлились у ворот Главной Башни!
- Он назвал нас странными, сестра, – заметила Ильнезара, выходя из своей драконьей формы.
- И отвратительными, – сказала Тазмикелла, точно так же начиная свое превращение.
- Он такой дерзкий! – воскликнула Ильнезара. – Мне это очень нравится. Как насчет тебя, сестра?
- Мне кажется, я не пробовала дроу уже много лет, – ответила Тазмикелла. – Довольно вкусно, если я правильно помню. Возможно, нам следует позволить этому дураку продолжать говорить.
- Дзирт перевел взгляд с одной на другую, затем снова повернулся к Кейну, сузив веки, и сосредоточился только на мужчине, как будто хотел дать сестрам немного уединения, пока они становились человеческими женщинами – по крайней мере, до тех пор, пока они не смогут надеть свои одежды.
- Возможно, ты права, сестра, – услышал он за спиной голос Ильнезары. – Несмотря на героическое владение мечом и отвагу Дзирта До'Урдена, он действительно кажется слишком скромным... Нет, скучным, на мой вкус.
- На любой вкус, – согласилась Тазмикелла. – С надлежащими приправами мясо дроу может быть довольно острым.
- Хм, – сказали они в один голос.
- Почему мы приземлились? – прямо спросил Дзирт Кейна, пытаясь не отвлекаться на игривых убийц. – Главная Башня находится в пределах досягаемости.
- Мы приземлились, потому что я попросил сестер посадить нас в этом самом месте, – ответил Магистр Кейн.
- Мы пойдем пешком или поедем верхом отсюда до Лускана?
- Нет и нет. Они скоро доставят нас полетом, и мы присоединимся к нашей группе искателей приключений.
- Дзирт покачал головой и просто пожал плечами в замешательстве.
- Есть один последний бой, – объяснил Кейн.
- Но почему? Ты сказал, что я овладел гармонией и справился с проблемой. Разве я не был один во вчерашней битве?
- Ты был и остаешься собой, – объяснил Кейн. – Я не уверен, что мне еще осталось чему научить тебя, Дзирт До'Урден. Ты овладел трансцендентностью, и твои боевые навыки безупречны. Ты научишься еще многому, но это те вещи, которые тебе нужно будет открыть на своем собственном жизненном опыте, будь то в битве, или мистических откровениях, или просто в том, как ты смотришь на мир. Этот будущий рост должен быть найден тобой, и только тобой.
- После последнего боя, – озадаченно сказал Дзирт.
- Раньше, – поправил Кейн. – Этот бой не для тебя.
- Для них? – удивленно спросил Дзирт, глядя на сестер.
- Нет, – сказал Кейн.
- Тогда что?

– Прежде чем я объясню, я хочу кое-что от тебя. Одолжение. На самом деле, два одолжения.

– Я в бóльшем долгу перед тобой, чем перед кем-либо из всех, кого я знаю, – сказал Дзирт. – Конечно, тебе нужно просто попросить.

– Обещай мне, что ты не вернешься в монастырь и не бросишь вызов Саван Хозяйке Зимы в ее восхождении, – сказал Кейн.

Дзирт вздрогнул от неожиданности, и на мгновение ему показалось, что легкий ветерок мог сбить его с ног. Он и представить себе не мог, что сделает что-то подобное.

– В ее восхождении?

– Чтобы стать Великим Мастером Цветов, – объяснил Кейн. – Саван экстраординарна, и она не юна. С уходом мастера Афафренфера ее путь к вершине Ордена Святого Солнца достаточно скоро станет ясен, как и должно быть. Мастер Весны Первинкл Шин сейчас принимает обеты, чтобы служить Магистром Цветов, но лишь на время. Он старик, и, в отличие от меня, у него нет желания продлевать свое пребывание в этом мире. Я завидую его довольству!

– Ты имеешь в виду, что он станет Магистром Цветов, пока ты отсутствуешь, – заявил Дзирт.

Кейн покачал головой.

– Я полностью отказался от этого титула. Пришло время.

– Магистр Кейн, – пробормотал Дзирт.

– Я больше не Магистр.

Монах пожал плечами, и Дзирт мог ясно видеть, что его улыбка была теплой, довольной и искренней. Кейн был спокоен. Дзирт хотел возразить. Он считал, что монастырю и всему миру стало лучше от того, что Кейн был его Магистром Цветов.

Но, глядя на выражение лица старого монаха, Дзирт понял, что не имеет значения, что он думает. В этот момент Кейн был спокоен, и это был заслуженный покой.

– Ты все еще собираешься отправиться в путешествие на север?

– Конечно! Возможно, именно эта возможность показала, что мне уже недостаточно вытирать сопли с лиц студентов в тихом монастыре!

Это вызвало смех Дзирта, к которому присоединился и Кейн.

– Магистр Первинкл – прекрасный лидер и будет хорошо служить Ордену, – сказал Кейн. – У него не будет внутренних проблем – по крайней мере, сейчас, потому что перед братьями и сестрами стоят более насущные вопросы. Но, как я уже отметил, он не останется на своем посту надолго. Госпожа Саван почти наверняка будет следующей – не осталось никого, кто мог бы бросить ей вызов в единоборстве.

– Итак...

– Никого, кроме Дзирта До'Урдена, – закончил Кейн, пристально глядя на дроу. – И я прошу тебя не делать этого. Ты был прекрасным учеником, прекрасным другом и еще более прекрасным союзником. Но ты не принадлежишь к ордену Святого Солнца Дважды Мученика, и, хотя тебе всегда рады в Монастыре Желтой Розы, он не является и никогда не будет твоим домом. Итак, я прошу тебя пообещать, что ты не бросишь вызов Саван, когда придет время, и что вместо этого ты будешь поддерживать ее и будешь ей другом и союзником, каким был для меня.

Дзирту потребовалось мгновение, чтобы вспомнить образы Саван, играющей с Бри. Его улыбка стала шире от этих воспоминаний.

– Это, пожалуй, самое простое одолжение, о котором меня когда-либо просили, – сказал он Кейну. – Конечно, я бы сделал так, даже если бы ты не просил об этом.

Кейн кивнул.

– Мы можем вернуться в небо? – спросил Дзирт.

– Я попросил о двух одолжениях.

– Ах, да. Я должен снова сразиться с сестрами-драконами?

Кейн медленно покачал головой.

Дзирт склонил голову набок.

– Что?

– Сними все свое магическое снаряжение, – объяснил Кейн. – Раздевайся до последней вещи.

Дзирт не пошевелился.

– Второе одолжение, – сказал Кейн. – Мы будем сражаться как монахи, только нашими телами.

– Бороться против кого? *Друг с другом?*

Кейн, бывший Магистр Цветов Монастыря Желтой Розы, расплылся в самой озорной улыбке.

– У-у-у! – в десятый раз повторил Пайкел Валуноплечий и с энтузиазмом вскинул к небу свою обрубленную руку.

– Ба, но ты же не все мне рассказал, не так ли? – спросил Валуноплечий Реджиса, который прибыл в Кровоточащие Лозы, чтобы попросить Пайкела присоединиться к экспедиции на север.

– Это все, что я знаю, – настаивал Реджис. – Трое, которые отправились с Джарлаксом, попали в ловушку и нуждаются в нашей помощи. Кэтти-бри нуждается в нашей помощи!

– Бви-бви, – сказал Пайкел и хихикнул. – Хе-хе-хе.

– И ты возьмешь моего брата...

– Мо братун! – взревел Пайкел.

Айвен раздраженно вздохнул.

– Ты возьмешь моего брата...

– Мо братун! – закричал Пайкел, прежде чем Айвен успел его остановить.

Еще один вздох.

– И ты возьмешь моего брата... – Айвен сделал паузу и бросил свирепый взгляд на Пайкела.

– Оооо.

– Но не хочешь брать меня? Ба!

– Будь моя воля, я бы взял вас обоих, а также Пвента и Атрогейта, – сказал ему Реджис. – Но это не моя экспедиция, и не короля Бренора. Джарлакс определил команду, которая будет его окружать, и дал Бренору несколько вариантов.

– Бвенор и Бви! – сказал Пайкел. – Хе-хе-хе.

Реджис перевел обеспокоенный взгляд с Пайкела на Айвена.

– Чем старше мой брат становится, тем больше он ведет себя так, когда мы были дворфами, – объяснил Айвен.

– Мо братун! – взревел Пайкел.

Реджис внезапно обнаружил, что переосмысливает всю экспедицию. Он даже ненадолго задумался о том, чтобы вернуться к Бренору и Джарлаксу и посоветовать им заменить Пайкела.

– У него все еще есть заклинания, – заверил его Айвен, как будто прочитал мысли хафлинга. – Заклинания старых времен. И при всех глупостях, которые ты сейчас слышишь, мой брат... – Он сделал паузу и впился взглядом в Пайкела, как будто провоцируя его повторить фразу. – Заклинания моего брата, кажется, с каждым годом становится все сильнее.

– Мо братун! – Пайкел взвыл, и на рычание Айвена добавил: – Хе-хе-хе.

– Он нужен нам, чтобы защитить нас от ледяного дыхания зимы, – сказал Реджис.

– Да, он может сделать это, и даже больше, – сказал Айвен. – Ты подумаешь, что это весенний ветерок и ничего особенного. Я сам видел это не раз за те годы, что мы провели в Дамаре.

– Ты сможешь это сделать, Пайкел? – спросил Реджис.

– Хе-хе-хе, – сказал зеленобородый дворф, кивая так сильно, что его губы зашевелились в ответ.

– Я не рад видеть, что ты идешь без меня, и еще меньше рад, что ты берешь с собой Пайкела, – проворчал Айвен. Он начал говорить что-то еще, но поперхнулся и положил руку на округлое плечо брата. – Мы через многое прошли, но много вместе и мало поодиночке, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Да, я тебя полностью понимаю. Мы бы никогда не попросили, будь другой путь или способ взять и тебя. Но это для Кэтти-бри.

– Ты мог бы остаться, а я смог бы пойти, – заметил Айвен.

– Это для Кэтти-бри, – повторил Реджис. – Я бы никогда не остался здесь, не больше, чем ты, если бы мы собирались спасти твоего брата... – Он оглянулся и увидел блеск в глазах Пайкела. – Чтобы спасти Пайкела, – закончил он.

– Оооо, – заскулил явно разочарованный Пайкел.

– Да, я тебя понял. Но обещай мне, Пузан. Обещай мне, что встанешь на пути стрелы из баллисты, летящей в Пайкела!

– Тогда, я полагаю, она просто заберет нас обоих, – сказал Реджис с кривой усмешкой. – Ты согласишься на арбалетный болт?

– Все шутки остались для дворфов. Пообещай, Пузан, пообещай мне сейчас, что будешь беречь моего брата.

– Мо братун! – прогремел счастливый Пайкел.

– Конечно, я так и сделаю, – сказал Реджис и, подмигнув Пайкелу, добавил: – Как будто он мой собственный братун!

– Мо братун! – завопил Пайкел.

Все трое рассмеялись, но Айвен быстро протрезвел и благодарно кивнул Реджису, которому очень доверял. Затем он с любопытством повернул голову и заметил ручной арбалет, висящий на груди Реджиса.

– Ты сказал, что там были монстры, похожие на ходячую глыбу льда, да? – спросил Айвен.

– Да, Джарлакс рассказал мне об этом.

Айвен поднял короткий палец, затем побежал в дальний конец маленькой комнаты и начал рыться в большом деревянном сундуке. Он вернулся через несколько мгновений, неся маленькую коробочку, которую поднял перед хафлингом и медленно открыл.

В нем было полно стрел для ручного арбалета, но не обычных. Реджис и раньше видел подобные стрелы. Жрец Кэддерли изобрел их и использовал с большим эффектом, а Айвен продолжил практику – и даже попросил Реджиса, опытного алхимика, предоставить ему необходимое зелье. Болты были обычного размера, но их центры были полыми, и только три узкие металлические полоски соединялись спереди и сзади. Защелкнутые между этими полосками, болты удерживали крошечные флаконы, содержащие необходимую прозрачную жидкость, взрывчатое вещество, известное как «взрывное масло». Когда болт попадал в цель, он разрушался, и от внезапного удара освобождалась жидкость.

– У меня есть пара дюжин, – объяснил Айвен, передавая коробку, а затем помчался обратно за второй. – Используй их. Используй их все, если это защитит тебя и Пайкела.

Реджис кивнул с искренней благодарностью. Он даже не думал об этих дротиках – он давно их не видел – и когда он настоял на том, чтобы отправиться на север, он задавался вопросом, способны ли его оружие, будь то обычные, не магические, стрелы для ручного арбалета, рапира или кинжал, оказать реальный эффект против тех монстров, которых описал Джарлакс. Это, однако, придало ему гораздо больше уверенности.

– Береги его и верни мне, – снова сказал Айвен, аккуратно кладя вторую коробку с болтами поверх первой, которую держал Реджис.

– Клянусь своей жизнью, – пообещал Реджис.

– Я верю тебе, Пузан. Я тебе верю.

– Пойдем, Пайкел, – сказал хафлинг. – Нам нужно успеть дойти до Гаунтлгрима, и нас ждет портал, который доставит нас в Главную Башню Волшебства.

– У-у-у! – закричал Пайкел, и, размахивая обрубок руки, подскочил к Айвену и крепко обнял его. Затем он бросился в другой конец комнаты и схватил волшебную дубинку, крича: – Ша-ла-ла!

Он поднял огромный рюкзак, бросил его обратно на землю и порылся в нем, наконец достав кастрюлю, которую водрузил на свою зеленоволосую голову так, чтобы ручка торчала в сторону. Он вприпрыжку вернулся обратно к двум другим, проходя мимо них, он поймал Реджиса здоровой рукой и потянул хафлинга за собой.

Однако, прежде чем они покинули скромный дом, Пайкел снова остановился и произнес заклинание, нарисовав в воздухе большой знак, похожий на пару красных губ, где они повисли и, казалось, сморщились.

Пока Реджис с изумлением наблюдал, Айвен застонал, а Пайкел произнес второе заклинание, вызвав порыв ветра, от которого губы полетели через всю комнату и ударили Айвена по лицу с такой силой, что крепкий старый дворф отшатнулся на три шага.

– Мо братун! – взревел Пайкел.
– Мо братун! – Айвен взревел в ответ. Когда Реджис и Пайкел выходили из дома, он пытался казаться скорее встревоженным, чем печальным, но потерпел неудачу.

– Почему? – спросил Дзирт, когда Кейн начал потягиваться и снимать с себя лишнюю одежду и снаряжение.

– Разве тебе не любопытно, Дзирт До'Урден? Разве ты не хочешь знать?

– Знать что?

– Кто победит.

– Нет, – выпалил Дзирт, но понял, что это была ложь, как только произнес это. Его мысли вернулись к его ранним дням с Артемисом Энтрери, когда они были заклятыми врагами. На протяжении многих лет убийца оставался одержим сражением между Дзиртом и Энтрери, он испытывал саморазрушительную потребность доказать, что был лучше Дзирта. Дроу вызвал его из-за этой нездоровой одержимости, даже после того, как понял, что Энтрери нужно доказать, что он лучший боец, только потому, что само существование Дзирта опровергало весь образ жизни Энтрери. Как мог кто-то сражаться так же хорошо, как Артемис Энтрери, не обладая внутренней яростью, которая поглощала этого человека?

Однако, такого конечно, не могло быть в случае с Кейном!

Дзирт попытался отмахнуться от сравнения, которое на первый взгляд казалось абсурдным.

– Теперь, когда ты пообещал не смещать Саван, я не боюсь позволить тебе увидеть свои истинные навыки в сравнении с бывшим Магистром Цветов, – объяснил Кейн.

– Ты утверждаешь, что делаешь это в качестве одолжения мне?

– Нет, – категорически заявил Кейн. – Я делаю это, потому что мне любопытно. Я никогда не обучал никого с таким особым сочетанием навыков, как у тебя, и твоих природных боевых способностей. Твоя третья схватка с драконами была прекрасна, лучше той, в которой участвовал я.

– Я не хочу сражаться с тобой, – сказал Дзирт, но понял, что это тоже неправда. Он сказал это только из почтения к старому монаху. В глубине души Дзирт не мог отрицать свое любопытство.

– О, это не так, – согласилась Тазмикелла.

– О нет, дорогая сестра, – промурлыкала Ильнезара. – Я думаю, что у дроу шансы, как у танцора.

– Тогда поспорим, сестра! – сказала Тазмикелла. – Если Дзирт победит, ты можешь взять его на свое собственное физическое... соревнование. Если победит Кейн, я съем дроу!

– Великолепно! – согласилась Ильнезара.

– Они шутят, – сказал Дзирт Кейну, когда они вдвоем направились к ровному и открытому участку земли, и он, конечно, надеялся, что был прав.

– С драконами никогда не знаешь наверняка, – ответил монах.

– Ты все продумал? – спросил Киммуриэль Джарлакса ветреным утром у Главной Башни Волшебства.

Ветер дул с океана, волны разбивались о прибрежные скалы, брызги разлетались во все стороны, намочив лица и плащи двух дроу. Недалеко от них стояли Даб'ней, Аззудонна, Бренор и Вульфгар, в то время как Громф оставался внутри башни, ожидая прибытия Реджиса и Пайкела.

– Я не вижу выбора, – ответил Джарлак. – Я не сомневаюсь, что нам понадобится сила Архимага в той пещере.

– Даже с теми, кого ты собрал?

– Его заклинания удержат канте и н'диви подальше, пока мы будем освобождать пленников, и, если гигантский слаад вернется, мы все будем рады, что есть Громф Бэнр, чтобы противостоять ему.

– Тот, о ком ты думаешь – Йгорл?

Джарлак кивнул.

– Но можно ли будет доверять Громфу после битвы? – спросил Киммуриэль. – Он вполне может выдать тех, кого ты твердо решил не предавать.

– Он этого не сделает.

Киммуриэль не ответил, но Джарлак видел, что он не убежден.

– Это то, чего Громф хотел большую часть своей жизни, как и большинство из нас, – сказал Джарлак. – Только он слишком горд, чтобы признать это. Когда разразится гражданская война в Мензоберранзане, есть ли у тебя какие-либо сомнения относительно того, чью сторону примет Громф?

– Я думаю, он останется в стороне и поздравит победителя.

Джарлак покачал головой.

– Он нажал на рычаг в Главной Башне, чтобы вернуть магические силы Гаунтлгриму в трудную минуту. В тот момент он выбрал сторону.

– Он отменил свои действия, чтобы убрать свое влияние из битвы, – поправил Киммуриэль, но Джарлак снова покачал головой.

– Йоклол лично проинструктировали его перекрыть поток энергии. Отменив это, он открыто бросил вызов служанкам Ллос.

– Мы не понимаем до конца роли Ллос во всем этом, – напомнил ему Киммуриэль. – Я имею в виду, за пределами хаоса и раздоров.

– Но мы знаем выбор Громфа.

– Ты сильно рискуешь.

– Я так не думаю. Ни с ним, ни с тобой, ни с Дзиртом, ни с Даб'ней.

– Значит, только мы?

– Да. Или те из нас, кто сумеет выжить.

Когда он это сказал, Джарлак подумал, что мог бы изменить свой выбор, потому что был еще один человек, который мог оказаться весьма ценным.

Киммуриэль больше ничего не сказал, и Джарлак поплотнее закутался в плащ и опустил поля своей огромной шляпы. Позади них из Главной Башни вышел Громф, с Реджисом и Пайкелом позади.

Джарлак посмотрел в небо на востоке. Он подумал, что драконы и их всадники уже должны были прибыть.

Внезапный взрыв ударов, пинков, переворотов, прыжков и вращений вызвал многократные вздохи у Ильнезары и Тазмикеллы, наблюдавших за боем со стороны. Сражающиеся двигались как в тумане, меняя позицию с каждым шагом, один прыгал, другой перекачивался, затем оба разворачивались, чтобы снова вступить в жестокую схватку.

В какой-то момент Дзирт развернулся влево в круговом ударе, а Кейн выполнял зеркальную атаку, и они оказались далеко от переместившейся цели. Оба опустились прямо на землю с широко расставленными ногами, и каждый выскочил из падения, как будто потянутый за веревочку, поворачиваясь вправо в обратном круговом ударе, чтобы их ноги соприкоснулись.

Двое мужчин бросились друг на друга, сцепляясь, нанося удары, но ни один из них не упал в уводящий за пределы досягаемости пережат.

Такое размытое движение, что сестры-драконы не могли сказать, где заканчивался один боец и начинался другой!

– Возможно, они сольются, – предположила Ильнезара. – Двое столкнутся, чтобы стать одним целым, и у нас появится новый вид. Я назову его «челодроу»!

– Я не думаю, что это работает именно так, сестра, – ответила Тазмикелла. – И, кроме того, разве Дзирт и Кэтти-бри уже не создали твое новое существо?

– Ах, – ответила Ильнезара, затем обе женщины вздрогнули и слегка отвернулись, хором воскликнув «Ох!», когда ошеломляющий удар прошел сквозь защиту, и яростно откинул голову назад.

– Он все еще на ногах! – вскрикнула Тазмикелла, видя, как жертва отвечает жестоким и продолжающимся шквалом – без сомнения, чтобы удержать другого на расстоянии, пока птички не перестанут чирикать у него между ушами.

В мгновение ока противники снова сравнялись, дикий и неистовый шквал возобновился с еще большей свирепостью.

Головы сестер двигались в унисон, влево, вправо, вверх и вниз, обе внимательно следили за быстро протекающей битвой. Но затем обе остановили движение, вздрогнув от неожиданности, когда бойцы на другом конце поля внезапно разошлись и встали лицом друг перед другом, имитируя движения друг друга. Они сжимали кулаки перед грудью, затем медленно опустили и отвели руки, прежде чем выставить ладони вперед, как будто бросая невидимый снаряд в другую сторону, дойдя до того, что их пальцы соприкоснулись.

Затем каждый из них застыл на месте, и оба начали дрожать и раскачиваться. Оба явно корчились.

– О, сестра, я полагаю, это Путь Открытой Руки! – воскликнула Тазмикелла.

– Дрожащей! – Ильнезара согласилась. – Я надеюсь, что они не убьют друг друга! Ты изучила целебные наборы, как велел нам Магистр Кейн?

Она оборвала вопрос, когда оба бойца указали друг на друга, затем сжали кулаки, останавливая вибрацию в другом, и оба закричали от боли, причем Дзирт даже упал на одно колено, а Кейн отшатнулся на несколько шагов.

– Великолепно! – воскликнула Тазмикелла, хлопая в ладоши.

Бойцы, казалось, полетели в огромном прыжке. Они снова столкнулись друг с другом в непрекращающемся шквале ударов руками, ногами, даже головой, который гулко разнесся по всему полю, а затем взаимный захват, который привел к совместному катанию по земле, каждый поворот оставляя кровавые пятна на белом снегу.

Тазмикелла покачала головой, быстро теряя энтузиазм.

– Они такие глупые создания, – сказала она. – Иногда я думаю, что красночешуйчатые змеи правильно обращаются с этими смертными. Приготовить их и съесть на одном дыхании.

– Я нахожу их довольно забавными, – не согласилась Ильнезара, ее озорная улыбка сияла.

– Неужели Джарлакс так с тобой борется?

– Ты ревнуешь?

Тазмикелла оглянулась на поле и насмешливо фыркнула.

– Я была бы очень разочарована, если бы это было лучшее, что он мог сделать в нашем... спарринге.

Обе рассмеялись, потом снова поморщились и содрогнулись.

– Этот удар был действительно болезненным, – сказала Тазмикелла.

– Пойдем, сестра, – согласилась Ильнезара, – и принеси целебные наборы, которые дал тебе Кейн.

Глава 27

И мы прогнали его прочь

На этот раз веревка Галатеи, отходящая от главного каната, была довольно длинной, что позволяло ей продвинуться гораздо глубже в огромную пещеру кристаллов под Каттисолой. Сейчас здесь одновременно находились пять ударных групп по десять человек - в основном волшебников и жрецов, а также несколько бойцов поддержки, в частности, паладинов, как Галатея.

Волшебные осветительные огни, созданные на каждом шагу, отражались от кристаллов во все стороны ослепительными мириадами цветов. И, конечно же, каждые несколько мгновений все вокруг освещали молнии, громopodobные разряды сотрясали огромные кристаллы под ногами пятидесяти каллидийцев. Щит Галатеи, как и у других воинов в отрядах, был закреплен на руке, но Блуцидер покоился в ножнах. Она поняла свои главные обязанности здесь - поднимать запнувшихся о кристаллы членов команды, сортировать и лечить раненых, и при необходимости переносить их обратно в шахту к дополнительной направляющей веревке главного каната для быстрого извлечения.

Она уже сделала это дважды, и теперь ее команда сократилась всего до восьми боеспособных членов.

И все же эта команда была самой целой из пяти, находившихся в настоящее время в заполненной кристаллами камере. Полярные черви не были глупыми

существами - Галатея вспомнила замечания Алефаэро о том, что они могут быть родственниками драконов - и не собирались нападать на команду в открытую, как при предыдущих встречах. Нет, они в основном бегали по кристаллам благодаря своим цепким ножкам, и подбирались поближе, чтобы нанести быстрый и сокрушительный удар, до того, как молния выведет их из боя.

Именно это она и наблюдала сейчас - чуть в стороне юный реморхаз карабкался по нижней стороне кристалла к паре жриц, находившихся на вершине естественной балки.

Паладин подпрыгнула и обхватила руками более высокий кристалл. Она позвала жрецов, но именно в этот момент прозвучало несколько разрядов молний, и они, казалось, не услышали. Она поднялась на вершину, опустилась на колени и дико замахала паре. Затем, когда они, наконец, обратили на нее внимание, Галатея указала вниз на приближающегося реморхаза, затем махнула рукой, чтобы они бежали к ней, и крикнула, чтобы они поторопились.

Она начала подниматься на ноги, но передумала, так как кристалл был не таким широким. Вместо этого она развернулась и полностью распласталась на нем, затем приказала приближающимся жрицам продолжить путь.

К тому времени, как вторая перешагнула через нее, полярный червь поднялся на вершину кристалла. Он высоко поднял голову над паладином, маленькие драконьи крылья яростно хлопали.

Галатея поднялась на колени, затем опустилась в сидячее положение, ухватившись ногами за кристальную балку, словно сидела верхом на толстой лошади. Она вскинула перед собой руку со щитом, когда реморхаз нанес удар. Она почувствовала сильный удар и откатилась назад под его тяжестью, но удержалась на кристалле.

Однако ей потребовалось некоторое время, чтобы вытащить Блуцидер, и, к ее удивлению и ужасу, полярный червь не отпустил, а крепко вцепился в нее и замотал головой.

Галатея почувствовала взрыв острой боли. Левое плечо выскочило из сустава, и она испугалась, что ее сбросят с кристалла или просто оторвут руку!

Это был небольшой червь, едва ли десять футов в длину, но силу монстра нельзя было отрицать.

У нее не было выбора. Она лично изготовила свой драгоценный священный меч, и сейчас порадовалась его конструкции. Ибо одна из рукояток крестовины была острым лезвием. Она зацепила ремешок щита под болтающейся левой рукой и взмахнула лезвием ввысь. Она разорвала ремешок и почти перерубила второй, но нечаянно поранила руку. Волны боли пронзили плечо, пока червь продолжал биться, но Галатея сжала зубы и заглушила боль рыком, и, выгнув руку, сумела полностью извлечь ее из щита.

Реморхаз продолжал мотаться из стороны в сторону, но уже шире, поскольку Галатея больше не сопротивлялась. Зверю потребовалось еще несколько взмахов, чтобы понять, что добыча по другую сторону щита вырвалась на свободу, и к тому времени Галатея сумела подползти ближе и выровнять Блуцидер.

Щит отлетел в сторону, щелкающие мандибулы реморхаза вернулись в центр и широко раскрылись - ровно настолько, чтобы Галатея вонзила лезвие прямо между

ними, в пасть полярного червя, в мягкую плоть под твердым панцирем существа. Почувствовав, как меч погрузился в тело, паладин призвала силу своего бога, чтобы божественной магией поразить зверя.

Реморхаз быстро оттянул голову и поднял высоко вверх. Теперь крылья бешено бились в отчаянии. Жестоко раненный зверь не смог удержаться на ногах и на долгое мгновение странно накренился вправо, прежде чем упал с кристалла и рухнул вниз, затем скатился с нижнего кристалла, удаляясь и сваливаясь все ниже и ниже, пока не скрылся из виду.

Галатея выронила из руки меч на кристалл, борясь с болью в левом плече и новой травмой - сильному ожогу на правом предплечье от жара полярного червя. Рукав сгорел, кожа стала ярко-красной и уже покрылась волдырями. Но ей приходилось игнорировать боль, потому что левая рука была почти бесполезна, и ей приходилось держать ее плотно прижатой к телу.

Она на мгновение закрыла глаза, пытаясь успокоиться, обрести спокойствие и равновесие, но даже в этой темноте Галатея не могла полностью отгородиться от нарастающих звуков вокруг: молний, разрядов, криков об отступлении, воплей боли, шипящего рева полярных червей.

Она подтянула под себя левую ногу, и балансируя на ней и правой руке заставила себя подняться на ноги.

– Мы должны уходить! – откуда-то сзади крикнула жрица, и она узнала голос одной из двух, которых только что спасла. Кивнув и повернувшись, она заметила женщину, сражающуюся вместе с другими отступающими четырьмя членами команды Галатеи. Она подумала направиться к ним, но тут в противоположной стороне заметила распластавшегося на кристалле ползущего дворфа, которого преследовал полярный червь.

Галатея сомневалась, что сможет добраться до него, и даже если бы смогла, как она собиралась сражаться с этим новым зверем?

Здравый смысл подсказывал ей отступить; позади члены ее команды кричали, чтобы она отступала.

Но мона и Временное Собрание называли ее Святой Галатеей, и это должно было что-то значить.

Она встала прямо и во весь рост, отсалютовала мечом членам своей команды, повернулась в сторону, подальше от них, и прыгнула к следующему кристаллу, затем к следующему, и побежала вдоль него к ползущему дворфу и преследующему его реморхазу.

И когда она добралась до конца своей шелковой веревки и увидела, что оставалась слишком далеко, чтобы дворф мог до нее добраться, Блуцидер пронесся вниз, разорвав веревку, и Святая Галатея вырвалась на свободу.

– Клянусь замерзшими пузырьками в глубоком льду, что это? – спросил Эмилиан Весси, который работал с бригадой, толкавшей огромную металлическую треногу высотой около двадцати футов. С ее вершины свисал крюк, цепь проходила через одну из ног и спускалась вниз к большому ящику, в котором хранилась оставшаяся часть ее длины.

– Для укрепления шахт, – ответил запыхавшийся эвендроу.

– Это панчер, – ответил коренастый дворф, которого Весси представил своему другу как Вонника. Оба эвендроу были озадачены заявлением Вонника.

– Когда мы копаем глубоко и натываемся на непреодолимое препятствие – камни, мерзлую землю, корни, – мы опускаем панчер в шахту, чтобы пробить ее, – объяснил Вонник.

– Насколько я слышал, здесь ни с чем подобным не сталкивались, – сказал Эмилиан. – Все шахты вырыты, и все прошло гладко.

– Тогда оно не для препятствий. Полагаю, оно для тех, кто может появиться в дыре, – сказал дворф, подмигнув. Он посмотрел на Весси и добавил:

– Иди, отдохни и поешь, но оставайся поблизости и будь наготове. И приведи своего друга, если тебя позовут.

Пара эвендроу кивнула, когда Вонник отошел, чтобы присоединиться к другим.

– Мы тащили это всю дорогу от Б'шетта, – объяснил Эмилиан.

– Выглядит тяжелым.

– Подожди, пока не увидишь, что они собираются на нем повесить. – Он кивнул в сторону входа в Каттисолу, где пара овцебыков тащила длинную повозку с толстыми стенками и двойными колесами, которая стонала при каждом повороте.

На низком продолговатом ложе друзья увидели большой ящик в форме гроба.

– Это и есть подвесная часть?

– Где Илина? – спросил Весси. – И да, это для панчера, как его назвал Вонник.

Эмилиан оторвал взгляд от повозки.

– Ладно. Она работает, хотя я думаю, что скоро она попытается поспать. Сегодня бои внизу были ужасными, много раненых, и многие из них серьезно.

– Сколько погибло?

– Я не знаю, – честно ответил Эмилиан. – Некоторые при смерти, по крайней мере, последнее, что я слышал...

Он резко остановился, когда из одной из больших шахт на южной стороне поляны донеслись крики. Десять тягачей прислонились к столбам трех отдельных опор, зарываясь и приводя в движение барабаны, чтобы натянуть тросы.

– Быстрее! – призывал их командир группы. Она лежала рядом с шахтой и вглядывалась вглубь. – О, быстрее, друзья! Червь не отстает, и он карабкается быстрее, чем мы тащим!

Вокруг засуетилось множество людей, некоторые подходили из любопытства, другие приближались к опорам, подставляя плечо, где могли, чтобы барабан вращался быстрее. Жрецы, среди которых была и Илина, подбежали и присоединились к носильщикам, которые устраивали небольшую зону оказания помощи прямо у шахты.

– Выглядит не очень хорошо, – заметил Весси, следуя за Эмилианом к месту столкновения, но только на несколько мгновений, прежде чем Вонник проревел, призывая свою команду. Весси развернулся, а затем и Эмилиан.

Эмилиан, пока шел, то и дело оглядывался через плечо, чтобы видеть, как первые участники экспедиции выбираются из комнаты внизу.

Избитые и измученные, многие из них были в крови, и им приходилось помогать выбираться из ямы, причем большинство отползло всего на несколько футов в сторону, прежде чем рухнуть на пол.

К тому времени, как двое эвэндроу вернулись к каркасу панчера, Вонник и некоторые другие уже тащили его к шахте. Весси занял свое место и встал так, чтобы Эмилиан мог ухватиться прямо рядом с ним.

– Быстрее! Быстрее! – донеслись крики из оживленной зоны шахты, а затем раздался пронзительный, гулкий вопль, в котором в равной степени слышались рев дракона и шипение змеи.

– Клянусь северными ветрами, – пробормотал Весси.

– Полярный червь? – спросил Эмилиан, пожимая плечами. Конечно, они, слышали рассказы Галатеи, но абсолютная мощь этого крика превосходила все, что они могли себе представить по описанию.

Вонник бросился к ним.

– Возьми своего друга и иди за повозкой! – сказал он. – Скажи погонщикам, чтобы они доставили ее сюда и установи! О, но поторопитесь, друзья, потому что у нас нет времени, и никто не хочет сражаться с этим зверем здесь!

– Что установить? – спросил Эмилиан, когда они с Весси побежали к повозке.

– Еще один стержень и копье!

– Копье? – Эмилиан остановился, застигнутый врасплох. Но Весси в мгновение ока схватил его за руку и потащил за собой.

Они подбежали к задней части удивительно длинной повозки и уперлись в нее плечами, толкая изо всех сил.

Эмилиан заметил барабан и шесты, установленные по обе стороны от огромного ящика. Палки приковали его взгляд, так как сначала он принял их за огромные копья. Они были сделаны из прессованного белого льда и были длиннее, чем шпиль помещений.

Однако он вряд ли нашел время, чтобы разбираться в этом. Когда они приблизились к месту переполюха, хорошо натренированная команда начала яростно действовать: двое орков вытащили основание стержня и бросили его чуть подальше и между двумя из трех, уже вращающихся на валу. Эвэндроу и дворфы немедленно бросились туда, чтобы вставить длинные шипы – высотой с эвэндроу! – в крепежные отверстия каркаса и забить основание тяжелыми молотками.

Эмилиану и Весси было поручено продеть шесты, всего три, но достаточно длинных. Как потом понял Эмилиан, их просунут прямо через отверстия в каменном барабане, чтобы обслуживать тягачей по обе стороны от центра. Команда была настолько опытной и точной, что уже подкатила тяжелый барабан с помощью рычагов к задней кромке выровненной повозки, когда они вдвоем спустили шесты на землю.

– Уходите! Он расплющит твои ноги, и ты будешь плавать, как чайка, так и будет! – предупредил Вонник, и оттуда выкатился барабан, рухнул с глухим стуком, от которого задрожала земля. Когда он приземлился, группа техников занялась им. Удерживая его на закругленном краю и немедленно пуская в ход новые рычаги, они приблизили его к шпинделю, установленному в середине основания, на который тут же опрокинули.

– Вытаскивайте их! – донесся крик со стороны шахты, когда из отверстия вылезло еще больше эвендроу, дворфов и орков. Теперь, будучи ближе, все они показались Эмилиану еще более потрепанными, причем некоторые из последних, очевидно, были тяжело ранены.

– О, быстрее! – неоднократно кричали командиры буксировочных бригад. – Команда, согнуть плечи! Крутить барабаны!

– Расступитесь и освободите путь! – закричал Вонник, приближая свое гигантское хитроумное устройство на треноге. Пока команда тащила его к отверстию шахты, Вонник с удивительной ловкостью взобрался на одну из опор. Он ухватился за крюк, потянул за колышек и прыгнул вниз, волоча за собой цепь. Он подбежал к задней части повозки и забрался внутрь, пока другие поднимали дно длинного ящика, а остальные присоединились к Эмилиану и Весси, устанавливая шесты через барабан. Пара крепких шахтеров вытащила тяжелую цепь из ящика и подала ее в барабан.

– Заполнить их! – приказал командир группы эвендроу. – А вы идите налево, чтобы наматывать цепь!

Весси, Эмилиан и почти три дюжины других – по шесть человек на каждом конце каждого шеста – заняли позицию.

– Ждите сигнала Вонника! – сказал командир группы, когда цепь натянулась. Эмилиан с любопытством посмотрел на нее, так как она шла прямо к тяжелому блоку на вершине прочной треноги, затем вниз и обратно к повозке и скрытому грузу.

– Сейчас! Толкай! – сказал командир группы, и тягачи, низко пригнувшись, двинулись вперед. Когда крестовина повернулась, Эмилиан и Весси заметили невероятно тяжелый груз: огромное, толстое, увесистое копьё выскользнуло из ящика и упало с задней части повозки. Они продолжали поворачивать, подтаскивая его к краю шахты, затем частично над шахтой, где задний конец приподнялся и гигантское копьё тащилось по диагонали.

– Подставить спины! – крикнул командир группы, и он тоже присоединился к ним, махая рукой остальным. Как только копьё полностью оторвалось от выступа и вертикально повисло над отверстием, Эмилиан понял, почему другие поспешили подставить свои плечи, потому что от толчка этой штуки, команда на мгновение заскользила назад.

Когда они возобновили поворот, подняв копьё чуть выше, командир группы схватил длинный болт у другого тягача и бросился к барабану и вставил его на место, затем взобрался на барабан. Когда барабан был заблокирован, тягачи отошли в сторону, а трое остались, чтобы убрать длинные шесты.

– Расчистить эту чертову дыру! – закричал Вонник. – О, ради всех огней, что пляшут в небе, расчистить эту дыру!

– Почти пришли, – ответил один из дворфов, склонившихся над шахтой и вытаскивающих потрепанных экспедиторов. – Еще один. Еще только один!

– Должно быть четверо, – отметил Весси, считая остальных поднявшихся по этой веревке. Когда дворф вытянул эвендроу через край и потащил его прочь от дыры, показался оборванный конец веревки. Он понял.

По меньшей мере, двое членов этой ударной группы все еще находились там, внизу, отрезанные от остальных и, вероятно, мертвые.

– Клянусь богами, он огромен! – закричал Вонник, который подошел к краю шахты и заглянул внутрь. – Большой и быстро приближается! Сбросить его! Сбросить его сейчас же!

Из шахты донесся еще один вопль реморхаза, теперь уже гораздо ближе, рев поднялся из отверстия и эхом разнесся по всей камере. Вся работа прекратилась, отчаявшиеся каллидийцы бросились за оружием.

Командир группы на барабане подпрыгнул, схватился за рукоятки затвора и вытащил его. Когда копье рухнуло, он спрыгнул с вращающегося барабана, выпускавшего цепь. Копье не успело далеко уйти, как внезапно остановилось, цепь возле барабана ослабла.

Затем он начал прыгать, цепь над отверстием раскачивалась взад-вперед.

Из отверстия донесся вопль, такой оглушительный, что Эмилиан заткнул уши.

Он прекратился так же внезапно, как и начался, и барабан начал вращаться, когда копье возобновило свой спуск.

– Бегите прочь! – крикнул Вонник, и все разбежались в стороны.

Цепь спустилась до самого конца и дернулась с такой силой, что стержень чуть не перевернулся, длинные и толстые болты, наиболее удаленные от отверстия, вырвались из земли, а один выступ, закрепляющий устройство, начисто отломился.

Но конструкция выдержала, и команда вернулась к стержню с тяжелыми молотками, заново закрепляя его.

Эмилиан просто устался на треногу, которая слегка прогибалась под тяжестью, цепь раскачивалась от вершины к стволу.

Он поймал себя на том, что загнипнотизирован, гадая, какое чудовище может быть на другом конце этой цепи. Он настолько глубоко погрузился в свои мысли, что все места на шести стержнях оказались заняты, тягачи нагибались и напрягались, прежде чем он даже понял, что шесты были возвращены на место.

Его очередь подошла достаточно скоро, потому что им приходилось постоянно заменять тягачей, пока они трудились, чтобы поднять улов и вернуть копье обратно. После каждого третьего шага командир группы вставлял запорный болт, чтобы дать команде отдохнуть.

Прошло много времени, прежде чем задний конец копья, наконец, показался над краем, и Эмилиан и Весси напрягли шеи, чтобы удержать взгляд на месте, пока копье поднималось все выше и выше, пока, наконец, не показалась голова мертвого полярного червя.

Другим бригадам и их капитанам потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы, наконец, вытащить зверя из шахты – и что это было за чудовище, более тридцати футов длиной и с жвалами, которые могли разрезать овцебыка пополам!

Поскольку мертвый зверь все еще излучал сильный жар, команда Вонника оттащила его к краю ледника и расположила на льду во всю длину.

– Этим можно накормить половину города, ха-ха! – прорычал дворф, который, казалось, был очень доволен их усилиями в этот день.

Однако для других празднование было сдержанным, а оборванная направляющая веревка служила мрачным напоминанием о цене.

Галатея перепрыгнула через упавшего дворфа и бросилась прямо на преследующего его реморхаза. Блуцидер хлестал перед ней взад-вперед, чтобы заставить зверя остановиться. Его крылья бешено били, приподнимая голову и верхнюю часть тела от земли, и откинулся назад, когда паладин приблизилась.

Он двинулся для удара, красноречиво слегка приподняв среднюю часть тела над кристаллом, но Галатея опередила его. Она бросилась вперед и нанесла сильный удар, снова призывая своего бога усилить и без того мощное жало Блуцидера. Не обращая внимания на боль от сильного жара, паладин рванулась вперед, и когда полярный червь начал отбиваться, она снова оказалась на один удар впереди – или, по крайней мере, на одно парирование, – вернула свой меч, продолжила движение вперед и нанесла мощный удар справа налево.

Она сильно ударила реморхаза, лезвие из голубого льда пробило прочный панцирь и вошло в мясистую кожу.

Червь попытался вырваться, инстинктивно втягиваясь, но слишком сильно отклонился в сторону и упал, переворачиваясь, на нижние кристаллы.

Галатея тоже чуть не запнулась на кристаллическом настиле, так как для этого бокового удара ненадолго рефлекторно схватила Блуцидер обеими руками. Ее сознание то появлялось, то исчезало из-за внезапной горячей боли, струящейся из разорванного плеча.

Она начала было взывать к своему богу для исцеления рук, но, оглянувшись назад, поняла, что бедный дворф нуждается в этом больше. Он лежал на кристалле, кровь стекала по округлому боку и вытекала маленьким ручейком далеко вниз.

Галатея подползла к нему и схватилась за рану, призывая свою богиню Эйлистри. Она почувствовала тепло в своей руке и увидела, как к лицу раненого дворфа возвращается румянец.

Но почти сразу же все это показалось напрасным.

Ибо перед ними на кристалле появился полярный червь, еще одна пара преследовала сзади, и еще один появился почти прямо под ними, петляя по склону.

Галатея опустила дворфа обратно вниз и вскочила, не обращая внимания на волны головокружения. У нее не было на это времени.

У нее не было времени на боль.

Она взяла Блуцидер обеими руками и прыгнула вперед, неистово нанося рубящие и колющие удары, чтобы отогнать этого маленького червя, затем вниз и в сторону, чтобы нанести удар скалолазу.

Пригнувшись, она схватила дворфа за воротник и потащила его за собой, атакуя единственного противника впереди. В последний момент она бесцеремонно повалила его лицом вниз и заставила левую руку сделать необходимое – взяла меч обеими руками и ударила монстра, еще раз и еще.

Глаза жгло, она едва могла видеть, но продолжала дико размахивать мечом. Сосредоточившись на движении вперед, Галатея была полна решимости расчистить путь для дворфа, прежде чем умрет.

Вскрик позади лишил ее надежды, и ей пришлось обернуться, а затем броситься назад, чтобы перехватить жвала, опускающиеся на бедного дворфа.

При повороте она заметила вспышки сзади, хотя понятия не имела, что они означают, и не надеялась, что они предвещают нечто важное относительно ее собственной судьбы.

Теперь перед ней стояло три реморхаза: тот, которого она только что отогнала от дворфа, огромный позади него и тот, что сбоку, упрямо возобновивший подъем, находящийся достаточно высоко, чтобы, если поднять голову вверх и отодвинуться от балки, быть на расстоянии удара.

Все трое могли напасть на нее... и все трое это сделали. Ей удалось ударить того, кто был сбоку от балки, прервав его выпад, и косым ударом отразить нисходящую атаку огромного червя сзади.

Но пропустила центрального, а он не промахнулся. Ужасные жвала вцепились в ее уже раненую левую руку чуть выше локтя. Галатея почувствовала, как рвется кожа, трескается кость, и поняла, что если дернется назад, то потеряет конечность. Она притянула Блуцидер и ударяла монстра неоднократно, дико, как угодно, лишь бы снять тиски с руки, все, что угодно, лишь бы уйти от убийственного жара реморхаза.

Она слышала, крики и плач дворфа, и знала, что кричит сама.

Она увидела, как огромный червь за спиной снова поднялся и нацелился на нее для смертельного укуса, но не могла отступить, увернуться или даже отвести Блуцидер от его работы над чудовищным похитителем.

– Беги, дворф! – сумела она выдохнуть между криками, пока не появился горячий и ослепительный свет, вспышка и темнота, а затем сильный удар, когда она упала лицом вниз на кристалл.

Рывок прекратился - она подумала, что реморхаз оторвал ей руку. Почувствовав, что ее хватка на Блуцидере ослабевает, она упрямо сжала его, решив умереть со своим священным мечом в руке.

– Галатея! – услышала она вдалеке и подумала, что ее умерший отец или давно потерянный друг манят к следующему существованию.

Она чувствовала себя невесомой, свободной от боли и ограничений телесной оболочки.

Пока чья-то рука не схватила ее, и голос не произнес:

– Галатея! Галатея.

Паладин не хотела открывать глаза, но открыла. Она не хотела снова чувствовать боль, ожоги, слезы, разорванное плечо и сломанную руку, но сделала это.

И увидела знакомое лицо, лицо Алефаэро, очень близко к собственному.

– Пойдем! – умолял он. – Пожалуйста, вставай! Я не могу поднять тебя! Быстрее!

Она попыталась осмыслить его слова. Он умолял и тянул.

– Они возвращаются! – крикнул Алефаэро. Ужас и отчаяние в его голосе заставили Галатею опомниться настолько, что она вспомнила, кто она такая, а также свой клятвенный долг. Она не могла позволить Алефаэро умереть, не попытавшись спасти его.

Она заставила себя встать на колени. Уперев острие Блуцидера в кристалл в качестве опоры она, пошатываясь, поднялась на ноги. Она даже сделала упрямый

шаг к огромному полярному червю, который вернулся на кристаллическую балку, его бок почернел и дымился, опаленный, словно молнией.

Но едва отважный паладин шагнула вперед, как чья-то рука крепко схватила ее за правое плечо. Она почувствовала, что ее тянет в сторону, и упала с кристалла.

Но не в пропасть, а чуть в сторону. Она и ее спаситель провалились в межпространственную дверь, пронеслись сквозь плоский туннель и свалились сверху на раненого дворфа.

Галатея попыталась осмыслить произошедшее, но была не в силах это сделать и погрузилась в бред агонии и великой слабости, превосходящей все, что когда-либо знала. Она почувствовала, как множество рук схватили ее, услышала свой крик, когда левую руку скрутили и просунули через какую-то петлю.

От нее оттащили Блуцидер. Она протестующе застонала и слепо потянулась, чтобы ухватиться за свой меч, за что-то, за что угодно.

Потом она обнаружила, что ее тащат, а затем поднимают. Выше и выше.

Она подумала, что ее дух возносится, чтобы сесть рядом со своей богиней.

Галатея очнулась некоторое время спустя, и сфокусировала зрение на высоких ледяных стенах по обе стороны. Она почувствовала, что движется, словно плывет, задолго до того, как поняла, что ее несут через ледяную расщелину.

Прошло еще много ударов сердца, прежде чем паладин поняла, что ее несут обратно из Каттисолы в Скллобель.

Она попыталась сесть, собираясь протестовать. Битва была в другой стороне!

Едва она подняла голову, только начав поворачивать шею, как поняла, что на время выбыла из битвы. Ибо волна огня, выкатившаяся из левой руки и плеча от этого незначительного усилия, заставила ее снова лечь плашмя, хватая ртом воздух.

Когда ей наконец удалось снова открыть глаза, то обнаружила, что Эмилиан идет рядом с носилками и смотрит сверху.

– Стервятник, – попыталась прошептать она. Эмилиан с любопытством посмотрел на нее.

Галатее потребовалось несколько прерывистых вдохов, чтобы закончить шутку.

– Ты стервятник, ждущий, когда я умру?

– Если бы это было так, я бы выклевал тебе глаза из черепа, как только тебя притащили тебя в лагерь в Каттисоле, – со смехом ответил ее дорогой друг. – Ведь мы все посчитали тебя мертвой.

Галатея отвела взгляд и мысленно вернулась к последним мгновениям в комнате с кристаллами. Ее рука и плечо болели лишь от одной мысли об этом. Как и ее рука с мечом. Она сжала пальцы на ладони и медленно потеряла их. Обожженная кожа не сошла с них, и она выдохнула.

Она внезапно повернулась к Эмилиану.

– Дворф? Я шла помочь попавшему в ловушку дворфу.

– Он у нас, но увы, его спутница, не пришла в себя.

Галатея снова закрыла глаза, прокручивая в голове дикие сцены вокруг. Тогда она поняла масштаб задачи, стоящей перед Каллидой, если они надеются

остановить разрушение подземных кристаллов и, таким образом, остановить вторжение смертельной ледяной хватки Кадижа в город.

«Мы едва продвинулись», – подумала она.

Через некоторое время караван прибыл в Скеллобель, повозка Галатеи остановилась у указателя на главном бульваре города, чуть южнее каменного выступа, который делил Скеллобель пополам.

– Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы поесть? – спросил Эмилиан, возвращаясь к Галатее. – Весси сказал, что встретится со мной в Ибилситато, и Айида уже готовит для нас прекрасный пир.

Галатея кивнула и сумела принять сидячее положение. Она взяла предложенную Эмилианом руку и соскользнула с носилок, поблагодарив своих носильщиков.

– Быстрее выздоравливай, Святая Галатея, – сказал ей один из них. – Твой праведный блеск вселяет надежду в нашу борьбу.

Скромный паладин восприняла комплимент сдержанно и, опираясь на Эмилиана, дошла до стола, который Айида приготовила для них в общей зале гостиницы. Айида присоединилась к ним, требуя пересказа событий дня – весь город шептался об ожесточенных боях под Каттисолой.

Вскоре прибыл Весси с неожиданным пополнением. Алефаэро, казалось, чувствовал себя неловко, когда Весси вел его и попросил другой стул, но Галатея не собиралась отпускать застенчивого молодого волшебника.

– За Алефаэро, – сказала она, поднимая бокал ледяного вина. Она сделала паузу и – медленно и мучительно – встала, привлекая внимание всего зала. – Алефаэро, – закричала она, – который спас меня и обреченного дворфа. Если бы не Алефаэро, боюсь, Святая Галатея была бы дырявой совсем по-другому!

– Алефаэро! – закричали в ответ десятки людей в общей зале. Галатея подмигнула покрасневшему юному волшебнику. – Прими это, мой друг. Ты заслужил аплодисменты всей Каллиды.

– Ты подарил нам надежду, что мы найдем способ победить угрозу реморазхов, – согласился Весси. – Возможно, мы даже смеем надеяться, что найдем способ вернуть Каттисолу.

– Где Илина? – спросила Галатея, потому что жрица обычно присоединялась к ним на ужинах в Ибилситато.

– Все еще в Каттисоле, – ответил Эмилиан. – Как и большинство жрецов каждого района. Они не найдут покоя. Они накладывают защиту и все исцеляющие заклинания, а затем сразу ложатся спать, чтобы набраться сил для новых заклинаний.

– Ходят слухи, что бои ужасны, – добавила Айида.

– Двое умерли сегодня, – мрачно ответил Эмилиан. – Еще трое тяжело ранены, не считая нашего друга-паладина.

– Не так уж и тяжело, – утверждала Галатея. – Я скоро вернусь в Каттисолу. – Она посмотрела на Алефаэро. – Что скажешь, волшебник? Как наши успехи?

Молодой человек не очень хорошо скрывал свои эмоции, и выражение на лице не было слишком многообещающим.

– Я боюсь, что пока нет никакого прогресса, – сказал он с дрожью в голосе.

Они сидели там, молча переваривая услышанное, прежде чем Галатея сказала:

- Я в это не верю.
- Что? – спросил волшебник.
- Мы сражались с ними. *Это* прогресс. Всего несколько дней назад мы даже не знали, что находимся в осаде.
- А теперь знаем, – сказал Эмилиан. – И мы остановим их. – Потому что Джарлакс предупреждал нас именно об этом, – согласился Весси. – Ты должен иметь веру, Алефаэро. Знание – это сила, не так ли? И мы знаем, что мы должны делать.
- Да... но не знаем, *как* это сделать, – сказал он с несчастным видом.
- Но мы это выясним, – сказал Весси. – Так же, как выяснили, что они вообще были там.

Он поднял свой бокал.

- За Джарлакса! Благодаря своей проницательности и потому, что ему было не все равно, он, вероятно, спас Каллиду на ближайшее десятилетие.
- Да, для нас, – согласилась Айида. – Джарлакс заботился о нас.
- А мы прогнали его, – тихо добавила Галатея.

Глава 28

Под Веселыми Танцорами

Джарлакс и Киммуриэль перехватили Пайкела, Реджиса, Бренора и Громфа, когда они выходили из Главной Башни. Лидер наемников махнул Бренору и Реджису, чтобы они подошли к остальным, собравшимся у Башни, но велел Пайкелу остаться с тремя дроу.

- Ты приготовил писцов? – спросил Джарлакс у Архимага.
- Они готовы, к чему бы это ни привело.

Джарлакс кивнул и повернулся к однорукому дворфу.

- Ты понимаешь, что нам нужна твоя магия, чтобы уберечься от убийственного холода?
- Бррр, – ответил Пайкел. – Ага, ага.
- Хорошо, и у тебя есть заклинание, которое может это сделать? Против самой холодной погоды на всем свете?
- Хе-хе-хе, ага, ага.
- Хорошо, – сказал Джарлакс, кивая своим товарищам-дроу. – Тогда я хочу, чтобы ты наложил его сейчас на моего дорогого друга, – объяснил он, обнимая Киммуриэля. – Затем отправляйся с Громфом в Главную Башню. Там ожидают писцы, с подготовленными пергаменами, чтобы вы составили несколько свитков этого чудесного заклинания.

Пайкел посмотрел на него с любопытством, и Джарлакс не был уверен, что он понял. Тем не менее, дворф пустился в пляс, распевая то, что остальным показалось полной тарабарщиной. Он закончил внезапным прыжком и вращением, протянул руку в сторону Киммуриэля и пошевелил пальцами, как будто играл на цимбалах.

– Хе-хе-хе, бррр! – взревел дворф.
– Не чувствую никакой разницы, – сообщил Киммуриэль остальным.
– Пайкел, все готово? – спросил Джарлак.
– Ага, ага.
– Это продлится весь день?
– Ага, ага.
– Ты уверен?
– Бррр, – сказал Пайкел, качая головой. Джарлак не совсем понял, хотел ли он сказать «нет», и он не был уверен в заклинании или в его продолжительности, то ли он имел в виду, что Киммуриэль не скажет «бррр».

Громф фыркнул, а Киммуриэль покачал головой и вздохнул.

– Пойдем, маленький дворф, – сказал Громф, злобно ухмыляясь Джарлаку и Киммуриэлю, напоминая им, что для него все это было лишь игрой, и взял Пайкела за руку и повел его обратно в башню.

– Что ж, это обнадеживает, – проворчал Киммуриэль.

– Дворфы клянутся, что он могуществен, – ответил Джарлак. – Но я не уверен, что он только что сделал.

– Он наложил заклинание, как ты и просил, – ответил Киммуриэль. – По крайней мере, он так считает.

Джарлак посмотрел на него с любопытством.

– Ты же не думал, что я рискну отправиться на ледяной север без защиты из-за слов – которые никто даже не может понять! – зеленобородого дворфа, который воображает себя друидом, не так ли?

– Дурридом, – поправил Джарлак.

– Что?

– Не бери в голову. Это не имеет значения. Давай-ка займемся подготовкой сигнального маяка для телепортации Громфа.

Он шагнул к Киммуриэлю и вызвал мысленно образ. Сосредоточившись на нем он впустил Киммуриэля в свой разум, чтобы тот смог увидеть его так же ясно, как Джарлак запомнил.

Мгновение спустя мир начал проноситься мимо них. День, казалось, превратился в ночь, и пара вышла из псионического портала Киммуриэля в ледяной каньон с высокими стенами, перед которыми было разбросано несколько ледяных куполообразных сооружений.

– Тебе холодно?

Киммуриэль пожал плечами, обдумал это и покачал головой.

– Хехехе, – Джарлак рассмеялся в своей лучшей имитации Пайкела. – Дуррид!

– Я оставлю тебя здесь навсегда, – предупредил Киммуриэль неугомонного наемника.

– Они ушли, – сказала Пенелопа Гарпелл, указывая на область перед Главной Башней, где Джарлак и Киммуриэль растворились в небытии. Она стояла с Вульфгаром и Даб'ней, когда Аззудонна, Бренор и Реджис приблизились. Затем все последовали за ней, чтобы увидеть, по крайней мере, конец исчезновения.

– Я не понимаю, – произнесла Аззудонна. Ее акцент сохранился, но слова она свободно произносила на Общем благодаря заклинанию, наложенному Пенелопой.

– Джарлакс и Киммуриэль отправились на север, чтобы подготовить глифы, которые направят заклинание телепортации Архимага Громфа, – сказала Пенелопа.

– Они рядом с твоим домом, – тихо сообщила Даб'ней эвендроу, которая с явным беспокойством закусила губу.

– Они скоро вернутся, – заверила ее Пенелопа. – И вы все отправитесь.

– Эльф еще не пришел? – спросил Бренор, подходя.

Двое дроу и Пенелопа посмотрели в недоумении, но Вульфгар и Реджис поняли, кого имел ввиду Бренор.

– Нам сказали, что он должен прибыть сейчас, – сказал Вульфгар. – Мы караулим его.

– А? – спросил Бренор.

– Разве он не придет через ворота в Главной Башне, из Мифрил Халла в Гаунтлгрим и сюда? – спросил Реджис.

– Джарлакс обещал другой способ прибытия, он придет с востока, – объяснил большой человек и снова перевел их взгляды на небо над Лусканом – все, кроме Аззудонны, которая продолжала смотреть туда, где находились Джарлакс и Киммуриэль, перед тем как исчезнуть. Все они, конечно, нервничали, но Аззудонна больше всех. Джарлакс уже вернулся на север? Да еще и с другим, не принадлежащим Каллиде?

Как это не было предательством, задавалась она вопросом.

Женщина стиснула челюсти, размышляя об удивительных обстоятельствах, которые привели ее сюда, об удивительном пути, который, судя по всему, ей предстоял, и, главным образом, о неоспоримой угрозе ее любимому дому – Каллиде.

Она не стала менее нервной – на самом деле, Аззудонна чуть не выпрыгнула из своих волшебных сапог из тюленьей кожи, шелка и слизи миксин, когда прямо перед ней открылись ворота. Оттуда вышел Громф Бэнр, за которым следовал маленький растрепанный зеленобородый дворф с котелком на голове и с культей вместо ладони, которую он прижимал к боку и держал кипу пергаментов.

– Они приближаются, – объявил Громф.

– Джарлакс? – спросил Бренор.

Громф кивнул на восток.

– Дзирт.

Некоторое время они ничего не видели, затем в далеком небе появились две черные точки, увеличивающиеся с каждым ударом сердца.

Аззудонна с любопытством наблюдала, щурясь от дневного света. Выражение ее лица изменилось, когда формы стали более отчетливыми и узнаваемыми.

Фиолетовые глаза эвендроу расширились от удивления и ужаса, и она прошептала: «Драконы?», отступая шаг за шагом.

– Они друзья, – сказала ей Даб'ней, и Пенелопа присоединилась к ней.

– Ты дружишь с драконами?

– Не все драконы злые, – сказал ей Вульфгар. – Это две сестры, и они довольно... интересны. Они давние друзья Джарлакса и не причинят вреда тем, кто этого не заслуживает.

Аззудонна слышала его, но отстраненно, ее взгляд был прикован к небу, где спускались огромные змеи, их медная чешуя ярко сияла при дневном свете. На их спинах показались всадники.

Она не знала, что и думать обо всем этом. Она запустила пальцы в свои густые, растрепанные ветром волосы и несколько раз беспомощно покачала головой, в то время как мир, казалось, бесконтрольно вращался вокруг нее.

Она услышала тревожные крики, доносившиеся из огромного города, расположенного всего в двух мостах дальше по дороге – очевидно, жители этого места под названием Лускан не разделяли мнения ее нынешних спутников о драконах.

Впрочем, город ничего не мог против них сделать.

Они летели вниз, постепенно снижаясь в скользкой и плавной посадке. Они приземлились прямо перед восьмеркой, собравшейся на поле перед Главной Башней. Мужчина-дроу и человек, выглядящий старым, прыгнули со своих ездовых существ. Аззудонна не сводила глаз с драконов, и широко раскрытые фиолетовые глаза расширились еще больше, когда медные драконы прямо на поле трансформировались в женщин – человеческих женщин.

– Что, во имя Девяти Кругов Ада, с тобой случилось, эльф? – потребовал Бренор.

– Это Дзирт, – услышала она слова Пенелопы. Моргнув, она вернулась к разговору и уловила слова женщины. Она поняла, что Пенелопа не первый раз говорит ей это. Только тогда она заметила, что мужчина-дроу подошел поближе и теперь смотрел на нее глазами, очень похожими на ее собственные. За исключением того, что один был ужасно распухшим, почти закрытым. И это была лишь малая часть синяков и порезов, видневшихся на нем.

– Муж Кэтти-бри, – объяснила Пенелопа. – А это Кейн, Магистр Цветов Монастыря Желтой Розы.

Аззудонна кивком приветствовала обоих, хотя не имела ни малейшего представления о том, что может означать «Магистр Цветов Монастыря Желтой Розы». Это прозвучало как титул, и, судя по тому, как Пенелопа произнесла его, он должен был произвести на нее впечатление.

– А это сестры Ильнезара и Тазмикелла, – закончила Пенелопа. – Хотя я и не знаю, кто из них кто. А это – Аззудонна, – обратилась она к Дзирту и Кейну, – она попала к нам благодаря магии Гвенвивар, хотя у нее не было и нет статуэтки.

Аззудонна заметила, что дроу по имени Дзирт пристально, почти угрожающе смотрит на нее.

– Где Джарлакс? – спросил он.

– Он и Киммуриэль скоро вернутся, – объяснила Пенелопа. – и тогда вы все можете отправляться.

– Ты не идешь?

– Нет, – ответила Пенелопа. – Я здесь только для того, чтобы убедиться, что ты должным образом представлен нашей гостье и полностью понимаешь, что Аззудонна не враг.

– Я бы поговорил с ней, – сказал Дзирт, затем перевел взгляд на Аззудонну и уточнил:

– С тобой.

– Вы поговорите, – согласилась Пенелопа. – Прямо сейчас.

– Позволь мне сначала исцелить тебя, – решительно потребовала Даб'ней, но когда она шагнула к Дзирту, мужчина представленный как Кейн перехватил ее.

– Не трать зря свои заклинания, – сказал он. – Они могут понадобиться тебе до конца этого дня. Если хочешь, иди и найди другого жреца с корабля Курта. И Дзирту, и мне не помешает немного бодрящей магии!

– Что я вижу! Что случилось? – спросила Даб'ней.

– Да, шевели губами, эльф, если они не слишком распухли, – потребовал Бренор.

– Не о чем беспокоиться, – пообещал Кейн и обменялся с Дзиртом понимающими улыбками.

– Это не ответ, – прорычал Бренор.

– Нет... это так, – сказал Кейн, а затем зашагал прочь.

Даб'ней пообещала скоро вернуться. Пенелопа взяла Дзирта за руку и провело его мимо Аззудонны, жестом приглашая гостью эвендроу следовать за ними.

– Ты не чувствуешь холод? – спросил Джарлакс, ведя Киммуриэля из ледяной расщелины к паковому льду, где ревел ветер и хлопья снега и льда с воем проносились мимо в слепой ярости.

– Нет, – ответил Киммуриэль. – Странное ощущение. Конечно, я слышу ветер и вижу холодный гнев земли, но ничего не щиплет.

Джарлакс сделал паузу, полез в магическую поясную сумку и достал оттуда чашу и бурдюк. Он налил жидкость в металлическую чашку.

– Магия моих сапог сохраняет ее теплой, пока я держу ее в руках, – объяснил он, и Киммуриэль кивнул.

Джарлакс осторожно подбросил чашу в воздух. Немного жидкости пролилось и тут же замерзло, превратившись в небольшое облачко льда. Джарлакс поймал кубок и вручил его Киммуриэлю.

Металлическая чаша с замороженным внутри куском льда.

– Похоже, что наш странный маленький союзник-дворф так же силен, как утверждают окружающие, – сказал Джарлакс.

Киммуриэль снова кивнул, затем указал подбородком на открытый конец разлома и бушующий ветер за ним.

– Тогда будем надеяться, что он полон сюрпризов, – сказал псионик. – Независимо от того, замерзнем мы или нет, преодоление той местности представляется непростой задачей.

– Не буду возражать, но мы найдем дорогу. Возможно, нам придется подождать, пока буря утихнет. Один орк однажды сказал мне, что здесь все по-другому. Сама земля хочет убить тебя. Не могу не согласиться.

– Ты действительно веришь, что они живы?

Джарлакс задумался.

– Мы освободили пару, которая была погребена похожим образом и пробыла там намного дольше, чем трое наших друзей. Они были живы, хотя, возможно, на грани смерти – мы не смогли добраться до них достаточно быстро, чтобы разобраться в этом. Но даже в таком случае у Даб'ней есть заклинания, которые оживят наших умирающих друзей прежде, чем смерть схватит их своей костлявой рукой.

– До разлома туннеля, который ведет к ним, всего пара часов пути, – продолжил Джарлак. – Давай закончим задание, и пойдем заберем нашу группу. Мы можем ждать и строить планы здесь, пока ветер не утихнет достаточно, чтобы мы смогли быстро пройти.

Он развернулся и направился обратно к иглу. Сунув руку в сумку, он достал магические маяки, которые дал ему Громф для обозначения места. Однако Киммуриэль схватил его за руку и остановил.

– Где находится другое место?

– Справа и дальше вдоль Кадижа. Несколько дней пути, но с перерывами на стоянки, подобные этой. Наши друзья здесь, наверху, изобретательны, уверяю тебя.

– Друзья?

Джарлак кивнул.

– Пошли.

– Тогда давай заберем остальных, и покончим с этим.

– Как я уже говорила, это Дзирт, сын Закнафейна и муж Кэтти-бри, – сказала Пенелопа Аззудонне. – Мы, конечно, много рассказывали тебе о нем, но я хотела официально представить вас, прежде чем вы полетите на север.

– Полетим? На спинах драконов?

– Нет, нет, я сказала это образно, конечно. Вас доставят на север магией Киммуриэля и Архимага Громфа, а не на спинах драконов.

– Сестры Ильнезара и Тазмикелла не злые и не враги нам, – добавил Дзирт. – И ты найдешь их отличными союзниками, если нам предстоит битва.

– Битва, безусловно, будет, если вы, мы, собираемся войти в пещеры под гигантской крепостью, – сказала Аззудонна.

Дзирт посмотрел на Пенелопу, ожидая объяснений. Когда женщина пожала плечами, он повернулся обратно к Аззудонне.

– Джарлак знает больше, чем я, – сказала ему Аззудонна. – Он был в той комнате, в которой пали Закнафейн, Кэтти-бри и Артемис Энтрери. Я сражалась там много месяцев назад, во времена Зачатия Зелени, с такими же катастрофическими результатами. Я их всех умоляла не идти туда, всех до единого.

– Но они пошли, и теперь моя жена потеряна для меня, возможно, навсегда, – довольно резко ответил Дзирт.

– Ты не единственный, кто потерял любимого человека там, – сказала Аззудонна, не впечатленная его беспокойством, и это заставило Дзирта задуматься. Он посмотрел на Пенелопу и увидел, что она кивает.

– Аззудонна говорит правду, когда утверждает, что Джарлак знает больше, чем она. Я уверена, он расскажет, что ждет вас на севере.

Дзирт оглянулся на эвендроу.

– Но хватит об этом, – добавила Пенелопа. – Я хотела, чтобы вы двое встретились – думаю, это важно для предстоящих дней. Но, Дзирт, прошу тебя, не ссорься. Я говорю со всей уверенностью, и Джарлакс подтвердил, что Аззудонна вовсе не виновна в трагедии, произошедшей на севере. Я полагаю, что Гвенвивар привела ее сюда для надежды на спасение, а не для ареста.

– Это была Гвенвивар? – спросил Дзирт у эвендроу.

Аззудонна пожала плечами.

– Я считаю, что это почти наверняка была она. Я бежала из туннеля, и на меня напали сзади. Мне показалось, что я пролетела через весь мир и приземлилась в комнате, которая, как мне сказали, принадлежала тебе и Кэтти-бри в доме, которым правит Пенелопа. Они сказали, что видели большую кошку.

– Ты когда-нибудь слышал о таких вещах, связанных с пантерой? – спросила Пенелопа.

Дзирт кивнул, соглашаясь с каждым словом.

– Иногда. То, что ты описываешь, мне не безызвестно. Значит, ты знаешь о Гвенвивар и других, это очевидно. Как? Расскажи мне свою историю о том, как ты проводила время рядом с моей женой.

Челюсть Аззудонны сильно сжалась.

– Я была рядом с ними много дней, – сказала она. – Они стали мне дорогими друзьями, и я боюсь, что они потеряны и буду горевать долгие годы, если их не найдут.

– И это все?

Женщина не моргнула, и Дзирт сузил глаза.

– Она не может говорить об этом, – прервала его Пенелопа. – Джарлакс знает больше, – продолжила она, взяв Дзирта за руку и перенаправив его взгляд на наемника, который только что вернулся с Киммуриэлем, и они вдвоем появились у Главной Башни.

– Позволь нам исцелить тебя и Магистра Кейна и подготовить вас, чтобы мы все могли быстрее получить ответы. – Она остановилась и пристально посмотрела на Дзирта, даже коснулась его опухшего, почти закрытого глаза. – Что случилось?

– Ничего, – все, что он ответил. На этот раз, он не улыбался.

Громф воспользовался магическими маяками, установленные Джарлаксом, а Киммуриэль – воспоминаниями Джарлакса в сочетании с собственными. Они вдвоем доставили группу к разлому, ближайшему к входу в туннели. За этим каналом ревел ветер и валил снег, но небо было чистым, и тринадцать членов группы телепортировались под величественное небо клубящегося зеленого цвета, по краям которого виднелись фиолетовые, синие и красные вспышки от движений Веселых Танцоров.

Ильнезара и Тазмикелла остались в своих человеческих обличьях. Их не беспокоил холод, как и Джарлакса с его ботинками, Громфа с каким-то собственным магическим предметом, который он не раскрыл, и Аззудонну, одетую в походную одежду из тюленьей шкуры, шелка и слизи миксин. На остальных восьми, включая

себя самого, Пайкел Валуноплечий наложил заклинание защиты от стихий, и еще раз на Киммуриэля, чтобы продлить срок действия предыдущего двумера.

Даже краткий миг пребывания на льду, продемонстрировал им всем, насколько серьезную опасность таит в себе эта земля.

Джарлакс распределил группы по различным иглу, но сначала собрал их всех в самом большом из сооружений. Там, с помощью Киммуриэля, который достал из воспоминаний точные образы, а затем телепатически передал их Громфу, Архимаг воспроизвел эти изображения и создал иллюзорное изображение места. Таким образом, все они получили полный план туннеля и пещеры, даже местоположение запертых в них людей.

Они изучали его. Киммуриэль использовал магию разума, чтобы поместить их в это место в воображении, позволив им увидеть его и почувствовать. Одно из зрелищ заставило Аззудонну вздохнуть, потому что немного глубже в пещеру от тех колонн, в которых удерживала пленников, стояли остатки нескольких других таких же колонн.

– Компаньоны Халла, конечно, останутся вместе, – решил Джарлакс. – В конце концов, о вашей слаженности в бою ходят легенды. Я бы попросил Пайкела остаться с вами в качестве поддержки.

– Да, держись поближе, мой друг-друид, – согласился Бренор.

– Дуррид! – крикнул Пайкел.

– Даб'ней со мной, – сказал Джарлакс. Он поднял рукоять солнечного клинка Закнафейна. – Мы будем вытаскивать заключенных из льда. Киммуриэль присмотрит за нами?

Псионик кивнул.

– Что касается остальных, – Джарлакс не столько спросил, сколько заявил, и поднял руки. – Где ты будешь?

– Там где я выберу, – сказал Громф.

– Именно, – ответил Джарлакс. – Я не стану пытаться диктовать роль Архимагу Громфу или Магистру Кейну, как и паре драконов. Вы увидите наших врагов повсюду. Я верю, что вы все найдете наилучшее применение своим... навыкам.

– Я уже много лет не ела мяса гигантов, – сказала Ильнезара.

– Немного жесткое и жилистое, если мне не изменяет память, – согласилась Тазмикелла.

– А что насчет моей роли? – спросила Аззудонна.

– Это тебе решать, – ответил Джарлакс. – Не посреди битвы, а прямо сейчас. Это наша битва. Мы идем спасать наших друзей.

– И моих. Тех, кто остался.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Дзирт.

– Сломанные колонны, – объяснил Джарлакс. – И количество пленников, которых мы видели. Боюсь, туда уходило больше друзей Аззудонны, чем осталось.

– Почти половины нет, – согласилась Аззудонна. Несколько человек вокруг нее вздохнули и кивнули.

– Мы доберемся до тех, кто остался, – пообещал Джарлакс. – Но эта последняя беда – наших рук дело и наша ответственность. Когда наших друзей захватили, ты не пошла туда, по приказу твоей моны. Я не стану заставлять тебя рисковать жизнью

сейчас ради этого. Если ты хочешь вернуться к домой, мы можем немедленно отправить тебя в путь с нашими наилучшими пожеланиями и глубочайшей благодарностью. А от себя, Аззудонна, моя искренняя благодарность за твою дружбу и добро, которое ты сделала для нас в... ну, во время нашего совместного времяпрепровождения. *Перте мийе Закнафейн*, – закончил Джарлак, подмигнув.

– Твоя вежливость поистине безгранична, – ответила Аззудонна, глядя на наемника с легкой ухмылкой на лице. – Та ночь под Веселыми Танцорами была самым волшебным моментом за всю мою жизнь, и это волшебство было создано не по прихоти или надежде. Да, Джарлак, *перте мийе Закнафейн*. Это было выражение преданности, верности и отчаянной страсти.

– От любви, – сказал Джарлак, и Аззудонна не стала спорить.

– Из всего этого ты знаешь, что я не уйду, – сказала она ему, сказала им всем. – Я пойду с тобой в ту комнату. Если ты потерпишь неудачу - я потерплю неудачу. Если ты упадешь - я упаду, но знай, что, как и ты, я делаю это с открытым сердцем. Это стоит того, чтобы рискнуть, даже если сам Кадиж пробудится и выступит против нас.

– Мы не проиграем, эльф, – вставил Бренор. – Там моя девочка.

– Бвунор! – крикнул Пайкел, и вся группа в иглу рассмеялась, даже драконы, даже Киммуриэль Облодра.

Но только не Громф.

И не Дзирт.

Глава 29

В Логове Бога Слаадов

– Я чувствую здесь много белых, – сказала Ильнезара Тазмикелле. Они стояли у входа в иглу после того, как группа полностью отдохнула. Внутри строения Пайкел Валуноплечий накладывал заклинания защиты от смертельно холодного воздуха на всех, кто в этом нуждался. Ветер завывал в ледниковой расщелине, а за ее высокими укрывающими стенами, бушевал ураган.

– Это их место, не так ли? – ответила сестра. Сестер-дракониц слушали другие, в том числе Аззудонна, которая смотрела на них с любопытством и явной тревогой.

– Белых драконов, – пояснил ей Дзирт.

– Да, они есть, – подтвердила Аззудонна. – Мы научились их избегать... – Она остановилась и покачала головой, явно злясь на себя.

Дзирт смотрел на нее всего мгновение, затем понял, что заставляет ее чувствовать себя неловко, догадавшись, что она почти раскрыла то, чего не должна была. Она сообщила сестрам соответствующую информацию, предупредив их, что да, в этом регионе водятся белые драконы. Ильнезара и Тазмикелла приблизились, отчего Аззудонне стало еще более не по себе.

– Ты их видела? – спросила Ильнезара у эвендроу.

Аззудонна заколебалась и перевела взгляд с драконов на Дзирта.

– Ты дружишь с ними? – лукаво добавила Тазмикелла.
Потрясенное выражение лица Аззудонны отрицало это, не говоря ни слова.

– Ильнезара и Тазмикелла вели великую битву с парой белых драконов над горой, на которой находится дом короля Бренора, – объяснил Дзирт.

– Против или вместе? – спросила эвендроу.

– Против! – резко ответила Ильнезара. – О, дорогая женщина-дроу, неужели ты ничего не знаешь о драконах? С чего ты взяла, что мы будем сражаться бок о бок с цветными чудовищами?

– Цветными? – тихо повторил Аззудонна, явно сбита с толку.

– Поистине ужасная и порочная мысль, сестра, – согласилась Тазмикелла.

Бедная Аззудонна, выглядела совершенно растерянной.

– Я... я не... Я знаю только о драконах, которые иногда встречаются в этих краях. Драконы с белой чешуей, да, – осторожно пробормотала она. – Я... А кроме них и вас есть другие?

– Ах, дорогая сестра, неудивительно, что бедняжка так нас боится, – сказала Тазмикелла.

– Дорогая девочка, поговори с Джарлаксом, прежде чем прибегать к таким предрассудкам, – добавила Ильнезара. – Возможно, ты обнаружишь, что с нами стоит познакомиться. И поиграть.

Взволнованная Аззудонна снова заикнулась, но ничего не ответила, и сестры-драконицы ушли, хихикая и подталкивая друг на друга в игривой манере, более подходящей для человеческих подростков, чем для полиморфных огромных змеев.

– Всегда помни, что любой игривый толчок, который ты видишь от них сейчас, отправит тебя в полет, – сказала Даб'ней эвендроу, присоединяясь к Аззудонне и Дзирту. – Радуйся, что они здесь, и еще больше тому, что они на нашей стороне.

Дзирт рассмеялся и подарил подтверждающую улыбку и кивок Аззудонне.

– Джарлакс уже принял решение? – спросил Дзирт у Даб'ней. – Мы выступаем или должны подождать, пока буря утихнет?

– Думаю, он хотел подождать, – ответила Даб'ней, прежде чем посмотреть на Аззудонну и добавить:

– Пока наша хозяйка не сказала ему, что может пройти много и много дней, прежде чем это произойдет.

– Мы не можем знать, – пояснила Аззудонна. – Ночные штормы могут пронестись быстро, а могут и затянуться.

В этот момент Пайкел Валуноплечий, напевая и пританцовывая, проскакал мимо них к концу ледникового разлома.

– Что за странный малый? – спросила Даб'ней. Она оглянулась вместе с остальными, и увидела, как остальная часть команды выходит вслед за Пайкелом. Трое дроу и сестры-драконицы встали в один ряд с остальными.

Пайкел остановился на самом краю разлома, его светло-зеленая мантия бешено развевалась на воющем ветру. Идущие позади даже не слышали собственных голосов посреди яростного шторма, но каким-то образом пение Пайкела продолжало звучать в их ушах. И что более странно, сам ветер, казалось, стал музыкой, несущей мелодию Пайкела.

Дворф танцевал по кругу и подпрыгивал, размахивал обеими руками, из обрубка его руки струились разноцветные линии, они поднимались в воздух и формировались в больших волшебных радужных птиц, которые улетали в облака.

– Что он делает? – закричала Даб'ней, хотя даже те, кто находился совсем рядом, вряд ли ее услышали. – Он может навлечь на нас опасность!

– Я так не думаю. – Дзирт понимал ее замешательство, но, в отличие от Даб'ней, достаточно насмотрелся на этого странного дворфа, чтобы быть уверенным: что бы Пайкел ни задумал, это, наверняка принесет пользу.

Танец продолжался много минут, и песня Пайкела становилась все громче.

Или нет, они медленно приходили к осознанию. Дело было не в том, что его голос становился громче, а в том, что ветер вокруг них затихал.

– Он успокаивает бурю, – потрясенно произнесла Даб'ней. Дзирт кивнул ей, затем ободряюще улыбнулся Аззудонне, которая выглядела совершенно ошеломленной демонстрацией друида.

– Выступаем! – крикнул Джарлак. Он достал обсидиановую статуэтку и призвал адского коня. Киммуриэль последовал его примеру, как и Даб'ней.

Дзирт поднял свисток и призвал Андахара. Бренор уронил свою статуэтку, которую Джарлак подарил нескольким членам отряда Веселых Мясников – элитного отряда короля Бренора – и вызвал адского вепря.

– Мы пойдем впереди, – сказала Ильнезара. Она сбросила мантию и начала превращение. Рядом ее сестра сделала то же самое.

– Лети низко, сестра, – сказала Тазмикелла. – У нас нет времени привлекать белых и сражаться.

– Но мне бы это понравилось.

– Мы нужны нашим друзьям.

Ильнезара, теперь почти полностью принявшая форму дракона, издала недовольный ворчащий звук.

– И Джарлак вознаградит нас, – добавила Тазмикелла.

Вторая драконица перестал рычать и выпустила из носа немного кислоты, как бы говоря «Хм».

– Я буду бежать рядом, – сказал Кейн. Никто не стал спорить.

Громф осмотрел группу, затем произнес заклинание, создающее призрачных коней для Вульфгара и Аззудонны, почти прозрачных призрачно-белых лошадей с длинными развевающимися гривами и хвостами. Затем он наколдовал одного для себя (не похожего на других и очень похожего на адского коня Джарлакса).

Однако эвендроу попятилась, качая головой, явно неуверенная.

– Она не умеет ездить верхом, – объявил Джарлак, поняв ее нерешительность и обдумав ее происхождение.

Дзирт взобрался на Андахара, прошелся на единороге рядом с Аззудонной и протянул ей руку. Она приняла ее, и он усадил ее за собой.

– Ты будешь в безопасности, – заверил он ее. – Андахар не позволит тебе упасть.

С типичным вздохом отвращения Громф начал отпускать лишнего коня, но Реджис осмелился протянуть руку и схватил великого волшебника за руку, останавливая его.

– Ты можешь сделать его немного меньше? – спросил хафлинг. – Я могу ездить на нем и так, но сделай его пони, и тогда я возьму с собой Пайкела.

Громф пристально смотрел на руку хафлинга на своей руке, пока Реджис благоразумно не убрал ее. Архимаг повернулся к коню, несколько мгновений обдумывал вопрос. Он выглядел заинтригованным, как будто ему никогда раньше не приходило в голову делать это. В конце концов, он пожал плечами и произнес еще одно заклинание, и призрачный конь уменьшился на глазах, превратившись в призрачного пони.

Реджис, ставший опытным наездником за годы, проведенные в группе хафлингов, известной как Ухмыляющиеся Пони, взобрался на него.

– Могу я дать ему имя?

Громф посмотрел на него с выражением где-то между отвращением и неуважением. Он ушел, качая головой и ворча.

– Вперед, Пузан, – сказал Реджис достаточно громко, чтобы Громф услышал и отреагировал очередным проклятием. Реджис усмехнулся его реакции. Он направил пони к Пайкелу.

Но зеленобородый дворф в этом не нуждался.

Истерически хохоча, Пайкел снова запел и на их глазах превратился в огромного лысого орла, за исключением того, что перья на его голове были зелеными, а не белыми, и одно крыло было короче другого.

– Клянусь богами, – выдохнула Аззудонна позади Дзирта. – Что за воины, какие любопытные и странные существа пришли на эту землю?

– Союзники, – заверил ее Дзирт.

Она не ответила, но Дзирт почувствовал, как ее руки вокруг него сжались чуть сильнее.

Из разлома вылетела группа во главе с двумя медными драконами и раскативающимся и поющим орлом, продолжавшим заклинание, призванное успокоить ветры и даже обратить их в благоприятную для путешествия сторону. Кошмары, призрачные кони, адский вепрь, поскакали галопом, а старик, чудесным образом, поспевал за ними. Они неслись вперед, вдоль ледяной стены слева, следующий разлом и вход в пещеры быстро приближались.

Они преодолели мили за считанные минуты, а не часы.

Сестры-драконицы и Пайкел первыми обогнули поворот и спустились в ледяной каньон. Втроем они приземлились и вернулись к своим гуманоидным формам, и встали рядом с трупом поверженного ледяного гиганта, замерзшего и припорошенного льдом и снегом.

– Мое отступление было не совсем чистым, – признался Джарлак, когда он и остальные прибыли на место. Он подошел к туннелю и заглянул внутрь.

– Вроде бы все тихо, – заметила Ильнезара рядом с ним.

– Канте бесшумны и практически невидимы, – сказал им Аззудонна. – Даже сейчас они могут быть размазаны по полу и стенам, пока мы стоим здесь, и не будем знать об этом.

– Их можно обнаружить с помощью магии, – сказал Джарлак, обращаясь к заклинателям. Он достал волшебную палочку и наложил на себя заклинание обнаружения магии. Громф и Даб'ней точно так же зачаровали себя. Пайкел тоже

что-то сделал, но Джарлакс не мог с уверенностью сказать, что именно, поскольку все вербальные компоненты его заклинания казались тарабарщиной.

Киммуриэль, тем временем, стоял неподвижно. Слишком неподвижно, как будто его тело просто застыло на месте.

Джарлакс посмотрел на него и кивнул, после чего велел остальным ждать возвращения псионика.

Несколько мгновений спустя физическая форма Киммуриэля моргнула, когда дух дроу вернулся к своему физическому носителю.

– В камере тихо и все так, как ты описал, – сообщил Киммуриэль Джарлаксу. – Но я почувствовал там тишину и общее ощущение... разумности.

– Кадиж, – выдохнул Пайкел, но никто не обратил на него внимания.

– Мы можем попасть в засаду, – предупредил Киммуриэль.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил Джарлакс.

– Тогда давайте покончим с этим, – сказал, казалось бы, равнодушный Громф. – Я уже устал от этого промерзшего места.

Джарлакс кивнул.

– Как мы и договаривались, – сказал он, и Громф начал заклинание, как и Даб'ней.

И Пайкел тоже.

Огненный шар Громфа появился прямо у входа в туннель, ярко пылающий. Затем последовал шар Даб'ней, меньший по размеру и силе, но все еще грозный.

Затем ярко вспыхнул третий, застав их всех врасплох, и даже Громф посмотрел на Пайкела с чем-то средним между шоком и уважением.

– Кадиж, – широко улыбаясь снова произнес зеленобородый дворф, его светло-серые глаза сверкали в отражении огненных шаров.

Бок о бок, от пола до потолка, от стены до стены, три призванных шара прокладывали путь по туннелю. Шипение и мерцание отступающей полупрозрачной жидкости сообщали отряду, что путь действительно охранялся засадой. Теперь канте поглощало или прогоняло жаркое пламя.

– Мы будем сражаться, как только войдем в главный зал, – предупредил Джарлакс. – Просто оградите периметр вокруг сталагмитов, чтобы мы могли освободить наших друзей... – Он сделал паузу, посмотрел на Аззудонну и уточнил: – Чтобы мы могли освободить всех наших друзей.

Огненные шары медленно продвигались по коридору, но явно делали свое дело. Три заклинателя держали их на расстоянии друг от друга, чтобы заполнить туннель, и когда группа шла по коридору, ни канте, ни другие чудовища не бросили им вызов.

Дзирт соскользнул с Андахара, Аззудонна последовал за ним, но он не отпустил волшебного скакуна. Вульфгар и Реджис тоже спешили с призрачных коней и встали рядом с дроу. За ними следовал король Бренор на своем адском вепре.

– Если я спущусь, тварь взбесится и выйдет из-под контроля, – объяснил Бренор. – Джарлакс говорит, что маленький огненный зверюга сослужит нам хорошую службу внутри.

– Будем надеяться, что он нам не понадобится, – ответил Дзирт.

– Когда с нами такое случалось? – спросил Вульфгар.

Реджис рассмеялся, затем огляделся вокруг, на драконов, Архимага, Великого Мастера Цветов.

– Если бы наши враги знали нас, они бы надеялись на то же самое. И запрятались бы поглубже в норах.

– Великаны и слаады тоже могут быть поблизости, – предупредила Аззудонна. – Они мало чего боятся.

– Слаады, – фыркнул Бренор. – Проклятые лягушки. Просто лягушки. Надеюсь, они такие же вкусные, как и их младшие сородичи.

На лице Аззудонны появилось выражение любопытства и отвращения одновременно, но она ничего не ответила.

– Боковая комната слева, – сказал Джарлак и поднял руки, чтобы удержать остальных в первом ряду, пока огненные шары продолжали прочесывать коридор перед ними. Он посмотрел на Громфа, который кивнул и начал колдовать.

Как они и рассчитывали, шары прокатились мимо проема в левой стене, а еще один огненный шар, на этот раз гораздо меньшего размера, полетел позади трех справа, пока они продолжали свой путь по главному коридору, под идеальным углом, чтобы залететь прямо в отверстие.

Мгновение спустя из боковой камеры хлынул мощный поток горячего воздуха, пламя заполнило боковую камеру и вырвалось наружу.

Уверенная, что ничто в этой комнате не пережило бы взрыв Громфа, группа двинулась дальше, и остановилась всего в нескольких футах позади шаров.

– Мы приближаемся к концу коридора, – вскоре объявил Джарлак. – Когда он откроется, переместите пламя в сторону, затем обратно, чтобы запечатать туннель. Канте теперь окружают нас, текут по трещинам внутри ледника. Я чувствую их магию. Скоро они найдут вход.

Сестры-драконицы двинулись вперед, три заклинателя выстроились в линию поперек коридора позади них. Как только перед движущимися огненными шарами показалась комната, Громф и Даб'ней усилили магические хватки на своих языках пламени и направили их к противоположным стенам.

Пайкел, однако, пустился в короткий, скачущий танец, снова запел, и его перекатывающееся пламя, казалось, вихрилось и вращалось внутри себя, в нем клубились огни разных цветов.

– Что он делает? – прошептал Реджис сзади.

– Будь я проклят, если знаю, – признался Бренор.

Слева внезапно погас огненный шар Громфа, шар Даб'ней исчез справа, но шар Пайкела еще мгновение простоял у входа в огромную пещеру, превратившись из огненного шара в нечто похожее на огненного коня, оранжевого, желтого и белого цветов, а затем прыгнул прямо в комнату над туннелем, скрывшись из виду.

Сестры-драконы уже вбегали в комнату, трансформируясь на ходу.

За ними последовали заклинатели.

Ворвались Джарлак и Киммуриэль на адских скакунах. Джарлак повел Даб'ней. Внутри огромного зала он передал ей управление.

Вбежали Кейн и Аззудонна, следом за ними Компаньоны Халла. Адский вепрь Бренора изрыгал пламя при каждым шаге.

– Сформируйте периметр! – приказал Джарлакс, когда Даб'ней зажгла магический свет посреди ледяных сталагмитовых насыпей, подсветив призрачные фигуры тех, кто оказался в ловушке внутри.

Джарлакс вошел в эту комнату, полный надежды, рассчитывая, что ему и его могущественным друзьям удастся быстро забрать пленников и выбраться оттуда.

Но как только он вышел из туннеля и внимательно осмотрел помещение, то понял, что этого не произойдет. Сначала его взгляд метнулся влево, на неровный, ступенчатый ледяной пол к далекому, почти прозрачному круглому окну. И любое облегчение, которое он мог испытать, увидев, что ни Йгорла, ни других слаадов там нет, тут же улетучилось. Настоящая армия – десятки и дюжины канте – поднялись с ледяной поверхности. А когда он оглянулся на пленников в сталагмитах, то увидел наступление нежити н'диви, выходящих из туннеля с выступа в стене напротив. Вереница закованных в лед зомби, ледяных големов с оживленным трупом внутри, устремились к скату из ледяного водопада и безрассудно бросилась вниз, стремительно скатываясь на главный этаж камеры.

Ледяные гиганты! Из подвала выступа, протянувшегося почти на всю длину стены напротив, поднялось столько морозных гигантов, что казалось, огромная пещера стала меньше. Они поднимали валуны и огромное оружие, а из туннеля рядом с н'диви хлынуло еще больше чудищ.

И слаады – теперь Джарлакс и другие увидели их в полном составе на том выступе прямо напротив туннеля, из которого они только что вышли, и на всем пути вниз направо к углу прямоугольного ледяного зала.

Великаны и слаады знали о их приближении. Их враги ждали попытки спасения. А в случае с ледяными гигантами, поднимающимися с выступа, буквально затаились в ожидании.

В голове у Джарлакса все завертелось, когда он пытался разобраться во всем этом. Неужели Йгорл или какой-то другой могущественный слаад обнаружил псионическое вторжение Киммуриэля? Мог ли Кадиж, бог ветра, чье тело давало жизнь этому леднику, каким-то образом сообщить великанам? Может быть канте в туннеле служили наблюдателями?

Как они узнали?

И, конечно, самое главное – что теперь делать Джарлаксу и его отряду героев?

Наемник развернулся, пытаясь придумать новый план. Но тут же понял, что в этом нет необходимости.

Ильнезара и Тазмикелла, издавая драконий рев, уже пронесли мимо. Они бесстрашно бежали и наполовину летели к врагам на выступе.

Громф был глубоко погружен в колдовство и целился – если Джарлакс правильно измерил взгляд Архимага – куда-то влево и вниз.

Компаньоны Халла последовали за атакой короля Бренора, который поскакал на адском вепре. Каждое приземление копыт зверя посылало мощные взрывы огня. Летящий Клык Защитника разнес вдребезги одного, затем другого, затем третьего ближайшего канте одним вращающимся броском. Андахар тоже был там, он ворвался внутрь, сбивая с ног мелких врагов, копошащихся поблизости, его рог и копыта были очень смертоносны.

Дзирт отделился от своих трех друзей и присоединился к магистру Кейну, который, казалось, почти летел. Он перепрыгивал с ледяного столба на столб, поверх заключенных в ловушку пленников, и спрыгнул сверху в толпу. Он раздавал удары руками и кулаками, вращался, наносил удары ногами.

Даб'ней и Киммуриэль пронеслись мимо Джарлакса на адских скакунах. Они подскочили к курганам, развернули скакунов и ударили копытами по льду, чтобы освободить пленников. Аззудонна присоединилась к Джарлаксу, и направилась к ближайшей жертве, Артемису Энтрери. Джарлакс с солнечным клинком закончил работу, начатую скакуном Киммуриэля.

Сердце Джарлакса воспарило, когда голова Энтрери дернулась, и глаз полуоткрылся в знак признательности.

И упало, когда он поднял глаза, чтобы позвать Даб'ней. Ибо тогда он понял, что рядом находится гораздо больше канте. Они поднимались с пола прямо перед ним и справа, позади сестер драконов, и между ними не было никого, кроме пары сталагмитов – один удерживал Закнафейна, другой – Кэтти-бри.

– Периметр! – закричал он, его голос был почти криком отчаяния.

Но слово застряло у него в горле, и он растерялся от изумления, когда появился последний из группы, о котором все думали меньше всего. Джарлакс заметил вспышку позади справа и услышал грохот, и только когда в поле зрения появилось волшебное зрелище, до него дошло, что это был стук копыт.

– Мой калоль Бвунор! – прорычал Пайкел Валуноплечий. Стоя у пылающей перекладки на огненной колеснице, он держал поводья упряжки лошадей, состоящей, как оказалось, полностью из огня. Дворф с криком бросился через дорогу, оставляя за собой полосу пылающего пламени. Он пронесся мимо курганов, затем резко свернул влево и продолжил движение, пока не обогнул все сталагмиты и вернулся обратно к туннелю, через который они вошли.

Он кружил и кружил, очерчивая огненный периметр, сбивая канте в лужи, разлетающиеся осколки и клубы пара.

Джарлакс передал солнечный клинок Аззудонне.

– Теперь ты знаешь, что делать! – закричал он. – Освободи их всех!

– Что ты собираешься делать?

Вместо ответа он бросился навстречу кошмару, вскочил и начал показывать. Дьявольский конь пинал каждую насыпь, мимо которой они проходили, огненные копыта разрушали основание тюрем.

Джарлакс вздрагивал при каждом ударе, опасаясь, что такая грубая атака, вместо осторожного извлечения пленников, может оказаться катастрофической для запертых внутри несчастных душ. Но у них не было времени – в самом деле, ибо мимо его лица пролетел брошенный гигантом валун.

Бег Пайкела по периметру сдерживал канте и н'диви, но на выступе стояли бойцы дальнего боя – гиганты с валунами, слаады с большими копьями... и заклинаниями! В тот момент, когда Джарлакс повернулся обратно к стене с входным туннелем, к нему полетела молния и угодила адскому скакуну в бок, заставив того вращаться.

– Стой прямо! – прорычал Джарлак сквозь дрожащие зубы. Он пытался крепко держать поводья, несмотря на сильные мышечные спазмы, вызванные энергией, проходящей через его тело.

Еще один валун пролетел мимо, проскочил по ледяному полу, затем срикошетил от следующего в очереди ледяного сталагмита и, вращаясь, врезался в морду адского скакуна Даб'ней без всадника. Трудноуправляемый, всегда на грани демонической ярости, этот адский скакун без всадника внезапно впал в неистовство, прыгая и вращаясь, взбрыкивая и лягаясь.

– Даб'ней! – Джарлак взревел.

Адский скакун без всадника подпрыгнул и нанес двойной удар, оба копыта врезались в насыпь, разнесли на части и выбросили пленника с другой стороны лицом вниз на пол, по которому она заскользила.

Джарлак попытался притормозить и развернуть коня, чтобы рассмотреть упавшую фигуру. Но, узнав жертву, он резко остановился и в страхе затаил дыхание.

Магистр Кейн и Дзирт скрестились в воздухе в своих сальто. Кейн приземлился в скольжении, затем нанес круговой удар по приближающемуся неуклюжему н'диву, остановив заключенного в лед зомби. От удара образовалась паутина трещин, а затем лед просто рассыпался.

Оставшийся орк-зомби просто стоял на месте несколько мгновений, прежде чем упал лицом вниз на лед в истинной смерти.

Дзирт приземлился на колени напротив, и не замедляя скольжения, проскользнул между парой н'дивов. Его клинки скрестились и атаковали медленно поворачивающихся монстров в бока. Когда он проскользнул дальше, Дзирт нанес влево удар наотмашь и вогнал Видринат в спину одному из врагов, быстро ухватился за него и, вращаясь влево, снова поднялся на ноги.

Он выдернул саблю как раз в тот момент, когда его другой клинок, Ледяная Смерть, яростно светящийся в холодном воздухе, опустился, раскалывая лед и проломив череп. Уничтожив монстра-нежить, Дзирт повернулся за вторым, но тут мимо него пронесся Бренор Боевой Топор. Адский вепрь, изрыгая пламя, тащил дворфа за другим н'дивом, которого ранил Дзирт.

Топор Бренора с множеством зазубрин довершил дело. И адский вепрь, не сбавляя скорости, врезался в канте, который поднялся перед королем дворфов, разбил его вдребезги, а затем и второго, который попытался подняться позади первого.

– Клянусь богами, эльф! – взревел Бренор. Он сильно дернул поводья, чтобы остановить свирепого адского вепря.

Крик дворфа и внезапная остановка застали Дзирта врасплох, пока он не услышал позади себя крик Вульфгара:

– Слишком много!

Он повернулся влево, чтобы увидеть Вульфгара и Реджиса, а также сталагмитовые насыпи позади них в кольце непрерывающегося огня Пайкела. Клык защитника взорвал канте, отбросил в сторону н'дива и с такой силой

обрушился на макушку еще одного н'диви, что и лед, и находящийся внутри зомби, казалось, просто взорвались и упали плашмя под тяжестью удара.

– Слишком много! – снова закричал Вульфгар, указывая мимо Дзирта.

Он резко обернулся.

И понял, что обречен.

Десятки, дюжины, сотни монстров, от канте до н'диви, от ледяных великанов до огромных прыгающих двуногих лягушек, красных и синих, кишели на краю верхнего туннеля и спускались вниз по водопаду.

Дзирт удивленно оторвал взгляд, когда мимо него пролетел арбалетный болт и поразил еще одного канте, который ловко появился прямо рядом с дроу-следопытом и даже обхватил один из его сапог. Однако арбалетный болт прервал эту скрытую атаку, разрушился и взорвался внезапной и сильной вспышкой, разнесшей монстра на куски.

Дзирт хотел поблагодарить Реджиса, а еще больше хотел призвать Компаньонов Халла сражаться за Кэтти-бри, Закнафейна, Артемиса Энтрери, за всех, кто оказался в ловушке в этой пещере холодной и отвратительной смерти. Но он не мог оторвать взгляд от зрелища приближающейся армии, слишком могущественной армии.

Просто слишком могущественной.

Как мы могли настолько недооценить угрозу?

Однако эта неспособность отвести взгляд позволила Дзирту занять лучшее место в пещере, чтобы лицезреть обнаженную мощь тех, кто пришел с ним. Видеть, как магистр Кейн бесстрашно летит вперед, совершая огромные прыжки, кувырки и убийственные удары, уничтожая все на своем пути, хотя его удивительные усилия казались ничтожными против этой силы.

Однако с магической атакой другого дело обстояло иначе.

Они появлялись в воздухе один за другим или по два сразу: маленькие шарики раскаленного камня и лавы стремительно падали вниз с потолка пещеры. Злобно светясь и увеличиваясь по мере падения, метеориты разбивались и взрывались по всему участку пещеры. Они разбрасывали монстров, плавили канте, отбрасывали в сторону как великанов, так и слаадов. Летели и летели они в замерзшую горку водопада, расплавив ее и разбив вдребезги. Сотни монстров упали на пол внизу.

Дзирт резко вскинул голову и оглянулся на Архимага Главной Башни Волшебства. Он стоял с распростертыми руками и вызывал все больше и больше роящихся метеоров, их огни отражались в его глазах, словно это были его дети, посланные на войну.

Крик в другой стороне заставил Дзирта и остальных попятиться. И он посмотрел мимо Громфа, мимо пылающего кольца и работы над ледяными гробницами, обратно в угол противоположной стены. Там стояли драконы, Ильнезара и Тазмикелла, избитые камнями, утыканные копьями, но стойкие, каким могут быть только драконы.

Ильнезара мотнула головой в сторону, запустив в воздух изжеванный и изломанный труп синего слаада.

Тазмикелла, вцепившись в ледяного гиганта, которого стащила с выступа, только крепче сжала челюсти. Его ноги упали с одной стороны, верхняя часть туловища и остальная часть тела – с другой.

Полетели новые снаряды. Еще больше монстров бросились к передней части выступа, чтобы пустить в ход свое оружие.

– Сейчас, сестра! – взревела Тазмикелла, один только звук ее драконьего голоса поверг вражеских метателей в шок.

И драконы выдохнули вместе, выпуская конусы кислоты, плавающие лед и кожу. Огромные змеи качали головами на змеиных шеях взад и вперед.

– Ну вот, – пробормотал Бренор, и даже его энергичный адский вепрь, казалось, притих от внезапного проявления неистовой тайной силы.

– Преследуем отступающую волну! – крикнул Реджис, промчавшись мимо своих друзей и поднимая ручной арбалет. Он поднял согнутую руку перед собой и положил правое запястье на левое предплечье, быстро прицелился и выстрелил.

Еще больше грохота, криков и шума донеслось сзади, где дыхание драконов опрокинуло половину большого выступа в комнате, но на изящно выгнутую стрелу не влияло сотрясение земли, и казалось, что она летит через отдельное измерение, тихое и безмятежное.

Пока не ударила в спину отступающего гиганта, разрушилась и взорвалась, сила отбросила массивного ледяного гиганта вперед и на пол.

– Мы их победили! – прорычал Реджис. – Мы победили их всех!

Приободренные криком хафлинга, Компаньоны Халла и Кейн рядом с ними, двинулись вперед, готовые принять внезапный поворот судьбы.

А потом фортуна снова развернулась.

Ибо из туннеля на оставшийся выступ вылетел слаад, гигантский и темный, похожий на живой дым, окутывающий скелет. Он остановил их атаку. И остановил отступление их врагов. От одного только взгляда на него у Реджиса перехватило дыхание.

Один только вид этого божественного существа, Йгорла, наполнил спасателей ужасом, ибо таково было его воздействие.

Величайший слаад взлетел высоко в пещеру и рассек воздух нечестивой косой. Оружие Йгорла, казалось, разрывало сам воздух, и оставляло светящиеся линии при каждом порезе и повороте. И когда бог пролетел над строем товарищей, сосредоточив свой гнев на другом, светящиеся линии остались, выжженные в воздухе на всеобщее обозрение.

Символ.

Нечестивый, нечистый, мучительный.

Бренор зарычал, или попытался зарычать, его крик превратился в бульканье, когда он свалился со своего адского вепря. Реджис упал на пол, его рвало и трясло. Вульфгар согнулся пополам, затем зарычал от боли и встал прямо – почти – прежде чем снова согнуться.

Кейн сцепил руки в медитативной позе, сражаясь, борясь, как и Дзирт. И они сопротивлялись, но понимали, что потребуется нечто большее, потому что канте, н'диви, гиганты, слаады не были так сильно поражены, вовсе нет. Они осмелели.

И волна чудовищ снова нахлынула на них.

Громф Бэнр, не новичок в таких символах и темной магии, моргнул, сохраняя достаточную концентрацию, чтобы наблюдать за полетом божественного существа и начать собственное заклинание. Он поморщился и покачал головой, когда Йгорл обрушил на сталагмиты вихрь льда и ветра, почти погасив огненное кольцо Пайкела, а также колесницу, когда дворф повернулся и не смог удержаться от того, чтобы не въехать прямо под ливень.

– О-о-о-о-о-о-о! – Громф услышал, как зеленобородый друид вскрикнул, когда градины обрушились на него.

Они были обречены.

Все они были обречены.

Если только...

Громф прорычал заклинание. Парящий Йгорл повернулся и стремительно полетел к нему, поднимая свою дьявольскую косу.

Из пальцев Архимага вылетела молния, такая мощная, что свалила бы гиганта, титана или даже одну из сестер-дракониц. Вспыхнув, она ударила в дымчатого слаада, отчего сам Йгорл стал похож на грозовую тучу, дуги молний мерцали по ребрам и костям внутри темного облака существа.

Полет быстро прекратился, Йгорл повис в воздухе, трясаясь, искрясь, дрожа.

Но не упал. И когда остаточные удары рассеялись, коса слаада начала искриться – не синим, а черным – словно трансформировала, извлекала и перенаправляла молнию Громфа. Бог слаадов послал ее движением сверху вниз, черная вспышка поразила Архимага и отбросила его к стене рядом с входом в туннель.

Громф боролся с потерей сознания, увидел летящего к нему Йгорла и подумал, что его жизнь подходит к концу.

Но вдруг Йгорл вздрогнул и снова остановился. Божество отшатнулось в сторону, развернулось, а затем бросилось бежать, глубоко уязвленное.

И Громф, борясь за то, чтобы не отключиться, выжить и быть готовым к бою, понял, что произошло, когда Йгорл протянул руку через пустое пространство и стер свой собственный символ!

Громф повернул голову набок.

Киммуриэль стоял неподалеку, верхом на адском коне, его не беспокоила расплавляющая разум иллюзорная агония символа, и теперь атаковал разум Йгорла силой своей псионики.

Громф посмотрел на руки, все еще искрящиеся черными молниями.

Но они не болели.

Киммуриэль защитил его и почти наверняка спас ему жизнь.

Архимаг потянулся к отступающему Йгорлу, летящему теперь к круглому окну из льда далеко напротив, и выбросил энергию, все еще потрескивающую вокруг него. Его молния догнала и поймала Йгорла, сильно ужалив неземное существо.

Но Йгорл продолжал лететь несмотря на удар, и когда Громф попытался двинуться вперед, чтобы преследовать и снова наброситься на божественное существо, он запнулся и привалился спиной к стене, раненный сильнее, чем предполагал.

Джарлакс краем глаза наблюдал за полетом, за светящимся символом...

От внезапной, шокирующей боли наемник перевернулся на спину, и мысли его вернулись к дням его юности в Мензоберранзане – к тем не столь редким случаям, когда он сердил верховную мать.

И там, в тех далеких воспоминаниях, Джарлакс нашел в себе силы дать отпор и оторвать взгляд от пылающих линий, которые Йгорл начертал в воздухе. Он спрыгнул с адского скакуна, прижался к нему, загораживая символ телом кошмара.

Он выглянул и проследил за полетом божественного существа. Он инстинктивно приподнял шляпу и превратил ее в зонт как раз вовремя, чтобы защититься от ледяного шторма Йгорла. Затаив дыхание, он умоляюще смотрел на Даб'ней и Аззудонну, на Энтрери, который корчился на полу, отчаянно закрываясь от натиска бури, смотрел через дорогу на разрушенный курган, а за ним – на фигуру бедной женщины, которую так жестоко выбросил двойным удар неуправляемого адского скакуна Даб'ней.

Доум'вилль лежала неподвижно, совершенно не реагируя на шквал ледяной стихии.

Сквозь вихрь снега и льда он увидел, как его могучий брат нанес удар, и обрел надежду. Затем увидел, как Йгорл повернул молнию вспять и отбросил великого и могущественного Громфа к стене, как ребенка или игрушку.

И Джарлакс ощутил ужас.

Он бросил взгляд влево, думая бежать, и увидел Киммуриэля, сидящего прямо на своем адском коне, сильного и решительного, не обращающего внимания на ледяной дождь, сосредоточенный на одной-единственной цели, как иллитид.

И тут ледяная буря прекратилась, и Джарлакс увидел, что это дело рук Пайкела, маленького дуррида Пайкела, который танцевал и пел рядом с уменьшающейся огненной колесницей, противопоставляя магии Йгорла свою собственную. Как могли такие, как Пайкел Валуноплечий надеяться сравниться с обнаженной силой бога слаадов?

Но каким-то невероятным образом ему это удавалось.

Джарлакс не видел в этом никакого смысла, но он не собирался подвергать сомнению удачу – особенно когда знал, что она может быть мимолетной. Ему нужно было действовать.

Через дорогу от двери сестры-драконы сражались за свои жизни. Джарлакс громко ахнул, поняв в каком затруднительном положении они оказались. Их дыхание растопило выступ, но волна воды обрушилась на них и снова замерзла, захватив ноги и хвосты Ильнезары и Тазмикеллы в ловушку. Великаны и слаады, канте и н'диви набросились на них.

Драконы кусались и били крыльями, отбиваясь и боролись до конца.

– К ней! К ней! – Джарлакс позвал Даб'ней и Аззудонну, указывая на Доум'вилль.
– О, скорее!

Двое пробежали мимо Джарлакса. Аззудонна бросила солнечный клинок обратно лидеру наемников, а сама направилась к женщине, которую тоже когда-то знала, как дорогого друга.

Джарлакс поднял клинок и посмотрел на курган, в котором когда-то находился и вспомнил, что его переносная нора все еще заперта там.

Возможно, он сможет спастись из этой катастрофы? Он даже сделал шаг в ту сторону.

Но нет, потому что позади него, недалеко, стоял Закнафейн, а рядом с ним Кэтти-бри.

Он подвел своего адского скакуна к ближайшему из них, Заку, и начал садиться на него, но остановился и отошел в сторону, когда подошел другой адский скакун, ведомый Артемисом Энтрери.

– Мой друг, – пробормотал Джарлакс.

Ему не нужно было направлять явно избитого человека, который ловко развернул своего коня и пнул сталагмит Зака, затем снова повернулся и зашагал прочь, чтобы расколоть ледяной панцирь, удерживающий Кэтти-бри.

Джарлакс немедленно принялся за работу над гробницей Зака, солнечный клинок так легко и методично резал лед. Энтрери вернулся к нему.

– Освободите их всех, – распорядился Джарлакс, и позволил себе еще раз понадеяться, что они спасут этих несчастных жертв и уйдут.

Однако, оглянувшись назад, он понял, что любая надежда, конечно же, была преждевременной. Только тогда он увидел, что Йгорл стремительно летит к круглому окну.

И если существо доберется до него, Джарлакс знал, что произойдет дальше.

– Остановите его! – закричал Джарлакс, перекрывая весь шум. – Остановите его, иначе нам не победить!

Он вскочил на ноги и ткнул пальцем в левую стену комнаты. Он вздрогнул, услышав, как Закнафейн выдохнул его имя, и испугался, что его усилия здесь только причинят его другу еще большую боль, когда ледяные циклоны пронесутся снова.

– Остановите его!

За треском льда, ревом драконов, грохотом заклинаний, Дзирт услышал тот единственный зов.

За многие годы он познал мудрость Джарлакса. Джарлакс знал это место.

Джарлакс понял, что произойдет.

Таким образом, когда Джарлакс закричал, Дзирт посмотрел на него, проследил за его взглядом, и услышал в голосе наемника панику и ужас, столь редко исходящие от него. Он не задавал вопросов и не колебался.

Он знал.

Он свистнул Андахару и бросился бежать, затем запрыгнул на великолепного единорога, когда тот поравнялся с ним, и со всей скоростью погнал его через пещеру. Перед ними возник канте, но Андахар, не дожидаясь приглашения, опустил рог и разнес монстра вдребезги, пробежав прямо сквозь него.

Пара гигантов попыталась зайти сбоку, чтобы перехватить, но Андахар уклонился и оставил их, брызжащих слюной, далеко позади.

Пара синекожих, огромных и грозных сладов возникла словно из ниоткуда, просто появилась прямо перед атакующим единорогом. Когтистые лапы схватили Андахара прежде, чем единорог или его всадник успели осознать их внезапное

присутствие. Андахар отбивался и упрямо продвигался вперед, но слады были сильны, а их когти – острыми и длинными.

Дзирт начал вынимать клинки, но у него не было на это времени: он слышал эхо отчаянной мольбы Джарлакса. Он взобрался на широкую спину Андахара, затем перепрыгнул через голову единорога, когда мощный слаад, наконец, остановил движение вперед. Он приземлился на ноги и побежал вперед со всей скоростью, полностью сосредоточившись на этой дымящейся темной фигуре.

– Держи их, Андахар, – прошептал он, уверенный в том, что единорог будет сражаться со слаадам до последнего.

Вокруг него выросли новые канте, еще один слаад появился перед ним – он понял, что это уловка высшего существа – но у Дзирта не было на них времени. Он вскочил на канте и спрыгнул с него, как раз в тот момент, когда странное существо превратило свою ледяную голову в жидкость, пытаясь засосать его внутрь.

Он упал на колени, затем вскочил вверх, когда синий слаад замахнулся гигантским двуручным мечом. Он подтянул ноги, когда летел вперед, и лезвие прошло под ним, не причинив вреда. Затем он нанес сильный удар в морду слаада, от чего тот отшатнулся назад. Он затряс головой, издавая странный прерывистый квакающий звук, и приготовил меч для защиты.

Но Дзирт был уже далеко. Он бежал, прыгал, скользил по неровному полу, находил проходы в разбитых ледяных глыбах и сосредотачивался, всегда сосредотачивался, на этом богоподобном существе. Он перепрыгивал через глыбы льда, призывая свою ки, чтобы подняться невероятно высоко. Он прыгнул на ледяной выступ, торчащий из стены, развернувшись на лету так, чтобы оказаться к ней спиной. Он вошел прямо под выступ, протянул руки назад, чтобы ухватиться за толстый край. Он крепко держался, раскачиваясь под ним и назад, и на обратном замахе сильно дернул и ударил ногой вверх, забросив себя на выступ.

Гигантское существо слаад увидело, что он приближается и метнуло черную молнию в следопыта. Его зацепило и отшвырнуло на ледяной выступ.

Но это не остановило его. Вернее, едва ли остановило его.

Великое и ужасное существо знало о его намерениях, и Дзирт не удивился, когда монстр поднял свою темную косу и начертил в воздухе еще один символ, светящиеся линии атаковали саму жизненную силу Дзирта аурой негативной энергии, которая почти убила его.

Почти. Но Дзирт слышал панику в голосе Джарлакса.

Почти. Ведь Дзирт знал, что его отец там, погребен во льду.

Почти. Дзирт знал, что все его друзья здесь, и что, если он не справится, все может быть потеряно.

Почти. Дзирт знал, что за ним во льду лежит Кэтти-бри, ставшая жертвой этого самого существа. Его жена, его любовь, его смысл, мать Бри, его жизнь.

Почти. Он понимал все ужасные последствия поражения здесь, и поэтому снова услышал крик дочери.

Джарлакс предупреждал его. Он не мог потерпеть неудачу.

Он прошел сквозь власть этого символа смерти.

Он почувствовал жгучую боль, отверг жгучую боль и закрылся. Он сжал в руках Ледяную Смерть и Видринат и стиснул челюсти.

Охотник.

Нет, больше, чем Охотник, как показал Кейн.

Он легко взмыл в воздух, призывая свою ки, чтобы поднять его, от выступления к выступу, все выше и выше, до последнего выступления, затем бросился на существо и узнал его имя, как будто оно телепатически сообщало ему.

Йгорл!

И он знал, что должен бояться, и знал, что не сможет победить.

Кэтти-бри была там. Компаньоны Халла были там. Его отец, его друзья, его наставник были там.

Он обрушил на Йгорла поток направленной ярости, его клинки вращались, пронзали, наносили удары слева и справа таким шквалом, который невозможно было блокировать, парировать, уклониться, ни отвести в сторону каким-либо образом. Даже демон-марилит с шестью руками, держащими мечи, не смог бы избежать ударов. Это было такое совершенство, какого Дзирт До'Урден никогда не знал, симфония движений, равновесия и абсолютной силы, неподвластной Охотнику.

Идеальное сочетание, которое показал ему Кейн.

Он ударил Йгорла, и не один раз, его сильно зачарованные клинки рассекали густой дым, отщелкивая кости слаада.

Йгорл!

Бог слаадов принял удар, но не поморщился и не отступил. Черная коса пронеслась в ослепительной вспышке, и Дзирт развернулся как раз перед ней. Смертоносный серп оказался достаточно близко, чтобы он почувствовал магию смерти на ее лезвии.

Одно касание... Йгорл!

Он знал, что Йгорл внушает ему эти мысли, чтобы обескуражить его, заставить дрогнуть и понять, что он не может победить, и он не сомневался в правдивости этого последнего сообщения.

Попасть под удар этой косы означало быстрый конец.

Она молниеносно налетела с другой стороны, и Дзирту пришлось броситься во внезапное отступление... которое прекратилось так же быстро, как и началось, и он снова бросился вперед, яростно вонзая сабли. Он должен был быть идеальным.

Так оно и будет.

Иначе он – и все, кого он любил, – умрут.

Глава 30

В сердце Бога Ветра

Аззудонна опустилась рядом с Доум'вилль и осторожно перевернула полуэльфийку-полудроу на спину. Она поддерживала шею Доум'вилль, затем отдернула руку и обнаружила, что она вся красная.

– Нет, нет, останься со мной, – умоляла Аззудонна. – Ты почти свободна.

Доум'вилль закашлялась кровью и на мгновение открыла глаза, растерянно уставилась на склонившуюся над ней женщину, прежде чем произнести:

– Аззу...

– Останься со мной! – взмолилась Аззудонна. Рядом с ней Даб'ней начала читать заклинание, но прежде чем она смогла послать слова исцеления, глаза Доум'вилль затрепетали, а голова склонилась набок.

– Нет, нет! – запротестовала Аззудонна.

Даб'ней оттащила ее от Доум'вилль.

– Она у меня, – сказала она. – Я верну ее! Иди к Джарлаксу, сейчас же!

И Даб'ней начала читать другое заклинание, гораздо более мощное.

Аззудонна попятилась прочь, наблюдая, доверяя.

Даб'ней достала маленький алмаз и помахала им над глазами Доум'вилль. Она произнесла заклинание, вызова ее духа, пока тот не успел покинуть смертную оболочку. Алмаз сверкал и переливался, и, казалось, часть искорок попала в глаза мертвой женщины, – которая перестала быть мертвой. Она моргнула и спина выгнулась в сильном вздохе.

Затем быстро прозвучало слово исцеления, и Доум'вилль несколько раз моргнула, внезапно очнувшись и даже начала приподниматься на локтях.

Эвэндрю застыла, уставившись на нее.

– За Джарлаксом, – снова сказала Даб'ней Аззудонне.

Аззудонна растерянно огляделась по сторонам, затем, казалось, вздохнула с облегчением. Она заметила, как Джарлакс извлекает из ледяной насыпи замечательного мужчину, которого она полюбила. Она бросилась к Закнафейну и помогла его освободить. И крепко обняла его, когда он пришел в себя.

Когда мучительный магический символ стерли из воздуха, Компаньоны Халла быстро перегруппировались. Далеко впереди Кейн атаковал двух слаадов, которые перехватили Дзирта и теперь сражались с доблестным Андхаром. Их когти вцепились в бока единорога и разодрали его магическую кожу. Кровь у Андхара не текла, по крайней мере, не жидкой кровью, но из каждого пореза проступала блестящая линия света, вытекающая из призванного единорога так же верно и пагубно, как настоящая кровь.

Бренор и Вульфгар вышли вперед. Бренор подозвал к себе своего адского вепря. Однако дикий демонический зверь не повиновался. Он прыгал и атаковал, пронзал и изрыгал пламя на всех приближающихся врагов, бегал взад и вперед просто потому, что, казалось, не мог остановиться.

– Давайте, ребята, – сказал Бренор двум своим друзьям. – Покажем этим тварям, с кем они сражаются!

В ответ Вульфгар обеими руками поднял Клык Защитника над головой и послал его в ближайшего врага – атакующего красного слаада. Слаад подпрыгнул и боевой молот вонзился ему в грудь, и прошло немало времени, прежде чем слаад вернулся на ледяной пол, намного дальше – и гораздо менее живой, – когда он, наконец, приземлился кучей.

Не успел Бренор насмехнуться над следующим ледяным великаном, как сбоку налетел второй. Раздался взрыв, предшествовавший воплю гиганта от боли и отчаянной хватке за раздробленное колено, и его атака превратилась в кувырок и скольжение, в результате чего он оказался лицом к лицу с Бренором.

Покрытый множеством зарубок топор короля дворфов обрел еще одну, когда раскроил череп гиганта. Бренор вырвал его и снова и снова бил гиганта по голове и шее, затем вскочил на плечи мертвеца, высоко поднял свой окровавленный, истекающий мозгами топор и щит и проревел: «Боевой топор!»

Дворф развернулся, чтобы встретить удар великана, которого он поддразнил. Тот с ревом летел на него, держа обеими руками гигантский топор, затем внезапно и рефлекторно опустил одну руку к животу и издал «уфф» от удивления.

Взрыв дротика из ручного арбалета превратил этот вздох в крик протеста и боли.

Бренор бросился вперед, рубя ноги гиганта. Двуглавый топор великана опустился вниз, но он не удержал равновесия, так как держал его только одной рукой, и король, воин-ветеран, легко уклонился от удара. Бренор отпрыгнул назад, затем вперед, когда топор пронесся перед ним.

Затем он прыгнул обратно, ударив щитом по опущенной руке гиганта – не для того, чтобы нанести какой-либо урон, и уж тем более не для того, чтобы оттолкнуть гиганта назад, а для того, чтобы прижать свой щит к предплечью. Ибо это был давно используемый Бренором круглый щит, украшенный эмблемой клана Боевого Топора с пенящейся кружкой, но было и еще кое-что. Кэтти-бри объединила его с Орбкрессом, могущественным творением дроу, названным в честь паутины. По команде Бренора щит увеличился в размерах, раскручиваясь спиралью, как паутина. И, как паутина, он крепко прилип к предплечью.

Бренор взмыл в воздух, когда гигант выпрямился и поднял руку, чтобы стряхнуть назойливого дворфа. Он поднялся еще выше, как и предвидел великан. Бренор полагал, что он собирается бросить его на полпути через комнату. Гигант собирался уже поднять Бренора над головой, но как только Бренор поднялся над плечом монстра, он ударил топором в лицо гиганта, оторвав его губы и несколько зубов и значительно расширив ему пасть.

Бренор отпустил застрявшее оружие, и небрежно потянулся за щитом и вызвал из него кружку эля. Затем, когда гигант вместе с Бренором падал вперед, изящно выпил из нее.

Он не допил свой напиток, как ударился и отскочил, ослабив магическую хватку щита на предплечье гиганта.

– Ба, ты, ублюдочный сын умбрового гиганта и пьяного орка! – протестующе завопил дворф, когда эль расплескался во все стороны. Он швырнул кружку в глаз великана, взялся обеими руками за рукоять топора, уперся сапогом в лицо великана и выдернул оружие с громким треском и брызгами.

– Где твоя мать? – заорал он на великана, для пущей убедительности вонзив топор ему в череп. – Ба!

– За Вульфгаром! – крикнул ему Реджис, подбегая и пытаясь потянуть его за собой. – Вульфгар!

Проследив за взглядом хафлинга, Бренор увидел, что его большой друг далеко впереди и обрушивается на синего слаада шквал ударов молота, которые просто пробивали любую защиту слаада.

Но этот слаад был далеко не один, и Вульфгар, охваченный жадой крови, казалось, не замечал двух других красных, приближающихся к нему длинными прыжками с противоположных сторон.

Магистр Кейн пытался следить за Дзиртом. Он обменялся с синим слаадом круговым ударом в прыжке ногой в лицо на порез от когтей на своей ноге. Он почувствовал нечистоту этого удара и понял, что это может означать, но не придавал этому значения и легко приземлился, когда слаад отлетел в сторону, затем кувыркнулся назад, чтобы перепрыгнуть через широкую спину Андхара, и обрушился на второго слаада, который вцепился и рвал бока единорога.

Верный до конца, Андхар, спотыкаясь двинулся вперед к теперь уже далекому Дзирту. Но всего через несколько шагов другой синий слаад прыгнул на единорога, яростно разрывая тому спину и шею.

Андхар казался теперь больше легким, чем плотным, но все равно упрямо шел вперед за Дзиртом, как будто был слишком сбит с толку, чтобы дать отпор слааду.

Один неуверенный шаг следовал за другим, но лишь пару раз, прежде чем волшебный скакун просто упал, широко расставив ноги, а мощный синий слаад дернулся с места.

Кулаки Кейна быстро впечатали противника в лед, но глаза монаха не отрывались от зрелища падения Андхара. Он бросился прочь от избитого и умирающего слаада, в последней попытке добраться до Андхара, но когда он понял, что опоздал, что единорог уже уничтожен, он бросился к Дзирту и Йгорлу, которые теперь стояли перед огромным круглым окном.

Однако Кейн не пошел тем же путем, что и Дзирт. Он проигнорировал сломанный пандус, который Дзирт соорудил, а побежал прямо к окну, полностью осознавая, что оно находится на высоте не менее двадцати футов от пола, ничуть не заботясь об этом.

Рыча, Громф боролся с туманом в своем сознании, проклиная огромное существо слаада, которое бросило в него такую силу. Единственной псионической атакой, которую Архимаг когда-либо ощущал сильнее, чем это нападение, была коллективная сила разума улья иллитидов.

Он с самого начала понял, что это не обычный слаад, даже не великий и могущественный слаад, но теперь он понял истинную мощь существа, вышедшего против него, против них всех. И Громф почувствовал страх, потому что это сверхъестественная сила намного превосходила неуклюжих лягушкоподобных существ.

Возможно, даже превосходила *его*.

Он посмотрел на далекого полубога, стоящего перед ледяным кругом, вделанным в дальнюю левую стену. Он увидел там Дзирта сражающегося яростно и,

несомненно, тщетно, и заметил вдалеке магистра Кейна. Они оба были обречены, понял Громф, и обратил свое внимание на ситуацию, которая была ближе.

Они должны были выбраться оттуда, причем быстро, а это означало, что ему нужно было ослабить непрекращающееся давление на тех, кто пытался освободить пленников. Он применил свои самые смертоносные заклинания, запустил огненные шары и молнии в слаадов и великанов, теснящих троицу Бренора, Вульфгара и Реджиса, и даже проложил линию пылающего огня между ними и монстрами, которые продолжали мчаться на них.

Это сделало его мишенью – пара слаадов обратили свое внимание на Громфа и бросили в его сторону заклинания.

Но они не были Йгорлом. Магические щиты и украшения Архимага отразили двеомеры, в то время как его ответный шквал быстро прикончил их.

Ильнезара снова выдохнула на пол и на сестру, после чего освободила свои конечности.

Тазмикелла не обратила на кислоту никакого внимания, лишь оценила ее тающий эффект на сковавший ее лед. Огромным прыжком она оторвалась от пола и как обезумевший, необузданный дракон разбросала гигантов и слаадов бьющимся хвостом, разбила н'диви и канте на куски своими крыльями, прыгала и топала всеми четырьмя ногами, как перепуганная прачка, топчущая крыс.

Она быстро развернулась и хлестнула хвостом по спине, чтобы запустить синего слада в воздух, но поймала его передними когтями. Она подняла его и перекусила пополам.

– Спасибо, сестра, – сказала она, когда куски ее жертвы выпали из пасти.

– Расплатись, будь добра, – попросила сражающаяся, но все еще застрявшая Ильнезара.

Тазмикелла задними ногами отбросила нападавших в сторону. Она взмахнула крыльями, чтобы быстрее развернуться. Хвост болтался и хлестал дальше, таким образом, выметая из-под ног группу великанов и слаадов, и заставляя их всех скользить обратно по ледяному полу.

– Конечно, – спокойно ответила она и выдохнула с высоты на Ильнезару и наседавших на нее монстров.

Освободившись ото льда – ее ближайшие враги были убиты кислотой сестры, – Ильнезара взлетела в воздух. Теперь она и ее сестра возвышались над своими врагами. И они обрушивались на них при каждой возможности и расплавляли кислотой всякий раз, когда их смертоносное дыхательное оружие возвращалось.

Но они также следили за группой Джарлакса и тем, что у них происходит. И теперь, когда они поднялись над блокирующим пламенем огненной стены Громфа, они обратили внимание на бой Дзирта у круглого окна.

– Я думаю, мы нужны ему, сестра, – сказала Ильнезара.

– Действительно, – последовал ответ, и они в последний раз выдохнули кислоту, завершая здесь битву, и быстро повернули к дальней левой стене огромной пещеры.

Вульфгар тяжело опустился под тяжестью навалившегося на него с фланга красного слаада. Он заскользил рукой вверх по рукояти к основанию тяжелой головы Клыка Защитника начал сильно бить ею по лицу нападавшего.

Однако синий слаад все еще был там, он не умер и возвращался. Вульфгар почувствовал внезапный жар, когда стена огня Громфа с ревом ожила, но она была позади второго нападавшего, и Вульфгар почувствовал тепло собственной крови, скатывающейся по боку от когтей красного слаада.

Маленькая стрела сверкнула над ним и над красным сладом. Он услышал взрыв, и повернув голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как синего слаада отбросил назад в стену огня взрыв от дротика ручного арбалета. Существо завопило пронзительным кваканьем.

И вдруг слаад на нем, казалось, стал еще тяжелее, а затем резко и неожиданно дернулся.

Бренор, стоя на его спине, наклонился вперед, чтобы посмотреть на Вульфгара поверх головы теперь уже мертвого слаада.

– Я могу сказать, что тебя обучал Дзирт, – сказал рыжебородый дворф, подмигнув. Он выдернул топор из черепа слаада и прыгнул в сторону, затем столкнул гигантскую лягушку со своего друга. – Надеюсь, эти твари вкуснее, чем йети.

Реджис поспешил присоединиться к ним, пока Бренор помогал Вульфгару подняться на ноги. Хафлинг был не один, рядом с ним бежал Пайкел Валуноплечий, подпрыгивавший при каждом шаге и отчаянно указывающий вперед.

– Дзиррит Дудден! – взвизгивал зеленобородый дворф. – Дзирит Дудден!

Компаньоны повернулись, и все трое закричали Громфу, чтобы он развеял свою огненную стену. В ответ Архимаг передал магическое послание, которое пронеслось в сознаниях всех по эту сторону стены огня: *«Отступаем!»*.

Бренор возразительно прокричал в ответ, но Громф не обратил на него внимания и уже направился обратно к выходу из тоннеля. За ним, поддерживая друг друга и спотыкаясь, последовали остальные – те, кого спасли из ледяных сталагмитовых гробниц.

Развернувшись в другую сторону, Бренор обрел надежду, потому что над ними четырьмя возле огненного барьера и над самой стеной пролетели сестры-драконицы.

– Дзирит Дудден! – взревел Пайкел. Дворф не замедлил бега, когда Реджис присоединился к Бренору и Вульфгару, и проскочил мимо них.

– Пайкел, нет! – закричал Реджис, думая, что его друг вот-вот загорится.

Но Пайкел нисколько не колебался, нырнул в ревущее пламя могучего барьера пламени Громфа и исчез из виду.

Реджис и остальные ахнули, но затем с удивлением посмотрели друг на друга, когда слышали удаляющийся голос Пайкела:

– Дзирит Дудден!

Дзирт не останавливался и продолжал наступать, вынуждая Йгорла оставаться с ним. Он слышал ветер за пределами ледяного круга, чувствовал холод даже через

магическую защиту. Но, учитывая рассказ Джарлакса о том, что произошло в первый раз, он ясно понимал какую катастрофическую цену они все заплатят, если позволить богу слаадов разрушить этот хрупкий барьер.

Йгорл продолжал наносить бесчисленные удары, словно предвидел каждый поворот Дзирта.

Действительно, Дзирт сразу понял, что дело именно в этом.

Дроу стиснул челюсти и напряг свой разум против телепатического вторжения Йгорла. Он не позволил Йгорлу войти.

Результат последовал незамедлительно: Ледяная Смерть проскользнула мимо попытки Йгорла парировать удар и вонзилась в дымящуюся плоть гигантского слаада, переломив реберную кость. Дзирт надеялся, что сабля «выпьет» там что-то, надеялся, что холодная магия меча свершит свой типичный пир из огненного существа нижнего плана.

Но нет, Йгорл не был существом огня, сразу понял Дзирт и отступил. Он нанес сильный удар божественному существу, но причинил ли он ему хоть какой-то вред?

Движения Йгорла не замедлились, и он провел косу широким горизонтальным взмахом слева направо перед дроу, заставив Дзирта отступить – но не слишком далеко, потому что ему нужно было находиться достаточно близко, чтобы заблокировать этот взмах, прежде чем коса разобьет ледяное окно.

Поэтому он откинулся назад вместо того, чтобы отскочить. Он низко наклонился назад и извернулся, чтобы выровнять Ледяную Смерть, и когда понял, что его сабля не пройдет достаточно далеко, чтобы остановить косу, он упал плашмя на спину и выставил правую ногу вперед, прямо перед косой, и зацепил оружие ногой чуть ниже лезвия и призвал свою ки, чтобы сделать себя неподвижным.

Но Йгорл не попытался сдвинуть ее с места. Нет, бог слаадов изменил замах и почти сразу же после соприкосновения с ногой повернул косу, вернув ее на прежнее место и теперь уже так, чтобы с легкостью отсечь Дзирту ступню и голень.

Дроу затаил дыхание, ожидая ампутации.

Но оружие не пронзило его насквозь. Вместо этого Дзирта развернуло на выступе, и он едва не свалился вниз. Он ничего не понимал, пока не почувствовал энергию, резкость, мощь удара Йгорла и треск вокруг. Когда он попытался подняться, он быстро взглянул налево, назад через пещеру.

Он увидел, что сестры-драконицы приближаются со стороны замерзшего водопада и того, что осталось от выступа. Он увидел, как за стеной прыгает и кричит Пайкел. Он увидел приближающегося Кейна, а конце огромной стены пламени Громфа – Киммуриэля Облодру, восседающего на своем кошмаре.

Загадка была решена.

Он понял, что кинетический барьер Киммуриэля спас его. Не то чтобы эта информация имела значение в данный момент. Йгорл развернулся не из-за ноги, да и вообще не из-за него. Нет, бог слаадов развернулся в совершенно другую сторону, и его могучая коса разбила вдребезги круглое окно.

Полярная зима налетела ураганным ветром, настолько сильным, что Дзирт, находившийся совсем рядом с потоком, увидел, как фигура Йгорла странно растянулась, дымчатая «плоть» существа отхлынула в сторону, на мгновение обнажив кости Йгорла. На краткий миг Дзирт с надеждой подумал, что Йгорл,

возможно, случайно уничтожил себя. Но нет, форма вернулась обратно, невредимая. Ветер продолжался, шквал ледяного града и разлетевшихся оконных осколков влетели в камеру.

Йгорл поднял руку и произнес заклинание создания вихрей и торнадо, усиливая ураган.

И Дзирт не мог добраться до Йгорла. Какой бы ни была сила его ки, какой бы ни была сила его тренировок, тела, души и контроля, он понимал, что если сдвинется, то это разбитое окно заставит его жестоко пролететь через всю комнату.

Ему оставалось только съежиться и наблюдать.

Он смотрел, как разлетаются осколки разбитого окна. Множество вращающихся снарядов попали в магистра Кейна. Он видел, как его наставник, его друг, увернулся и отбросил один из них ногой в сторону, а затем ушел, вращаясь назад, вокруг и вниз, когда еще много других пронзили его насквозь, разбиваясь вдребезги при каждом соприкосновении.

Дзирт мало что мог разглядеть сквозь ураган, но достаточно, чтобы понять, что Кейн только что потерял правую руку!

Он уставился на монаха, который поднялся в тот момент, когда большие снаряды пролетели мимо, и, спотыкаясь, снова двинулся вперед. Он хотел было сосредоточиться на нем, почерпнуть силы у бесстрашного и могучего магистра Кейна, но его внимание привлекла стена огня, бушующее пламя шипело и боролось с натиском. Но еще больше его внимание привлек танец Пайкела Валуноплечевого.

Пайкел стоял во весь рост перед натиском, вырисовываясь силуэтом на фоне пламени позади. Он раскачивался взад и вперед, размахивал руками и выкрикивал заклинания, но Дзирт не мог расслышать напева. Пол вокруг Пайкела начал вздыматься и колыхаться, как океанская волна, оставляя за собой орду канте.

Дзирт повернулся обратно к Йгорлу. Он все еще находился в центре бушующей бури выглядел мало обеспокоенным, если вообще был обеспокоен. Бог сладов набросился на драконов, борющихся с ураганным ветром. Они находились достаточно далеко от основного взрыва, чтобы все еще лететь вперед. Дзирт приобрел некоторую надежду, но он также опасался, что они слишком запоздала.

Его опасения подтвердились, когда из Йгорла вырвалась черная молния, разветвляясь, чтобы поразить обоих.

Как бы сильно он ни уважал силу этого существа перед ним, он удивленно вытаращил глаза, когда магическая молния попала в цели. Это были драконы, одни из величайших существ в Королевствах, но Тазмикелла и Ильнезара упали на пол в кучу, и ветер погнал их назад по льду.

Отбросив их тела, ледяной шторм с ревом обрушился на стену огня Громфа, которая с трудом отбила нападение. Однако пламя проигрывает эту битву. А это означало, что Дзирт потеряет все, чем дорожил.

Ведь по ту сторону огненной стены находились его самые дорогие друзья, его отец, его любимая Кэтти-бри.

Когда Джарлакс услышал треск круглого окна в дальнем конце пещеры и услышал врывающийся ветер, он подумал, что битва окончена, решил, что все они обречены. Он уже видел это раньше.

Он взглянул на остатки сталагмитовой насыпи, которая захватила его во время первого путешествия в этот холодный ад, и на мгновение задумался, сможет ли он каким-то образом освободить свою переносную лунку ото льда и повторить этот трюк во второй раз.

Но шансов не было.

Только вот... на Джарлакса напал не лед, а дождь. Он действительно жалил, и ветер жестоко трепал его и остальных, но лед еще не успел сформироваться и не похоронил их. В какой-то момент мимо пронесся Вульфгар, адский вепрь Бренора бросился в погоню, Бренор и Реджис катились на нем, как на сани, – сцена настолько нелепая, что Джарлакс громко рассмеялся, несмотря на надвигающуюся гибель (впрочем, его смех был не слышен в реве ветра).

Однако его веселое настроение быстро улетучилось, когда он заметил, что Вульфгар оставляет за собой кровавый след.

– *«Выводи их отсюда! Всех! Немедленно!»* – услышал Джарлакс в своих мыслях, и увидел Киммуриэля, мчащегося на кошмаре к туннелю.

По крайней мере, все по эту сторону пылающей стены услышали этот зов, потому что все, кроме Громфа, уже двигались. Аззудонна поддерживала Доум'виль, Даб'ней – двух других освобожденных пленников. Джарлакс побежал, чтобы полностью освободить Кэтти-бри и перекинул ее через плечо. Он начал было уходить, но остановился, чтобы извлечь Тулмарил из основания сломанного сталагмита.

Энтрери подвел своего коня к Закнафейну и взял Мастера Оружия за руку. Однако ни у кого из них не было сил поднять Зака, поэтому Энтрери просто держался рядом и позволил коню тащить его.

Более десятка спасателей и жертв боролись с ветром и пытались спастись.

Джарлакс прошел мимо своей старой ледяной тюрьмы, надеясь увидеть черную ткань переносной норы. Он заметил ее, но ею завладел лед. И как бы сильно Джарлакс ни дорожил этим предметом, женщину, перекинутую через его плечо, он ценил гораздо больше.

– Прощай, мой любимый дом, – сказал он. – Увы, мы через многое прошли вместе.

Он оглянулся на Громфа, который стоял перед своим огненным щитом, раз за разом поднимая очередную одну стену огня, затем третью, полный решимости победить ураган Йгорла.

В глубине души Джарлакс понимал, что это безнадежно. Что ураган слишком силен. Но, может быть, наполненное яростью заклинание Громфа даст ему и остальным достаточно времени, чтобы спастись. Поэтому он сосредоточился на туннеле и прислонился к стене, изо всех сил стараясь удержаться на ногах под завывающим ветром и хлещущем дождем.

Киммуриэль вернулся в туннель и быстро свернул в сторону.

А за ним в главную камеру влилась орда канте, но повернула в другую сторону от Киммуриэля и обогнула Джарлакса, когда тот приблизился. Они бросились на

группу отступающих, беспомощных жертв, большинство из которых теперь ползли, и растеклись среди них. Сердце Джарлакса упало.

Только вот ужас сменился замешательством. Ибо канте текли среди них, но не над ними. Водянистые, ледяные монстры не поднимались наверх, чтобы заключить в себя кого-либо, а просто прошли мимо группы. Устремившись к ближайшему концу стены огня Громфа и обогнув ее, они направились в дальний конец большой камеры.

Джарлакс верил, что это призыв бога слаадов Йгорла. Он закрыл глаза, крепче обнял Кэтти-бри и прошептал молитву за Дзирта, за Кейна, за Пайкела, а также за Ильнезару и Тазмикеллу.

Он уже замыслил привести сюда другую группу, более сильную. Когда он снова стал пробираться по туннелю, то заметил, что Громф идет назад, ругаясь и каждые несколько мгновений останавливаясь, чтобы бросить еще одно заклинание на неумолимый натиск. Киммуриэль верхом на кошмаре шел рядом с ним. Выйдя из комнаты, он что-то сказал Джарлаксу. Но наемник его не слышал, слишком погруженный в свои фантазии, представляя, как четыре армии дворфов и воинство Бреган Д'эрт завершают начатое в этой комнате мрачное дело.

Он представлял себе не спасение, а месть.

Джарлакс ошибался насчет канте. Они слышали зов вовсе не Йгорла.

Пайкел Валуноплечий находился на передней стороне стены огня, поэтому торнадо сковывающего льда Йгорла не уменьшалось и не таяло от заклинания Громфа, когда настигло его. И в отличие от Кейна, он находился близко к дальней стене, чтобы не попасть под удар урагана. Зеленобородый дворф уже должен был быть схвачен, погребен в ледяном сталагмите, как отряд Джарлакса в их первой битве здесь много дней назад, или как первая экспедиция Галатеи с Доум'вилль, во время весеннего равноденствия.

Но все было не так. Его борода, конечно, была покрыта инеем, а зубы стучали, когда он пел богу. Не богу дворфов, не Морадину, Думатойну, или Клангеддину. И не богу друидов, распространенных в южных землях, таких как Миликки Кэтти-бри.

Нет, Пайкел пел богу, который, как он чувствовал, был совсем рядом, и каждая строчка, каждый напев заканчивались выразительным «Кадиж!».

Кадиж, Князь Ветра Аака, один из великих небожителей Ваати, избрал это место, чтобы покинуть свою физическую оболочку и перейти на другую сторону существования, образовав таким образом этот самый ледник.

Пайкел понял, что эта комната, именно это место, было гробницей бога ветра Кадижа, так как чувствовал, как дух этого небесного существа резонирует вокруг него. Туннели принадлежали Кадижу, н'диви были из Кадижа, буря, которую Йгорл послал в комнату, была из Кадижа.

Но Йгорл не был Кадижем.

Кадиж ветра, а значит, природы, а значит, и равновесия.

Песня Пайкела, заклинание Пайкела, мольба Пайкела были призывом к этому равновесию, любопытное бормотание дворфа утверждало в манере судьи, что одно существо здесь, и только одно, разрушает то, что очень ценно в царстве Природы.

Перед маленьким Пайкелом поднялся ветер, который перекачивался перед ним, как воронкообразное облако, лежащее на боку и приняло эфемерную форму темной грозовой тучи. Она росла, и падающий лед не мог пробиться сквозь нее, и торнадо, приближающиеся к Пайкелу, не закрутило его – Пайкел стоял во весь рост, взывая к Кадижу, требуя от Кадижа.

Кадиж услышал.

Канте, сотня канте, набросились на зеленобородого дворфа.

Трудно было судить о существе, которое казалось скорее бестелесным дымом, чем плотью, но Дзирт ясно почувствовал, что Йгорла смутило темное облако, возникшее на полпути через комнату – встречный ветер, который не только остановил яростный зимний ураган на своем пути, но и стремительно летел теперь в другую сторону.

Дзирт плотнее прижался к стене, когда этот встречный штормовой ветер завыл, словно хор из дюжины древних драконов, ревущих в унисон. Он почувствовал первоначальный толчок шторма Пайкела, но ветер был направлен очень конкретно, и из окна доносилось больше шума, чем настоящего шквала. Дзирт осмелился выглянуть из-под прикрывающей руки, чтобы увидеть Йгорла, стоящего в центре второго урагана, с ужасной черной косой, поднятой обеими руками над головой.

Казалось, бог слаадов закричал в ответ, но ветер унес крики протеста прямо через большое отверстие в стене.

Он унес и шторм Йгорла.

Он был силен, но не настолько, чтобы одолеть Йгорла.

У Дзирта промелькнула мысль прыгнуть на растерявшегося монстра, но если бы он встал на пути этого шторма, его бы просто выбросило в окно, прежде чем он успел приблизиться к намеченной цели.

Он застыл на месте, взволнованный, беспомощный. Он хотел помочь – он знал, что должен, – но как?

А потом все прекратилось.

Это произошло так внезапно, что Дзирт не сразу понял, что воздух в огромном зале стал совсем неподвижным.

Йгорл все еще с ненавистью смотрел на маленького дворфа, стоявшего так далеко. И Дзирта все еще покалывало от энергии, пойманной кинетическим барьером Киммуриэля.

Больше не в стороне, будучи наконец способным действовать, Дзирт вскочил на ноги и бросился на слаада, нанося удары Видринатом и высвобождая силу убийственного удара Йгорла обратно в бога слаадов.

Однажды он уничтожил Демогоргона подобным ударом, хотя тот нес с собой силу почти всех дроу Мензоберранзана.

На этот раз его враг едва ли был побежден, но Дзирт ранил Йгорла... по крайней мере, он думал, что ранил, судя по странному квакающему крику, который раздался в ответ.

Йгорл отшатнулся на несколько шагов.

Дзирту тоже пришлось отступить немного, когда Йгорл снова вернулся к нему, работая косой с бешеной скоростью. Теперь у него не было кинетического барьера – попадание безусловно означало смерть.

Но это был бой, который он мог понять. И все же, каждый блок от Дзирта проходил в виде скрещенных клинков, потому что удары бога слаада были слишком сильны, чтобы он мог парировать их теперь только одной саблей. Тяжесть ударов сбоку даже заставляла его наполовину поворачиваться спиной, а те, что обрушивались вниз, едва не подгибали его колени от силы. Он даже не мог подумать о том, чтобы парировать блокируемые им удары.

Ему нужно было, чтобы Йгорл промахнулся.

Один боковой удар заставил его повернуться налево и отступить назад. Он воспользовался шансом он и втянул клинки, когда пронесившаяся мимо коса едва не задела его. Дзирт намеревался развернуться и пойти прямо к небольшому проему, но заколебался, потому что на полу пещеры под выступом появился магистр Кейн, который в отсутствие ураганного ветра с нарастающей скоростью быстро преодолевал последнее пространство.

В десяти футах от Йгорла, все еще сосредоточенный на Дзирте, Кейн прыгнул, вытянув перед собой оставшуюся руку. Казалось, он почти летел, все выше и выше, преодолевая выступ на высоте двадцати футов.

На краткий миг Дзирт подумал, что Кейн собирается врезаться в бога слаадов, чтобы вытолкнуть его в окно, как это не удалось сделать шторму Пайкела. Но не успел Кейн пройти половину пути в своем большом прыжке, Дзирт понял, что не это было намерением монаха.

Ибо Кейн начал трансформироваться в этом прыжке, его физическое существо превращалось в искорки света, мерцающие и угрожающие улететь, как будто он превращался в калейдоскоп сверкающих бабочек.

Дзирт понял.

Он хотел закричать, отрицать выбор Кейна, но слова застряли у него в горле, и в любом случае это не имело бы значения.

Ибо магистр Кейн вошел в трансцендентность, становясь одновременно и меньше, и больше своей физической сущности, становясь единым целым с мультивселенной вокруг, со звездным материалом, гармонией космоса.

И эта форма, эти бабочки света, не разбились об Йгорла.

Они вошли в дымчатое тело Йгорла и остались там.

Дзирт отступил еще дальше, уставившись на представшее перед ним зрелище с отвисшей челюстью, ибо дымчатое, испаряющееся тело бога слаадов в этот момент действительно казалось далеким облаком, грозовой тучей с искрами молний, вспыхивающих в его мрачной тьме.

Эти точки света и были магистром Кейном, и каждая искра явно жалила и сотрясала Йгорла, который ревел от неповиновения и боли.

У Дзирта была возможность броситься и избить Йгорла, но как он мог так поступить? Ибо Кейн теперь был частью этого существа.

Дроу сжал свое оружие и наблюдал за происходящим в замешательстве.

Пайкел не обращал внимания на потоки живой воды, текущие на него, а затем мимо него. Он просто продолжал кричать «Кадиж!» в конце каждой строчки своей новой песни, танцуя и кружась. Все вокруг стало неважным, когда он наслаждался моментом причастия, когда он почувствовал красоту бога ветра и принял Кадижа в свое сердце.

Однако канте, определенно, обратили внимание на Пайкела. Дворф казалось, лишь смутно осознавал это, когда они пронеслись мимо и шлепнулись на пол, один на другого. Нагромождаясь и образуя великолепную смесь своей поддерживающей энергией, они превратились из сотни отдельных магических существ, или конструкций, или того, что их оживляло, в единую растущую колонну перед танцующим зеленобородым дворфом.

И эта колонна приняла более определенную форму, превратившись в гигантскую, возвышающуюся кисть руки с вытянутыми пальцами.

Бог обрел форму.

– Оооо, – сказал Пайкел, выходя из пируэта и, наконец, увидев необычное творение, величественно стоящее перед ним. – Кадиж? – спросил он.

Он понятия не имел о том, что только что пробудил. Но возобновил танец, убрав повороты и напевая песню, в которой доминировал напев «халф'н'халфен, халф'н'халфен, халф'н'халфен». Раскачиваясь из стороны в сторону с вытянутой рукой и обрубком руки, как будто пытаясь подражать держателю большой чаши весов, он взывал к красоте равновесия.

Дзирт работал неистово, когда Йгорл снова появился. Точки света, которые были магистром Кейном, постепенно рассеивались в темных границах существа слаада.

Следопыт-дроу пытался отрицать то, что только что видел перед собой, словно пытался вырезать Кейна из неповоротливого Йгорла своими саблями.

Дзирт потерял Кейна. Он потерял одного из своих самых дорогих друзей и наставников.

Все отвлекающие факторы исчезли. Он стал Охотником и даже больше. Все годы и даже столетия тренировок с клинками и возросшим пониманием жизненной силы и физическая оболочка, которую он носил, объединились в совершенной гармонии.

Он стал именно таким, каким и надеялся Кейн.

Каждое движение, каким бы неуловимым оно ни было, усиливало последующее. Ледяная Смерть проскользнула мимо защиты Йгорла. Видринат последовал за ним, и так раз за разом.

Крутясь и пригибаясь, Дзирт поднял ногу, чтобы пнуть Йгорла в лягушачью морду – удар, который отбросил бы Вульфгара через всю комнату.

Затем, по завершении поворота, снова появились сабли, одна за другой они проскальзывали сквозь защиту и сильно поражали его врага.

И Йгорл уменьшился в размерах. Сомнений быть не могло. Молния Громфа, высвобождение кинетической смертоносной магии Дзиртом, ветер Пайкела и, главным образом, жертва Кейна, глубоко ранили божественное существо.

И все же, в первых обменах после возобновления боя Дзирту стало очевидно, что он по-прежнему не в силах его одолеть. Несмотря на то, что он пробивал защиту Йгорла и уклонялся от смертоносной косы, он убедился, что его сабли, несмотря на все их чары, причиняли лишь минимальный вред великому и богоподобному Йгорлу.

Он должен был быть совершенен, и он был как никогда близок к этому.

Это не имело значения.

– Бегите все! – крикнул он Пайкелу, сестрам-драконицам и всем остальным союзникам, которые находились достаточно близко, чтобы его услышать. Он продолжал свою работу, полный решимости как можно дольше удерживать Йгорла в полной мере занятым. Как Кейн пожертвовал собой ради него, так и он пожертвует ради своих друзей.

– Кэтти-бри спасена, – сказал он себе, и это принесло ему надежду и принятие.

Еще больше ударов попало в цель, но это мало ободрило Дзирта, потому что гигантское существо-слаад даже не пыталось остановить их, очевидно, убедившись, что они не могут причинить вред. Не отвлекаясь, Йгорл вошел в ритм, который Дзирт не мог прервать. Становясь все более уверенным и полным ярости, Йгорл взял оружие только одной рукой, продолжая защищаться, а свободной рукой начертил в воздухе еще один мучительный символ.

Дзирт стиснул челюсти, отчаянно пытаясь бороться с губительной магией. Он был расстроен тем, что его совершенство было так небрежно отброшено.

Но Йгорл неожиданно обрушил мощный удар сверху, который Дзирт не успевал отразить или заблокировать, причем удар был нанесен так быстро, что единственным спасением дроу было просто броситься назад, наполовину развернувшись на ходу.

Йгорл обрушил не него вихрь ветра; внезапный и злой циклон закружил дроу в воздухе и направил его полет так, чтобы швырнуть его в ледяную стену сбоку от круглого отверстия.

Дзирт изо всех сил пытался сохранить сознание. Он знал, что должен встать и приготовить клинки, знал, что Йгорл быстро приблизится и убьет его одним ударом.

Его внимание привлекло то, что казалось гигантской рукой. Столб льда, рука, поднялась с пола, словно конечность какого-то гигантского существа, лежащего под ледяной поверхностью.

Рука качнулась от него в сторону, затем внезапно вернулась для удара, и Дзирта затаил дыхание, ожидая, что его раздавят.

Но удара не последовало.

Рука ударила Йгорла, а не Дзирта, ударила бога слаадов с силой небожителя Ваати, сшибла дымчатого гиганта и выпихнула его через отверстие напором гигантского полупрозрачного кулака.

Этот кулак остановился у круглого окна и быстро деформировался, расплющиваясь в нем и выпуская десятки и десятки канте, чтобы растянуться и вновь соединиться. Заново сформированное ледяное окно запечатало зимнюю бурю и Йгорла, по крайней мере, на данный момент.

И снова в огромной камере воцарилась тишина, настолько внезапная, что у Дзирта едва не перехватило дыхание.

Далеко в другом конце зала Дзирт увидел, как огненная стена Громфа погасла, превратившись в дымные струйки. Он заметил, что сестры-драконицы вернулись в человеческий облик и, спотыкаясь, направлялись к выходу из туннеля.

– Оооо, – услышал он голос Пайкела и обратил внимание на дворфа на полу и, что более важно, на гигантское предплечье, которое раскачивалось взад-вперед перед дурридом.

– Оооо.

Они оба смотрели, как этот возвышающийся столб льда упал в сторону от Дзирта – на Пайкела. Столб устремился вниз и придавил дворфа под собой, распластался по полу, превратившись в новую и скользкую ледяную глазурь, похожую на пруд в долине Ледяного Ветра, быстро замерзающий поздней осенней ночью, когда ветер начинает дуть с севера.

Дзирт поднялся с пола выступа на дальней стене огромной комнаты. Он посмотрел на выступ перед круглым окном, где лежала куча одежды, одеяния Кейна.

Он подошел и благоговейно взял их в руки.

Он уже видел это раньше.

Он закрыл глаза и подумал об искорках света, о бабочках телесного существа магистра Кейна, сражающегося внутри с Йгорлом. Мерцающий и мимолетный, трансцендентный и выходящий за пределы, самоотверженно оставляющий эту жизнь позади. Отдавая себя, в буквальном смысле, ради Дзирта и остальных.

С тяжелым вздохом Дзирт скатился с выступа и спустился на двадцать футов на нижний уровень. Он отметил блеск нового льда, мерцающего зеленым от сияния Веселых Танцоров, проникающего через почти прозрачное окно.

– Пайкел, – прошептал он, приближаясь и осматривая все вокруг.

Он ничего не нашел.

Слезы текли по лицу Дзирта, когда он прижимал к себе мантию Кейна и смотрел вниз на то место, где был потерян Пайкел Валуноплечий.

Он полагал, что его жена была снаружи. Он был совершенно уверен, что его отец спасся. И Энтрери, и десятки других.

И понимал, чего это стоило, и ненавидел это, даже когда кивнул. Ибо именно так они и поступали. Такова была цена дружбы, верности, которая связывала их всех и придавала им силы.

Но Кейн!

Но Пайкел!

Нельзя было отрицать победу, но и боль от потерь тоже.

Дзирт убрал клинки в ножны и целенаправленно двинулся по полу. Он почти надеялся, что канте или сотня канте поднимутся, чтобы бросить ему вызов, что еще больше слаадов и великанов вернутся в зал, чтобы помешать ему пройти.

Потому что в тот ужасный момент потери Дзирту До'Урдуну просто хотелось ударить по чему-нибудь.

Эпилог

С Кэтти-Бри на плече, Джарлакс следовал по туннелю за остальными. Прямо перед ним Бренор и Реджис тащили едва сохраняющего сознание Вульфгара. Джарлакс изучил раны мужчины. Уставившись на большую рану на боку, он задался вопросом, может ли она оказаться смертельной, но затем вдруг заметил другую на руке – рану, которая показалась Джарлаксу до боли знакомой по тому, как она проступала на коже мужчины. Как он был рад, что Кэтти-бри была здесь – она знала, как вылечить заразу слаадов.

Джарлакс посмотрел впереди этой троицы на Энтрери. Он низко пригнулся к адскому скакуну и поддерживал рукой Закнафейна, который спотыкаясь, тащился за ним.

Впереди Киммуриэль прокладывал путь на своем адском коне, топая копытами и посылая языки пламени в стороны, по всей ширине туннеля. Джарлакс мог лишь надеяться, что ушедший из этого прохода рой канте представлял их всех, ибо среди потрепанной, отступающей группы мало кто был в состоянии защитить себя.

За Киммуриэлем шел Громф, шагавший все увереннее с каждым шагом. Джарлакс отметил маску нарастающего возмущения на его лице, когда он огляделся на отстающую группу спасателей и спасенных.

Джарлакс был рад видеть этот взгляд, и не удивился, когда Громф шагнув рядом с Киммуриэлем, заполнил туннель впереди огненным шаром, затем запустил второй в ту же боковую комнату, которую он взорвал, когда они вошли.

Наконец, они вышли в расщелину. Буря утихла и в небе над головой мерцали Веселые Танцоры. По совпадению, ударная группа спасла чертову дюжину, *verve zithd*, потерянную во время весенней экспедиции Галаты. Половина из них – эвендрои, остальные шесть составляли три арктос-орока и три дворфа-курита, и, конечно же, Доум'вилль.

Но пятеро из его собственных тринадцати все еще были там.

– Мы должны вернуться! – взревел Бренор.

Джарлакс повернулся к дварфу, который стоял с Реджисом над расprostертым Вульфгаром. Здоровяк упрямо пытался подняться, зажимая открытую рану на боку.

– Эльф все еще там! – сказал Бренор. – И Пайкел. Разворачиваемся!

– Они выберутся или будут убиты, король Бренор, – возразил Громф. – Мы не можем победить там. Бой окончен.

– Твой бой, может и окончен! – прокричал в ответ Бренор. – Но мы не из тех, кто бросает своих!

– Тогда иди и умри. И, возможно, следующий дворф, который займет трон Гаунтлгрима, окажется мудрее своего предшественника.

– Идем, – сказал Вульфгар сквозь стиснутые зубы и заставил себя подняться на ноги – почти. Но тут же рухнул обратно на землю.

– Даб'ней! – закричал Джарлакс. Рядом с ним поднялась Кэтти-бри и первой приблизилась к упавшему Вульфгару. Она даже отмахнулась от Даб'ней, которая была занята избитыми заключенными.

– У меня есть заклинания, – объяснила она Джарлаксу, который шел с ней. – Так же верно, как они были при мне до того, как заморозили в камере. Время там как будто остановилось.

– Красный и синий слаад, – объяснил Джарлакс, и Кэтти-бри кивнула, понимая смысл.

С помощью Джарлакса она добралась до Вульфгара и сразу же начала колдовать.

Однако она остановилась и стала вытаскивать из сумки ониксовую статуэтку. Она позвала Гвенвивар и кивнула Бренору, когда пантера начала формироваться.

– Идем! – сказал Бренор и запрыгнул на своего адского вепря.

Реджис подбежал и пристроился позади дворфа.

К туннелю направился еще один скакун.

Сидящий верхом Артемис Энтрери кивнул Джарлаксу и Кэтти-бри.

Кэтти-бри выхватила Тулмарил у Джарлакса и стянула с себя колчан, и подбросила оба предмета мужчине.

Гвенвивар бросилась ко входу, Бренор и Реджис следом.

Энтрери пустил адского скакуна во весь опор, и первым вернулся в туннель.

Джарлакс просто стоял и смотрел, надеясь вопреки всему. Он напомнил себе, что они еще не в безопасности, и огляделся.

Кэтти-бри ухаживала за Вульфгаром с помощью заклинаний. Мужчина уже выглядел лучше. Он поднял руку и позвал в пещеру. Появился Клык Защитника.

– Найди мне скакуна, – сказал он Джарлаксу, хотя упрямство не помогло бы ему, потому что он, конечно, еще не был готов.

Джарлакс обвел взглядом группу. Даб'ней и Аззудонна, переходя от орка к дворфу и эвендроу, помогали, исцеляли, успокаивали. Он заметил сидящую Доум'вилль. Маленькая Лань из Лунного Леса явно напугано смотрела на Громфа.

Джарлакс двинулся к ней.

– Он не причинит тебе вреда, – заверил ее Джарлакс.

Доум'вилль устала на него, явно убежденная.

– Ты идешь домой, – сказал ей Джарлакс.

– Нет! – прорычала она в ответ. – Никогда!

После секундного замешательства Джарлакс понял и разъяснил бедной женщине.

– Домой в Каллиду, а не в Мензоберранзан, – объяснил он.

Доум'вилль несколько ударов сердца смотрела на него, затем выдохнула и разрыдалась.

Джарлакс обнял ее одной рукой за плечи.

– Мы пришли, чтобы спасти тебя, – прошептал он ей. – Ты заслуживаешь этого. Ты заслуживаешь Каллиду. Там тебе рады и любят.

Доум'вилль лишь крепко обняла его, и ему стало приятно.

Очень приятно и напомнило ему о том, ради чего они так рисковали.

Это был не путь Мензоберранзана, не путь Ллос.

Это был правильный путь.

Несколько окликов и движение окружающих, оглядывающихся на туннель, заставили Джарлакса и Доум'вилль обернуться.

Из туннеля, опираясь друг на друга, покрытых больше кровью, чем одеждой, вышла пара человеческих женщин.

При виде Тазмикеллы и Ильнезары, на Джарлакса нахлынуло облегчение, но оно было омрачено очевидным избиением, которое они получили, напоминая о том, что их враги были грозной армией великой силы. И что никто из них еще не был в безопасности.

– Медные драконы, – объяснил Вульфгар Кэтти-бри. – Джарлакс организовал все это, чтобы спасти тебя и остальных. Но какой ценой.

– Мы еще не знаем цену, – резко оборвала его Кэтти-бри. – Дзирт не мертв.

Из-за комка в горле, Вульфгар не смог ничего сказать. Он притянул дорогую Кэтти-бри ближе, кивком соглашаясь с ее словами.

Адский вепрь выскочил из туннеля, с Бренором и Реджисом верхом. Энтрери выскочил из туннеля на кошмаре и с Тулмарилом в руке. Оба скакуна резко дернулись и развернулись.

Кэтти-бри затаила дыхание, а затем разрыдалась, когда появился ее муж. Гвенвивар шла рядом с ним.

Как и всегда.

Она вскочила и бросилась к нему, Вульфгар, пошатываясь, последовал за ней. Она хотела его крепко обнять, но резко остановилась, заметив сверток, который Дзирт нес с таким почтением.

– Магистра Кейна больше нет, – объявил Дзирт.

– Где Пайкел? – выпалил Реджис.

Дзирт посмотрел на хафлинга и медленно покачал головой.

Затем он покачнулся, словно собирался упасть, но Кэтти-бри подхватила его, прижала к себе и прошептала ему на ухо, что никогда не отпустит.

– Громф возвращается в южные земли, – объявил Джарлакс некоторое время спустя, после того, как всех исцелили, и группа была готова к выдвижению. – Король Бренор, Реджис, Вульфгар и мои дорогие друзья-драконы отправятся с ним.

– Подождите... – начал протестовать Бренор, глядя на Кэтти-бри и Дзирта.

– Это не приглашение к дебатам, – сказал Джарлакс. – Это было предопределено. Мы знаем, что делаем, и это единственный способ. Вы шестеро должны уйти – сейчас же. Мы скоро присоединимся к вам.

– Тебе понадобится помощь, чтобы доставить спасенных людей домой, – возразил Бренор.

– Каждый лишний человек замедляет наше продвижение, и нам действительно нужно уходить и немедленно, – ответил Джарлакс.

– Тогда я, моя девочка и Дзирт уходят вместе с нами.

– Кэтти-бри не может, потому что должна сдержать обещание.

Сказав это, Джарлакс посмотрел на женщину, и она кивнула.

– Я не могу, папа, – добавила она. – Сначала я должна кое-что сделать, по данному мною слову. – Она взглянула на Аззудонну, и они обменялись кивками.

– Ни Энтрери, ни Закнафейн не могут, – пояснил Джарлакс, и двое мужчин кивнули. – А Дзирт не оставит Кэтти-бри, я уверен.

– Я бы ему не позволила, – сказала Кэтти-бри.

– Киммуриэль вернет нас, когда мы выполним свое обещание, а Даб'ней позаботится о раненых, пока мы будем идти.

– Куда?

Джарлакс вздохнул и уставился на дворфа.

– А, ты не станешь рассказывать, – рассудил Бренор. – И это часть твоей сделки, да?

– Доверься нам, папа, – умоляла Кэтти-бри дворфа, став прямо перед ним. – Мы вернемся домой. Мы все вернемся домой, скоро. Я обещаю. Даю слово Компаньона Халла. Мы не оставляем друзей позади и не нарушаем данные клятвы. Как ты пришел за мной, так и я вернусь к тебе.

– Конечно. Ты – моя девочка, – сказал он, как будто этого было достаточно.

И она знала, что это так, и она улыбнулась на прощание.

Бренор был не в восторге от происходящего, но просто развел руками, пробормотал что-то благожелательное и направился к Реджису и Вульфгару.

Сестры-драконицы и Громф присоединились к ним. Джарлакс прошептал проходящему мимо Архимагу: «Иглу?», на что тот ответил кивком.

Мгновение спустя в воздухе появилась дверь, ведущая в Главную Башню Волшебства в Городе Парусов, и шестеро путешественников вошли внутрь.

– Теперь осталось придумать, как нам выбраться отсюда и вернуться к первому разлому, – сказал Джарлакс оставшейся группе.

– Даже со скакунами путешествие займет несколько часов, – напомнила ему Аззудонна.

– Боюсь, что больше. Все зависит от погоды, – ответил Джарлакс. – На тебе есть защитная одежда, но некоторые из нас защищались от убийственного холода только заклинаниями, срок действия которых истек. А заклинатель потерян для нас в пещере.

– Пайкел, – объяснил Дзирт Кэтти-бри, Заку и Энтрери.

– Я могу помочь с этим, – сказала им Кэтти-бри. – Но время действия защиты будет невелик, а нам предстоит много дней пути.

– Тогда, пожалуйста, давайте начнем, – прервал Киммуриэль и призвал своего адского коня. – Я устал, но если дело примет отчаянный поворот, я смогу перенести нескольких к разлому.

Дзирт поднял свой свисток и позвал Андхара, надеясь, что единорог вернется, учитывая, как сильно его потрепали в пещере – он никогда раньше не видел, чтобы Андхар был уничтожен в битве и поэтому убит. Он вздохнул с большим облегчением, когда издали к нему приблизился единорог, становящийся все больше с каждым шагом.

Они отправились в путь без колебаний, но даже со скакунами ситуация быстро стала отчаянной, поскольку за разломом снова поднялась буря. Используя свои псионические способности, Киммуриэль провел группу сквозь ветер, по несколько раз к разлому, где их ожидал Громф.

Затем они спрятались в иглу и надеялись, что буря утихнет.

– Мы полагаем, что слаады использовали замороженных пленников в качестве хозяев, – объяснила Аззудонна гостям из южных земель.

– Они забрали по одному из тех, кого мы не нашли, и создавали из них новых представителей своего поганого рода.

– Они не придерживались никакой схемы, – добавила Доум'вилль. – Просто время от времени приходили и забирали кого-то одного. Не могу передать вам весь ужас. Я – мы – могли видеть, но не могли пошевелиться. Мы не могли действовать, даже глазом не могли моргнуть. Мы просто были там. Мы просто... смотрели.

– Наблюдали и существовали вместе с миром, окружающим нас, как призраки, застрявшие между жизнью и смертью, – добавила Кэтти-бри. – Наложённые мною чары не исчезли, заклинания, которые я подготовила, не выветрились из моей памяти. Это было не похоже ни на что, что я когда-либо знала.

– И ни на что, что я хотел бы узнать снова, – заметил Энтрери.

Он надел маску отвращения и покачал головой.

– Я предпочел бы взять ос с собой в кокон, прежде чем вернуться в черноту пустоты.

Более чем несколько бровей приподнялось у тех, кто знал об испытаниях Энтрери в мучительном аду, который он пережил на суровом суде совести.

– Мы доставим тебя обратно в Каллиду, – пообещал Джарлакс.

Аззудонна напряглась при упоминании города и оглядела южан, которых там раньше не было.

– Мы приведем их – точнее, они приведут нас, – настаивал Джарлакс. – Это цена за спасение.

Холодный взгляд пробежал по лицу эвендроу – осознание того, что потом возможно придется заплатить еще большую цену. Она не могла отрицать радости от спасения тринадцати потерянных каллидцев, а также от спасения Кэтти-бри, Энтрери и, конечно же, Закнафейна.

Но от правил города, соблюдения необходимой секретности, нельзя было так легко отмахнуться. Она посмотрела на Джарлакса, напоминая себе о его обещании, говоря себе, что он заслужил доверие. Или не заслужил? Не был ли предательством тот факт, что он привел других на север? Аззудонна не знала, что и думать, но поскольку вариантов у нее не было, оставалось позволить этому случиться и надеяться.

– Остальные трое не подвергались ритуалу, – сказал Джарлакс Киммуриэлю и Громфу. – Я уверен, что их воспоминания о месте назначения ясны. Получите доступ к ним с помощью магии разума, и выясните, как мы можем оказаться в Каллидее...

– Я не буду этого делать, – объявил Энтрери и уставился на Архимага.

– Я тоже, – сказал Зак.

Кэтти-бри не ответила, но тоже настороженно посмотрела на Киммуриэля, Даб'ней и особенно на Громфа.

– Я лучше умру, чем предам их, – заявил Энтрери.

– И я, – согласился Зак.

Громф усмехнулся и фыркнул.

– Приятно видеть, что ты все продумал, – сказал он Джарлаксу.

– Это не имеет значения, и вам не придется нарушать свое слово, – сказал им всем Джарлакс. – Возможно, я достаточно восстановил собственные воспоминания, чтобы Громф и Киммуриэль смогли найти город и доставить нас туда. План не изменился.

Он повернулся к троим, застывшим рядом с ним.

– Я не хотел так поступать, но у нас не так уж много доступных вариантов. И даже они стали более ограниченными с потерей Пайкела, который мог защитить нас от бури, если бы мы путешествовали обычным способом.

– Но как только ты приведешь их, ритуал, очевидно, не защитит мой дом, – сказала Аззудонна.

– Разве мы не заслужили твоего доверия? – спросил Джарлакс.

– Некоторые из вас заслужили.

– Ты можешь доверять Дзирту До'Урдену больше, чем любому из нас, – вставил Артемис Энтрери.

– Хватит об этом, – сказал Громф. Он повернулся к Аззудонне. – Ты собираешься приказывать своим спасенным сородичам, оркам и дворфам, напасть на нас?

– Конечно, нет. Мы не неблагодарны.

– Значит, не собираешься?

– Громф, ты не понимаешь, – сказал Джарлакс.

– Если ты лжешь, пожалуйста, давай быстрее решим это. Я теряю терпение.

– Я прошу вас всех просто заткнуться, – вмешался Киммуриэль, он встал между группами и перевел свое внимание на Аззудонну.

– Слушай меня внимательно, Аззудонна из Каллиды, – сказал он. – Твой город мне не неизвестен, как и любой другой район этого места. Ибо он не является чем-то неизвестным коллективному разуму иллитидов, где я не чужой. Они знают о нем с самого его основания. Но не бойся, ибо им нет дела до тебя и твоих близких. Они не представляют никакой угрозы.

– И мы тоже. Клянусь. Мне нужно увидеть это место, которое ты называешь домом. Громф Бэнр и Даб'ней должны стать свидетелями этого места, ради обретения надежды и в силу обстоятельств, которые связаны с жизнью ваших дальних родственников, сбившихся с пути, за пределами Каллиды. И Дзирт До'Урден должен увидеть это место, и больше всех, заслуживает этого. Ты можешь нам доверять.

– Более того, ты *должна* доверять нам. Да, ты житель Каллиды, но также ты житель этого мира. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы защитить вас и вашу тайну, но на кону стоят более важные вещи.

– Так я когда-то думала, – пробормотала Доум'вилль и уставилась на Громфа – волшебника, который так небрежно и бессердечно бросил через портал на необитаемый север.

– Мы *идем* в Каллиду, – сказал ей Киммуриэль, когда Аззудонна продолжила проявлять сомнение. – С тобой или без тебя. Ты больше не можешь скрывать от нас. Это заявление, не угроза, потому что здесь нет никакой угрозы. Я говорю тебе прямо и честно, что мы не представляем угрозы для твоего дома. Ты должна верить...

Он остановился и чуть не упал, когда земля под ними неистово затряслась. Крик, доносившийся из-за стен их убежища, свидетельствовал, что дело было не в иглу, и все они выскочили наружу, прежде чем сооружение просто развалилось.

Тряска прекратилась так же внезапно, как и началась.

Снаружи Джарлакс и остальные остановились и уставились, так же, как и другие, вышедшие из иглу. Перед ними в ледниковом разломе лежала огромная глыба льда, светящаяся не просто в тусклом отражении Веселых Танцоров, но и изнутри.

Глыба внезапно раскололась с громким треском, и половинки разошлись в стороны, оставив одинокую маленькую фигурку. Он дико встряхнулся, дворфийские губы хлопали, чтобы стряхнуть ледяную крошку с густой зеленой бороды и светло-зеленой мантии.

– Пайкел? – пробормотала Кэтти-бри.

– О-о-о, – сказал дворф. Он потянулся к горшку, который носил как шлем, и стянул его с головы. Друзья не сразу поняли, что он использует левую руку – руку, которую потерял десятилетия назад!

Только это была не его рука – по крайней мере, не та, что у него когда-то была, потому что она была не из плоти и костей, а из бело-голубого льда.

Он поднес импровизированный шлем к лицу и другой рукой стряхнул с него ледяную корку, затем снова надел его обратно на голову.

– Хе-хе-хе, – сказал он.

Дзирт и Кэтти-бри и остальные подбежали к нему.

– Как? – неоднократно спрашивала Кэтти-бри.

– Кадиж! – крикнул Пайкел. Он отступил и начал кружиться. – Кадиж, мо братун!

– *Мо братун?* – Кэтти-бри открыла рот.

– Не спрашивай, – сказал Джарлакс рядом с ней. – Лучше не знать.

Толпа зрителей стояла и смотрела, как Пайкел продолжает свой танец, поет Кадижу и протягивает руки к небу, призывая прекратить бурю Йгорла.

Тучи разошлись, Веселые Танцоры ярко засияли, но Пайкел продолжал свой танец, протягивая руки вверх, подзывая их. И действительно, небо, казалось, откликнулось, зеленые завихрения потянулись к дворфу, опустились прямо на землю рядом с ним и завращались, принимая форму.

– Кадиж, Сустарр, – сказал Пайкел, как будто представляя двух небесных существ, которых остальные не могли видеть.

– Он делает еще одну огненную колесницу, – понял Джарлакс, и вскоре это стало совершенно очевидно, за исключением того, что эта колесница была намного больше и не обычной огненной, а зеленой, как Веселые Танцоры. И ее тянула упряжка из восьми клубящихся и бесплотных лошадей, или, по крайней мере, похожих на лошадей образов.

Когда все было готово, Пайкел вскочил и взял вожжи, затем протянул ледяную руку, приглашая остальных, всех до единого, подниматься на борт.

– Я никогда не пойму этого дворфа, – заметил Джарлакс. – И это, я полагаю, полезная штука.

– Никто не понимает, – согласилась Кэтти-бри. – И да, она полезная.

– И боги, видимо, тоже, – заметил Джарлак. – Найдется ли хоть один бог природы, даже Герцог Ветров Аака, который не пролил бы на него дождь благосклонности?

– Будем надеяться, что не найдется.

Вскоре они отправились в путь на небесной колеснице Пайкела, которая, казалось, неслась над землей, а не по ней, ибо не ощущалось ни единого толчка.

– Ты можешь поднять нас на вершину ледника и перевалить через него? – спросил Джарлак дворфа.

– Хе-хе-хе, – последовал ответ, и они полетели вверх по склону ледника.

Когда звуки удивления стихли, а остальные перевели дыхание, Джарлак повернулся к Аззудонне, Кэтти-бри, Энтрери и Заку.

– Я хочу войти через внешнюю пещеру Каззкальци, – объяснил он. – Я хочу, чтобы мои друзья увидели город, как мы.

– Не могу поспорить с твоим желанием, – сказал Зак. – Я сразу кое-что понял.

– Понял что? – спросил Дзирт.

– Что мы вернулись домой, сын мой. Что мы вернулись домой.

Кэтти-бри крепче обняла Дзирта и изо всех сил старалась не расплакаться.

– Если бы только Бри была здесь, – прошептала она ему на ухо.

– Кроме того, – добавил Джарлак, – Стоит проделать этот путь только ради того, чтобы увидеть выражение лица Громфа, когда он будет скатываться по горке в Каллиду.

Архимаг нахмурился, а четверо, побывавшие в ледяном городе, рассмеялись.

Пайкел, визжа от восторга, погнал их в дикую и захватывающую поездку. Он направил свою волшебную колесницу прямо вверх и через ледник, а затем в расщелину далеко на востоке, недалеко от края ледяной шапки. В туннель, согретый небольшим ручьем, в тот самый оазис, где Джарлак и трое его спутников отдыхали и наблюдали за семейством лис, прежде чем были схвачены патрулем Каллиды.

Там Пайкел отпустил колесницу, и группа отправилась пешком вниз по туннелям в Каллиду.

На этот раз оружие у южан не было изъято; они не были одеты в мантии и не пошли маршем вперед. Они продолжили путь вместе, как группа, под радостные возгласы курит и арктос ороков, живших в Каскатте, которые узнали некоторых из своих потерянных братьев из Каллиды (а также Джарлакса и трех его друзей) и вошли в туннели. Несмотря на свои сомнения, или, возможно, потому, что она просто не могла больше соотнести их с теми доказательствами, которые эти незнакомцы неоднократно предоставляли, Аззудонна теперь с радостью и гордостью вела их за собой.

Теперь Джарлак стоял в конце туннеля перед Скеллобелем, заслонив путь к выступу, с которого открывался вид на обширный район. Несколько спасенных каллидцев уже прошли, в том числе Доум'вилль, которая, казалось, хотела убраться от Громфа как можно дальше, но Аззудонна осталась, стоя рука об руку с Закнафейном.

– Не хочешь отвести Дзирта на уступ? – спросил Джарлак у Кэтти-бри.

Ей не нужно было повторять дважды. Она потянула мужа за руку, протиснувшись мимо Джарлакса на высокий выступ над виноградником.

По обе стороны широко раскинулся Скеллобель, разделенный посередине похожим на нос камнем.

Дзирт замер, не в силах обрести дар речи в течение многих ударов сердца. Его лавандовые глаза впитывали все: художественное оформление мостов и зданий, ледяные стены, отражающие вихри Веселых Танцоров, множество людей внизу, дроу, эвендроу.

И других – синеккожих дворфов-курит, орков, круглолицых людей. Отсюда, сверху, он не мог разглядеть деталей, но достаточно отчетливо ощущал пульсацию этого места. Снизу доносились веселые и легкие песни, а с виноградников доносился восхитительный аромат.

– Презираю Ллос, – задыхаясь, сказал Киммуриэль, выходя позади них.

– В Девять преисподних этого уродливого паука, – сказал Громф из туннеля.

Дзирт повернулся, чтобы взглянуть на угрюмого Архимага, и испытал огромное удовольствие и большую надежду, увидев, как он преобразается при виде этого зрелища, словно напряжение и гнев внезапно просто спали с него, когда он смотрел на чудо Каллиды.

– Это стоило того, чтобы отправиться в путешествие, да? – Джарлакс спросил его, и Громф не смог ответить, да ему и не нужно было.

Пайкел, подпрыгивая, вынырнул из туннеля рядом с Дабней, которая тут же прикрыла рот рукой, ее глаза, как и у других новичков, наполнились слезами радости.

– Хе-хе-хе, – сказал Пайкел, подпрыгивая и впитывая все это. – Здесь? – спросил он Кэтти-бри, указывая на спускающуюся горку на правом краю уступа.

Кэтти-бри кивнула и сказала «Ага, ага» своим лучшим голосом Пайкела.

В течение следующих нескольких мгновений все, что они слышали, было удаляющееся «Уииииии!» зеленобородого дворфа, когда он бросился вниз по склону, петляя и извиваясь к городу внизу.

Затем они услышали стон непрекращающегося полярного ветра, звучащий просто волшебным на фоне клубящихся огней на небе.

Где-то внизу, в Каллиде, какая-то группа начала петь. Дзирт не был удивлен. Он просто было уместно.

Другого способа описать это не было. Здесь, в этом месте, звук голосов, поднимающихся в песне, счастливых, радостных, мрачных, задумчивых, был просто уместен.

Он повернулся к жене и крепко поцеловал ее.

– Надо будет привести сюда мою внучку в ближайшее время, – услышал он слова Закнафейна.

Воистину.

